



**ЖОРЖИ
АМАДУ
•
ГОРОД
ИЛЬЕУС**

Annotation

Действие романа относится к тридцатым годам позапрошлого века. В нем освещена борьба за бразильскую землю, борьба за то, чтобы земля сменила хозяина и перешла в руки экспортеров какао, превратив их в помещиков нового типа, выжимающих все соки из земли и работающих на ней людей по всем правилам капиталистической системы эксплуатации труда.

- [Жоржи Амаду](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЗЕМЛЯ ДАЕТ ЗОЛОТЫЕ ПЛОДЫ](#)
 - [«КОРОЛЬ ЮГА»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [ДОЖДЬ](#)
 - [1](#)

- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

■ [ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)

- [30](#)
 - [31](#)
 - [ЗЕМЛЯ МЕНЯЕТ ХОЗЯИНА](#)
 - [ПОНИЖЕНИЕ ЦЕН](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Жоржи Амаду
ГОРОД ИЛЪЕУС

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бразилия... «Земля без конца и без края», «земля, политая кровью», «земля большого богатства и большой нищеты»... Земля со сложной и своеобразной историей, с народом, воспринявшим духовное богатство индейцев, португальцев и негров. О ней писали много, писали её поэты и её прозаики. О её открытии создал Сайта Рита Дурао, поэт XVIII века, патриотическую эпопею «Карамуру». О её борьбе за независимость писал свои лирические послания и гневные сатиры участник революционного заговора 1789 года Томас Антониу Гонзага. О величественном богатстве её природы и неподкупной цельности её исконных обитателей — индейцев рассказал в XIX веке своей мелодической прозой Жозе де Аленкар, Страстно клеймил запятнавшее её позорное рабство, прославляя во вдохновенных гимнах грядущую свободу, поэт и революционер Кастру Альвес. С тщательной и красочной достоверностью описывал её крестьянские восстания писатель и историк Эуклидес да Кунья. Целая плеяда романистов конца XIX и начала XX столетия вторгалась в разные области жизни своей земли. Психологический роман Машаду де Ассиза рисовал картину распада её патриархальной старины. Тонкое и умное перо Лимы Баррету чертило необычные профили людей, населяющих её города, и гротескные сцены городской жизни. Социально-бытовой роман Жозе Линса ду Регу показал изменения в укладе её общественной жизни.

На широких исторических полотнах замечательного писателя наших дней Жоржи Амаду бразильская земля предстала во всём своём сочном разнообразии, со своей природой и людьми, со своими нерешенными и ежедневно, ежечасно решаемыми жизненными проблемами.

Амаду вступил в литературу в тридцатых годах нашего века, когда в связи с усилением антиимпериалистического и национально-освободительного движения в Бразилии и во всей Латинской Америке формировалась новая прогрессивная литература с более глубокой и острой социальной направленностью, с более широким охватом актуальных проблем, с более реалистическим и точным видением жизни. Когда двадцатилетним юношей Амаду писал одну из своих первых книг «Какао», рассказывающую о тяжелой жизни работников плантаций на юге штата Баия, он уже наметил ту основную, большую и благородную тему, которая развивалась потом всё более чётко в каждой новой его книге. Эта тема — правда о народе Бразилии, о его лишениях и борьбе, о его врагах и друзьях,

о его прошлом и настоящем.

Во вступлении, предпосланном роману «Какао», автор писал: «Я попытался рассказать в этой книге, пусть без особого литературного блеска, зато честно, о жизни работников в фазендах какао на юге Баии. Быть может, это роман из жизни пролетариата?»

Вопрос, оканчивающий это краткое вступление, не случаен. Действительно, первая книга Амаду из серии его книг о землях какао — это, собственно, ещё не роман, а только набросок будущего романа, ещё не тема, а только заявка на тему. Это скорее репортаж в художественной форме, в котором ставится ряд проблем, связанных с жизнью работников плантаций, но ещё не дается цельной картины этой жизни. Впрочем, писатель и не ставил себе такой задачи: «Я заносил на бумагу свои воспоминания о жизни на плантации, по мере того как они приходили мне на память... Иногда мне казалось, что лучше бы написать памфлет или поэму. Пожалуй, и романа не вышло... Может быть, я ещё вернусь в фазенды какао... Но сегодня у меня уже есть, что сказать». Да, у двадцатилетнего Амаду было что сказать о своей бразильской земле. Уже в этом, ещё несовершенном романе начинается летопись его родного края — юга Баии, где он родился и провел своё детство среди какаовых плантаций, которые он потом описал во многих своих книгах. И уже, здесь, хотя еще не совсем полнокровно и несколько декларативно, звучит мотив социального протеста, который проходит потом сквозь всё творчество писателя.

В следующей книге — «Жубиаба» — этот мотив уже логически вытекает из глубоко народного характера героев, из контраста теплых, трогательных и сильных образов людей из народа с их богатым духовным миром и той страшной нищеты, социальной несправедливости и бесправия, которые превращают их в рабов. «Жубиаба» — это яркая, взволнованная, глубоко лирическая и глубоко человечная книга, вобравшая в себя всю чистоту и свежесть души угнетенного народа Бразилии. «Жубиаба» — это глубинный источник, где родилась богатая и гибкая образность художественного письма Амаду, это узел целого ряда тем, которые позже получают развитие в его творчестве. В эпизодах этого романа писатель отразил и тяжелую, беспросветную жизнь рыбаков, ставшую впоследствии темой «Мёртвого моря», и голодное существование беспризорных мальчишек, перемолотых беспощадной машиной капиталистического города, с которыми мы встретимся позже в «Капитанах песка», и страшные картины жизни работников на плантациях, развернутые потом на широких полотнах «Земли без конца и без края» (в русском переводе «Бескрайние

земли») и «Города Ильеуса».

«Я хотел отразить всю жизнь моего штата», — говорит в прологе к «Капитанам песка» двадцатипятилетний Жоржи Амаду, противопоставляя себя писателям, которые писали о родном крае, не видя его подлинного лица, не зная его народа, изображали людей из народа грубыми и темными, в противоположность главным героям своих книг — аристократическим юношам. И действительно, баййские романы Амаду вобрали в себя всё самое характерное из жизни штата Баия, всю неувядаемую, глубоко гуманистическую народную традицию, воплощенную в бесконечных фольклорных мотивах, мифах и легендах, как живые цветы разбросанных по страницам «Жубиаба», «Мертвого моря» и других романов баййского цикла. Мы видим, как формирует эта традиция души людей из народа, как рождает она в их сердце ненависть к рабству и непобедимую любовь к свободе.

«Я отправился искать народ, я жил бок о бок с ним», — говорит Амаду в прологе к «Капитанам песка», определяя этими словами свой дальнейший путь. И хотя социального обобщения, характерного для последующих произведений Амаду, в этом цикле еще нет, но это книги о народе, и в этом их большая социальная значимость. В образах негра Антонио Балдуино из «Жубиаба», моряка Гумы из «Мертвого моря», беспризорника Педро Бала из «Капитанов песка» вырисовывается умное, чистое, доброе лицо основного героя Амаду — человека из народа.

Даже в самой форме своего повествования Амаду приближается к народному сказовому стилю. Баййские романы написаны в символически-романтической манере, принимая порою форму стихотворений в прозе. В них Амаду выступает как поэт своего народа.

В прологе к «Капитанам песка» Амаду говорит, что этой книгой заканчивается цикл его романов о Баии. Однако впоследствии он пишет ещё два романа, действие которых происходит в его родном штате: «Земля без конца и без края» и «Город Ильеус». И всё же заключительной книгой цикла романов о Баии нужно считать «Капитаны песка», а не «Город Ильеус». «Земля без конца и без края» и «Город Ильеус» — это новая ступень в творчестве Жоржи Амаду. Из поэта своего народа Амаду становится его летописцем. Живая история Бразилии встает со страниц этих книг во всём её своеобразии.

«Земля без конца и без края» как бы подводит нас к ключевому роману нового цикла — «Городу Ильеусу», раскрывая первопричины происходящих в нём социальных, экономических, политических и общественных событий. «Земля без конца и без края» — это летопись

феодалного периода истории Бразилии, периода борьбы за завоевание «ничьей земли», покрытой девственным лесом, на которой вырастут потом деревья какао, отягченные золотыми плодами. «Золотые плоды» — образ, так часто повторяемый на страницах всей амадовской эпопеи какао, — это не только поэтическая метафора. Плоды какао золотые не только потому, что их позолотило солнце, но и потому, что они дают золото. Борьба за это золото, приносимое помещикам какаовыми плантациями, политыми кровью и потом батраков, — такова тема книги.

«Я расскажу вам историю, историю страшных дел» — этот эпиграф к роману, взятый из народной песни, определяет характерную черту бразильского феодализма. Поздний бразильский феодализм, с его помещиками, огнём и оружием прокладывающими себе дорогу в девственном лесу, чтобы посадить на плодородной земле прибыльную культуру какао, с его наёмными рабами, которых хозяин мог безнаказанно сечь и убивать, хотя формально рабство уже было отменено, отличался необычайной, кровавой жестокостью. На примере одного из эпизодов феодальной эпопеи Бразилии — истории распространения культуры какао на юге штата Баия — Амаду вскрывает особенности позднего феодализма в стране, где с самого начала своего развития национальный капитализм не встал на самостоятельный путь, оставаясь пособником иностранного, главным образом североамериканского, империализма. Образы бразильских помещиков — свирепых полковников — наделены в книге Амаду силой и напористостью покорителей природы, открывателей новых земель эпохи первоначального накопления. Но широкие горизонты, породившие гуманизм эпохи Возрождения, связанный с первым, прогрессивным этапом развития капитализма, чужды бразильским феодалам — вчерашним рабовладельцам. Уродливое, однобокое развитие экономики страны, где целые районы заняты одной сельскохозяйственной культурой, подчиняющей себе всю жизнь людей, показано в романе «Земля без конца и без края» на широком бытовом и историческом фоне, в зеркале целого ряда жизней, прикованных, словно цепями, к плантациям какао. В книге нет главного героя; здесь есть коллективный герой — народ, олицетворенный в образах забитых работников плантаций, живая душа которых, подавленная рабской жизнью, лишь иногда прорывается в стихийном протесте. В книге есть и второй, лирический герой — земля, девственная земля родины, «земля, пропитанная кровью», как думает о ней автор книги и его герой — народ, «черная земля, лучшая в мире земля для деревьев какао», как думает о ней Жука Бадаро, плантатор с пистолетом за поясом. Образы помещиков-плантаторов овеяны в романе ореолом

своеобразной романтики. Их фанатическая страсть к своим плантациям, их бережная любовь к каждому молоденькому деревцу какао, выражение бесконечной нежности, появляющееся на страшном щербатом лице полковника Орасио, когда он гладит маленький, ещё незрелый какаовый плод; героическое бесстрашие юной доны Аны Бадаро, которая остается одна в горящей усадьбе, чтобы до последней минуты защищать земли отца от захватившего их более могущественного помещика, неподкупная гордость и строгость, с какой хранит она традиции своего погибшего рода, когда мы встречаем её, обедневшую и состарившуюся, на страницах «Города Ильеуса», — всё это придает образам плантаторов черты большой внутренней силы и цельности. Эта идеализация не случайна в творчестве Амаду, она имеет свое историческое обоснование, так как борьба феодалов за землю, при всей её примитивной жестокости и разбойничьем произволе, не лишена была своеобразной героики, рождённой стремлением преобразовать лицо бразильской земли, заставить её служить человеку. Иначе не пели бы об этой борьбе по дорогам и селениям слепые гитаристы, не складывали бы о ней безымянные поэты своих сказаний.

Прозаичнее, ожесточеннее и страшнее та борьба, которая последует за борьбой феодалов. Это будет борьба за землю уже не для того, чтобы заставить её давать золотые плоды. Это будет борьба за то, чтобы выгодно продать её иностранному хищнику, получив при этом возможно большую долю барыша. И в этой борьбе, когда споры решаются не выстрелами на дорогах, а переговорами в конторах и канцеляриях, уже не будет никакой романтики. Вот эта вторичная борьба за бразильскую землю, борьба за то, чтобы земля сменила хозяина и перешла в руки экспортёров какао, превратив их в помещиков нового типа, выжимающих все соки из земли и работающих на ней людей по всем правилам капиталистической системы эксплуатации труда, освещена в основном романе цикла — «Город Ильеус».

Экспортёров совсем не трогает вся эта поэзия золотых плодов, они люди пришлые, всего лишь посредники, они пришли, когда борьба за землю уже кончалась, да они и не любят эту землю, а любят больше всего деньги, крупный бизнес. И если экспортёр Карлос Зуде, являющийся одним из основных персонажей романа «Город Ильеус», сетует на то, что у экспортёров нет корней в этой земле, то лишь потому, что, пустив прочные корни в землю Бразилии, легче будет продавать её национальные богатства иностранному капиталу, воплощенному на страницах «Города Ильеуса» в сатирически обобщенном и вместе с тем ярко конкретном портрете американца Карбанкса, циничного и развратного хищника,

прикидывающегося рубахой-парнем.

На страницах «Города Ильеуса» впервые в творчестве Амаду появляется собирательный образ империализма — чудовищного дракона о ста головах, заставшего голубое небо над городом какао. От страницы к странице растёт этот страшный образ. Читатель как бы присутствует при зарождении фашизма, при проникновении в страну германских и американских империалистов, драка между которыми из-за природных богатств Бразилии начинается в «Городе Ильеусе» и разгорается со всей силой в более позднем романе Амаду — «Подполье свободы». Мы видим, как уходит в прошлое мир помещиков, завоевавших «ничью» землю и не сумевших удержать её в своих руках, уходит, унося с собой свои дикие и красочные традиции, уступив место миру более злых и умных хищников, уходит, сметенный историей. Но напрасно Карлос Зуде и его приспешники думают, что прочно пришли на смену бывшим хозяевам земли, — им самим уже готовится смена, готовится медленно, трудно, но неуклонно, и мы видим, как она готовится, и верим, что она придёт.

От страницы к странице растёт в романе другой собирательный образ — образ бразильского народа, который ищет своего пути. Не сразу и не просто находит он этот путь. У того поколения работников плантаций, с которым мы познакомились ещё в «Земле без конца и без края», главной мечтой было иметь свой клочок земли. Получив клочок дикого леса, Антонио Витор и его жена Раймунда вкладывают в него не только труд всей своей жизни, но и всю любовь, всю нежность, всю теплоту, на какую только способны. Их земля — это их любимое детище, она заменяет им всё на свете. Потому-то старая Раймунда продолжает обрабатывать её своими руками даже тогда, когда к ним приходит богатство, оказавшееся впоследствии таким непрочным. Оттого-то они, двое старых людей, похожие на два старых дерева, ушедших корнями в эту землю, до последнего вздоха защищают с оружием в руках свою маленькую плантацию, купленную с аукциона Карлосом Зуде. Вместе с Антонио и Раймундой гибнет в конце «Города Ильеуса» вековая мечта крестьянства о собственном клочке земли и перед ним встаёт новый вопрос — куда идти?

Следующий за «Городом Ильеусом» роман Жоржи Амаду — «Красные всходы», идейно составляющий заключительную часть трилогии, открывается эпиграфом из Кастру Альвеса. Красные всходы начинают подниматься из земли, политой кровью рабов, говорит Амаду голосом великого бразильского поэта прошлого столетия. В книге есть и второй эпиграф — высказывание Луиса Карлоса Престеса о том, что причины нищеты и отсталости бразильского народа следует искать в неправильном

распределении земли, в монополии на землю. Эти два эпитафия к роману «Красные всходы» определяют ту тему в творчестве Амаду, которая поставлена им уже в «Городе Ильеусе», — тему нарастания народной борьбы. Сын Антонио и Раймунды Жоаким идёт уже не тем путем, что его родные. Жоаким — коммунист, и в романе «Город Ильеус» мы видим первые шаги коммунистической партии, разъясняющей народу смысл преступной политики экспортёров и собирающей выгнанных с плантациях батраков на невиданную донине манифестацию — «парад голодных». Компартия ещё слаба и немногочисленна, но она уже набирает силы; и мысли Жоакима о своей партии, когда он идёт под проливным дождем на собрание своей маленькой ячейки, — это первые строки того гимна партии, каким являются размышления о ней работницы Марианы в «Подполье свободы». Растёт на страницах «Города Ильеуса» новая мысль, мысль о будущем народа, и огромное достоинство книги в том, что рост этой новой мысли показан автором не теоретически, не умозрительно, а в кипении жизни, на примере осмысления героями книги трагической эпопеи какао в штате Баия. Жизнь всех слоёв общества зависит в этом краю от производства какао, и поэтому коренные перемены в характере этого производства касаются всех и всё поставлены перед необходимостью сделать вывод из этих перемен. Так зреет живая мысль в разных слоях общества, и всё больше людей начинают понимать обреченность «победителей» — экспортёров. Тонко и точно показывает Амаду всю безрадостную обстановку этой победы, когда в самый момент торжества от главного экспортёра Карлоса Зуде уходит его жена Жульета, потому что ей это торжество уже не дорого, а дороги совсем другие духовные ценности, которые открыл ей любимый человек — поэт Сержио Моура. На примере Сержио и Жульеты решается в «Городе Ильеусе» ещё одна важная тема, проходящая сквозь всё творчество Амаду, — тема интеллигенции и её судеб. От романа к роману мы видим, как лучшие представители интеллигенции порывают со старым миром, ища своего пути. Протест их каждый раз носит иной характер и приводит к иным результатам. В «Земле без конца и без края» гибнут, сломленные тёмным феодальным бытом, жена полковника Орасио — Эстер, и её возлюбленный, адвокат Виржилио, потому что они осмелились противопоставить своё цельное и сильное чувство господствующему укладу жизни. Уходят в ряды борцов, сближаясь с коммунистической партией, архитектор Маркос и его подруга Мануэла, герои более поздней книги Амаду «Подполье свободы».

Путь Сержио и Жульеты противоречивее и сложнее. Прежде чем порвать со старым миром, они прошли долгий путь сомнений и исканий,

так как во многом заражены влиянием своей среды и сами сознают это, — недаром Жульета с такой болью говорит о невидимых цепях, опутавших ноги Сержио. Она стремится разбить эти цепи, и первое ее оружие — любовь. Сержио и Жульета — это как бы шекспировские Ромео и Джульетта, вырванные из своей патриархально-жестокоей Вероны и брошенные в кипящий котел бурно растущего современного города. Автор сам подсказывает эту аналогию не только именем своей героини, но и тем, что заставляет Сержио и Жульету после первой ночи любви спутать закат с восходом, подобно героям шекспировской трагедии. Истеричная, скучающая, испорченная случайными связями, Жульета всё-таки находит в себе силу перешагнуть через всё, с чем она от рождения сжилась, — и не только для того, чтобы идти за своей любовью, но чтобы идти ещё дальше, за своей свободой, свободой во что бы то ни стало.

Не следует, однако, думать, что, ставя на страницах «Города Ильеуса» так много сложных социальных проблем, Амаду утратил хотя бы малую долю свойственного ему лиризма. Напротив, в этом романе лиризм приобретает ещё большую силу. В контрасте с резко обличительной манерой изображения мира богатства, Амаду с проникновенной теплотой рисует образы работников плантаций, людей тёмных и невежественных, но хранящих чистоту своей детской души. История Варапау, Капи, негра Флориндо, людей, выхваченных из самой гущи народной, согретых всей теплотой вековой народной традиции, живых людей, которые слагают песни и о которых слагают песни, — это подлинная поэма в прозе. Эти образы лишней раз доказывают, что истоки стиля Амаду-прозаика следует искать в традициях бразильской поэзии, в богатейшей сокровищнице бразильского фольклора.

Действие романа «Город Ильеус» относится к тридцатым годам нашего века. И всё-таки это роман о современности. Потому что прошлое живёт в нём как настоящее, потому что история воплощена в конкретных человеческих жизнях. Ещё в предисловии к «Земле без конца и без края» Амаду пишет, что во всём его творчестве есть одна общая линия: «Надежда, — более, чем надежда, — уверенность, что завтрашний день будет лучше и прекраснее». И именно в том, что Амаду так отчетливо видел перед собой это «завтра» своей родины, когда писал о её «вчера», — основное достоинство его исторических романов и публикуемого нами романа «Город Ильеус».

Инна Тынянова

ЗЕМЛЯ ДАЕТ ЗОЛОТЫЕ ПЛОДЫ

*Земли большого богатства,
земли большой нищеты.*

(Народная песня)

И вдруг самолет свернул с пути — к югу. И тогда перед глазами путешественников возник город Ильеус. Зеленое море осталось позади. Внизу плыли кокосовые рощи, склоны холма Конкиста, а когда самолет накренился влево, пассажиры увидели весь город, как на почтовой открытке.

Извилистыми бедными улочками рабочих кварталов сбегал он вниз по холму и, широко раскинувшись между рекой и морем, сиял новыми проспектами, обрывающимися на побережье, расцветал весёлыми садами вокруг особняков на острове Понталь и снова поднимался вверх, по холму Уньян, застроенному лачугами из жести и досок.

Один из пассажиров принялся считать корабли в порту и насчитал восемь, не говоря уже о больших парусниках и мелких суденышках — их было великое множество. Порт казался таким огромным — больше самого города. Тот пассажир, что посчитал корабли, крикнул Карлосу Зуде: «Какой огромный порт!», но Карлос не слышал, он разглядывал людей на пляже. Отсюда, сверху, они казались крошечными черными точками, которые бежали по белому песку и пропадали в пене волн. Жульета, наверно, там, подумал Карлос, греется на солнце, купается или играет в мяч. Он заметил, что кто-то на пляже поднял руку и помахал вслед самолету. Жульета? Но даже нельзя понять, мужчина это или женщина: маленькая черная точка на белом песке — и всё. А может быть, и Жульета, она ведь знает, что он должен сегодня прилететь. Карлос помахал рукой перед стеклом окна. Но самолет внезапно повернул, пляж исчез из виду, и приветствие Карлоса видели только деревья. Казалось, самолет сейчас заденет за их вершины, рухнет вниз и разобьётся... Они быстро снижались. Наверху, по синему небу, бежали легкие белые облака. Холм остался позади. Самолет мягко опустился на воду, все медленнее взмахивая лопастями пропеллера, и остановился у аэропорта американской компании, близко от железной дороги. Аэропорт немецкой компании находился дальше, оттуда на берег надо было добираться на лодках. Стюард открыл дверцу самолета, рабочие аэропорта приставили трап. Первым вышел Карлос Зуде. К нему сразу же бросился служащий из его конторы.

— Как съездили, сеньор Карлос? — Служащий улыбался и жал руку

хозяину.

— Превосходно. — Карлос взглянул на часы. — Сюда от Баии всего лишь час пути, вернее, пятьдесят пять минут...

— Быстро... — заметил служащий.

Он взял портфель Карлоса, тяжелый, набитый бумагами. Носильщик-негр поднял чемоданы и понес. Кругом слышались гудки такси — шоферы зазывали пассажиров. Карлос шёл по железнодорожному мосту, служащий не отставал от него и мысленно восхищался Карлосом: ему хотелось быть похожим на хозяина. Как он благороден! Серебряные нити в волосах только облагораживают его и нисколько не старят. А как одет! И держится так естественно, словно настоящий аристократ. Это больше всего восхищало служащего конторы. Однако манеры хозяина были что-то уж слишком хороши, похоже, что он тщательно вырабатывал их и долго репетировал наедине с собой. Аристократичен во всём — от походки до манеры смеяться.

Снова послышалось ворчанье пропеллера, пассажиры поднялись по трапу, стюард закрыл дверцу, и самолет, пробежав по речным волнам, поднялся в воздух, полетел к югу и исчез в направлении Рио-де-Жанейро.

Шофер открыл дверцу бьюика. Служащий с восхищением заметил, с какой непринужденностью Карлос Зуде жал руку шоферу и благодарил за его «добро пожаловать!». Настоящий аристократ...

Карлос сел в автомобиль. Служащий поместился рядом с шофером, повернул голову и сказал:

— Мы вас к четвергу ждали...

— Я билета не достал. Самолеты переполнены, ни одного места нет. На этот раз я за три дня билет заказал.

Он махнул рукой, словно теперь уж это дело прошлое и всё будет иначе.

— Американцы собираются пустить специальный самолет между Ильеусом и Баией. Два рейса в день...

— Замечательно! — воскликнул служащий.

Карлос Зуде продолжал:

— Я говорил с управляющим. Выгодное дело для них... Сметливый американец, сразу во всём разобрался. Уверяет, что самое большее через месяц эта задача будет разрешена. Два раза в день самолет будет. Они немного снизят цены, и если полковники перестанут бояться самолета...

Он так подробно рассказывал, словно сам был главой всего предприятия.

Служащий засмеялся:

— Да как же, так они сразу и перестанут бояться! Я помню, когда у нас первую авиалинию открыли, немецкую, так полковник Манека Дантас сказал, что погибнет от воздушного сообщения только в том случае, если какой-нибудь самолет упадет ему на голову, а уж сам он ни за что не полетит. Но потом ему пришлось как-то срочно вылететь к больному сыну (вот что недавно институт окончил), и с тех пор он другого способа передвижения не признает...

Служащий никогда ещё не бывал так разговорчив в присутствии Карлоса Зуде. Он вдруг смутился. Но хозяин смотрел ободряюще и улыбался.

— Они робкие, как дети... — сказал он.

Служащий нашел, что это здорово сказано, и так как ему ужасно хотелось прослыть остроумным и тонким человеком, решил повторить эту фразу вечером на собрании Ассоциации торговых служащих, выдав, конечно, за свою. Автомобиль мчался по улицам вдоль железной дороги, сквозь торговый центр города, к порту. Служащий вспомнил, что у него есть поручение к Карлосу Зуде.

— Да, сеньор Карлос... Дона Жульета звонила и просила вам сказать, что она на пляже.

— Спасибо большое... — Карлос ответил по-аристократически небрежно.

И снова он подумал о Жульете. В своём обтянутом купальном костюме она, наверно, сейчас играет в мяч или отважно разрезает грудью коварные волны. Он нащупал в кармане ожерелье, купленное в Баии, представил себе, как оно будет выглядеть на смуглой шее жены, и улыбнулся. «Самая хорошенькая женщина на свете...»

Автомобиль остановился, шофер открыл дверцу, Карлос вышел.

— Обождите меня, Жозе, я сейчас вернусь.

Шофер кивнул, захлопнул дверцу автомобиля и вслед за хозяином вошел через широкие двери в здание экспортной фирмы «Зуде, брат и К°» Но не поднялся на лифте, как Карлос и его спутник, а направился в одно из просторных помещений первого этажа. Фирма занимала огромный четырехэтажный дом, выстроенный на месте прежнего низенького домика, неподалеку от порта. Нижний этаж занимали склад и упаковочное помещение — два огромных зала, доверху наполненных черными какаоовыми бобами, издающими сладкий запах шоколада. Взбираясь по горам какао, обнаженные до пояса люди упаковывали бобы в мешки. Другие взвешивали мешки, стараясь, чтоб в каждом было точно по шестьдесят кило, а потом женщины зашивали их с удивительной

быстротой. Мальчонка лет двенадцати ставил на каждом мешке красное клеймо:

ЗУДЕ, БРАТ и К°.

ЭКСПОРТЕРЫ

Грузовики въезжали в склад, грузчики взваливали мешки на плечи, сгибаясь под их тяжестью. Мешки падали, глухо ударяясь о доски, шофер заводил мотор, грузовик выезжал на улицу, останавливался у гавани. За ним другой, третий, — без конца. Снова шли грузчики, согнувшись под тяжестью мешков, бежали по мосту — странные черные существа с большими уродливыми горбами. Огромный пепельно-серый шведский пароход проглатывал мешки с какао. Пьяные матросы ходили вверх и вниз по сходням и разговаривали на непонятном языке.

Жозе прислонился к стене, глядя, как женщины зашивают мешки. Роза шила с серьезным лицом, сжав губы, не подымая глаз. Шофер глядел на неё пристально, с улыбочкой, но Роза не замечала его, потому что очень торопилась. Жозе постоял ещё с минуту, надеясь, что мулатка всё же увидит его и улыбнется, но потом махнул рукой и покорно пошёл к своей машине.

— Этот кобель, наверно, сейчас вернётся, ему ведь не терпится жену увидеть...

Жозе пробормотал эти слова сквозь зубы, но грузчик номер семьдесят два, проходивший мимо с мешком какао на плече, услышал и засмеялся. Жозе и сам засмеялся.

Карлосу Зуде действительно не терпелось увидеть жену. Он поднялся на лифте, быстро прошел через залы, где служащие почтительно привстали, увидев его, открыл дверь с металлической дощечкой:

КАБИНЕТ ДИРЕКТОРА

Сел за письменный стол. Служащий, сопровождавший его, положил на стол портфель и стоял, ожидая, пока Карлос заговорит.

— Вы можете идти, Рейнальдо. Пришлите ко мне Мартинса. Служащий поклонился и быстро вышел.

Карлос повернулся в вертящемся кресле, посмотрел сквозь большое окно на оживленную улицу, по которой ехали грузовики. Автобус отходил в Итабуну, вокруг толпились люди.

Управляющий, задыхаясь, почти вбежал в кабинет:

— Я следил за погрузкой...

Пожав руку хозяину и задав несколько вопросов о его поездке, он остановился в ожидании. Карлос открыл портфель, разложил на столе бумаги, предложил управляющему сесть:

— Дело сделано... Продаем сто тысяч арроб^[1] по двадцать тысяч рейс. Я послал телеграмму и уже вчера получил ответ: договорились окончательно.

Управляющий удивился.

— По двадцать тысяч рейс? И только сто тысяч продали? — сказал он нерешительно, с некоторым упреком. — У нас ещё на складе сто восемьдесят тысяч осталось...

Карлос Зуде улыбнулся. Старый Максимилиано Кампос улыбнулся ему в ответ с портрета, висящего на стене напротив. Собственно говоря, это именно он, Максимилиано, организовал экспортную фирму «Зуде, брат и К^о». Он умер десять лет назад и перед смертью советовал Ромуло, старшему из братьев Зуде, посвятить всю свою деятельность исключительно торговле какао. Этому совету последовал Карлос, и состояние фирмы Зуде с тех пор утроилось. Максимилиано улыбался с портрета своей гонкой и хитрой улыбкой, отвечая на улыбку Карлоса. Карлос был в хорошем настроении. Да, старый Максимилиано знал толк в делах, связанных с какао, он и появился в Ильеусе тогда же, когда какао... Карлос повернулся к управляющему и сказал почти с гордостью:

— Да, я продал только сто тысяч, Мартинс, да и то думаю: не много ли? Когда-то цены назначали покупатели: платили, что хотели. Ильеусское какао составляло такой ничтожный процент на рынке! Так, какой-то ненужный привесок. Не знаю, рассказывал ли вам кто-нибудь об этих временах: тогда наша фирма была маленькая, вместо теперешнего здания был жалкий такой домишко, да и тот не наш, мы его снимали. С тех пор двадцать пять лет прошло, Мартинс...

Управляющий кивал головой. К чему клонит хозяин? Карлос Зуде растянулся в кресле и продолжал:

— Продал я только сто тысяч, Мартинс, а может, лучше было бы продать всего-навсего пятьдесят. Вот что я вам скажу: цены на какао повысятся так, как ещё никогда не повышались. Уже в этом году будем продавать по тридцать тысяч рейс, не удивляйтесь...

— Тридцать тысяч? Возможно ли...

Лицо управляющего выразило недоверие. Карлос широко улыбнулся. Он улыбался Максимилиано Кампосу.

— Я продал сто тысяч арроб, но не в этом успех моей поездки, Мартинс. Дело в том, что в Баии я долго беседовал с Карбанксом, и оказалось, что он во всём со мной согласен. Он высказал целый ряд интересных соображений. Цена на какао повысится так, как ещё и не снилось никому, Ильеус будет утопать в золоте... Вы знаете, какое место в мире занимает Ильеус по производству какао?

Управляющий знал и назвал цифры. Он с восхищением смотрел на главу фирмы. Мартинс считал себя хорошим работником, аккуратным, старательным, прилежным, но признавал, что ему не хватает той коммерческой жилки, какая есть у хозяина. Карлос встал, заложив пальцы за жилет. Такая была у него привычка.

— Настал момент, Мартинс, когда американцы начнут платить столько, сколько мы запросим. Цены будем устанавливать мы, здесь у себя, в Ильеусе, а не американцы в Нью-Йорке... (Максимилиано улыбался на портрете.)

Управляющий ждал, что ещё скажет хозяин. Карлос посмотрел в окно, на улицу, на прохожих. Запах какао наполнял комнату. Хороший запах!

— Какая цена в сводке?

— Высший сорт — восемнадцать тысяч триста рейс. Good^[2] — семнадцать тысяч девятьсот. Средний — семнадцать четыреста.

— Без доставки?

— Без доставки. С доставкой высший сорт стоит восемнадцать тысяч девятьсот. Хорошая цена...

— Плохая цена, Мартинс. Нью-йоркская цена. Ильеусская будет выше. Пойдите на биржу и предложите полковникам: кто хочет продать какао со своих плантаций? Платим без доставки по... — Он задумался на мгновение, плотно сжав губы: — По девятнадцать тысяч...

— Девятнадцать за арробу? — спросил Мартинс испуганным голосом. Карлос Зуде разгладил рукой морщинку на брюках.

— Да, Мартинс, по девятнадцать. А может быть, даже по девятнадцать с половиной. Скоро будем платить по двадцать или двадцать пять тысяч, вот увидите...

Управляющий в растерянности не знал, что и сказать. Карлос продолжал, понизив голос:

— К концу года владельцы шоколадных фабрик будут нам платить по тридцать тысяч, а то и больше, за арробу. — И добавил твёрдым голосом:

— Заплатят столько, сколько мы потребуем...

— Поразительно... — сказал управляющий.

Карлос Зуде распорядился:

— Позвоните по телефону всем экспортерам и пригласите их от моего имени и от имени Карбанкса сегодня вечером в Коммерческую ассоциацию на собрание. К девяти часам. Проследите, чтобы явились все до единого. Скажите им, что это важно, что я на этом настаиваю, и не забудьте упомянуть имя Карбанкса...

— Будет исполнено.

Карлос собрал бумаги, некоторые из них отдал управляющему, пожал ему руку, снова прошел через залы, где служащие, обливающиеся потом, вставали при его появлении, и на лифте спустился в нижний этаж. На мгновение он задержался в дверях. Множество людей проходило мимо, и все спешили куда-то; из соседнего бара слышались чьи-то голоса; в витрине кинотеатра были выставлены фотографии кадров нового фильма. Жозе ждал, открыв дверцу автомобиля. По улице проходили грузчики с мешками какао на плечах. Двери «Гранд-отеля» каждую секунду открывались и закрывались, впуская и выпуская людей. В порту загудел пароход. Карлос Зуде снова улыбнулся: он был доволен собой, восхищеньем окружающих, доволен тем, что служащий конторы встретил его на аэродроме, а управляющий слушал разинув рот и что при виде его люди снимали шляпы. Как было бы хорошо, если бы Жульета была здесь, рядом, и смотрела вместе с ним на оживленные улицы просыпающегося города! Может быть, увидев, как жизнь бурлит в порту, она поняла бы, почему им необходимо прожить здесь еще несколько лет и отказаться на время от пляжей Рио-де-Жанейро. Он вспомнил, как во время поездок в Баию Максимилиано рассказывал ему о прошлом этой земли, о том, что происходило в Ильеусе тридцать лет назад. Максимилиано рассказывал много историй, но особенно запомнилась Карлосу одна: о бородатом полковнике с револьвером за поясом, с хлыстом в руке, с жестким взглядом и спокойным голосом. Когда этот полковник проходил по улицам, купцы указывали на него пальцем и говорили:

— Это — хозяин земли!

Хозяин земли... Когда-нибудь и на него, на Карлоса, будут так же указывать пальцем. И на Жульету... Они станут хозяевами этой земли.

Он сел в автомобиль:

— Домой, Жозе!

Жозе дал гудок, проходивший мимо грузчик шарахнулся в сторону, и машина понеслась. Карлос Зуде засунул руку в карман и достал жемчужное

ожерелье. «Хочу видеть её голой, совсем голой, только с этим ожерельем на смуглой груди». Он закрыл глаза, чтобы удержать виденье.

2

Карлос разделся, надел купальный костюм, выпил бокал вермута в столовой и вышел на горячий асфальт набережной, насвистывая модную самбу. Он шел быстро, мелкими шажками, подпрыгивая на раскаленном от солнца асфальте. Мальчишка, который сидел на скамейке и со спортивным азартом плевал в сторону пляжа, стараясь плюнуть как можно дальше, при виде Карлоса бросил столь увлекательное занятие. И, не удержавшись, нахально расхохотался: очень уж ему понравилось смотреть, как человек с тонкими ножками и большим животом, явно не помещавшимся в купальных трусах, идет мелкими шажками по горячему асфальту и подпрыгивает. Дерзкий хохот мальчишки огорчил Карлоса Зуде и нарушил гармонию этого радостного утра. Карлос притворился, что не слышит, но подпрыгивать перестал и шел по раскаленной земле, обжигая ноги. Невольно он посмотрел на свой живот: да, конечно, он уже не тот красивый мальчик, по которому женщины сходили с ума двадцать с лишним лет тому назад. Ему уже сорок четыре, и все возрастающая полнота (он любил сочные баийские кушанья с приправами) портит его. «Расширение желудка», — говорит врач. Одетый он выглядел много лучше, моложе на десять лет. Костюмы из дорогого кашемира, сшитые в Баии знаменитым портным, красивые галстуки, сделанные на заказ ботинки и пояс (главным образом пояс, который скрадывал живот) совершенно меняли его. Волосы вот только немного поседели, но это как раз придаёт его наружности что-то романтическое, как говорит Жульета. Вид у него всё же немного потрепанный, в этом нет сомнения. Даже не немного. Это результат тех лет, когда он кутил днями и ночами, а Ромуло занимался фирмой и заботился о её будущем. Старший брат предоставлял ему полную свободу, и Карлос вёл беспутную жизнь почти до тридцати лет. В конце концов он бросил медицинский институт, где собирался ввести новую систему образования: вечерние занятия заменить кутежами в кабаре, утро проводить в постели с женщинами, а после обеда ходить в кино и ухаживать за девчонками на прогулках. Карлосу было двадцать девять лет, когда он начал работать в фирме и, не переставая кутить и развратничать, неожиданно развил бурную деятельность. Он первый понял и горячо поддержал Максимилиано Кампоса, советовавшего бросить табак и хлопок и перейти исключительно

на торговлю какао. Когда Максимилиано умер, Карлос стал главой ильеусского филиала фирмы, долгие месяцы проводил на юге штата, покупал какао, расширял дело и в конце концов превратил фирму в одну из крупнейших. Он очень полюбил эти края, приятели называли его «грапиуна» — местным жителем. Когда Ромуло умер, завещав ему фирму и оставив на его попечение вдову с двумя детьми, Карлос решил бросить всё остальное и посвятить свою деятельность исключительно торговле какао. Он окончательно перевёл главное отделение фирмы в Ильеус, выстроил новое здание и стал подумывать, не пора ли ему жениться. Эту мысль внушила ему невестка. Сам он интересовался только байскими женщинами, тамошние француженки и польки обучили его разным тонкостям, и примитивные женщины Ильеуса не удовлетворяли его. Невестка жаловалась, что он «станет неисконным, скучным холостяком». За отсутствием женщин, которыми стоило бы заняться, Карлос окончательно пристрастился к вину, чему немало способствовали его друзья — помещики, или «полковники», как их здесь называли. Эти вчерашние завоеватели девственных земель могли пить день и ночь напролёт, — вино не оказывало на них никакого действия. Невестка втайне боялась, что пьянство погубит Карлоса, что он не сможет заниматься делами и фирма придет в упадок. Карлос был опекуном её детей, и его поведение ставило под угрозу их будущее. Она развила бурную деятельность: искала для Карлоса невест, знакомила его с новыми людьми. Но он, вероятно, так никогда бы и не женился, если бы в один прекрасный день не познакомился на вечеринке в Баии с Жульетой Санчес Роша, дочерью виноторговца Роша из нижней части города. Мать Жульеты в молодости славилась своей красотой, люди оборачивались, когда она проходила по улице. Красотой и легкомыслием: по слухам, она изменяла мужу и даже однажды вскружила голову самому губернатору штата... Дочь унаследовала красоту матери: все юноши столицы штата были влюблены в Жульету. У неё было смуглое лицо испанки, черные волосы, а глаза смотрели задумчиво, с какой-то печальной и мягкой истомой, словно вот-вот она упадет в обморок. Эти романтические, таинственные глаза, будто умоляющие о чем-то, как-то не подходили к ее гибкому и крепкому телу спортсменки, к уверенным, ловким движениям. В этих глазах было что-то чувственное, и во всём её облике было что-то чувственное, — это остро ощущалось с первого взгляда.

Карлос Зуде потерял голову. Он смотрел на неё не отрываясь. Она танцевала с молодым элегантным офицером флота и отчаянно кокетничала. За столом друзья Карлоса, глядя, как она, танцуя, прижимается к своему

кавалеру (это был новый модный танец, вывезенный из Соединенных Штатов), не могли удержаться от комментариев.

— Вы только посмотрите, как ластится! — сказал один.

— Ягодка!.. — заметил другой.

Третий подумал: хорошо бы стать её любовником, её, наверно, нетрудно обучить разным тонкостям. Воображение рисовало ему соблазнительные картины. Он цинично причмокнул языком. Карлос Зуде ничего не сказал; он следил за ней, даже когда она кончила танцевать и присела отдохнуть рядом со своим кавалером, громко смеясь и показывая зубы. («Маленькие и белые, как у собачки редкой породы», — сказал один из друзей Карлоса.) Он смотрел на неё и слушал её глубокий, мягкий голос. Общий знакомый представил их друг другу, и они пошли танцевать. Флотский офицер был забыт, а семь месяцев спустя они поженились и уехали в Европу. Карлос Зуде был без ума от жены. Прошло три года, а страсть его не остыла... Три года счастья, подумал Карлос. Он вспомнил, как Васко, его постоянный товарищ по кутежам, сомневался, что Карлос будет счастлив в браке, а особенно с Жульетой; ей двадцать лет, ей нужен мужчина, который сумел бы утолить тоску по мужской ласке, проскальзывающую в её туманном взгляде. Васко высказал всё это с присущей ему грубой откровенностью, безжалостно подчеркнув разницу лет между супругами: Жульете — двадцать, ей нужен сильный мужчина, а Карлосу — сорок, и сколько уже у него было женщин! Он, уже не тот, что раньше, сила не та. Карлос запротестовал: почему это не та? Да к тому же он — человек опытный и науку любви изучил в совершенстве. А опытность стоит иногда больше, чем молодость со всеми её порывами. И вот теперь, через три года, оказалось, что прав-то был он, Карлос. Он теперь мог посмеяться над Васко: зловещие предсказания друга с треском провалились. Жульета привыкла к мужу. Он сумел опутать её своими сетями и медленно обучал искусству любви, каждый день придумывая что-нибудь новое. В начале своей супружеской жизни Жульета была вся порыв, припадки какой-то дикой страсти внезапно находили на неё и так же внезапно кончались. Она была всё время будто в агонии и просила любви, как голодный ребенок — хлеба. Так было первые дни. Карлос ничего не говорил ей. Но у него был свой план, и он привел его в исполнение. Постепенно он начал умерять её порывы и учить её тем тонкостям, которые сам узнал от более опытных и менее бескорыстных женщин. Он совершенно перестал беспокоиться о будущем, когда заметил, что Жульета уже не смотрит с тоской на двадцатилетних юношей, как раньше: видно, поняла, что ничего не может быть лучше, чем мужчина, опытный в жизни и

в любви. Она даже перестала постоянно повторять, что ей хочется поехать в Рио на пляж Копакабана (Карлос ведь обещал там дом купить...). Он убедил её, что необходимо ещё некоторое время пожить в Ильеусе, так как в делах фирмы его абсолютно нечем заменить. Во-первых, невозможно найти сколько-нибудь компетентного человека, который смог бы управлять фирмой в его отсутствие, а во-вторых, отдыхать ещё не время. Многие ещё нужно сделать, чтобы привести его планы в исполнение. Он ведь ещё не «хозяин земли». Карлос Зуде чувствовал, что торговля какао открывает перед ним широчайшие перспективы, у него были грандиозные проекты. Ещё несколько лет, говорил он Жульете, и они смогут жить в Рио или в Европе. Фирма тогда сможет обойтись без его непосредственного руководства. Но эти несколько лет он должен усиленно работать, он никуда не может двинуться из Ильеуса. Жульета тогда спросила: а сколько это — несколько лет? Карлос ответил уклончиво: да лет пять, точно трудно определить.

И вот три года уже прошли. И только сегодня утром он увидел, что его проекты начинают осуществляться. Теперь уж он мог с уверенностью сказать Жульете, что больше четырех-пяти лет им не придется прожить в Ильеусе. Ему-то самому не хотелось отсюда уезжать. Он любил этот город, привык к людям, его привлекала торговля какао. Но Жульета скучала здесь, ни частые поездки в Баию, ни путешествия в Рио (они ездили туда дважды, один раз на самолете, когда открылась американская авиалиния) не удовлетворяли её. Она мечтала жить в большом городе — в Рио или Сан-Пауло, где столько театров, кино, клубов, где такие чудесные пляжи. Карлос понимал её. Ильеус — коммерческий город, здесь мало развлечений, все заняты исключительно делами, связанными с торговлей какао, — это, конечно, не место для женщины из высшего общества, получившей столичное воспитание. Но зато какие блестящие перспективы таит в себе этот город, который прозвали «Королем Юга» за его богатство. Это — пятый по значению порт страны, через него экспортируется всё какао области Баия, девяносто восемь процентов какао всей Бразилии, большая часть мировой продукции какао. Мало есть в Бразилии городов, которые росли бы так стремительно, как Ильеус, горя в лихорадке строительства, утопая в деньгах, потоками льющихся в процветающие торговые предприятия, разрастаясь всё новыми и новыми улицами. Один из самых богатых городов, да к тому же красивый город, со множеством садов и площадей, с новыми мощёными улицами, ярко освещенный, с хорошим водопроводом и канализацией. Но Карлос сознавал, что при всём этом Ильеусу далеко до больших столиц, с их веселой, привольной жизнью, где

столько развлечений. Ильеус — город деловой, торговый, город грубых плантаторов, здесь царят патриархальные нравы, замужние женщины сидят всё больше дома, целиком поглощены заботой о детях и кухне. Они примитивные и тёмные существа, эти жёны плантаторов, и вполне естественно, что Жульета чувствует себя с ними не в своей тарелке. Если бы не англичане и шведы из консульств, с железной дороги и из пароходной компании, ей совсем не с кем было бы поболтать за бокалом коктейля, когда Карлос уезжает в Баию, а ему часто приходится ездить туда по делам... Жульета мало общалась с местными дамами, её манеры шокировали их: женам полковников казалось, что эта спортсменка держит себя легкомысленно и вызывающе. Карлос Зуде рассмеялся, вспомнив, какое лицо было у, доны Аурисидии, супруги полковника Манеки Дантаса, когда Жульета как-то закурила у них за обедом...

Карлос Зуде бежит по пляжу на тонких ножках, с трудом неся свой живот. Неподалеку мальчишки играют в футбол. Карлос задыхается на бегу. Постарел... Сорок четыре года... Немного пробежался и устал, проклятый живот мешает. Под большим красным тентом он увидел Жульету. Ее черноволосая голова резко выделяется на фоне белокурых голов Джерсона и его жены — шведов из консульства. Рядом с ними стоит мистер Браун, главный инженер железной дороги, и ест мороженое. Настоящий атлет. А ведь он не моложе Карлоса, даже старше на несколько лет. Разное воспитание. Карлос никогда не занимался спортом, провел детство за книгами, трудными и скучными, по которым учился читать. И вот в сорок четыре года он обрюзг, у него большой живот и тонкие ноги. В костюме он ещё хорош собой, но здесь, на пляже... Кончилась молодость... А этот англичанин — настоящий атлет. Карлос подумал, что если у них будет сын, он обязательно отдаст его учиться в английский колледж, пошлет в Англию или в Соединенные Штаты.

Мистер Браун заметил Карлоса, Жульета встала и помахала ему рукой. Карлос остановился: он смотрел на жену. Вот она стоит, вытянувшись, подняв руку, и машет ему. Так, стоя под лучами тропического солнца, она похожа на статую. Карлос Зуде совсем растрогался, глядя на жену. И подумал, что она, с её спортивной фигурой, никогда не состарится — это тело, которое он так любил, никогда не превратится в дряблое тело старухи... Карлос подбежал к Жульете (черт бы побрал эти тонкие ноги!), обнял её и поцеловал в губы, пусть эти шведы и англичане смеются, всё равно! Целовал долго, маленький рот Жульеты совсем скрылся под усами мужа. Один из мальчишек, играющих на пляже, побежал за мячом и остановился посмотреть. Сцена была волнующая: Карлос закрыл глаза,

Жульета тоже зажмурилась, не выпуская, однако, из виду атлета-англичанина, шведа и его жену Гуни, стройную, похожую на юношу.

Прежде чем поддать ногой тряпичный мяч и вернуться к своим друзьям, мальчишка крикнул Карлосу Зуде:

— Не зевай, старичок...

3

Прохожий взял листок из рук мальчишки, раздававшего на улице объявления, и прочел равнодушно:

К СВЕДЕНИЮ ПАССАЖИРОВ

Мариньо Сантос уведомляет пассажиров, что он приобрел автобус у синьора ЗУМ-ЗУМ в Пиранжи. По Понедельникам, Средам и Пятницам автобус будет ходить по твердому расписанию, плата за проезд устанавливается следующая:

Итабуна — 4\$000

Пиранжи — 5\$000

Гуараси — 8\$000

туда и обратно — 15\$000

Это делается для лучшего обслуживания пассажиров! так как плата за проезд установленная другими владельцами автобусов, непомерно ужасная. Уже 10 лет я являюсь владельцем Автобусов, на других линиях я давно установил примерно ту же плату за проезд, и, однако, предприятие мое не пришло в упадок, а Наоборот Процветает, и я всегда выплачиваю в срок по своим обязательствам. Теперь у меня 15 автобусов (включая этот Последний) и я смогу образцово и без-перебойно обслуживать пассажиров.

НОВЫЙ АВТОБУС

начинает ездить в ближайшие дни.

Понедельник, среда и пятница — цена 15\$000 Гуараси: туда и так же обратно.

Прохожий прочёл, бросил листок на землю и сказал тем, кто хотел его слушать:

— Эта конкуренция их до того доведёт, что скоро они сами станут платить пассажирам, только чтоб ехали... Вот увидите...

4

Автобус отходил в Гуараси, самый новый из поселков, родившихся в зоне какао. Поселок находился на границе Ильеусского муниципального округа и сертана^[3] штата Баия, в землях, где плантации какао перемежались со скотоводческими фермами, у подножия Серры Бафоре.

Из окна автобуса какая-то женщина громко кричала мужу, задержавшемуся у дверей пивной:

— Автобус отходит, Филомено... Скорее, бездельник ты эдакий!

Пассажиры смеялись. Автобус был переполнен. Мариньо Сантос не сводил глаз с кондуктора, который ходил между скамьями, продавая билеты. Шофер взялся за руль, запоздавший пассажир вскочил в автобус и сразу же стал переругиваться с женой. Кондуктор спорил с пассажиром, который дал ему билет в пятьсот тысяч, тогда как проезд до Итабуны стоил четыре, а кондуктору нечем было разменять такие крупные деньги. Мариньо Сантос уладил их спор: достал из кармана целую пачку денег и разменял билет. Кто-то негодуяще сказал:

— Этот рыдван тронется когда-нибудь или нет?

Его сразу же поддержали:

— На что же ваше расписание? Пустые слова...

— А еще говорят, в цивилизованной стране живем...

Какой-то человек бегом бежал по улице с чемоданом в руке. Мариньо Сантос крикнул:

— Нет ни одного места. Яблоку негде упасть...

Пассажиры заулыбались, глядя на расстроенное лицо опоздавшего.

Мариньо постарался его утешить:

— Через час следующий пойдёт. Можно, если хотите, в конторе обождать.

Опоздавший направился к конторе. Мариньо Сантос захлопнул дверцу, шофер дал гудок, предостерегая переходивших через дорогу грузчиков, и автобус, рывком сдвинувшись с места, поехал по шоссе. Публика в автобусе была самая разношерстная: элегантные мужчины в кашемировых костюмах, направляющиеся в Итабуну или Пиранжи, и рядом с ними люди с плантаций, в галифе и высоких сапогах. Какой-то сириец предлагал крестьянину свой товар — кольца и бусы, которые тот разглядывал и ощупывал с недоверием. Автобус очень качало, и сириец еле держался на ногах.

— Отличный товар, хозяин... — говорил сириец на своем ломаном языке и вынимал из короба кольца со стекляшками, яркие фальшивые бусы.

Крестьянин нерешительно вертел в руках одно из колец: всё фальшивое — и золото и брильянт, — а красиво.

— Да оно через два дня сломается...

— Два года продержится, ручаюсь...

Сириец воздел руки к небу и бормотал жаркие клятвы:

— Клянусь богом, хозяин. Где вы ещё такой подарок найдёте?..

Он говорил «бодарок» и с трудом ворочал языком, произнося трудные для него слова. Крестьянин немного поторговался, но в конце концов вытащил из кармана большой красный платок с узелком на конце. Развязал узелок, вынул несколько бумажек и мелких монет. Медленно пересчитал деньги, не переставая торговаться. Сириец клялся, что уступить больше никак не может:

— Не могу, хозяин, не могу... — Он говорил «гозьяин», а глаза его смотрели наивно и покорно, когда он протянул руку за деньгами.

В последний момент крестьянин решил кольца не покупать, а взять лучше бусы, вон те, голубенькие, они хорошенькие, может, подольше проживут, чем это кольцо, уж больно оно фальшивое. Сириец согласился, хотя уверял, что за бусы надо бы взять дороже, чем за кольцо. Он говорил страдальческим голосом, и у него был вид жертвы, а в глазах стояли слёзы; он привык так притворяться, это тоже было его ремесло; ему приходилось делать это каждый день, бродя по дорогам от фазенды к фазенде с коробом на плечах, полным всяческих побрякушек. Он приносил женщинам из бедных крестьянских семей единственную роскошь, какую они могли себе позволить: фальшивые бусы и кольца, пестрые дешёвые ткани, яркие

платки, картинки святых-чудотворцев...

Постепенно в автобусе завязался общий разговор. В нём приняли участие мужчины и женщины, плантаторы и работники плантаций, иммигранты, недавно нанявшиеся на работу.

— Цены на какао в этом году стоят хорошие...

— Дай-то бог, чтоб ещё повысились... — сказала женщина в платке, с усталым выражением в потускневших глазах, и перекрестилась.

— Я так думаю, что выше девятнадцати не будет... — сказал её муж, худой, сгорбленный старичок, сидящий рядом с ней.

— Как так?.. — сказал другой крестьянин. — Ведь уже сегодня сеньор Мартине, управляющий Зуде, платил по девятнадцать без доставки...

— Без доставки?

— Вот именно...

— Не могу поверить. До двадцати никогда не дойдёт. Какао по двадцать тысяч рейс — да ведь это золото! Протяни руку да подбирай с земли...

Даже шофер выпустил руль и вмешался в разговор пассажиров:

— Не сомневайтесь, сеньор Клементино, дойдёт. Какао повысится в цене больше, чем в четырнадцатом году, во время войны...

Клементино решил узнать мнение капитана Жоана Магальяэса, его он считал авторитетом. Что осталось от того Жоана Магальяэса, который тридцать лет назад высадился в Ильеусском порту, в погоне за легкой наживой, надеясь заработать много денег на шулерской игре в покер с неопытными плантаторами?! Он сильно постарел за эти годы, и даже та девушка из Рио-де-Жанейро, что теперь презирала его (так как открыла, что он всего-навсего профессиональный игрок, а совсем не коммерсант, за которого себя выдавал), девушка, отказавшаяся выйти за него и на всю жизнь оставшаяся одинокой, даже она, всё ещё хранившая его образ в своем сердце, теперь, наверно, не узнала бы его. Бесчисленные морщины легли на лицо капитана. Его руки, когда-то тонкие и холеные, покрылись мозолями. Растрёпанные, выгоревшие на солнце волосы, плохо выбритый подбородок, сигарета в уголке рта... Кашемировый пиджак и галифе цвета хаки. В руке — хлыст. А от старых времен, утонувших в прошлом, остался только чин капитана (так его все и зовут «капитан») и перстень, какие носят инженеры, получившие диплом; с этим перстнем он ни за что не захотел расстаться.

Клементино спросил:

— Как вы считаете, капитан? Цена на какао дойдет в этом году до двадцати тысяч рейс?

Жоан Магальяэс затянулся и выпустил кольцо дыма.

— Еще больше, Клементино. Повышение цен будет, определенно.

Весь автобус заинтересовался, даже шофер.

— Вам что-нибудь известно, сеньор?

— Только по газетам...

— А что там пишут?

Капитан Жоан Магальяэс рассказал, что именно прочёл в газетах: о гибели какаовых плантаций в Эквадоре. Урожай Эквадора пропадет целиком, это ясно. Капитан говорил взволнованно, жестикулировал, рассказывал подробности, выдумывая при этом целые истории и страшно преувеличивая то, что действительно прочёл в газетах. Люди слушали жадно, с широко раскрытыми глазами, прямо упиваясь этими радостными известиями. Капитан Жоан Магальяэс слушал самого себя с чувством удовлетворения. В эти минуты он напоминал бойкого юношу, рассказывавшего тридцать лет назад о происшествиях за игорным столом, об удивительных партиях, о блестящих шулерских ходах. Но только теперь капитану больше пятидесяти лет, а тридцать из них он прожил в этих землях, сажал какао и собирал урожай. Давно уже оставил он покер, иногда, очень редко, случается ему сыграть партию в кругу близких друзей, да и то лишь для, того, чтобы показать им свои удивительные трюки. Теперь его интересует только какао, это куда более опасная игра, чем покер. Верно говорил Синьо Бадаро, его тесть, что эта земля засасывает человека и не отпускает. Липкая мякоть плодов какао пристаёт к ногам, прилипает навсегда... Она прилипла и к его ногам, она была повсюду, даже в глазах доны Аны Бадаро. Они поженились в тот страшный год, когда подходила к концу борьба за земли Секейро Гранде и даже центральная власть вмешалась в дела штата. В тот год умер Жука, младший из братьев Бадаро, а люди полковника Орасио напали на поместье Бадаро, которое стало жертвой пламени. А несколько лет спустя Синьо Бадаро умер, не так от раны, от которой он никогда не оправился до конца, как от горя и стыда: не мог перенести, что он не хозяин земли, как прежде. На него уже не указывали пальцем, когда он проходил по улицам. Он проходил незаметно, как самый обыкновенный человек, припадая на раненую ногу, он был теперь разорившимся помещиком, у него было много долгов, от его плантаций ничего не осталось. Синьо платил долги, отстраивал что мог, снова сажал деревья на выжженной земле, вырубал небольшой участок леса, который ещё оставался у него, а Жоан Магальяэс жил у него в фазенде и работал день и ночь. И вдруг Синьо Бадаро умер. Врач сказал — от сердца, но Жоан Магальяэс никогда в это не верил. Он считал, что Синьо

Бадаро умер от стыда: накануне один из его векселей был опротестован нотариусом, и старик узнал об этом. Так или иначе, а когда Синьо был жив, дела шли ещё неплохо. Но как только он умер, Ольга, вдова Жуки, и второй зять, муж покойной сестры Синьо, умершей в Баии, потребовали описи имущества и раздела поместья. Откуда-то появились старые счета врача, а также адвоката Женаро. Этот Женаро служил много лет семье Бадаро и требовал платы за все эти годы, забыв, что обязан своим благосостоянием покровительству братьев Бадаро, не забывавших о нём в то время, когда они были политическими заправилками в зоне какао. Имение было разделено. Ольга позже продала свою часть за хорошую цену и переехала в Баию, где жила с каким-то молодым парнем, служившим раньше в ильеусском отделении Бразильского банка. Пока был жив Синьо, Ольга была тише воды ниже травы, боялась деверя. Но, не успев его схоронить, уже потребовала своей доли имущества и продала её, притом удачно, за хорошую цену, потому что желающих купить было много. А потом отправилась вслед за банковским служащим, переехавшим работать в Баию. По слухам, они выдавали себя за мужа и жену, жили широко, сорили деньгами. Муж другой сестры тоже продал свою часть имения, Жоан Магальяэс попытался договориться с ним и купить землю. Но тот хотел получить всю сумму наличными, чтобы вложить деньги в своё торговое предприятие в Баии. Жоану не удалось занять денег, и земли попали в чужие руки. У Жоана Магальяэса и доны Аны остались плантации, дававшие около тысячи пятисот арроб, да невырубленный участок леса, — если на нем посадить какао, можно собрать еще три тысячи, — но у Жоана не было на это средств. Теперь у него было ненамного больше земли, чем у бывшего наемника Бадаро — Антонио Витора, которому хозяева подарили участок к свадьбе, состоявшейся в тот же день, что и свадьба Жоана Магальяэса. От богатства Бадаро, «хозяев земли», остались только эти плантации, от семьи Бадаро остались только двое — он и дона Ана. Их плантации не стоили теперь больше двухсот конто.^[4] Они были «людьми среднего достатка», как про них говорили: до крупных помещиков, собирающих урожай по четыре-пять тысяч арроб, им было далеко, но всё же они были богаче мелких землевладельцев, плантации которых не дают и тысячи арроб.

Может быть, когда-нибудь им удастся собрать тысячи три арроб, тогда они смогут купить ещё земли и постепенно начнут восстанавливать утраченное богатство. Много раз за последние тридцать лет пытался Жоан Магальяэс сделать это. Хотел применить в этой игре свою ловкость профессионального картёжника. Но не вышло, даже долги и те с трудом

удалось заплатить, фазенда съедала все доходы за год, требовалось кое-что подправить, пришлось завести электрическую печь для сушки какао зимой, надо было подрезать деревья на старых плантациях, применять современные методы на новых. Самые старые деревья, посаженные кое-как еще дедом доны Аны, почти перестали давать плоды. Жоан Магальяэс постепенно проник в тайны возделывания какао и управления фазендой. Сначала, в самые трудные времена, он хотел бежать, бросить это всё, вернуться к хорошей, привольной жизни былых времён. В тот день, когда уезжала Маргот, его прежняя знакомая, которая возвращалась в родные края, оставив позади всё, связанное с зоной какао, у Жоана Магальяэса было сильное желание пойти в баййскую пароходную компанию и тоже купить билет. В конце концов ведь у него руки игрока, он ещё не забыл, как обращаться с крапленой колодой. Но он не мог оторваться от земли какао, было в нём какое-то странное благородство, заставлявшее его оставаться верным семье Бадаро, глазам доны Аны, своим плантациям. Да к тому же дона Ана никогда не согласится уехать отсюда, жить кое-как, где-нибудь в чужом краю.

И капитан целиком отдался возделыванию какао. Теперь это было единственное, что интересовало его. У него родилось четверо детей, сын и три дочери. Мальчик прожил всего несколько дней, а девочки выросли и повыходили замуж. Хороших партий им сделать не удалось, только последняя нашла себе неплохого мужа — врача из Пиранжи. Две другие вышли за мелких землевладельцев, небогатых и малоземельных. Дона Ана состарилась на кухне, над кастрюлями и тазами с вареньем. Капитан тоже состарился. В волосах замелькала седина, лицо покрылось морщинами. Он уже забыл о временах борьбы за Секейро Гранде. Он даже поддерживал знакомство с полковником Орасио, бывшим заклятым врагом семьи Бадаро, дряхлым восьмидесятилетним стариком, всё ещё богатым и внушающим страх. Иногда они вместе вспоминали старые времена. Полковник говорил о прошедшем без гнева. А как-то раз, когда у Жоана Магальяэса были большие затруднения (тогда начиналась засуха и пропал урожай целого года), он чуть было не занял денег у полковника Орасио. Но ему не захотелось огорчать дону Ану, которая заплакала от унижения, узнав о его намерении. Он взял тогда ссуду в одном мелком банке под большие проценты и долго потом не мог расплатиться. Гордость доны Аны раздражала его:

— У бедных нет гордости...

Так и прожил он эти тридцать лет, и вся жизнь его была посвящена какао, и ничто его не интересовало, кроме повышения и падения цен,

дождей, от которых зависел урожай, солнечных дней, от которых зависело, хорошо ли удастся просушить бобы. Всё остальное — рождение детей, смерть сына (его назвали Жука в память храброго дяди), смерть Синьо, свадьбы дочерей, — все это были эпизоды, более важные и менее важные, но всего лишь эпизоды. Основное было какао, только какао.

Сегодня Жоан Магальяэс возвращался в свою фазенду в веселом настроении: все говорит о том, что цена на какао будет расти, да ещё как! Он ездил в Ильеус, чтобы продать урожай этого года. Но увидел, как обстоит дело, послушал разговоры о том, что Мартинс, управляющий Зуде, дает хорошую цену, и решил пока не продавать. В городе царило возбуждение — это верный признак того, что будет повышение цен... Лучше повременить с продажей. И эта заметка в газете о гибели урожая в Эквадоре...

Он поделился с пассажирами автобуса своими соображениями:

— Будет большое повышение цен... Если меня послушаетесь, не раскаетесь. Сейчас только дураки продают какао... Это всё равно что выбросить его...

— Даже, если дают по девятнадцати, капитан?

— Вот ещё, по девятнадцати... Да я в этом году собираюсь продать свое какао не меньше чем по двадцать два... Я же вам говорю, в газете...

И он принялся рассказывать снова, добавляя всё новые подробности. Да, внешне он очень изменился, постарел, давно уже не походил он на прежнего элегантного юношу, игрока в покер. Но эта страсть, эта любовь к приключениям, к неизведанному и нежданному, приведшая его тридцать лет назад в здешние края, — она осталась. И это она держала его здесь, она не дала ему уйти отсюда во время борьбы за Секейро Гранде, она приковала его к глазам доны Аны Бадаро. И теперь все его мысли были направлены на повышение цен, и он улыбался своей вечно весёлой улыбкой, улыбкой, не сходившей с его губ в самые тяжелые дни бедности и лишений. Будет повышение цен, будет...

И он уже всех убедил. Женщина, заговорившая первой, снова перекрестилась и сказала:

— Пусть ангелы небесные вас услышат, капитан...

Автобус ехал по шоссе, проложенному на холме, поднимаясь по крутым, опасным поворотам. Несколько рабочих отскочило в сторону, давая дорогу машине. Но вот автобус остановился, шофер соскочил на землю, пошел за водой, а то мотор слишком накалился. Сириец решил воспользоваться остановкой и снова открыл свой короб, предлагая пассажирам отрезы дешёвого шёлка. Он обязательно хотел, чтоб Жоан

Магальяэс купил отрез в подарок жене. Жоан Магальяэс нерешительно потрогал ткань рукой, яркая расцветка понравилась ему. Шофер, уже сидя у руля, обернулся и спросил:

— А если дождей не будет, так какой толк от высоких цен? Где же взять какао для продажи? Если дождей не будет, так и урожай пропадет...

Эти слова отдались в сердцах всех. Жоан Магальяэс мгновение забыл сирийца с его шелками. Спор начался снова, и снова в нем принял участие весь автобус. Капитан находил, что дожди обязательно пойдут, и большие. Ведь и в прошлые годы так бывало, что в этом месяце даже и намек на дождь нет, а потом вдруг как заладит! Ильеус ведь не Сеара, где вечная засуха. Но кто-то сказал, что большие леса повырубали и оттого дождей стало меньше. Капитан не соглашался:

— Даже и так у нас едва ли возможна засуха...

Сириец воспользовался тишиной, наступившей после замечания капитана, и снова стал умоляющим голосом уговаривать его купить шелк:

— Купите, капитан... Я вам уступлю по четыре за метр. Клянусь вам, я очень теряю на этом... Клянусь богом...

Но Жоан Магальяэс даже не слушал, потому что в этот момент кто-то из пассажиров указал через окно на холм, покрытый пожелтевшей, выжженной солнцем травой:

— А вдруг не будет дождя?..

— Господь не допустит этого... — взмолилась женщина.

И все эти сердца, даже сердце сирийца, горячо присоединились к этой мольбе, и все взоры оторвались от умирающей травы на холме и поднялись к чистому небу, ища на нём хоть единое облачко. Но облачко, предвестник дождя, не появлялось. Небо было синее, и огненным, медным шаром висело в небе неподвижное полуденное солнце.

5

Часы в баре пробили двенадцать. Адвокат Руи Дантас, увидев, как Пепе Эспинола разбросал по столу игральные кости, сказал:

— На всякую старуху бывает проруха...

Это была хорошая пословица, но в данном случае она звучала не особенно лестно для Пепе.

— На всякую старуху бывает проруха...

Он положил кости в кожаный стаканчик, прикрыл его рукой, встряхнул, поплевал на ладонь (чтобы игра была удачной) и кинул кости:

— Иду вторым ходом...

Разбросал кости по столу и стал наблюдать за игрой, приготовившись «выкликать». Эспинола тоже наблюдал, лицо его, всегда бледное, казалось еще бледнее под толстым слоем рисовой пудры, оно было всё одного цвета — от тонкого подбородка до блестящей лысины с аккуратно зачёсанными редкими волосками. Одна из игральные костей покатила по столу и остановилась, поколебавшись секунду между тузом и восьмёркой. Вышел туз, это был уже третий.

— Тройка тузов на одну... — выкликнул Эспинола.

Но Руи Дантас, новоиспеченный адвокат, носивший на пальце перстень с крупным рубином — символ его профессии, — не был удовлетворён:

— Я брошу два раза, и выйдет пятерка...

Эспинола улыбнулся полуиронически — полуснисходительно:

— Ну что ж...

Руи Дантас встряхнул стаканчик и бросил на стол две оставшиеся кости — выпали дама и восьмерка. Эспинола усмехнулся. Адвокат снова взял обе кости, и на сей раз ему повезло: вышел туз.

— Четверка тузов на тысячу...

— Игры нет, — сказал Эспинола по-испански и поправил сам себя, — то есть...

— Все равно наполовину по-испански, — улыбнулся Руи.

— Да...

— И «да» по-испански, — сказал Руи.

Эспинола смешал кости. Бросил. Две парных. Оставил себе большую, валетов. На следующем ходу дополнил тройку. Мелкая карта. Положил все пять костей в стаканчик и попробовал в последний раз. Ничего не вышло.

— Осечка...

Теперь торжествовал Руи Дантас.

— Разве я не говорил, что на всякую старуху бывает проруха? Второй раз выигрываю я. Начинайте третью...

Эспинола выиграл третью, решающую партию. Руи Дантас позвал официанта, чтобы расплатиться. Эспинола попросил принести сигары. В переполненном кафе «Люкс» было оживленно. В этот час здесь всегда пили аперитивы, — обычай, который местные жители много лет назад переняли у англичан, приехавших строить железную дорогу. Другие англичане, приехавшие позже, тоже сохранили этот обычай. Вот они, инженеры-путейцы, служащие консульств, сидят за угловым столиком, пьют коктейль и играют в покер. За другими столиками — коммерсанты и полковники. С

другого конца улицы, из кафе «Ильеус». доносится шумный разговор. Там обычно собираются служащие торговых предприятий; они не ходят в «Люкс», лучшее кафе в коммерческом районе, где бывают экспортеры, адвокаты, англичане с железной дороги, агрономы из Экспериментального института какао, основанного правительством в Агуа Прета, помещики и крупные коммерсанты. Эспинола закурил дорогую сигару. Полковник Фредерико Пинто, маленький, нервный, с живыми глазками, вошел в кафе и хлопнул Эспинола по плечу:

— Курите сигару перед едой? Узнаю манеры гринго...

Эспинола обернулся, полковник Фредерико пожал руку Руи Дантасу:

— Как дела, доктор? Как здоровье полковника Манеки? И доны Аурисидии?

Руи Дантас сказал, что все здоровы. «Старик», как он называл отца, на прошлой неделе ездил в Ильеус. А теперь ходит взад-вперед по фазенде и ждет дождей... Полковник Фредерико заметил, что действительно в этом году дожди задержались.

— Боюсь, что ранние плоды пропадут... Если за эти две недели дождя не будет, ни за что не ручаюсь... Ранний урожай погибнет. — Он вдруг стал серьезным.

Потом, повеселев, осведомился:

— А как стихи? — Он говорил о сонетах Руи Дантаса, появлявшихся время от времени в двух ильеусских газетах — «Диарио де Ильеус» и «Жорналь да Тарде». Существовали, кроме того, «О секуло» и «О диа» в Ита-буне, соседнем городке, но с ними Руи Дантас был мало связан, потому что между интеллигенцией обоих городов шла ожесточенная борьба. Фредерико Пинто даже не выслушал ответа на свой вопрос. Он уже повернулся к Пеле, снова хлопал его по плечу и смеялся над привычками аргентинца: подумать только — курит сигары перед едой! Можно выкурить сигару после хорошего обеда, за бокалом доброго вина, например, после этого вкусного блюда из рыбы, которое всегда подают в его фазенде, — он снова обращался к Руи, — свежая рыба, только что из реки, в соусе из кокосового молока... вот это да! Поесть, потом закурить сигару и ни о чём не думать...

— Только о женщинах... — прервал Эспинола.

Фредерико Пинто вздрогнул: неужели гринго подозревает что-нибудь? В этом городе только и делают, что сплетни разводят, а ещё называется цивилизованная земля... Фредерико Пинто ничего не отрицал и на все намёки отвечал только самодовольной улыбкой. Кто ж в городе не знал, что Фредерико — любовник жены Пепе, прекрасной аргентинки Лолы

Эспинола? Приезд четы Эспинола в Ильеус несколько месяцев назад внёс новое слово в смешанный португальский язык юга штата Баия — язык, которому влияние негритянских диалектов придало более мягкое звучание, в который позже вошли английские слова и термины, привезённые инженерами с железной дороги и американцами из «Экспортной». В этот язык вошло теперь слово «gubia», что по-испански значит «белокурая». Так оно и появилось по-испански, напечатанное огромными буквами, в объявлениях, рассылаемых по домам, в афишах, расклеенных по стенам вскоре после приезда Пепе и Лолы в Ильеус:

«Белокурая Лола, „gubia“, кумир театров Юга».

Они танцевали танго, и танцевали хорошо. Высокая, гибкая, со светлыми волосами, Лола извивалась в трагическом танце. Эспинола был хороший танцор. Когда он плавно двигался по сцене, одетый во фрак, женщины забывали о его лысине и следили, не отрывая глаз, за пластическими поворотами его тела, едва начинавшего полнеть, за медлительными па этого танца, возбуждавшего чувственность, словно кричащего о разбитых жизнях, о падении и проституции. Женщинам казалось, что Пепе зазывает, околдовывает партнершу, как змеи околдовывают своими гипнотизирующими глазами птичек, сидящих на ветвях деревьев в тени какаовых плантаций. На глаза змеи были похожи извивы этого медленного танца; мужчина впивался взглядом в женщину, торгующую любовью по его приказу.

Женщины пристально следили за каждым движением Пепе Эспинола, во фраке он казался худее, гибкое его тело склонялось в поворотах. Но глаза мужчин были устремлены на Лолу, «белокурую». Все мужчины в этом переполненном зале, от робких юношей, служащих торговых предприятий, до толстых полковников с карманами, полными денег, желали её в тот вечер. Какой-то работник с плантаций полковника Сильвино, лечившийся в Ильеусе и выигравший в лотерее билет в театр, никогда уже больше не смог забыть её, и белокурая аргентинка была до конца его бедной, серой жизни чудесным виденьем, незабываемой мечтой.

А полковник Фредерико Пинто, маленький, подвижной и нервный, ни на секунду не отрывал взгляда от округлых стройных ног аргентинки, её высокой груди, её крутых бёдер. Для него тоже Лола была чудесной мечтой, чем-то новым, неожиданным. Он желал её так сильно, как может желать человек, тридцать лет проживший в глуши, вырубая девственный лес и сажая деревья какао, проводя ночи с женой, преждевременно состарившейся от этой жизни в своем имении и безобразно располневшей от жирных, обильных обедов, или с мулатками из поселков, проститутками

с грязных улиц, где находятся публичные дома. Лола была чем-то невиданным, необычайным, редким цветком, внезапно распутившимся на этой грубой, суровой земле. Полковник Фредерико Пинто обливался потом в своем кресле первого ряда. Чего бы он не дал за то, чтобы хоть на одну ночь почувствовать её рядом с собой, в постели, её, с этими золотыми волосами, с этими стройными ногами и высокой грудью, с этими бёдрами, крепкими, как круп породистой кобылицы!

Это был сон, и он стал реальностью. Пепе Эспинола выступал на сцене только в черные дни своей жизни, когда все другие возможности были исчерпаны. Танго, которые они танцевали вдвоём, танго, исполненные дешевого трагизма, рассказывающие о мелких любовных драмах и о новом треугольнике: женщина — альфонс — сутенер; танго, которые пела Лола, казавшаяся ещё более прекрасной под огнями рампы, — всё это была только приманка, лучшая в мире наживка для удочки, чтоб поймать жирную рыбу, как сказал кто-то. И Пепе Эспинола говорил, что не было ещё случая, чтобы жирная рыба не попала на эту удочку.

Как-то, когда Пепе Эспинола был ещё молод, во времена, более отдаленные, чем это могло показаться тем, кто хотел угадать возраст аргентинца, один человек, обладающий жизненным опытом, сказал ему в кабаре, в предместье Буэнос-Айреса, в ночь, наполненную женскими голосами и звуками танго:

— Быть альфонсом — самая достойная профессия для мужчины...

В ту пору Пепе ещё не успел облысеть, и густые чёрные волосы, смазанные брильянтином, были гладко зачёсаны над его бледным лбом, глаза его, которым он уже тогда старался придать коварное выражение, блестели, в тонких нервных пальцах чувствовалась сила, а на губах всегда играла весёлая песенка. У него за спиной уже были кое-какие приключения, но решительный поворот в жизни «голубчика Пепе», как называли его дружки из квартала, ещё не наступил. Называли его и «поэтом», так как он обращался с женщинами из кабаре с такой деликатностью, что напоминал одного поэта-романтика, который как-то вечером насмешил завсегдатаев кабаре своими странными и нелепыми манерами. Отец Пепе, мелкий служащий, еле сводивший концы с концами, находил, что сыну уже решительно пора встать на ноги. И он говорил об этом, не скупясь на суровые слова о «парне, который ни на что не годен, плохо учится и очень плохой сын!». Когда Пепе не было еще шестнадцати лет, он попал в дурную компанию и возвращался домой за полночь, как взрослый мужчина. За обедом он молча слушал упрёки отца (это были

самые неприятные минуты для Пепе), а потом, воспользовавшись первым же удобным случаем, ускользал из дому. Отец продолжал бушевать уже без него, ругался последними словами, а бедная мать защищала сына, как могла, но это не помогало. Как-то раз дело приняло совсем дурной оборот: отец объявил, что готов определить сына на любую должность, «все равно какую», он больше не намерен, решительно сказал он, кормить бездельников.

И вот как раз в тот момент, когда перед Пепе открылась печальная перспектива превратиться в приказчика какой-нибудь лавки, он услышал в кабаре фразу, сказанную ему Шикарным (никто никогда не знал его настоящего имени), фразу, показавшуюся Пепе значительнее и мудрее самого трудного и толстого философского трактата:

— Быть альфонсом — самая достойная профессия для мужчины...

Шикарный дал ему и другие советы. Опытным глазом знатока он сразу определил все достоинства Пепе, необходимые для этой профессии. Его тонкие манеры, внезапные вспышки гнева, его замашки скандалиста, его молодость делали Пепе воплощением идеала сорокалетней женщины с полным кошельком и пустым сердцем. В том же кабаре была одна блондинка, она выдавала себя за француженку, хотя была аргентинкой и знала по-французски всего лишь восемь слов; правда, их она произносила безукоризненно. Однако свой первый опыт Пепе решил произвести с толстой Антонией, проституткой, очень популярной среди моряков. Но сердце Антонии было занято, да притом она была силачка и как-то ночью избивала двух немецких матросов. Это испугало Пепе. Тогда он решил заняться француженкой. Надо сказать правду: Пепе по-настоящему увлекся этой женщиной, и похвалы Шикарного за то, что его ученик, новичок в своем ремесле, так блестяще исполняет роль альфонса, были явно не заслужены, потому что в груди семнадцатилетнего Пепе горела страсть к сорокалетней Жаклин (по метрическому свидетельству Луизе). Она осыпала его деньгами, и Пепе провёл с ней шесть счастливых месяцев (дома он выдумал целую историю о какой-то службе в ночном баре). Но Жаклин так увлеклась своим новым возлюбленным, что забыла о старых, на деньги которых жила, и денег стало не хватать. Шикарный предупредил Пепе, что настал момент искать себе другую любовницу, такую, которая имела бы более четкое представление об обязанностях женщины по отношению к альфонсам. Эта разлука нелегко далась Пепе. Тело женщины в своей ослепительной красоте, в последний момент расцвета, влекло его со всей силой первой страсти. Но Пепе выбрал себе профессию и знал, что она требует жертв. «Нужно иметь характер», — сказал ему Шикарный,

увидев, что назревает драма, и Пепе проявил «характер».

Он поступил, как настоящий альфонс. Как-то ночью устроил сцену ревности, украл из сумки Жаклин последние оставшиеся деньги, надел на руку её золотые часы, бросил ей в лицо упрек за выдумку о французском происхождении и ушёл, улыбаясь. Жаклин в ту же ночь выпила яд, и это воспоминание время от времени нагоняет облачко грусти на безмятежно веселое лицо Пепе Эспинола.

Так начал он свою карьеру, считавшуюся в своё время среди завсегдагаев кабаре и хулиганов Буэнос-Айреса карьерой быстрой и блистательной. Его стали называть «знаменитый Пепе», потому что каждый день видели с красивыми женщинами, а самые известные в городе куртизанки оспаривали его друг у друга. Был момент, когда он жил на содержание одной русской, проститутки из белогвардейского круга, тощей и невероятно чувственной, которой развратные миллионеры платили целые капиталы за одну ночь. Его женщины были самыми знаменитыми из всех, появлявшихся в известных кабаре центральных районов Буэнос-Айреса. Женщины разных рас и разных цветов кожи. От певицы-мулатки из Бразилии, имевшей такой успех, до смуглой голландки с квадратным лицом, содержанки одного коммерсанта, занимавшегося экспортом мяса. Не было альфонса, который жил бы лучше него и пользовался бы большей известностью. То были годы счастливой и богатой жизни. Шрам на руке от удара ножом, полученного во время драки в кабаре, несколько ночей, проведенных в полицейском участке, и воспаление легких (у него нашли гной в левом легком, но болезнь была захвачена в самом начале), от которого его лечили в лучшем санатории на деньги мисс Кэт, американки, увлекавшейся экзотическими кабаре и как-то ужасно глупо и романтически влюбившейся в Пепе, — все это были мелочи, которые не могли омрачить его счастье. Только когда бывал очень пьян, он вспоминал о Жаклин, выпившей яд той далекой ночью, и перед ним всплывало её мёртвое зелёное лицо в гробу. Тогда на него нападало внезапное бешенство, он избивал женщину, которая его в данное время содержала, говорил, что жизнь безобразна, и клялся, что завтра же пойдет к родителям. Но назавтра всё проходило, Пепе не шёл к родителям, и правильно делал, потому что старик, живший теперь на пенсии, категорически запретил ему появляться в доме, уверяя, что Пепе позорит семью своим поведением, своей недостойной профессией. Недостойная профессия... Пепе вспомнил фразу Шикарного:

— Самая достойная профессия для мужчины...

Ученик превзошел учителя. Разве можно сравнивать стареющего

альфонса из захолустных кабаре в предместьях города со «знаменитым Пепе», которого женщины оспаривают друг у друга, раскрывая для него свои сердца и кошельки? Пепе отплатил Шикарному услугой за услугу. Когда тот, состарившись и совершенно опустившись, бросил свою профессию, так как со вставными зубами не мог уже быть «достойным» альфонсом, Пепе устроил его швейцаром в лучшее кабаре, владельцу которого оказал в своё время ряд услуг. Так по крайней мере Шикарному не пришлось менять смокинг на другой, менее элегантный костюм. И часто по вечерам, открыв двери кабаре, чтоб впустить Пепе с женщиной, содержавшей его, и получив щедрые чаевые, он произносил громко, на всю улицу:

— Этого я сделал своими руками...

Но в конце концов и для Пепе миновали дни славы. Этой «достойной» профессией альфонса можно заниматься далеко не во всяком возрасте. Альфонс должен быть молодым, должен быть мужчиной романтической внешности. Иначе как же он может иметь успех? Но когда Пепе исполнилось тридцать два года, против его романтической внешности восстали его собственные волосы, которые начали выпадать с поразительной быстротой. Пепе облысел и не мог дальше зарабатывать «на красоте», как он обычно говорил. Но зарабатывать на женщинах он ещё мог. Существовала другая профессия, бесспорно менее романтическая, но не требующая красивой внешности, — профессия сутенёра. Шикарный считал эту профессию отвратительной, «недостойной честного мужчины». Лучше уж быть швейцаром... Но Пепе рассудил по-иному. Он вспомнил другую фразу Шикарного: «Нужно иметь характер». И стал сутенёром. А несколько лет спустя полиция начала так назойливо вмешиваться в его жизнь, что он принужден был уехать из Аргентины, увезя с собой Лолу, которую всюду представлял как свою жену. Так они появились в Рио-де-Жанейро.

Несомненно, это Пепе Эспинола первый ввел в Бразилии так называемый «шулерский трюк». Он стоил Лоле многих тревог и волнений, а Пепе принёс много денег. Они снимали номер в небоскребе, предварительно облюбовав себе богатого «клиента». Лола «случайно» встречалась с ним в лифте как можно чаще, они начинали кланяться друг другу, вскоре завязывалось знакомство. Когда для Лолы уже не оставалось сомнений в том, что «жертва» интересуется ею, она выбирала удобный момент и являлась со слезами на глазах — само отчаяние... Богач спрашивал, что с ней. Лола делала трагическое лицо и рассказывала «со всей откровенностью», что она несчастна в замужестве, что муж — грубый

насильник, жестоко обращается с нею, не понимает её, ревнует, никакого в нем чувства! Ну, какой же мужчина, да к тому же влюбленный, не захотел бы утешить белокурую Лолу, такую красивую и такую несчастную? С этого момента события начинали разворачиваться необычайно быстро, и после нескольких новых встреч Лола открывала дверь своей комнаты перед соседом, который жил этажом выше или этажом ниже со всей семьей, с женой и детьми. Он приходил, соблюдая всяческие предосторожности; однако именно опасность придавала этому любовному приключению особую прелесть. Лола представлялась очень испуганной. Говорила, что боится мужа, страшного ревнивца, он способен устроить скандал, убить человека, бог знает что наделать. Потом богач, плененный красотой её тела, уже не в силах был расстаться с ней, и с неделю они встречались, пока в один прекрасный день, когда богач уже чувствовал себя в безопасности, Пепе не врывался в комнату в самый критический момент с револьвером в руке, с горящим взглядом и с бешеным криком:

— Сука!

Лола всегда восхищалась актерским талантом Пепе, его диким голосом, его горящим взглядом. Это был настоящий артист. Она любила его, с каждым днём она любила его всё сильнее... Богач дрожал в постели. Обычно это был какой-нибудь мирный коммерсант, очень боявшийся скандалов, особенно в доме, где жила его семья. Он приходил в полное отчаяние, а Пепе выкрикивал оскорбления и угрозы. Видя, что «любовник» уже совершенно запуган, Пепе немного смягчался и, когда богач предлагал уладить дело миром, сначала резко отказывался в припадке оскорбленного достоинства, а потом соглашался обдумать возможность смыть пятно со своего имени не кровью, а чем-нибудь другим. Он долго говорил об оскорбленной чести и просил дорого, очень дорого. Богач выписывал чек, получал свое платье и ускользал, клянясь, что никогда больше не будет связываться с замужней женщиной. И так как Лола, пока продолжалась вся эта комедия, получала дорогие подарки от страстного любовника, чета Эспинола всегда имела от своего «предприятия» хорошую прибыль.

Но вскоре уже нельзя было применять «шулерский трюк» в Рио-де-Жанейро. Его слишком часто повторяли, и притом не только Пепе Эспинола. Метод аргентинца переняли другие, а один бразилец даже дополнил его, заставив участвовать в этой проделке двух женщин: одну из них он выдавал за сестру, невинную девушку, которая потом случайно становилась жертвой прихоти какого-нибудь миллионера. У Пепе не было времени применить это новшество, потому что как-то утром он проснулся в тюрьме, где просидел вместе с Лолой три месяца. Они переехали в Баию,

где жили некоторое время мирно, так как полиция Рио-де-Жанейро сообщила о них байской полиции, помешав тем самым ознакомить с остроумным «шулерским трюком» столицу штата.

В Баии они танцевали в самом известном кабаре, а потом переехали в Ильеус, подписав контракт с «Театром Сан Жоржи», где должны были выступить несколько раз. Едва ступив ногой на землю Ильеуса, Пепе Эспинола понял, какие огромные перспективы открываются перед ним в этом богатом городе, населенном плантаторами, сходящими с ума по красивым женщинам, которые так редко встречаются здесь. Он остался в Ильеусе и стал зарабатывать деньги игрой. Его первым предприятием, которое он не бросил и позже, был игорный дом, куда полковники приходили поиграть в покер и выпить хорошего вина. Сам Пепе не играл, только получал «благодарность» на «расходы», да ещё получал за вино и сэндвичи. Ходить играть к Пепе Эспинола стало модой. В зал для игры (маленький и роскошно обставленный, куда получали доступ лишь немногие) часто заходила Лола и прохаживалась среди полковников своей легкой походкой. Пепе стал подумывать о том, что надо завести рулетку.

Полковник Фредерико Пинто одним из первых стал завсегдаем игорного дома Пепе. Когда Пепе понял, что полковник безнадежно влюблен в Лолу, он решил применить к нему «шулерский трюк». Он предупредил Лолу, что пора начать действовать, и она начала действовать. Но полковник был слишком робок, и прошли целые месяцы прежде, чем он понял, что связь с этой женщиной возможна для него. Лола в Ильеусе прослыла «замечательной женой», так как оставалась нарочито равнодушной ко всем ухаживаниям (она знала, что в своё время это равнодушие сослужит ей хорошую службу) — к ухаживаниям полковников, адвокатов и даже самого Карбанкса, экспортера. Комедия с Фредерико длилась дольше, чем хотелось Пепе. И продолжалась еще долго после того, как полковник стал любовником Лолы: Фредерико настолько задаривал её дорогими вещами, что Пепе решил оттянуть развязку до тех пор, пока ящичек, где Лола хранила драгоценности, не будет полон доверху. Вот тогда полковник заплатит за поруганную честь Пепе Эспинола...

В кафе «Люкс» Пепе и Фредерико сидят рядом с Руи Дантасом и спорят о том, какой сорт сигар лучше. Руи Дантас, взглянув на них, подумал, что у женщин — плохой вкус. Он, Руи, такой молодой и сильный, посвящает ей нежные сонеты, а она увлеклась этим пожилым полковником с толстым животом. С таким можно вступить в связь только из-за денег...

Руи Дантас, адвокат без клиентуры, сын богатого папаши, бездарный поэт, неудачливый игрок, не одобряет вкуса Лолы. Он тоже много бы дал за

объятия белокурой аргентинки. Много... Он и не подозревает, что, разговаривая с полковником, Пепе думает, что пора уже разыграть последний акт комедии с Фредерико и начать другую. И что главным действующим лицом этой другой, новой комедии Пепе избрал адвоката Руи Дантаса, сына полковника Манеки Дантаса — известного богача, владельца фазенды «Обезьянник». Руи грустно. Лола так недосягаема, никогда он её не добьется... А чего бы только он не дал за то, чтоб она была рядом, она с её красивым телом... чтобы он мог ласкать её... И, словно угадав его мысли, Пепе, после ухода полковника, обращается к Руи и приглашает его на обед:

— Это Лола вас приглашает. Вы очень нравитесь ей... — Он коверкает слова, пытаясь говорить по-португальски.

У Руи Дантаса загорелись глаза. Он посвятит ей сонет. Сегодня же напишет. Романтический и со звучной рифмой. И он уплатил за сигары, которые заказал Пепе.

6

«Ильеусская экспортная компания по вывозу какао» занимает, вместе со своими складами, почти целый квартал. Однако вывеска фирмы — маленькая, вывески других фирм, представителем которых является «Экспортная» (как все её называют), гораздо больше. А «Экспортная» является представителем целого ряда фирм и компаний: американской авиационной и шведской судоходной компаний, американского страхового общества морского судоходства, фирмы, продающей пишущие машинки, и многих других. Но все эти предприятия занимают ничтожное место в огромных конторах и бухгалтерских книгах «Экспортной». Правда, здесь заключаются договоры на провоз какао на шведских кораблях, здесь можно достать билет на самолет, купить пишущую машинку, застраховать имущество на случай пожара. Но всеми этими делами занимается лишь небольшое число служащих. Подавляющее большинство занято торговлей какао. Склады, тянущиеся вдоль всех улиц квартала, доверху наполнены какаовыми бобами. Здесь так сильно пахнет шоколадом, что голова кружится. «Ильеусская экспортная компания» — самая крупная в стране экспортная фирма по вывозу какао.

На двери кабинета Карбанкса (Карбанкса там не всегда можно застать, он часто уезжает из Ильеуса) висит дещечка: «Директор». Карбанкс — человек веселый и общительный, он любит выпить, гуляет по улицам в

обнимку с полковниками, знаком со всеми. И всё-таки этот американец, огромного роста, толстый, красный и потный, с длинными руками, из-за которых его прозвали «гориллой», с громким голосом, так и остался загадкой для жителей Ильеуса. О нем говорили разное: что он связан с крупными американскими фирмами и приехал в зону какао как их представитель, что он не хозяин «Экспортной», а лишь управляющий, служащий высшей категории. Жизнь гиганта-американца была окружена тайной, и долгое время весь Ильеус ломал голову, пытаясь проникнуть в эту тайну. В конце концов все в городе привыкли к нему и к его странностям. Карбанксу в зоне какао симпатизировали больше, чем всем другим иностранцам, за исключением сирийца Асфоры, ставшего плантатором и выдавшего своих дочерей замуж за бразильцев. Асфору просто не считали иностранцем. Он уехал было в Сирию с женой и младшей незамужней дочерью, чтобы спокойно дожить остаток дней своих на родине. Но через год вернулся — стосковался по земле какао. Снова надел высокие сапоги и отправился в фазенду — сажать какаовые деревья и собирать плоды.

Карбанкс тоже каждый год летал к себе на родину в Соединенные Штаты. До открытия авиалинии он отправлялся туда на корабле раз в два года. Он всегда привозил подарки своим друзьям полковникам, какие-нибудь авторучки, электрические бритвы, маленькие радиоприёмники. Но не эти подарки принесли ему популярность. В нём нравилась манера держаться и то, что он, казалось, не придавал никакого значения своему высокому положению. Он проводил время в барах, за беседой, пил «drinks»^[5] и рассказывал анекдоты на ломаном португальском языке. Иногда он сильно напивался и танцевал самбу в баре с какой-нибудь девчонкой, навалившись на неё своим огромным обезьяньим телом, болтая длинными руками, сбиваясь с такта. Когда у него бывал запой, он становился неподражаем. В такие ночи он пел фокстроты по-английски. (Это Карбанкс некоторое время спустя, в период повышения цен на какао, поддержал праздничную процессию, в которой приняли участие развратные богачи.)

Он любил употреблять специфические выражения, связанные с торговлей какао, но произносил их с трудом, и в его устах они становились уродливыми, деревянными. Это он добился заключения договора со шведской навигационной компанией о фрахте больших грузовых судов, благодаря которому стало возможным переправлять какао из Ильеусского порта прямо в Соединенные Штаты, Германию и Северную Европу. Поддержанный Карлосом Зуде и другими экспортёрами, он оказал

давление на правительство, вынудив его углубить гавань настолько, чтоб в неё могли входить суда большого тоннажа. Пожалуй, выражение «оказывать давление» не совсем применимо к Карбанксу, потому что он казался человеком абсолютно неспособным оказывать на кого-либо давление. По городу ходила двусмысленная шутка по поводу этой черты его характера: злые языки утверждали, что Карбанкс не женится только потому, что не хочет оказывать давления на жену. Эту шутку кто-то передал Карбанксу, и экспортер долго хохотал, выкрикивая при этом свое любимое словечко:

— Ужас! Ужас!

Но всё же гавань усовершенствовали. Люди знающие говорили, что «Экспортной» принадлежит большая часть акций судостроительного общества, купленных у наследников полковника Мисаэля. А порт давал громадные доходы... Говорили также, что Сельскохозяйственным банком руководит фактически «Экспортная», то есть тот же Карбанкс. Он и Карлос Зуде проникли всюду, только ещё до фазенд не добрались. Никто ещё в то время не отдавал себе отчёта в том, что между полковниками, которые завоевали и первыми начали возделывать эту землю, и экспортерами, мечтавшими стать её новыми хозяевами, вскоре начнется борьба. Догадывались лишь, что цены на какао вскоре начнут повышаться и дойдут до огромного, неслыханного уровня... Но в разговорах уже часто слышались имена Карбанкса и Зуде, упоминания о фирме «Рибейро и К°», о немцах Раушнингах из другой экспортной фирмы, о жадном еврее Рейхере, о нацисте Шварце. Говорили и о Корейе, основавшем маленькую шоколадную фабрику, который платил журналистам, пишущим в газетах о его «патриотическом почине» — попытке организовать производство шоколада в самой Бразилии. Но больше всего говорили о кутежах Карбанкса. Благовоспитанные дамы, правда, ворчали: американец, мол, считает, что ему все дозволено, потому что он богат. Но всё-таки Карбанкс пользовался уважением. Англичане держались как-то обособленно от всех, замкнутым кругом, немцы относились к местному населению свысока, с некоторым, недоверием и даже презрением. В Ильеусе не любили ни тех, ни других. Они были очень мало связаны с городом и его обитателями, словно жили где-то далеко, а не в самом Ильеусе. Ну, а Карбанкс жил здесь уже много лет. Он приехал, когда какао начинало приобретать значение в экономике страны, и основал свою экспортную фирму. Сначала она была мелкая, пожалуй, самая мелкая из всех, занимающихся экспортом какао. После уборки урожая Карбанкс уехал в Соединенные Штаты, и когда вернулся, фирма «Франк Карбанкс, экспортер» превратилась в

«Ильеусскую экспортную компанию». Изменилось не только название, необычайно увеличились капиталы фирмы. В том же году Карбанкс купил больше какао, чем все другие экспортеры. В последующие годы он продолжал расширять дело и довел его до таких масштабов, что, пожалуй, только «Зуде, брат и К^о» да еще Шварц могли равняться с ним. Раушнинги экспортировали какао только в Европу, а Рейхер и Рибейро, связанные с экспортом в Соединенные Штаты и Аргентину, закупали гораздо меньше какао. Карбанкс скупал почти тридцать процентов всего урожая, собираемого на юге штата Баия.

Как-то раз, когда Карбанкс находился в Соединенных Штатах, по городу прошёл слух, что янки застрял в нью-йоркских конторах и больше не вернётся в Ильеус. Все пожалели об этом, полковники и завсегдатаи кабаре скучали без Карбанкса. Действительно, в директорском кабинете «Экспортной» появился другой американец. Это был тощий, молчаливый и желчный человек, и дела фирмы при нем пошли гораздо хуже, чем сразу же воспользовался Максимилиано Кампос, чтобы переманить нескольких видных клиентов «Экспортной», крупных плантаторов, которые с тех пор стали продавать какао ему. Молчаливый американец не пришелся по вкусу полковникам: он не угощал водкой, не принимал приглашений на чашку кофе в соседний бар, не говорил о женщинах. В результате вернулся Карбанкс, а тощий, желчный американец исчез. С возвращением Карбанкса дела «Экспортной» сразу пошли в гору. Началась перестройка доков (многие утверждали, что в этом сложном деле замешаны люди из столичных политических кругов), открылся банк, был заключен договор на фрахт шведских судов, чтобы наладить вывоз какао непосредственно из Ильеуса. Теперь «Ильеусская экспортная компания» занимала почти целый квартал на главной торговой улице города, являлась представителем многих других компаний, принимала участие в целом ряде крупных дел. Например, ей принадлежало подавляющее большинство акций компаний по строительству шоссейных дорог, которые отчаянно конкурировали с железной дорогой. Основное количество грузовых машин, перевозивших какао из Итабуны, Феррадас, Пиранжи, Палестины, Банко да Витория и Гуараси — городов и поселков, связанных с Ильеусом шоссейной дорогой, — также находилось в распоряжении «Экспортной».

Американцы, работавшие в «Экспортной» (их было немного), в большинстве своём были протестантами и ходили в англиканскую церковь, помещавшуюся в здании бывшего склада какао. Карбанкс, хотя тоже был протестантом, вообще не ходил в церковь. Однако он никогда не отказывал церкви в своем покровительстве и денежной помощи. В дни праздника Сан

Жоржи, или Сан Себастьяна, или Сан Жоана имя Карбанкса всегда стояло первым в подписных листах, рассылаемых по городу епископами и священниками и разносимых самыми хорошенькими ученицами монастырской школы. И сумма, пожертвованная Карбанксом на церковные празднества, всегда бывала самой крупной из всех.

На большой мраморной доске, висящей в притворе церкви Носса Сеньора да Витория, красивой белой церкви, выстроенной по настоянию монахинь напротив монастырской школы, на холме, над городом, тоже можно было видеть имя Карбанкса. Оно было выгравировано под именем префекта, в списке людей, пожертвовавших крупные суммы на строительство церкви. Американец дал двадцать conto. И только на этой доске можно было прочесть его полное имя: мистер Франк Морган Х. Карбанкс.

7

Поэт Сержио Моура сидел в кресле и слушал пенье сабиа.^[6] Зазвонил телефон; он нехотя поднялся и взял трубку. Любезный голос Мартинса, управляющего фирмы «Зуде, брат и К°», доносился словно откуда-то издалека:

— Сеньор Моура?

— Я...

Новое здание Ильеусской коммерческой ассоциации, где жил Сержио Моура, находилось почти напротив префектуры, а рядом тянулся большой сад, лучший в городе. Это здание, огромное, величественное, с просторным мраморным вестибюлем, с широкими красивыми лестницами, с дорогими коврами, было символом мощи так называемых «имущих классов» города, символом его процветания. Была здесь и библиотека, книги которой только потому не оставались неразрезанными, что поэт Сержио Моура жил в здании Ассоциации, где служил секретарем. И по той же причине сад за домом украсили орхидеи (их возле пляжа росло видимо-невидимо, но никто не обращал на них внимания) и в нём появилось около двадцати птичек, которые своим звонким пением отвлекали поэта от цифр, говорящих о развитии экспорта какао, о торговом обороте в здешних краях, цифр холодных и чопорных, как богачи в высоких накрахмаленных воротничках. Сабиа выводил свои трели в надвигающихся сумерках. Бывало, что Сержио Моура целыми днями не выходил из здания Ассоциации, сюда приносили ему завтрак, обед и ужин. Но кто-то,

считавший себя психологом, как-то сказал, что единственный человек, который видит и понимает всё происходящее в Ильеусе, — это, поэт Сержио Моура, Возможно, то было преувеличение, но основания для него были.

Голос Мартинса по телефону:

— Говорит Мартинс...

— Да?

— Сегодня состоится собрание экспортеров, там у вас, в Ассоциации...

— В котором часу?

— В девять...

— Хорошо.

— Постарайтесь достать...

— Виски? Можете быть спокойны. Где ж это видано собрание экспортёров без виски?

Мартинс не особенно любил Сержио Моура и немного боялся его. Но не мог удержаться, чтоб не сообщить сенсационную новость:

— Знаете, сеньор Моура? Кажется, ожидается повышение цен, и немалое...

Поэт поднял брови и сморщил лоб:

— Повышение?

— Из-за этого и собрание... Я не знаю толком...

— А кто знает? — спросил поэт.

— Так ведь...

— Ну ладно, до вечера...

— До свидания, сеньор Моура. Я вам о повышении ничего не говорил, ясно?

— Не волнуйтесь.

Сабиа продолжал петь звонко, нежно и печально, словно плакал о своём лесе, утерянном навсегда. Поэт Сержио Моура подошел к клетке взглянуть на жёлтую птичку. Высокий, худой, в своем синем кашемировом костюме он и сам походил на какую-то странную птицу, а в глазах его вспыхивала тонкая ироническая улыбка, теряющаяся в уголках губ. В юности он был очень худеньким и слабым, но однажды, после драки на улице (единственной драки в его жизни), решил делать гимнастику, чтобы стать сильным. Многие смеялись над ним, но Сержио нанял учителя, целый год упражнялся и стал другим человеком. Он только потому не отомстил своему обидчику, что тот уехал, но Сержио надеялся ещё когда-нибудь встретить его... С тех пор никто не решался ссориться с поэтом.

Если раньше его боялись по другим причинам («Он ядовит, как змея», — сказал адвокат Руи Дантас, когда Сержио издевался над его ученическими сонетами), то теперь стали бояться ещё больше.

Сабиа всё пел, а Сержио Моура задумался. Повышение цен... И на кой дьявол нужно этим экспортерам повышение цен? Ведь как будто существующие цены для них идеальны, — цены, установленные Нью-Йорком... Уже давно ильеусские экспортеры могли бы установить свои цены, если бы захотели... Ведь где ж ещё стали бы покупать Соединенные Штаты всё необходимое им какао? Поэт вспомнил о вырезанной им из газеты телеграмме, в ней сообщалось о потере всего урожая в Эквадоре. Вредители съели цветы и молодые плоды. В Эквадоре плантаторы не разводили на листьях, какаовых деревьев муравьев «пешишика», которые уничтожают вредителей, не портя листьев. А в Ильеусе их разводили. Ильеус обязан своим богатством муравью... Сержио подумал, что этому муравью стоит посвятить поэму, одну из этих поэм в новом стиле, которые производили в Ильеусе впечатление взорвавшейся бомбы (теперь уже над ним не будут смеяться, как раньше, потому что два-три известных критика из Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло превозносят его в своих статьях, а с мнением этих критиков приходится считаться, если не хочешь прослыть невеждой). Муравей пешишика... Откровенно говоря, мой милый сабиа (до чего же сладко ты поешь!), экспортеры давно уже могли вызвать повышение цен... Сержио всегда думал, что это нестоящее дело для экспортеров. Зачем повышать цены? В своих разговорах с сабиа, канарейками и щеглами поэт кое-что рассказывал им о борьбе между крупными экспортерами и хозяевами земли — помещиками, завоевателями лесов, прошедшими тридцать лет назад по крови и трупам для того, чтобы посадить первые деревья какао; о борьбе, в которую будут втянуты и мелкие землевладельцы, возделывающие свои клочки земли собственными руками. Поэт предвидел эту борьбу. Экспортёры сейчас только посредники, но всё больше становятся хозяевами этой земли, получающими наибольшие доходы от какао. Мелкие землевладельцы живут бедно, в постоянной борьбе с крупными фазендами, стремящимися их проглотить, а экспортеры поддерживают эту борьбу, помогая мелким землевладельцам ссудами, — им выгодно, чтоб поместья не укрупнялись, а не то весь урожай попадет в руки небольшого числа богачей, которые будут навязывать свои цены. И вот теперь, неожиданно, — повышение цен. Зачем оно? Повышение цен только обогатит помещиков, сделает их сильнее, какая от него выгода экспортёрам?

Одной канарейке он дал имя Карл Маркс, это, конечно, был скандал

для Коммерческой ассоциации. Но поэт просто читал Маркса и революционных экономистов. Да и вообще, разве существовали такие книги, которых Сержио Моура не читал?

Город, где он жил прежде, был меньше Ильеуса, там поэт занимал какую-то скромную должность в одном из учреждений. Сюда он приехал работать в «Диарио де Ильеус», первой из ежедневных газет, начавших издаваться в городе. Но он недолго пробыл в газете, ему там не понравилось. Должность секретаря Коммерческой ассоциации давала не только достаточный заработок, позволявший ни в чем себе не отказывать, но и возможность спокойно читать и спокойно писать. А читал он много, глубоко изучил марксизм, и, пожалуй, во всем штате нашлось бы немного людей с такими знаниями в этой области, как у него. Пока что эти знания никому пользы не принесли, поэт о них молчал и никак не использовал их. Например, он никогда не появлялся на собраниях в доме Эдисона, сапожника, жившего на Змеином острове. Но на поэзию Сержио эти знания повлияли: он оставил размеренный александрийский стих, сонеты со сложными рифмами и писал теперь поэмы в свободном, звонком ритме. Содержание их тоже изменилось. Странно, но его поэтическая реформа, которой в Ильеусе не придали никакого значения, оказала влияние на литературную молодежь больших городов страны. Его поэма «Два праздника в море» имела успех в Рио, Сан-Пауло и Ресифе. В ней рассказывалось, что как-то раз в море упала книга Фрейда и поэтому «в море был праздник». Русалки оборвали свои рыбы хвосты и предались любви без всякого стеснения. А в другой раз в море упала книга Маркса, и снова был праздник. Все рыбы собрались вместе во дворце морского царя — акулы, убили его, и под водой воцарилась свобода. Такова была в то время поэзия Сержио Моура.

Первое время в Ильеусе о нем много говорили и удивлялись: он никогда не ходил в кафе, не перешагнул порога ни одного кабаре, жил замкнуто и всех чуждался.

Но постепенно Ильеус привык к поэту Сержио Моура и стал считать его своим. Перелом в отношении жителей города к поэту произошел главным образом благодаря статьям, появившимся в Рио и Сан-Пауло и содержащим хвалебные отзывы о его стихах, в то время ещё не вышедших отдельным изданием. Люди примирились и с его иронией, и с едкими замечаниями по поводу местных скандальных историй, и с его отказом участвовать в литературном кружке торговых служащих, и с его «возмутительно глупой надменностью», как сказал Руи Дантас. Поэт заплатил за то, что его оставили в покое: он написал поэму об Ильеусе,

которая теперь читалась на всех праздниках.

Иногда шофер Жоахим заходил в Коммерческую ассоциацию побеседовать с поэтом. Он говорил о проблемах экономики, и оба долго спорили под пенье птиц, глядя на бумаги с цифрами и данными об экспорте какао, разложенные на столе.

Сержио был лишь секретарем Ильеусской коммерческой ассоциации и зарабатывал своё скромное жалованье, слушая споры плантаторов, коммерсантов и экспортёров на еженедельных собраниях. Но отвлечься от всего этого ему помогала поэзия (в последнее время он занялся фольклором и писал длинные поэмы по мотивам народных легенд, родившихся в земле какао), а также пенье птиц, уход за орхидеями в саду, чтение Маркса и других революционных мыслителей. А когда над кокосовыми пальмами спускались сумерки, поэт Сержио Моура гулял по улицам Ильеуса, города, где велось столько споров из-за денег, где люди так ожесточенно боролись за землю, отнимая друг у друга поместья, города ловких подлогов и насильственной смерти, ставшей традицией его истории. С вершины холма Конкиста он глядел, как внизу, за кладбищем Витория, один за другим зажигались огни, и с губ его не сходила ироническая улыбка. Его спокойствие нарушали только угрозы местных главарей фашистской партии, считавших его — поэт ещё не понимал почему — очень опасным элементом. В фашистских кругах ходили слухи, что в списке лиц, подлежащих расстрелу после прихода фашистов к власти, — списке, составленном главой местной организации, — имя поэта стояло первым.

Сабиа поёт, а Сержио Моура в задумчивости смотрит на него. Повышение... Зачем им нужно это повышение? Непонятно, какая выгода от этого экспортёрам... Чего они хотят? Поэт пожал плечами и сунул палец в клетку — ручная птичка не боялась его и подставила головку. Потом он сел писать начатую поэму для детей, в которой рассказывалось, как один сабиа стал главой всех птиц, сидящих в клетках, и организовал забастовку: все птицы в один и тот же час перестали петь. Он начал поэму легким, простым языком сказки. Но сейчас он не находил точного слова, удачного образа. Повышение цен... Хорошо бы поговорить с Жоахимом. Подумав о Жоакиме, он подумал о работниках плантаций. Им повышение ничего не даст. Их жизнь всегда одинакова, её ничто ещё не смогло изменить: ни прогресс, ни рост богатства помещиков, — жалкая, нищенская жизнь. Один друг Жоакима шесть месяцев проработал в фазенде какао только для того, чтоб увидеть, как живут работники плантаций... Мужественный человек... Им повышение цен не принесет никакого облегчения. Оно только усилит

помещиков, а что толку от него экспортерам, почему они так торопятся?

Сабиа перестал петь. Орхидеи раскрывают свои мясистые яркие лепестки. Поэт подходит к открытому окну. Улица тиха и пустынна. По бульвару идет Жюльета Зуде, хорошенькая, в красивом платье. Она слегка кивнула ему головой. Сержио Моура ответил на поклон и взглянул на её бедра. Давно уж его тянуло к ней. Но всё равно это невозможно... Жена экспортера... Даже если будет повышение цен... Но Жюльета направляется к Ассоциации что ей нужно? Сержио открыл двери. Она хочет взять книги в библиотеке, шведка просила почитать что-нибудь, интересуется бразильской литературой — Жюльета хотела бы посоветоваться с поэтом.

— Что бы ей такое порекомендовать?

Она надушена дорогими духами, на смуглой шее — жемчужное ожерелье. Если бы поэту Сержио Моура сказали, что он может желать того же, что и экспортер Карлос Зуде, он бы, наверное, обиделся и ответил какой-нибудь едкой шуткой. Но в эту минуту ему хочется увидеть Жюльету голой, с этим ожерельем на смуглой высокой груди, которую сейчас так красиво обрисовывает платье. А Жюльета в восторге хлопает в ладоши:

— Какие чудесные птички... А орхидеи просто прелесть!

Самая красивая орхидея уже покоится у неё на груди. Он назвал ей довольно много книг, она попросила записать.

— Может быть, вы принесете список ко мне домой? Никогда не зайдёте поболтать, прямо монах какой-то... Завтра мое рождение, у нас соберется несколько близких друзей... Почему бы вам не прийти? Я вас никогда не решалась приглашать, мне говорили, что вы ни к кому не ходите, что вы очень гордый... Приходите, хорошо?

В комнате долго ещё стоял запах её духов. А что принесёт повышение цен ей? Подозревают ли работники фазенд — основа всей этой пирамиды бобов какао, — что существуют такие женщины, такие красивые, нарядные, холёные?

Решительно необходимо побеседовать с Жоакимом, надо послать к нему. Сержио позвал швейцара и велел купить виски, лёд и сэндвичи для сегодняшнего собрания:

— По пути скажите Жоакиму, чтоб зашел ко мне...

А теперь ему захотелось писать стихи — о любви, о Жюльете:

Ты пришла из земель далеких,
виденье Нау Катаринета... [\[7\]](#)

Какая тайна скрывается за этим повышением цен? Сегодня поэт Сержио Моура не может писать свою поэму о любви. Он тоже может думать только о том, о чем думает в эти дни весь город Ильеус, — о какао.

8

Чтобы лучше разобраться в своих собственных мыслях, Сержио Моура прочел Жоакиму отрывок из статьи, напечатанной в американском справочнике, полученном Ассоциацией из Соединенных Штатов. Он неважно знал английский и переводил с трудом, но Жоахим слушал внимательно и серьезно.

«Дерево какао в естественном состоянии встречается в районе Амазонки. Его выращивают в штатах Баия, Пара, Амазонас и Эспирито Санто. Пара был первым штатом, где начали сажать деревья какао. Первое дерево было посажено в 1677 году, а в 1836 первый саженец какао был привезен в штат Баия, где положил начало будущим огромным плантациям. По производству какао Бразилия занимает второе место в мире после Золотого Берега, причём большая часть производства бразильского какао (98 %) падает на штат Баия. Зона какао в штате Баия представляет собою узкую прибрежную полосу протяжением в 500 километров, местами ширина её доходит до 150 километров. Почти весь урожай какао собирается с площади в 20000 квадратных километров, от Бельмонте на юге до Сантарема на севере штата. Благодаря очень плодородной почве на юге штата для дерева какао были созданы более благоприятные условия, чем на его родине — в районе Амазонии.

Из Бразилии какао экспортируется через порты Ильеус и Баия в штате Баия, Белем в штате Пара, Витория в штате Эспирито Санто, Итакоатиара и Манаус в штате Амазонас. Какао экспортируется преимущественно в Соединенные Штаты, являющиеся самым большим рынком сбыта бразильского какао. В 19... году Соединенные Штаты закупили 88202 тонны, Германия 19228 тонн, Италия 6541 тонну бразильского какао. Какао экспортировалось также в меньших количествах в Аргентину, Швецию, Голландию, Колумбию, Данию, Норвегию, Уругвай, Бельгию, Францию и другие страны. Потребление какао в Бразилии незначительно, оно потребляется главным образом в холодных странах. Поэтому бразильская продукция в основном экспортируется.

Какао занимает большое место в экспорте Бразилии, самое большое после кофе и хлопка. Рынок США, поглощающий более 40 % мировой

продукции какао для производства шоколада, сладостей, сухого какао, какаоового масла и фармацевтических продуктов, в последние годы отдает предпочтение бразильскому какао».

Затем шли цифровые данные об урожае за последние десять лет — многозначные цифры, свидетельствующие о постоянном росте производства какао. Жоахим поднял руку, указывая на улицу за окном, и посмотрел вдаль, словно хотел охватить взглядом не только эту комнату Коммерческой ассоциации, но весь город Ильеус, весь муниципальный округ, всю зону какао, с её бесконечными рядами деревьев, неподвижно застывших в ожидании дождя, который отягчит их ветви плодами цвета золота.

— Это империализм, товарищ Сержио, это империализм. Он хочет поглотить всё это...

И в безумной фантазии поэта трагический жест Жоакима вызвал страшное виденье: гигантский дракон о ста головах с жадно разинутой пастью пожирал всё и всех — порт Ильеус вместе с грузчиками, шоколадную фабрику вместе с рабочими, фазенды вместе с помещиками и работниками плантаций, маленькие фермы мелких землевладельцев, автобусы вместе с пассажирами, Жульету, птиц и мясистые, чувственные лепестки орхидей.

А голос Жоакима, дополняя его трагический жест, звучал грозно, как пророчество:

— Это империализм. Он поглотит все...

Вечер умирал в мягких сумерках над крышей Коммерческой ассоциации, над пышными садами, над розами, гвоздиками и фиалками. Из подъезда префектуры вышел сеньор префект, толстый и улыбающийся, и сел в правительственную машину, намереваясь ехать куда-то. Вечерний ветер, легкий и нежный, колыхал желто-зеленый национальный флаг Бразилии, укрепленный на высоком шесте, на крыше многоэтажного здания префектуры. А перед глазами поэта Сержио Моура плыл над городом фантастический дракон, вызванный к жизни трагическим жестом Жоакима, огромный ненасытный дракон, пролетевший над вечерним садом и превратившийся в черную тучу на вечно голубом небе города какао. И эта туча росла и росла, пока не заволокла всё — величественное здание префектуры, красные розы в саду, роскошные особняки плантаторов, бедные рабочие кварталы на холме, птиц на деревьях. И ползла дальше, в сторону какаоовых плантаций, а национальное знамя Бразилии тоже скрылось за тучей. Словно во власти какой-то страшной галлюцинации, поэт ясно видел эту тучу своими зоркими глазами, глазами провидца.

Страшный дракон, чёрная туча на ясном синем небе...

Какой-то человек быстро прошел по улице, крикнул другому, показавшемуся у выхода на площадь:

— Кум! Сегодня ночью будет дождь! — голос его весело отозвался в полутьме.

— Хвала богу, мы спасены!

Где-то запела птица, прощаясь с уходящим днём.

9

В ильеусских сумерках, когда в конторах спешно заканчиваются дела и замыкаются железные двери складов какао, когда колокола церковей наперебой звонят к вечерне, печальный голос Лолы Эспинола пел танго про вино и измены, про муки любви. Пепе слушал, и перед его полузакрытыми глазами снова вставали знакомые картины: предместья Буэнос-Айреса, портовые кабаки, женщины, дрожащие от холода на предрассветных улицах, мужчины с циничной улыбкой на лице. Ночи старых времен снова оживали в словах танго — вечные измены, пьянство, пьянство без конца, чтоб всё забыть, душераздирающие трагедии деклассированных, жалкие в своей нищей печали. Грязная любовь альфонсов и сутенеров, любовь с привкусом денег, заработанных в постели; трагедии, происходящие в залах кабаре, становящихся часто местом траура, несмотря на объявления о том, что здесь всем продается веселье по общедоступным ценам. Голос Лолы звенит протяжно и мягко, словно смоченный дешевым вином, словно омытый печалью:

В эту ночь я напьюсь допьяна,
напьюсь допьяна,
чтоб всё забыть...

Полковник Фредерико Пинто беспокойно задвигался на стуле и улыбнулся ей. Он нарочно выбрал это место: сидя здесь, можно было улыбаться, подмигивать и посылать воздушные поцелуи, не боясь, что кто-нибудь заметит. Он сидел спиной к Пепе и Руи Дантасу, примостившемуся сзади, на софе. Полковнику слова этого танго ничего не говорили, он даже не совсем понимал этот искаженный испанский язык, с какими-то обрывками слов, язык аргентинских борделей. Но эта музыка, тягучая и чувственная, вызывала у него воспоминания о ночах любви, о ласках,

которых он не знал и не мог вообразить себе раньше. В его отношениях с женой всегда существовала какая-то скучная стыдливость. Они спали вместе, рожали детей. Это было основное: рожать детей. Но в действительности Фредерико даже не знал, какое тело у его жены, а с годами это тело становилось все более бесформенным, пока не превратилось в отвратительную грудку мяса. Он с какой-то гадливостью вспоминал, как она тихонько всхлипывала в постели... Эти всхлипывания такой огромной, непомерно толстой женщины были ему до глубины души противны. Он всё больше начинал избегать её близости и во время своих поездок в город и в поселки всё чаще ходил к проституткам, телосложение которых было более пропорциональным, чем у его жены. Они немного обучили его любовному искусству. Но они делали это так холодно, так профессионально, что шокировали даже такого человека, как полковник Фредерико Пинто. Лола была открытием, с ней он узнал любовь, жизнь, ласку. Для этого маленького, нервного, очень богатого человека, проведшего большую часть жизни среди деревьев какао на плантациях и диких зверей в лесу, Лола была лучшим в мире сокровищем, чем-то невиданно прекрасным, неожиданным воплощением всех мечтаний. У Фредерико Пинто были жена, дети и фазенды какао. Его ценили по всей округе, он был одним из хозяев этой земли. Но он с наслаждением бросил бы всё — землю, фазенды, жену и детей, чтобы следовать за Лолой по большим дорогам. Близость с белокурой аргентинкой родила в нём множество новых ощущений, он чувствовал себя юношей, только вступающим в жизнь. Вероятно, многие смеялись над ним, но он даже не думал об этом. Он словно жил не на земле, а в каком-то другом мире, созданном его фантазией. В тонкостях чувственной любви, которым учила его Лола, он не распознал профессиональных ласк опытной проститутки. Он считал её чистой и благородной. Долгие поцелуи её наученных губ, движенья её опытных рук, познавших всю науку прикосновений, — во всём этом он видел только любовь, большую любовь. Он не сумел рассмотреть порока. И в этом танго, которое она пела сейчас, тоже не было, как казалось Фредерико, ничего порочного... только печаль. Мелодический голос пел только о любви, и слова этой песни были обращены к нему. И полковник раскрывал и снова сжимал губы, посылая певице смешные воздушные поцелуи.

А Руи Дантасу хотелось казаться зрелым мужчиной. Он встал в романтической позе у софы, не отрывая глаз от певицы, и взгляд этих глаз был тяжелый и страстный. Лола была старше Руи, и ему ужасно не хотелось выглядеть едва окончившим студентом: пусть она чувствует, что

он мужчина, что он способен покорить её, подчинить себе. Он смотрел на неё надменно, но сердце у него в груди замирало. Он тут же принялся сочинять сонет, в котором сравнивал себя самого с мотыльком, вьющимся вокруг прекрасной розы. Но — увы! — у розы есть шипы, и бедный мотылёк поранил о них свои крылышки. Эти шипы — равнодушие. Заключительные строки были уже верхом банальности: крылья мотылька означали, оказывается, сердце Руи Дантаса. Но сам Руи был удовлетворен своими стихами и уверен, что они помогут ему завоевать любовь Лолы, которую так трудно завоевать. И он смотрел на неё мрачно-романтическим взглядом. Глядя на него со стороны, можно было подумать, что он гипнотизирует Лолу.

А голос Лолы раздавался всё звонче, в то время как взгляд её переходил с Пепе на Руи, с Руи на Фредерико, с Фредерико опять на Пепе. И в каждом из трех мужчин этот взгляд вызывал одни и те же чувства и мысли. Пепе знал, что эти печальные песни Буэнос-Айреса она поет для него, Руи Дантас думал, что к нему обращены эти грустные нежные слова, а полковник считал, что это его призывает она к любви своей песней на чужом языке.

Но Лола поёт только для себя, поёт о том единственном, чего ей хочется сегодня, этой ночью, сейчас:

В эту ночь я напьюсь допьяна,
напьюсь допьяна,
чтоб все забыть...

Эта жизнь — скучная и грязная. Только пить, пить без конца, целыми бутылками, пока не упадешь в изнеможении, чтоб больше не думать, чтоб забыть всё, всё, всё. Пепе избил бы её, если б она сказала ему, о чём думает, Фредерико подарил бы ей кольцо, ожерелье, браслет или что-нибудь в этом роде, а Руи предложил бы выйти за него замуж. И всё это не имеет никакого смысла. Пусто и грустно, ничего этого ей не надо. Только пить, пить, чтоб ни о чём не думать. Пить до тех пор, пока не упадешь и не уснешь, пока не забудешь обо всём на свете. Её голос звенит всё громче, а взгляд переходит с Пепе на Фредерико, с Фредерико на Руи, с Руи опять на Пепе. Это не песня, а рыданье, хотя никто не понимает этого:

...чтоб всё забыть...

Она бесконечно устала.

10

Жульета Зуде тоже очень устала. Кровавые полосы заката над морем словно давят на душу. Что это с ней? Болезнь какая-то... Словно всё тело нарываёт, все мускулы и нервы порвались как будто. Усталость. От всего и от всех. Она подошла к окну и села на подоконник. По улице прошёл какой-то мужчина и нескромно посмотрел на её голую коленку, высунувшуюся из окна: платье задралось. Жульета оправила платье, сняла ногу с подоконника и даже не улыбнулась. Незнакомец отошёл. В другой раз это, наверно, позабавило бы её... Пятна крови там и сям упали на темное, зеленое море. Тишина на пустынном побережье. Неподалеку мальчишки играют в футбол. Беспризорники. Жульета несколько минут наблюдает за ними: и как они не устанут целый день в футбол играть? С утра они уже на пляже со своим тряпичным мячом, весело кричат, лукавые глаза сияют. Сейчас уже вечер, а они всё играют. Бегают, кричат и смеются. «Какие счастливые», — подумала Жульета.

И почему она сегодня целый вечер смотрит на это море, словно выпачканное кровью? Похоже на чью-то картину. Жульета вспомнила картины на выставке в Рио-де-Жанейро. Но это было что-то неподвижное, искусственное и не нагоняло тоску, а вот настоящие сумерки почему-то нагоняют тоску. Жены друзей, образованные женщины из Рио приходили в восторг от каждой картины на выставке («Посмотрите, как великолепно написаны сумерки!»), а она молчала: картины совершенно её не трогали. Она думала о том, что вечером встретится с Отавио в казино. Но теперь это умирающее солнце, окрашивающее кровью морские волны, эта тишина пустынного, погруженного в темноту побережья давят ей на сердце. Устало потягиваясь и зевая, Жульета сошла с подоконника.

— Это всё нервы...

Так ей сказал Отавио в один из последних дней её пребывания в Рио. Когда она жаловалась на усталость, уверяла, что её гнетет какой-то тайный недуг, он смеялся, брал её на руки и говорил:

— Это всё нервы, девочка. Неврастения... Болезнь миллионерш, таких, как ты... Тех, кому нечего делать...

Но что б это ни было, это было ужасно. Словно какая-то страшная боль медленно подкрадывалась, разливалась по всему телу. Боль, грусть, безразличие ко всему. Ей хотелось умереть в такие минуты. Болезнь «тех,

кому нечего делать»... Жульете казалось, что во всём виноват этот город, в котором ей приходилось жить, Ильеус. Она часто приставала к Карлосу с упрёками, требовала, чтоб он повёз её в Рио. Но где бы она ни находилась, в этом маленьком городе или в столице, странная болезнь возвращалась, преследовала её. Словно какой-то камень давил ей на сердце. Иногда это случалось в самый разгар весёлого праздника. Все кругом веселились, а она становилась серьёзной, замыкалась в себе, теряла интерес ко всему. Она попробовала пить, но от вина ей становилось ещё хуже, ещё горше на душе. Она впадала в полное отчаяние, ей хотелось плакать. Мадам Лисбоа, добрая, ласковая женщина, с которой Жульета поделилась своим горем, когда первый раз была в Рио, погладила её по голове, поцеловала по-матерински нежно, хотя между ними была совсем небольшая разница в годах, и сказала:

— Вам нужна любовь, деточка. Со мною было то же самое. Я тоже нервничала, тосковала, всё мне наскучило. А потом я поняла, что мне просто наскучил Жеронимо. Я завела любовника, и мне сразу полегчало...

Мадам Лисбоа умела давать советы! Это она познакомила Жульету с Отавио. Отавио был врач, и они пошли к нему на приём. Он принял их в своём кабинете, который гораздо больше походил на будуар, чем на кабинет врача. Когда в другой раз Жульета пришла к нему одна, они сошлись. Это был первый любовник Жульеты, и, по правде сказать, хотя ему было только тридцать лет, любовник этот был ужасно похож на её мужа: те же разговоры, те же честолюбивые замыслы. И такой же невероятный эгоист, как Карлос. Даже любили одинаково... Она снова погрузилась в свою тоску, ничто её в жизни не привлекало.

Мать Жульеты была красивая и образованная женщина. От неё Жульета унаследовала любовь к чтению. И она стала искать утешения в книгах. Читала французские адюльтерные романы, толстые детективы — всё, что под руку попадётся. А потом познакомилась с Джеком. Он был англичанин и приехал сюда работать на железной дороге. Карлос тогда начал водить знакомство с иностранцами, англичанами и шведами, и часто принимал их в своём особняке. Жульета зевала от скуки в обществе Гунн и мистера Брауна. Но вот как-то раз они привели с собой Джека. Он тогда только что приехал в Ильеус. Порывистый, легкомысленный и задорный, он сразу покорила Жульету своим мальчишеским сумасбродством, своей безудержной весёлостью. С неделю она мечтала о нём и упивалась этими мечтами. В первые дни их связи, когда она ломала голову, придумывая тысячи способов, как незаметно провести его к себе, или ходила к нему в маленький домик за железной дорогой, она была счастлива. Джек не

напоминал ей мужа, как Отавио. Это был жадный ребёнок, грубый зверёныш, Жульете приходилось учить его тонкостям любви, и это забавляло её. И всё же связь их продлилась недолго. Жульета скоро устала от неё. Что мог дать ей этот мальчик? Обнимал, целовал как безумный, а потом даже и не знал, о чём с ней говорить. Делал пируэты, чтобы понравиться ей, выкидывал какие-то ребяческие фокусы, и Жульета чувствовала себя старой с ним. Наскучил он ей. Она порвала с ним, и Джек просто с ума сошел — бушевал, угрожал, а в последний раз чуть не избил её. В конце концов он уехал, мрачный и разочарованный. Жульета его не жалела, ей было жаль только себя. Какая скука!..

А теперь этот Сержио Моура... Зачем она к нему пошла? Зачем навязывалась, как уличная женщина? Ведь она и раньше сколько раз видела его, кланялась и проходила мимо. Никогда она не обращала внимания на этого человека с ироническим взглядом, похожего на большую птицу. Но о нём столько говорили и всегда так таинственно, что ей вдруг захотелось узнать его поближе. И вот в это утро, после ночи, проведенной с Карлосом (ведь надо же было чем-то заплатить ему за чудесное ожерелье...), она пошла в Коммерческую ассоциацию. Вернулась она в хорошем настроении: поэт показался ей и робким и насмешливым, словно он боялся её, но её посещение его развлекало...

Вытянувшись на постели, Жульета задумалась. Так было с Отавио, потом с Джеком. Но тоска всегда возвращалась и сжимала грудь, разливаясь непонятной болью по всему телу. Ей хотелось заплакать, комок стоял в горле. Она подошла к окну. Что это, в самом деле?

— Как-нибудь возьму и отравлюсь...

Темнота давила на душу. Вот и мальчишки ушли с пляжа, надоело, видно, играть. Они пошли спать — под мостом, на скамейках в саду, в каком-нибудь заброшенном доме. «Ох, хорошо бы пойти с ними...» Болезнь богатых, сказал Отавио. Жульета, как ни старалась, сама не могла понять, что с ней творится. Ужасно хочется любить. В момент страсти Жульета совершенно забывалась, теряла всякую меру и всякий стыд, для неё не было ничего низкого. Из мужчин, которых она встречала на своем пути, ей нравились многие, и она не сходилась с ними только потому, что не было реальной возможности. Но как только первый порыв проходил, мужчина — будь то Карлос, Отавио или Джек — совершенно переставал интересовать её. Или, может быть, она переставала интересовать мужчину? Ведь она ничем не могла привлечь его, кроме чисто физической страсти, а этого недостаточно. Карлос, тот ещё заботился о ней, да и то только о том, чтоб ей хорошо жилось. Ему и в голову не приходило, что ей может быть

грустно, что ей иногда хочется умереть, покончить с собой...

Устала она, от всего устала: от Карлоса, от праздников и коктейлей, от путешествий и подарков. Устала от жизни. И как утопающий протягивает руки, чувствуя, что сейчас глаза его закроются, чтобы никогда больше не открыться, так и ей казалось, что настал последний миг её жизни, и хотелось протянуть вперёд руки, взывая о помощи. Сумерки давили ей на душу.

— Какая ужасная болезнь...

Ничто в этом мире не стоит труда... А Сержио стоит труда? Может быть, все они одинаковые? Если бы можно было умереть тихо, без боли, без страдания... Хорошо, наверно, умереть... Как она устала!

На побережье зажглись огни. По улице, гудя, проехала машина Карлоса. «Пора начать притворяться», — подумала Жульета.

Устала она притворяться.

11

Даже в Рио-де-Жанейро заговорили о быстром росте города Ильеуса. В столичных газетах его называли «Король Юга». Город богатства и прогресса, он резко выделялся на фоне бедных городов внутренних районов страны, где единственным важным центром являлась обычно столица штата. Среди ста пятидесяти тысяч жителей Ильеусского муниципального округа было много обладателей крупных богатств, гораздо больше, чем в других городах. Ильеус был покрыт садами, полными цветов, большие красивые дома украшали его улицы. На берегу океана расположились жилые кварталы, пересеченные широкими проспектами, один из которых опоясывал береговую линию подобно пляжу Копакабана в Рио-де-Жанейро. Здесь возвышались особняки самых богатых полковников, огромные, роскошно обставленные и обычно очень уродливые в своей тяжеловесной прочности — символ прочности богатства их хозяев, завоевавших эту землю. Из ворот этих особняков выезжали дорогие автомобили, почти все американские, иногда европейские.

У реки раскинулся торговый район города, начинающий приобретать всё большее значение, со своими высокими зданиями экспортных фирм, банков, больших отелей, с огромными портовыми складами. Теперь в городе было уже четыре моста со стороны гавани, и рядом с ними стояли на якоре корабли — маленькие суда Баййской навигационной компании,

более крупные — компаний «Ллойд Бразилейро» и «Костейра», огромные черные грузовые пароходы шведской компании, легкие яхты «Рибейро и К^о». В порту всегда было большое движение, и каждый горожанин с гордостью повторял истину, которую не уставали провозглашать коммерческие ежегодники: Ильеус — пятый экспортный порт страны. Сюда по железным дорогам и по шоссе привозилось всё какао, собранное в Ильеусском округе и в соседних округах Итабуна и Итапира. На кораблях Баийской компании прибывало какао из более южных мест — из Бельмонте, Канавиейрас и Рио-де-Контас, а также с севера, из Уна и Порто Сегуро. Всё это какао попадало в огромные склады Ильеусского порта, а оттуда отправлялось в Соединенные Штаты или Европу на больших шведских кораблях, где белокурые матросы пели чужие песни, оставляя за собою тоску в сердцах ильеусских мулаток, а иногда и маленького метиса с темной кожей и светлыми волосами.

В лучах ильеусского солнца выросли города Итабуна и Итапира, первый из которых стал крупным торговым городом, местом скрещения всей огромной сети дорог, сердцем зоны какао. Итапира была немного меньше, но тоже росла с каждым днём. И росли не только эти города, но и многочисленные посёлки, возникшие по дорогам какао: Пиранжи и Агуа Прета, Палестина и Гуараси, Агуа Бранка и Рио-до-Брасо. Особенно Пиранжи и Агуа Прета — они стали настоящими городами и требовали независимости, что было вполне справедливым требованием, так как немногие города внутренних районов страны могли похвастаться такой оживленной торговлей и таким быстрым ростом, как эти посёлки.

Но Ильеус был центром всего этого процветания, в его порт стекались все богатства зоны, все богатства, выражаемые одним словом — какао. Гордый, богатый город, «Король Юга». Гордость звучала в каждом слове его обитателей. Они называли себя не «баийцами», а «ильеусцами». Говорили, что когда-нибудь юг Баии станет отдельным штатом и столицей его будет Ильеус. Утверждали, что в городе Баии нет такого театра, как «Кинотеатр Ильеуса», недавно построенный; что ильеусские автобусы лучше столичных; что жизнь в Ильеусе гораздо интереснее, чем в Баии. Упоминали о пяти кино, двух очень хороших — «Ильеус» и «Сан Жоржи» и трех поменьше — на холме Витория и на острове Понталь. О кабаре: их три, но скоро будет пять. Ссылались на библиотеку Ассоциации торговых служащих, говорили, что только Публичная библиотека столицы лучше. В пылу споров называли даже имя поэта Сержио Моура; в Баии нет такого поэта!

Уже не существовало двух еженедельных газет, правительственной и

оппозиционной, как тридцать лет назад. Теперь ежедневно выходили две газеты, одна из которых, «Журналь да Тарде», отражала политику правительства, а другая, «Диарио де Ильеус», объявила себя независимой, но в действительности отвечала интересам оппозиции. Обе время от времени посвящали целые столбцы объявлениям «Экспортной» и других фирм и единодушно отмечали на первой странице день рождения Карбанкса, крупных помещиков и экспортеров. Язык газет был уже не таким резким и задиристым, как тридцать лет назад. Корреспонденты одной обращались к корреспондентам другой вежливо: «уважаемый друг», «ученый коллега». А если возникала полемика — то с газетами Итабуны, потому что между обоими городами существовало вечное соперничество. Да и в этих случаях крепкие слова употреблялись редко.

На месте прежней маленькой церкви Сан Себастьяна начали строить новый собор (уродливый и величественный, как в больших столицах), хотя, впрочем, жители Ильеуса остались такими же безбожниками, как раньше. А на холме, напротив монастырской школы, высилась над городом новая красивая церковь. Невдалеке от неё находился дворец епископа, более богатый, как утверждали местные жители, чем дворец архиепископа в Баии.

Дворец, квадратный, уродливый и непропорциональный, был окрашен в грязно-серый цвет. Мимо него весенними вечерами, после конца занятий, проходили ученицы монастырской школы. Тут же, неподалеку от епископского дворца, их ждали кавалеры, и влюбленные расходились отсюда в разные стороны, парами, взявшись за руки.

Если монастырская школа, которую секретариат народного образования официально признал педагогическим учебным заведением, привлекала в Ильеус дочерей богатых плантаторов из других городов Юга, то смелое начинание одного из префектов — Ильеусская муниципальная гимназия, лучшая, чем гимназии севера страны, как утверждали газеты, позволяла целым поколениям мальчиков юга Баии получать полное среднее образование не уезжая в столицу. Существовала еще Коммерческая академия, и жители Ильеуса мечтали о юридическом институте. Отцы церкви поговаривали о необходимости открыть духовную семинарию — может быть, тогда в этой зоне, где так мало верующих, больше людей захочет посвятить себя духовной карьере. Частных школ начального обучения было несколько, не считая начальной школы, находящейся в ведении префектуры и расположенной невядалеке от побережья. На острове Понталь находилась другая такая школа, и одна воспитательница, получившая образование в Швейцарии, открыла детский сад.

Давно уже врачи поняли, что таинственная болезнь, убивавшая даже обезьян, — не что иное, как тиф. И хотя по всей зоне его ещё не удалось победить, в городе он исчез почти начисто. Кроме прежнего Святого приюта, теперь открылись две большие больницы и поликлиника. По совести сказать (жители Ильеуса признавали это только в разговорах с близкими друзьями), частная клиника Итабуны была лучше всех ильеусских больниц. Но она была единственной в городе, а в Ильеусе больной мог выбрать, куда ему обратиться.

Центр муниципального округа и всей зоны, где выращивалась одна культура — какао, Ильеус был городом высоких цен на товары, пожалуй, самых высоких во всей Бразилии. Овощи стоили уйму денег, цены на мясо были просто невероятные, все продукты, даже самые необходимые, привозились из других мест, кроме уксуса (из мякоти плодов какао) и шоколада, выделявавшихся на месте. Плата за жильё тоже была непомерно высока: как бы молниеносно ни прокладывались новые улицы, но домов не хватало — слишком много людей. Жизнь здесь была дорогая, но зато деньги здесь лились потоком.

Маленькая шоколадная фабрика и перегонные заводы, изготавливающие уксус из сока плодов какао, были единственными промышленными предприятиями Ильеуса. Рабочих на шоколадной фабрике было не особенно много, но в городе встречался и другой рабочий люд — портовые грузчики, сапожники, ремесленники, которые шили мешки для экспортных фирм. На перегонных заводах работали главным образом земледельцы, часть времени занятые уборкой урожая, а другую часть — изготовлением уксуса. В областную организацию коммунистической партии, центром которой являлся Ильеус, входили, кроме шоферов, одного агронома, одного торгового служащего, одного сапожника и одного учителя, рабочие шоколадной фабрики, порта, железной и шоссейной дорог. Партийные ячейки были крепкими, оперативными, боевыми, но ещё не удалось привлечь к работе батраков с плантациях, людей настолько тёмных, что многие даже не знали: что сейчас — республика или монархия? А некоторые считали, что Педро II всё ещё правит Бразилией. Крестьянских партийных ячеек не существовало, и создать их было страстной мечтой руководства партии. Один из партийных работников провёл как-то шесть месяцев на плантациях, рыл мотыгой землю, и ему лишь с трудом удалось сколотить маленькую группу из четырех-пяти человек. Но, едва он уехал, и эта группа распалась. Эти люди, не умеющие ни читать, ни писать, выросшие в борьбе за покорение земли, полукрестьяне, полубандиты, относились с какой-то апатией к нищете, превращающей их в рабов. Только

одно слово возбуждало в их душах живой отклик — земля.

Кроме коммунистической партии (которая не принималась в расчёт, когда говорилось о политических партиях, так как работала в строгой тайне), существовали правительственная и оппозиционная партии, во всем одинаковые, с той только разницей, что одна была у власти, а другая стремилась к власти, и «Союз интегралистов», фашистская партия, существовавшая, по слухам, на средства экспортных фирм. Ильеусская организация была одним из опорных пунктов «Союза интегралистов».

Случаи насильственной смерти давно уже стали редкостью в Ильеусе, иногда лишь проносился слух, что где-то кого-то убили. Местные ораторы в своих речах упоминали о временах борьбы за землю, когда людей убивали на дорогах, как о временах бесконечно далёких, канувших в прошлое, почти легендарных. Правда, некоторые из полковников, принимавших участие в этой борьбе, ещё бродили по улицам Ильеуса, вспоминая «добрые старые времена». Но в городе уже не раздавались по ночам выстрелы, уже не росли кресты вдоль дорог, по которым проносились теперь стремительные автомобили. От тех времен остался лишь культ храбрости, — жители Ильеуса презирали трусов. И они искренне верили, что времена жестоких битв за землю канули в вечность и никогда не вернуться.

Старый рынок исчез, и на месте его высились чистенькие павильоны нового базара, куда люди ходили за продуктами. Одно только не изменилось: по-прежнему в порту, недалеко от базарной площади, лепились дощатые бараки, появлявшиеся каждый раз, когда какой-нибудь корабль привозил новых иммигрантов. Это были всё те же истощенные люди с печальными лицами, приезжающие в поисках работы из бедных земель Севера в богатые земли какао. Фраза, сказанная когда-то старым доктором Руи, которого здесь ещё помнили (он умер от запоя на улице в день карнавала, в тот момент, когда произносил речь перед толпой ряженых), считалась в Ильеусе классическим изречением, и её часто употребляли, говоря о той части порта, где иммигранты строили свои бараки в ожидании найма на работу: «Это невольничий рынок». Потом они набивались в вагоны, поезда уносили их в Итапиру, Итабуну, Пиранжи и Агуа Прета, и лица их, худые и печальные, светились слабой надеждой на лучшую долю в этой новой жизни. Они мечтали вернуться на родину через год или два., скопив немного денег, чтобы можно было засеять свой участок земли там, дома, в лучшие времена, когда кончится засуха и начнутся дожди. Но они уж никогда не возвращались в родные края и проводили остаток жизни с серпом на плече, с ножом за поясом, срезая плоды какао,

ухаживая за деревьями на плантациях, просушивая зёрна на баркасах и в печах, работая без жалованья, потому что их долг за продукты и инструменты, купленные в лавке при фазенде, всё рос и рос. Иногда кому-нибудь из них удавалось бежать, но его ловили и передавали городским властям Ильеуса или Итабуны. Никогда не бывало, чтобы суд оправдал беглеца, несмотря на агитацию коммунистов, усилившуюся в последнее время в связи с несколькими недавними случаями. Обычно беглецов приговаривали к двум годам тюрьмы, из которой они возвращались на работу уже в другую фазенду, навсегда оставив мысль о побеге, а вместе с ней и все свои надежды. Случалось, что работники плантаций убивали помещиков. Таких приговаривали к тридцати годам заключения и отправляли в Баию, в исправительную тюрьму.

Интеллектуальная жизнь Ильеуса была, по правде сказать, не слишком интенсивной. Правда, поэт Сержио Моура, хотя и родился в Бельмонте, считался коренным ильеусцем. Но зато всё остальные поэты были неисправимыми и заядлыми поклонниками сонета и, как Руи Дантас, все глаза проглядели, сидя над словарями рифм. Существовал литературный кружок при Ассоциации торговых служащих, члены которого читали на собраниях свои сочинения и любовные стихи. Сыновья полковников, первое поколение ильеусцев, надежда отцов, адвокаты, врачи, инженеры, окончившие высшие учебные заведения, бесцельно шатались по улицам, ночи просиживали в кафе и кабаре, никто в них не верил и никто к ним не обращался. Изредка кому-нибудь из них удавалось найти клиентов. Но работа не привлекала их, денег у них и так было много, тянувшиеся на многие мили фазенды, созданные их отцами, приносили огромный доход. Они слонялись по городу, ходили в публичные дома, ухаживали за самыми богатыми девушками, искали невест, которые прибавили бы к их фамильному состоянию большое приданое. Переворот тридцатого года^[8] сломал старые политические рамки, и развернувшаяся в стране борьба между левыми и правыми была абсолютно непонятна полковникам. Они привыкли к тому, что издавна существуют две партии — правительственная и оппозиционная, они, полковники, поддерживают одну или другую, а дети учатся и делают карьеру. Теперь они видели, что обе эти партии не играют никакой роли, а люди — или с левыми или с правыми. Полковники не знали, что и думать, и укрывались в своих фазендах, где проводили день и ночь, следя за работами, выкрикивая приказания батракам, старея среди своих плантаций. Во время наездов в Ильеус они испытывали панический ужас, когда какой-нибудь рабочий бросал им в лицо резкое слово. Им казалось в такие минуты, что приближается конец

света. Тот самый конец света, о котором епископ уже вещал со своей кафедры в соборе Ильеуса в день праздника Сан Жоржи. Дети полковников шатались по кафе, и доктор Руи Дантас как-то ночью в пьяном виде сказал о них и о себе:

— Мы — погибшее поколение...

Поэт Сержио Моура считал, что это были единственные умные и верные слова из всего, что когда-либо говорил доктор Руи. Но поэт не согласился с концом фразы:

— Но зато мы умеем пить, а это мало кто умеет...

Сержио Моура говорил, что пить водку в компании гуляющих женщин вовсе не значит уметь пить. По правде сказать, поэт терпеть не мог этих молодых инженеров и адвокатов, сыновей полковников, и написал на них несколько ядовитых эпиграмм.

Кроме Ассоциации торговых служащих (которая каждый месяц давала балы), «сливки общества» собирались иногда в салонах Коммерческой ассоциации. А рабочие и ремесленники спорили о политике на собраниях Общества искусств и ремёсел. Здание общества находилось вблизи холма Уньян, и в течение нескольких лет там царили анархисты. Потом политическое господство над «Искусствами и Ремеслами», как здесь обычно называли эту организацию, стали оспаривать коммунисты и социалисты. Ассоциация торговых служащих официально не считалась интегралистской, но в действительности из неё вышла основная масса членов фашистской партии. Все три ассоциации устраивали вечера, но самые пышные балы бывали в Общественном клубе Ильеуса, закрытом клубе, в который имели доступ только местные богачи. Он помещался в красивом доме нового стиля, на морском берегу в тени кокосовых пальм, при нём была прекрасная танцевальная площадка и теннисный корт. Злые языки болтали, что в ночи, когда не было бала, полковники устраивали там разгульные пиршества.

Торговая жизнь здесь была ключом — большие магазины, огромные склады, целая толпа коммивояжеров, расселившихся по самым роскошным отелям, несколько банков, из которых выделялся Бразильский банк, занимающий огромное здание, несметное количество биржевых спекулянтов и ростовщиков. Город Ильеус жил интенсивной жизнью, здесь кипела работа, политическая борьба и борьба из-за денег, по узким улицам сновала толпа, в которой каждый день мелькали новые лица. В былые времена все в городе знали друг друга. Но это было давно, теперь знают только самых богатых помещиков и самых крупных дельцов. Корабли, пристающие в порту, привозят сюда новых людей, мужчин и женщин,

приезжающих за легко добываемым золотом, растущим на деревьях какао. Потому что по всей Бразилии идет слава о «Короле Юга», слава, в которой старые легенды о перестрелках и убийствах сплелись с новыми эпизодами из жизни края, где выращивают какао, лучшую культуру страны. В трюмах кораблей, на быстрых крыльях самолетов, в поездах, уходящих в сертаны, путешествует слава Ильеуса, города кабаре и туго набитых карманов, безудержной храбрости и грязных сделок.

Не только в торговых кругах больших городов — Рио, Сан-Пауло, Баии, Ресифе, Порто Алегре — не переставая говорили о земле какао. Слепые гитаристы на ярмарках северо-востока воспевали величие этого города, затмившего блеском своего богатства все города на юге штата Баия:

Этот город-король
драгоценными блещет камнями...

.....

Там дома высоки,
там потоками деньги текут,
там какао и банки,
это земли большого богатства!..

ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ

1

Антонио Витор шёл большими шагами и, ещё не дойдя до площадки перед домом, где копошились в пыли куры, стал громко звать жену:

— Мунда! Слышишь, Мунда!

Он остановился у дверей глинобитного дома с пристройкой, сделанного наспех, кособокого, и взглянул на небо. На его бронзовом лице сияла счастливая улыбка:

— Мунда! Мунда, иди скорее!

Из дома послышался голос Раймунды:

— Чего ты так кричишь, бог тебя прости?!

— Иди сюда, поскорее! Бегом!

Дом никогда не белили, в нескольких местах глина потрескалась и обнажился каркас. Крыша раньше была крыта листьями кокосовых пальм, не пропускающими воду. Но так как Жоан Гроссо, у которого была своя гончарня, как-то раз заплатил Антонио Витору долг черепицей, то кровлю сделали новую. Теперь у них был «дом с черепичной крышей», и Антонио Витор поговаривал о том, чтобы построить новый — кирпичный, с настанным полом. Он накопил немного денег, но так как не встретил никакой поддержки со стороны Раймунды, истратил их на покупку участка земли, который вскоре превратился в маленькую плантацию какао.

Антонио Витор отвел глаза от голубого неба и взглянул на дверь дома: почему же, чёрт возьми, так долго нет Раймунды?

— Мунда! Скорее!

Взгляд его на секунду задержался на фасаде дома. Жалкий домишко... Через щель в глинобитной стене он заглянул внутрь, но не увидел жены. Уродливый дом, с дырами в стенах... На первые же вырученные деньги надо начать строить новый. Нет, на первые нельзя, а то на что же он купит электрическую печь для сушки какао в годы больших дождей, когда нельзя сушить на открытых баркасах? Дождь... Он снова взглянул на небо и опять позвал:

— Мунда! Куда она девалась, черт возьми? Мунда!

Раймунда появилась в дверях, вытирая руки о ситцевое платье. Она очень постарела за последние годы, расплылась, черные курчавые волосы поседели.

— Ну чего ты? Что тебе покою нет?

Антонио Витор взял жену за локоть и притянул к себе. Указал на небо толстым пальцем:

— Гляди-ка...

Раймунда поглядела, заслонив ладонью глаза от солнца. Сначала она не увидела того, на что указывал муж, а когда увидела, лицо её осветилось ясной улыбкой, и даже какая-то красота появилась в этом некрасивом и старом, всегда хмуром лице. В глазах её были слёзы и голос звучал странной теплотой, когда она заговорила:

— Будет дождь, Антоньо! — Она никогда не умела правильно произнести «Антонио». — Сегодня же будет.

Антонио Витор засмеялся, хлопнул её по плечу большой мозолистой рукой. Раймунда тоже засмеялась, они, видимо, хотели ещё как-нибудь выразить свою радость, да не знали как. Так они и остались стоять на том же месте и робко смеялись, глядя друг на друга, словно не веря своему счастью.

— Будет дождь-то...

— А как же...

— Сегодня будет...

И снова смотрели в небо. Голубое небо, только опытный глаз мог различить на самом горизонте черную точку тучи, плывущей со стороны Ильеуса, тучи, которую все так жадно ждали в эти дни, когда начинается сбор урожая. Если бы она опоздала ещё хоть на несколько дней, то ранние плоды погибли бы, а ранние плоды — это треть урожая, если не больше... Не было сил оторваться от этой крошечной тучки, медленно плывущей в сторону плантаций! И они смеялись, глядя в небо.

Напротив дома какаоовые деревья покачивались в легком ветре. Глядя на их густую зеленую листву, нельзя было подумать, что недостаток влаги в начале этого года мог хоть сколько-нибудь повредить им. Красивые, крепкие, все в цвету, они словно не чувствовали иссушающего солнца, ни один листик на их ветках не сгорел под его лучами. Лишь трава под ними была местами выжжена и сквозь неё просвечивала земля большими бурыми заплатами, на которых копошились куры. Но Антонио Витор и Раймунда знали, что, если не будет дождя, цветы деревьев какао умрут, так и не превратясь в плоды. А немногие случайные плоды засохнут, не успевают созреть. Деревья какао будут стоять зеленые, пышные и красивые, как всегда, но они не дадут ни одного плода в этом году, если дождь не пойдёт в ближайшие дни. Уже некоторые цветы свернулись и упали на землю, сожженные солнцем. Вот почему Антонио Витору хочется сказать что-

нибудь, говорить долго, длинными фразами и (о, если бы он умел!) как-нибудь приласкать Раймунду. Ей тоже, хотя лицо её по-прежнему хмуро, хочется чем-то выразить свою радость, чем-то большим, чем несмелая улыбка, которой она встретила тучу. Но они не умеют выразить то, что чувствуют, как не умели сделать этого, когда родились их двое детей, сначала Жоаким, потом Роза. Они и тогда так же молча глядели друг на друга, робкие и беспомощные, у них не было слов.

Таковыми же были они и в день двадцатипятилетия их свадьбы. Они тогда обедали у доны Аны Бадаро, которая в этот день тоже праздновала серебряную свадьбу (они так и не научились говорить «у Жоана Магальяэса», — дом капитана и его жены всегда оставался для них фазендой Бадаро). Это был пышный обед, напоминавший старые времена, когда далеко вокруг гремела слава о богатстве Бадаро. Обед из множества блюд, с винами; даже остатки фамильного хрусталя появились на столе. Раймунда пошла на кухню помогать и обязательно хотела накрыть на стол. Но дона Ана не разрешила, и несмотря на то, что было много гостей и пришёл жених младшей дочери, молодой врач, несмотря на всё это, дона Ана заставила Раймунду и Антонио Витора сесть за стол вместе с ними и вместе с ними обедать. Капитан и дона Ана были в этот день особенно друг к другу внимательны, целовались во время обеда на глазах у всех, и когда врач предложил тост за их здоровье, дона Ана положила голову на плечо капитана, а он погладил её по волосам. Лицо доны Аны выражало тихое счастье.

Антонио Витор и Раймунда чувствовали, что имеют все основания вести себя так же, но они не умели выразить свои чувства и возвращались домой по темной дороге молчаливые и серьёзные, на расстоянии друг от друга, без слов. Правда, ночью они были вместе, но вскоре забылись тяжелым сном, и эта ночь на дешевой кровати, купленной у торговца-сирийца, ничем не отличалась от многих других ночей.

Вот и теперь, глядя на небо, где чёрная дождевая туча всё растёт, подплывая ближе и ближе, им хочется сказать друг другу что-нибудь хорошее, приласкать друг друга. Но они не знают слов, не умеют ласкать, и, подавленные ощущением собственного бессилия (таким знакомым!), они молча стоят друг перед другом, смущённые и растерянные. Лицо Раймунды снова стало хмурым, — то же мрачное лицо, что и много лет назад, но только теперь уже старое, сожженное солнцем тридцати жатв. С толстых губ сбегала улыбка, так украсившая её в тот миг, когда Антонио Витор указал на тучу. Но радость в её сердце так велика, что толстые губы вновь с трудом раскрываются в улыбке, и, оторвав глаза от неба, Раймунда

оборачивается к мужу:

— Антоньо!

— Мунда!

Он смотрит на неё и ждёт... И Раймунде хочется сказать что-нибудь, приласкать его, выразить как-нибудь свою радость, вместе с ним отпраздновать начало дождей. Они смотрят друг на друга, у них нет слов, они не умеют ласкать, не знают, как выразить свою радость, как отпраздновать приближение дождя. Они смотрят друг на друга. Она снова окликает его:

— Антоньо!

— Что ты, Мунда?

На секунду на лице её появляется выражение смутного страдания из-за того, что она не знает, что сказать. Но вот она опять улыбнулась:

— Будет дождь, Антоньо!

— Да, Мунда, будет!

— Большой будет урожай!

— Очень большой, Мунда!

И это всё, потому что больше ничего они не умеют сказать. Снова глядят они в небо. Туча растёт, скоро она повиснет над их плантацией. Может быть, в этом году они соберут девятьсот арроб какао. Может, даже больше, кто знает? Может быть...

2

Те девятьсот арроб какао, которые они намеревались собрать в этом году, были результатом двадцати семи лет каждодневного труда. Труда Антонио Витора и Раймунды. Участок земли, который Бадаро дали в приданое Раймунде, всё ещё не был расчищен от леса. Пока не окончилась борьба за Секейро Гранде, во время которой Антонио так активно защищал интересы своих хозяев, ему некогда было заняться своей землей. Раймунда продолжала служить в помещичьем доме до той самой ночи, когда сгорела усадьба Бадаро. Только когда все беспорядки кончились и Синьо Бадаро, который был ранен, приказал отпустить своих наёмников, Антонио Витор вспомнил, что у него есть клочок земли. Он наскоро сколотил ранчо и начал вырубать лес. Раньше это место называлось Репартименто, и стоял здесь большой, непроходимый лес — на месте его родились лучшие плантации Бадаро. Нерасчищенным оставался лишь маленький участок, который крестница получила в подарок к свадьбе. Синьо Бадаро оформил

бумаги в нотариальной конторе, и участок был записан на имя Антонио Витора и Раймунды.

Первый год был ужасный, Антонио Витор не помнит другого такого. Они выстроили ранчо в лесу, кишасщем змеями, и домик был такой маленький, что в нем едва уместались дощатые нары да примитивный очаг, сложенный из камней, где варились фасоль и мясо, служившие и обедом и ужином. Антонио и Раймунда начали вырубать большие деревья. Половину недели они работали на плантациях Бадаро, чтобы добыть денег на питание и одежду. Вторую половину недели они обрабатывали свой участок, вырубали лес. Дело подвигалось медленно, потому что их было только двое, а Раймунда, хотя сильная и здоровая, была женщина, и вскоре беременность стала мешать ей работать. На четвертом месяце она выкинула, в тот момент, когда помогала Антонио пилить дерево. Она чуть не умерла тогда, и Антонио пришлось занять денег у Жоана Магальяэса, чтоб вызвать врача.

Это был печальный день. Раймунда ходила уже с животом, Антонио Витор искоса поглядывал на неё, когда она суетилась возле него, собираясь помочь ему пилить и ожидая, чтоб он кончил рубить топором дерево, от которого во все стороны разлетались щепки. Антонио Витор как раз тогда подумал, что скоро беременность помешает Раймунде помогать ему, а он просто не знал, как справится без неё. Но эта работа — вырубка леса — слишком тяжела для женщины... Даже для мужчины тяжела, а тем более для женщины с ребёнком в животе... Работа в фазенде Бадаро была ещё более или менее сносной (семья жила теперь в Ильеусе, и Раймунде нечего было делать, в господском доме, ей пришлось трудиться на плантациях вместе с другими женщинами — женами и дочерьми батраков). Её задача состояла в том, чтобы обломком старого ножа разрубать двенадцать часов подряд плоды какао, которые мужчины снимали с деревьев. Девочки и мальчики собирали плоды, женщины и девушки разрезали их. Да, это было опасно. Неловкое движение, слишком сильный удар — и острое ножа, пройдя сквозь плод, вонзалось в руку. Можно ли встретить хоть одну женщину — жену батрака, у которой на ладонях не было бы глубоких шрамов — следов этой работы? У некоторых не хватало пальцев, они были отрублены острым ножом во время сбора плодов какао. А на плантациях росла огромная гора плодов, их складывали в специальные корзины, и вереницы ослов везли их к корытам для промывки.

Но всё же это была лёгкая работа, если сравнивать её с работой в лесу, когда приходилось сваливать высоченные деревья и вырубать просеки, чтобы потом жечь костры, огнём прокладывая себе дорогу. В тот день

Антонио как раз думал обо всём этом и спрашивал себя, сколько ещё времени Раймунда сможет выдержать этот изнурительный труд. Чёрт знает, как он справится здесь один, когда она уже не сможет помогать ему... Работая на плантациях Бадаро, они с трудом сводили концы с концами, чтоб как-нибудь прожить вдвоём и иметь возможность остаток недели проработать на своём участке. Где он достанет денег, чтоб оплатить работника, когда жена больше не сможет помогать ему?

Но едва они взялись за пилу, каждый со своего конца, и начали пилить, как она выкинула. Это произошло здесь же, в лесу, кровь пропитала землю. Необходимо было ехать за врачом в Табокас, она могла истечь кровью. Капитан Жоан Магальяэс, находившийся в то время у себя в фазенде, дал лошадь и немного денег. Ещё и месяца не прошло, как Раймунда снова начала работать в лесу и на плантации Бадаро. К концу года все деревья на участке были вырублены, и на рождество они начали выжигать пни.

На следующий год Раймунда не пошла работать к Бадаро. Зато Антонио Витор трудился у них ежедневно, чтоб накопить денег и купите саженцы какао для своего участка. Раймунда посадила там маниоку и маис, разводила кур и индюков. В том году они посадили какао на маленьком клочке земли, а ещё на следующий среди маиса уже поднялись стебельки какао с листочками.

Когда маниока подросла, её выкопали, и с тех пор началась дружба Антонио Витора с Фирмо. Они недолюбливали друг друга со времени борьбы за Секейро Гранде. Антонио Витор был среди людей, ворвавшихся на плантацию Фирмо и учинивших там разгром. Но Фирмо был единственным в округе мелким землевладельцем, у которого была своя мельница. Большая мельница, принадлежащая братьям Бадаро, сгорела во время пожара и не была отстроена. У Фирмо была маленькая мельница, но и у Антонио Витора было совсем немного маниоки — едва выйдет несколько мешков муки. Антонио Витор попробовал договориться с Фирмо, и тот позволил пользоваться его мельницей. Они заключили договор: треть полученной муки Антонио отдаст Фирмо, а тот пришлёт ему двоих мужчин и женщину, чтоб помогать Раймунде сушить, давить и скрести маниоку. Работы было дня на два, не больше. Так и сделали, а Антонио Витор продал свою муку на базаре в Итабуне. На вырученные деньги он купил саженцы какао. Засадили ещё кусочек земли, а продажа маиса помогла закончить дело.

Следующие четыре года Антонио продолжал работать у Бадаро, Раймунда, склонившись в три погибели, сажала маниоку и маис среди молодых побегов какао, собирала русые колосья, молола муку, а потом

возила маис, кур и индюков, а также гроздь бананов (они посадили несколько отростков возле ранчо) на ярмарку в Итабуну, где у неё уже завелись свои покупатели. Антонио Витор помогал Фирмо собирать урожай в надежде, что тот тоже поможет ему, когда его плантация зацветёт и начнёт приносить плоды.

Воскресные дни он посвящал постройке нового глинобитного дома. Вбил столбы в землю, сделал каркас из жердей, настлал крышу из листьев кокосовых пальм. Затем смешал глину с землей и бычьим навозом, прибавил немного песка и воды. Получилось прямо как цемент. Потом пошла работа легче, просто развлечение: он бросал на каркас комья глины — «оплеухи». В доме были окошко и дверь, он стоял на удобном месте — в центре плантации, они переехали туда. На месте прежнего ранчо он начал строить небольшой баркас. Но это было не только труднее, чем построить дом, это и стоило дороже. Он обстругал доски для настила, купил цинку — покрыть баркас, но пришлось оставить работу: денег не хватило, — а когда достал деньги, нанял плотника. Окончив строить баркас, он стал ждать, когда его плантация зацветёт.

И вот, проснувшись в одно прекрасное утро, после долгих месяцев ожидания (за это время родился Жоаким, их первенец, а Антонио заменял Раймунду в её поездках и продавал на ярмарке в Итабуне маниоковую муку, маис и бананы) они с радостью увидели, что какаовые деревья стоят все в цвету. Антонио кликнул жену, она подошла, и оба замерли, влажными глазами глядя на первые цветы своей плантации. В тот год они собрали двадцать пять арроб какао.

Навсегда запомнил Антонио день, когда он впервые вошел в здание фирмы «Зуде, брат и К°», — пришел продавать какао. Он тогда ездил по делам в Ильеус и решил воспользоваться случаем, чтобы продать свой первый урожай этой фирме — она платила лучше всех. Максимилиано Кампос принял его в своём кабинете и был с ним крайне любезен, Антонио Витор чувствовал себя настоящим помещиком. Любезность Максимилиана Кампоса растрогала и взволновала его. Подумать только, управляющий такой крупной фирмы угощает его ликёром в своем кабинете! Антонио Витор выпил свою рюмку залпом, он даже и не предполагал, что это ликер дорогой и пить его надо медленно, мелкими глотками, смаковать, причмокивая языком, вот как сейчас пьет старый Максимилиано. Утонченная манера... Забавно, если б старик стал водку пить с такими вот фокусами: поперхнулся бы, наверно, и обжёт язык! Антонио Витор невольно улыбнулся и в испуге взглянул на управляющего фирмой Зуде: уж не угадал ли тот его мыслей? Но старый Максимилиано был все так же

любезен. По дороге Антонио Витор весь дрожал от волнения: наверно, такая крупная фирма, как «Зуде, брат и К°», не захочет тратить времени на какие-то жалкие двадцать пять арроб какао. Он вошел в контору ни жив ни мёртв, беспомощно опустив руки, даже шляпу позабыл снять. Когда он рассказал о цели своего визита служащему, встретившему его в приемной, тот молча вышел, и Антонио Витор совсем растерялся. Если служащий ничего ему не ответил, значит, фирма не интересуется такими мелкими делами, настолько не интересуется, что ему даже не отказали, а просто взяли да и оставили одного в приёмной. Он пробормотал дрожащим голосом вслед уходящему:

— Потому как это мой первый урожай, понимаете...

Служащий обернулся, улыбаясь, и Антонио Витору показалось, что парень просто смеётся над ним. Он окончательно расстроился и решил было уйти, но в эту минуту служащий вернулся вместе с Максимилиано Кампосом. Антонио Витор знал его в лицо и в прежние времена, он не раз видел его рядом с Синьо Бадаро. Максимилиано Кампос пожал ему руку, называя его «сеньор», и провел в контору. Только теперь Антонио вспомнил, что у него шляпа на голове, поспешно снял её и окончательно смутился. Какая-то девушка за конторкой улыбнулась ему, и Антонио Витор тоже улыбнулся, не найдя что сказать и продолжая вертеть в руках шляпу.

Они вошли в кабинет Максимилиано Кампоса, тот открыл шкаф, вынул бутылку ликера и две рюмки. Налил:

— За ваши успехи!

Антонио Витор разом опрокинул рюмку в рот, Максимилиано стал его расспрашивать: кто он такой, где находится его фазенда.

— Да это крохотный участочек, сеньор Максимилиано... Кусочек земли. Мне его Синьо Бадаро подарил, когда я женился...

— Вы работали у Синьо?

Антонио рассказал всю свою жизнь. О том, как он помогал Жуке, Синьо и даже капитану Магальяэсу в борьбе за Секейро Гранде. Когда он окончил свой рассказ, Максимилиано сказал о Бадаро:

— Печальная судьба, сеньор Антонио... Полное разорение... Печальная судьба...

Потом он сказал, что дела Антонио Витора пойдут теперь в гору, он уверен в этом. Когда-нибудь Антонио станет богатым помещиком, сколько людей начинало так же! Антонио Витор был на вершине блаженства. Максимилиано сделал благородный жест: цена на какао в то время была двенадцать тысяч девятьсот, а он велел уплатить Антонио по тринадцать

тысяч за арробу, потому что это первый урожай с новой плантации:

— Чтоб вы стали нашим постоянным клиентом, сеньор Антонио. Чтоб никакой другой фирме свое какао не продавали...

У Антонио дрожали руки, когда он взял деньги. Он вышел на улицу и шел, ничего кругом не видя — ни голубого неба, ни прохожих, которые смеялись над ним: идёт человек, такой длинный, шатается, как пьяный, в одной руке несколько бумажек, в другой шляпа, а на лице глупая улыбка.

Опомнился Антонио только у прилавка магазина, куда зашёл купить подарки Раймунде: шёлк на платье, туфли.

Домой он возвращался всё ещё вне себя от радости. Первый раз в жизни ехал в вагоне первого класса и надеялся, что полковники с ним заговорят. Те, которые знали его, действительно с ним здоровались, спрашивали о чём-нибудь без особого интереса, но в разговор не вступали. Это были все богатые помещики, в галифе и кашемировых куртках, в высоких кожаных сапогах. Антонио Витор был в своей простой дешевой одежде, грубых сапогах и дырявой шляпе. Свёртки с подарками для Раймунды лежали наверху, в сетке. Чувствуя себя очень одиноким среди этих равнодушных полковников, Антонио старался думать о том, как обрадуется Раймунда, увидев его подарки. Хорошенькие туфли, отрез шёлка, одеяльце для мальчика...

В Итабуне Антонио Витор в первый раз в жизни почувствовал, что ему очень не хватает хорошего осла. Ну, у какого же помещика или даже просто владельца маленькой плантации нет осла, на котором он мог бы съездить в Итабуну и обратно? Обязательно надо купить осла, думал Антонио: ведь он теперь тоже владелец плантации, а когда-нибудь станет настоящим помещиком. А пока что он шёл пешком шесть миль до своего дома, шлепая босыми ногами по грязи и неся в руках сапоги; он придет только к ночи, когда керосиновая лампа уже осветит своим красноватым светом внутренность глинобитного дома...

Раймунда не только не выразила никакой радости при виде подарков, но целую неделю ворчала на мужа за то, что он зря деньги тратит, когда нужно ещё столько сделать для того, чтобы наладить работу на плантации. Нужны резак, чтоб срезать плоды какао, — в будущем году урожай обещает быть не меньше семидесяти арроб. Нужно корыто для мякоти какао — нельзя же больше выжимать сок в бидоны из-под керосина!.. Раймунда ворчала: зряшныe траты. К чему ей шелк? Туфли даже и не влезали на её широкую ногу с растопыренными пальцами. Единственное, что её не рассердило, так это одеяльце для сына. Только это её обрадовало, только за это она была благодарна от всей души.

Но такова уж была Раймунда, неразговорчивая, сердитая, с вечно нахмуренным лицом, не любила она никаких развлечений, редко ходила на вечеринки, устраиваемые время от времени в домах батраков и мелких землевладельцев по соседству. Там танцевали под гармонику или гитару, а Раймунда, если и приходила, то не танцевала, а сидела в углу, жалуясь, что туфли жмут невозможно, и в конце концов тут же при всех снимала их. Впрочем, эти вечеринки, на которые женщины приходили в туфлях, с накрашенными щеками и лентами в курчавых волосах, обыкновенно кончались тем, что все плясали босиком, — ноги этих людей не выносили обуви. В этом отношении Раймунда не была исключением. Но, в отличие от других женщин, она ненавидела танцы и резко отказывала кавалерам, за что на неё очень обижались, так как женщин бывало обычно очень мало, а мужчинам ужасно хотелось танцевать. Женщины говорили о Раймунде:

— Она всегда была с норовом... Ещё когда жила у Бадаро...

Но дело было не в норове. Просто не любила она этого — и всё тут. Любила она землю, любила обрабатывать её, сажать деревья, собирать плоды, рождённые землёй. В этом она не уступала мужчине. Собирать и разрезать плоды какао, давить их ногами, приплясывая на баркасе в солнечные дни, выжимать липкий сок в корыте — всё это она умела делать не хуже лучшего работника любой фазенды. И там, среди какаовых деревьев, работая без устали день и ночь, вставая с рассветом и засыпая крепким тяжёлым сном, когда наступала ночь, она чувствовала себя счастливой. Капитан Жоан Магальяэс часто говорил, что Антонио Витор обязан своим теперешним положением Раймунде. Антонио Витор и сам так думал, он очень уважал жену и считался с её мнением. Так было и тогда, когда он решил построить новый дом. Раймунда была против, и её мнение одержало верх: они купили ещё кусочек земли и посадили ещё какао. В то время родилась у них дочка — Роза, маленькая мулатка с весёлым лицом, вся в отца.

Сын был в мать. Ещё в раннем детстве он поражал своим сходством с нею. То же замкнутое, решительное лицо, тот же упрямый нрав, то же вечное ворчанье, за которым скрывалась большая сердечная доброта. В тринадцать лет он сбежал из дому и нанялся работать на плантацию в другой местности. Но он пробыл там недолго: отправился в Ильеус, нанялся на склад шить мешки, потом ушёл оттуда и поступил помощником шофера, научился управлять автомобилем и чинить мотор, в один прекрасный день уплыл матросом на корабле, два года ничего не давал о себе знать (говорят, он сидел в тюрьме), а потом вновь появился в Ильеусе и поступил шофером автобуса, где работал по сей день. Антонио Витор не

ладил с сыном, стоило им оказаться вместе, как они тотчас же ссорились, отцу казалось, что сын им командует. Жоахим знал многое, о чём Антонио Витор не имел ни малейшего представления, водился с подозрительными людьми, как-то раз Карлос Зуде сказал об этом Антонио. Отец не понимал сына, который говорил так складно, хотел, чтоб отец больше платил нескольким работникам, помогавшим на плантации, утверждал, что он грабит их. Когда Жоахим сказал это как-то раз за ужином (он приехал в тот день навестить родителей), Антонио Витор ударил его по лицу так сильно, что у парня кровь изо рта потекла.

— Ты назвал меня вором, щенок...

Жоахим вскочил, Раймунда вытерла ему кровь, стекавшую из разбитой губы, и проводила до шоссе. Она ничего не сказала мужу, но это была первая ночь, когда Антонио видел, что жена не может уснуть. Она с ума сходила по сыну, они без слов понимали друг друга, любили подолгу молча сидеть рядом, им было хорошо вдвоем. Антонио Витор любил поговорить и с большой нежностью относился к дочке; она была болтушка, как он, всех в округе знала и со всеми дружила, ни одной вечеринки не пропустила, ей нравилось плясать, наряжаться, она носила розу в волосах, пришивала бантики и ленточки к своим ситцевым платьям, на пальце у неё блестело колечко с фальшивым камнем. Она уже свела знакомство с бродячими торговцами и покупала у них всякую мишуру.

Отношения между отцом и сыном испортились, в сущности, из-за того, что Антонио не мог простить Жоакиму его равнодушие к их земле, к плантации. Антонио Витор не понимал, как это мог Жоахим уехать, жить в городе, плавать матросом на судах, водить грузовики и автобусы, вместо того чтобы помогать отцу обрабатывать их клочок земли. Антонио были нужны рабочие руки, и если бы Жоахим остался дома, не пришлось бы платить лишнему работнику. Антонио Витор не понимал: как это можно не интересоваться собственной землёй? Это очень огорчало его в сыне. Как у Жоакима хватило сил уехать, если у отца есть собственный кусок земли? Что у него было на уме? Ничего хорошего, это ясно, даже Карлос Зуде говорил, что Жоахим водится с подозрительными людьми, смотреть, сказал, надо за сыном. А дерзкий мальчишка уверяет, что он, Антонио Витор, отец, которого Жоахим уважать должен, мало платит работникам, эксплуатирует их, грабит... Такая дерзость стоит пощечины, что ж, пощечину он от отца и получил. Антонио Витор платил как все. Он нанимал всего несколько человек, помогать при сборе урожая. Фирмо тоже его не забывал в трудный момент, как, впрочем, и он Фирмо. Крупные помещики не нуждались в помощи соседей. На их плантациях работало

много людей не только во время уборки урожая, но и в остальные месяцы, когда надо было подрезать ветки на деревьях, расчищать землю, строить новые баркасы. Антонио Витор в перерыве между сборами урожая отпускал своих батраков. Платил им и отпускал до нового сезона. А Жоаким говорит, что он их грабит... У него даже своей лавки для работников не было, как у крупных помещиков. Вот в лавке, там действительно грабят людей, продают самое необходимое по ценам просто невероятным. Конечно, Антонио Витор тоже мог бы открыть маленькую лавочку у себя в усадьбе и продавать там продукты восьми батракам, которых нанимал на время уборки урожая. Тогда бы пришлось платить каждому меньше... Гораздо дешевле было бы... Но на это не было денег, ему едва удавалось заплатить в срок людям. На подрезку деревьев и на питание уходил весь годовой доход. Кроме того, он уже давно занялся посадкой новых деревьев, на что приходилось употреблять часть дохода с урожая, приносимого старыми. Всё, что он выручал за год, съедал этот кусок земли. Его деньги, с таким трудом нажитые, превращались в деревца какао. Его плантация... С какой гордостью произносил он эти слова.

А Жоаким ворчит, что он грабит работников... Только пощёчины он и заслуживает, пусть научится уважать отца! В конце концов ведь и сам Антонио Витор был батраком тридцать лет назад, когда приехал в эти земли Юга начинать новую жизнь. Никогда больше не пришлось ему побывать в его родной Эстансии. Это была его заветная мечта, он надеялся всё-таки когда-нибудь съездить в те края. Там ведь, наверно, живёт его сын, сын его первой подруги Ивоне, может быть, он лучше поймёт отца, чем Жоаким... Жоаким в мать вышел... Не то чтобы Раймунда была плохая, — Антонио Витор даже ударил себя по лбу, чтобы отогнать эту мысль. Раймунда хорошая и работающая. Жоаким унаследовал от неё только упрямый характер и резкие манеры, которые придавали ему также некоторое сходство с семьёй Бадаро. Может быть, в жилах Жоакима тоже течет кровь Бадаро, ведь говорили же когда-то, что маленькая служанка и воспитанница Раймунда — дочь старого Марселино. Как бы то ни было, а Жоаким доставлял много огорчений Антонио Витору. После того как отец дал ему пощечину, он домой не возвращался. Антонио Витор и Раймунда, словно по молчаливому уговору, не говорили о сыне.

Зато они много говорили о дочке, о своей Розе, которая вышла замуж за надсмотрщика из фазенды полковника Фредерико Пинто. По правде сказать, если бы не Раймунда, Розе, наверно, не удалось бы выйти замуж. Роза родилась в тот год, когда умер Синьо Бадаро, в год больших дождей, когда поместье «Санта Ана» подверглось разделу. Антонио Витор так

сильно переживал раздел поместья своих бывших хозяев, как будто это было его собственное владение. За эти земли Антонио Витор проливал свою кровь, из-за этих земель убивал людей. А теперь довелось увидеть, как люди, не имеющие ничего общего с семьей Бадаро, захватили в свои руки плантации и строят на них новые дома. В округе поговаривали, что Ольга, вдова Жуки Бадаро, уехала в Баию, где швыряла деньгами как безумная. Раймунда стала ещё более молчаливой, она была уже на последнем месяце беременности, но работу на плантации не бросала. Роза родилась во время всех этих переживаний и принесла с собой радость в глинобитный дом... Ещё совсем маленькой она начала помогать на плантации, а когда Жоахим убежал из дому, стала вместо него погонять двух ослов, возивших какао к корыту. С малых лет ей нравилось наряжаться и красить темные щеки красной бумагой. Потеряла она свою чистоту как-то ночью во время праздника. Отдалась Тибурсио где-то в кустах и осталась беременной. Антонио Витор побил её, когда узнал, Раймунда вырвала у дочери признание, узнала имя виновного, пошла к нему и устроила скандал. Может быть, слава Антонио Витора, меткие пули которого уложили столько людей во время борьбы за Секейро Гранде, больше, чем что-либо иное, убедила Тибурсио в необходимости жениться на Розе. Свадьбу справили в Итабуне, со священником, и оба жили теперь в поместье полковника Фредерико, где Тибурсио работал надсмотрщиком и зарабатывал неплохо. По временам Роза приезжала навестить родителей. Тибурсио тоже навещал, рассказывал о жизни в фазенде. Жена полковника любила Розу, ребенок которой воспитывался в помещичьем доме.

В этом году Антонио Витор надеялся собрать девятьсот арроб. Если за арробу дадут двадцать тысяч рейс, то, пожалуй, останется немного денег, чтоб съездить в Эстансию. Девятьсот арроб — это уже кое-что, его плантация стоит теперь немало. А может быть, и больше, хотя техника-то у него слаба, баркас и корыто малы, электрической печи нет, их дом мало чем отличается от дома любого работника плантаций.

Но, несмотря на всё это, теперь, когда начинаются дожди, этот год обещает быть удачным. Другие годы были тяжелее, плохие были годы, трудные, иногда казалось, что не вытянешь. Как-то раз пришлось занять денег под большие проценты, когда засуха погубила урожай целого года и молодые побеги какао погибли. Он тогда не разорился только потому, что произошло повышение цен, и ему удалось заплатить долг, даже осталось немного. Антонио вспомнил и про наводнение, когда водой затопило молодые деревья и смыло часть дома.

Но всё это было дело прошлое, всё это осталось позади, а теперь он

может собрать девятьсот арроб какао. Можно будет новый дом выстроить, нанять больше людей, пусть Раймунда отдохнет от работы на плантации. Ей очень нужно отдохнуть. Она так ослабла и постарела за последнее время, волосы совсем поседели, по ночам она стонала, ее мучили боли в ногах. Теперь через год-два она сможет отдохнуть в новом доме с побеленными стенами, с настланным полом. Она честно заслужила отдых, работала всю жизнь как вол. Она даже не походила на женщину, трудно было представить себе, что она когда-то была молодой. Она напоминала дерево, выросшее в этой земле и глубоко ушедшее в неё корнями; именно на корни были похожи ноги её, черные, с растопыренными пальцами. Старое дерево, выросшее в земле какао...

Ей тоже нужен был этот дождь, который, казалось, совсем не собирается пойти в этом году, нужен для того, чтобы лицо её расцвело трудной улыбкой. С тех пор как над их краем нависла угроза засухи, Раймунда ходила хмурая, сердитая, говорила, что всё теперь пропало и никакой надежды нет. Она нуждалась в дожде, как нуждались в нем какаовые деревья. И вот теперь плывут над холмами тучи, чреватые дождём. Будет дождь, цветами покроются стволы и ветки какаовых деревьев, и на плантациях будут утопать в грязи ноги людей, а потом плоды какао станут жёлтыми, как золото. Для Антонио Витора нет в мире ничего более прекрасного, чем плантация какао, когда плоды, жёлтые, налитые спелым соком, озаряют своим золотым светом тень ветвей. И Раймунде тоже кажется, что это самое прекрасное в мире виденье. Она помолодеет, когда начнутся дожди, и с лица её сойдёт выражение суровой замкнутости, ноги будут утопать в мягкой грязи, растопыренные пальцы уйдут в землю, как корни дерева. Она похожа на дерево, выросшее в этой земле, их земле, которую они двадцать семь лет обрабатывали своими руками, на которой жили, спали, ели, любили, родили детей. Они глубоко ушли корнями в эту землю — два дерева, теперь уже два старых дерева.

3

Полковник Орасио да Сильвейра, тяжело опираясь на палку с золотым набалдашником, вышел на веранду своего большого дома. Напротив тянулись бесконечные ряды какаовых деревьев. Он остановился в дверях, солнечный свет ранил его слабые старческие глаза. Старый негр, увидев хозяина, почтительно снял шапку. И только потому не бросился помогать полковнику, что все работники фазенды знали: хозяин терпеть этого не

может. Он шёл, с трудом неся своё дряхлое тело, тяжело опираясь на старинную палку, полузакрыв глаза; по лицу его пробегала иногда судорога боли, но он никому не позволял брать себя под руку, он не хотел, чтоб ему помогали. Если кто-нибудь осмеливался предложить ему руку, он бранился последними словами и, хотя потом всегда извинялся, никак не мог сдержать этого первого порыва гнева, прямо из себя выходил. Он был почти слепой, но упорно отрицал это и уверял, что всё прекрасно видит. Когда кто-нибудь заходил к нему, он ждал, чтоб посетитель заговорил: он узнавал людей по голосу. Узнав гостя, он подолгу и охотно беседовал с ним, вспоминал о прошлом, спорил о настоящем — о ценах на какао, о возможности их повышения, о политике.

Политика по-прежнему была его страстью. Он всё ещё был главой одной из традиционных партий, в данный момент снова у власти. Безвыездно схоронившийся в своей усадьбе, среди своих огромных плантаций, полупарализованный, полуслепой, он был хозяином земли какао, поднимал к власти одних и низвергал в прах других, ворочал тысячами избирательных голосов, и богатства его были неисчислимы (он так богат, что страшно становится, говорили о нём по всей округе). Он давно уже не показывался на улицах Ильеуса и для приезжих стал фигурой почти легендарной, близкой и далёкой в одно и то же время: на ярмарках пели о нём абесе,^[9] как о человеке прошлого, но ни одно важное событие настоящего не проходило без его участия.

Когда полковнику Орасио исполнилось восемьдесят лет (шестьдесят из них он провёл в этих краях), в Ильеусе и Итабуне были устроены в его честь большие празднества, несмотря на то что он был тогда в оппозиции и боролся против правительства. В оппозиции он находился со времени переворота тридцатого года. Несколько лет оставался он верен свергнутому режиму и дольше других не мог приспособиться к новой правительственной машине. Долгое время питал он злобу к тем, кто сверг старый режим, который так пришелся ему по душе: при нём он скопил своё богатство и был его оплотом на юге Бани. Вначале его враждебная позиция по отношению к временным представителям президента республики, сменявшим один другого в управлении штатом, казалась его политическим соратникам просто капризом старого богача, и они серьёзно подумывали, не следует ли отстранить Орасио от руководства партией, потому что он, в своей упрямой верности Вашингтону Луису и Виталию Соаресу, препятствовал всяким переговорам с правительством, делая невозможным какое-либо соглашение с ним.

— Он выжил из ума... — говорили.

И в доказательство ссылались на ответ полковника нескольким интегралистским молодчикам, которые, привлеченные его именем и богатством, пытались втянуть его в фашистское движение. Они уже завоевали сына Орасио, а теперь надеялись заручиться поддержкой самого полковника.

Фашистские молодчики ехали в поместье «Добрая слава», твёрдо уверенные в успехе своего предприятия. Они потеряли целый час, растолковывая полковнику, что такое фашизм, кто такой Муссолини, рассказывая о «гении» Гитлера, о прогрессе Италии и Португалии, об опасности большевизма, о том, что они, интегралисты, собираются преобразовать в Бразилии, и разъяняя Орасио, почему именно он должен поддержать новое политическое движение и стать одним из его вождей. Входя в его дом, они дважды приветствовали его фашистским приветствием «анауэ!»,^[10] словно он уже был известным лидером интегралистов. Полковник Орасио выслушал их внимательно (ему, безусловно, льстило их отношение, их похвалы), а потом спросил, ставят ли они себе конечной целью свержение правительства и восстановление на посту президента республики доктора Вашингтона Луиса, а на посту губернатора штата — доктора Виталия Соареса.

— Если это для того, чтобы восстановить у власти доктора Вашингтона, я к вашим услугам...

Один из посетителей (очевидно, главный в этой группе) ответил, что это, собственно, не входит в их планы, что их вождь — другой, что это «настоящий гений, человек, которого сам бог вдохновил»; он назвал имя, а интегралисты вскочили и четыре раза прокричали «анауэ!». Тогда Орасио сказал, что не может ничем им помочь, он «сторонник доктора Вашингтона, он человек слова, а не перебежчик какой-нибудь».

На празднествах в честь его восьмидесятилетия много говорили о «его деятельности», о том, что своим прогрессом зона какао во многом обязана ему, называли его «строителем цивилизации». Но Орасио почувствовал себя глубоко оскорблённым, когда, под предлогом, что ему надо отдохнуть, члены его партии хотели передать руководство другому, какому-то молодому адвокату, новому человеку в зоне какао, очень ловкому и ещё более честолобивому. Орасио, не выходя из своей фазенды, получал точные сведения обо всех маневрах своих противников и знал, что во время празднования его юбилея все эти маневры вскроются. И они действительно вскрылись во время большого банкета, заключившего собою торжества в честь Орасио. Молча и рассеянно слушал полковник речи ораторов, рассказывавших о нём чудеса, приписывавших ему все достоинства, какие

только можно приписать человеку, расточавших самые звонкие и красивые слова по его адресу. И только когда молодой журналист (приехавший недавно из Баии, где жил впроголодь, и теперь работавший в его газете в Ильеусе) сказал, что лучшим подарком полковнику в день восьмидесятилетия был бы отдых от политической борьбы, что пора уж ему предоставить более молодым возможность продолжать с преданностью его «великое дело», — лицо Орасио выразило внимание и интерес. Другие говорили в том же духе, и кто-то назвал имя нового кандидата в вожди партии — Жозуэ Сантос. Манека Дантас смотрел на лицо Орасио, которое знал так хорошо, и внимательно изучал его: такое выражение уже было однажды на этом лице — много лет назад, в тот день, когда полковник узнал об измене жены. Точно такое же. Те же прищуренные глаза, сжатые, чуть искривленные губы, нахмуренный лоб.

Жозуэ как-то раз попытался втянуть Манеку Дантаса в заговор против Орасио. Правительство мечтало заручиться поддержкой его единомышленников. Предложение было заманчиво: Манека мог бы снова стать префектом Ильеуса, если бы полковник не упрямылся в своём глупом намерении (адвокат особенно упирал на слово «глупом») поддерживать то, что уже перестало существовать, — старую республику. Эта их политическая изоляция не имеет никакого смысла, так как само правительство настойчиво призывает их примкнуть к нему. По всей стране нет ни одного человека, кроме них, который бы придерживался такой враждебной позиции по отношению к победившему движению. Никто из людей, когда-то наиболее тесно связанных со старым правительством, уже не отказывается примкнуть к новому. О возможности переворота сейчас и говорить нечего. Разве полковник Манека забыл тысяча девятьсот тридцать второй год, события в Сан-Пауло? Это была последняя попытка. И разве те, кто принял в ней участие, не перешли теперь на сторону правительства? Что Орасио задумал? И Жозуэ закончил решительно:

— Он выжил из ума, сеньор Манека, выжил из ума... И мы не можем дальше допускать, чтобы нами командовал старый *detraque*.^[11]

Манека Дантас не знал, что значит *detraque*, и не стал спрашивать у Жозуэ. Позже, дома, сын (тогда студент юридического факультета) объяснил ему значение этого слова, да и то как-то туманно. А в ответ на всё сказанное доктором Жозуэ Сантосом Манека ограничился тем, что предупредил его:

— Вы не знаете кума Орасио, сеньор доктор... А если бы знали, вы бы ничего этого не затеяли...

Жозуэ не обратил внимания на это предупреждение и продолжал свои

заговорщицкие действия. И теперь, сидя за праздничным столом, Манека Дантас слушал речи, смотрел на присутствующих и внимательно изучал лицо Орасио. Орасио был в курсе всего, многие ловкие интриганы ездили к нему в фазенду, а сам Манека Дантас рассказал ему о предложении Жозуэ и объяснил, что значит *detraque*.

— Это по-французски, кум...

— Никогда я не ладил с людьми, которые любят выражаться на языке гринго... — сказал Орасио, и Манека знал, что он думает в этот момент о покойном адвокате Виржилио, любовнике жены.

Прощаясь, Орасио сказал другу:

— Пускай этот малый копошится... Я его проучу. Предоставьте это дело мне...

И вот сейчас они сидят здесь, в главном отеле Ильеуса, около двухсот человек, за праздничным столом. Лучшие люди этого края, сторонники правительства и оппозиция, коммерсанты и помещики, экспортёры, врачи, инженеры и агрономы. Все они празднуют восьмидесятилетний юбилей полковника. Вкусные блюда и дорогие напитки, шампанское и пиво в бочках — новость в Ильеусе (его выписали специально для банкета). На улице уже собралась небольшая толпа: люди прижимались лицом к стеклу, чтобы увидеть полковника Орасио да Сильвейра, которого большинство знало лишь по рассказам. Полковник редко выезжал из фазенды, ему всё труднее становилось отрываться от своей земли.

Манека Дантас обеспокоен. Никто из присутствующих не знает Орасио да Сильвейра так, как его знает Манека, который боролся вместе с ним за Секейро Гранде, вместе с ним выжигал лес, убивал людей и сажал деревья какао, вместе с ним разбогател. Тридцать лет прошло с тех пор, а теперь какие-то молокососы хотят отстранить Орасио от руководства партией, удалить от политики, находят, что он уже слишком стар, слаб, *detraque*... Он смотрел на Орасио в тот момент, когда один из ораторов говорил о Жозуэ Сантосе, «блестящем адвокате», как о возможном новом вожде партии. Пока продолжалась эта речь, Манека Дантас вспоминал Орасио, когда тот был сенатором штата. Он спал во время заседаний, открывал рот, только чтоб пробурчать, что со всем согласен, и никогда не шел в сенат без револьвера, словно собирался сражаться с кем-то. Он тогда промотал уйму денег в кабаре с гулящими женщинами, а когда вернулся в своё поместье, нашел его в запустении и отказался от сената. Вместо себя он заставил выбрать доктора Руи, который потом блистал в сенате и произносил длинные речи. А Орасио уже никогда больше не принимал на себя парламентских обязанностей и не соглашался ни на какие

политические должности. Он оставался главой партии, её вождём, — и это его вполне удовлетворяло. Он назначал префектов как в Ильеусе, так и в Итабуне, в суде у него были всё свои люди, он надеялся, что сын, когда окончит юридический факультет, сможет получить хорошую должность, сделает быструю карьеру. Действительно, едва окончив факультет, молодой человек был избран депутатом штата, но после переворота он потерял это звание. Теперь скоро снова выборы, и доктор Жозуэ Сантос хочет завоевать право поддерживать правительство, когда это выгодно, выставлять своих кандидатов, самому стать депутатом штата, а может быть, сенатором, кто знает? Оратор кончил свою речь, и теперь казалось, что банкет дан не в честь юбиляра, а скорее в честь Жозуэ. Вероятно, кроме Манеки Дантаса, никто из присутствующих не ожидал какого-либо протеста со стороны Орасио. Все были уверены, что он поблагодарит за почести и передаст руководство партией «блестящему адвокату», который сидел на другом конце стола и застенчиво улыбался в ответ на похвалы.

Настала очередь Орасио. Он ещё задолго до банкета просил сына Манеки Дантаса написать для него речь и потом велел переписать её очень крупными буквами, чтоб ему легко было читать. Но когда он поднялся под гром аплодисментов, он не вынул из кармана никакого листка. Слегка приподняв отяжелевшие веки, он взглянул на всех собравшихся, на журналиста, только что произносившего речь, на доктора Жозуэ, улыбнулся Манеке Дантасу и полковнику Бразу. Голос у него был ещё сильный, но обычно немного дрожал. Однако голос его не дрогнул, это был голос юноши, когда Орасио произнёс:

— Это не похоже на юбилей. Это больше похоже на похороны богатого человека, когда родственники дерутся из-за наследства... Вот на что это похоже...

И сел. Присутствующие смотрели на него с изумлением и страхом. Все молчали, не зная, что сказать, что предпринять, и переводили взгляды с Орасио, который, казалось, снова погрузился в свою дремоту, на Жозуэ, мертвенно-бледного, тщетно пытавшегося улыбнуться. И так в тягостном молчании закончился банкет, увенчавший «золотым венцом» (как выразилась газета «Жорнал да Тарде») празднование восьмидесятилетнего юбилея полковника Орасио да Сильвейра.

Шесть дней спустя адвокат Жозуэ Сантос был убит в Итабуне. В него выстрелили в тот момент, когда он выходил из масонской ложи. Убийца скрылся, а потом в Итабуне и Ильеусе говорили, что его послал Орасио. Манека Дантас объяснил журналисту, произнесшему речь тогда на банкете, и нескольким другим молодым членам партии:

— Вы не знаете кума Орасио. Вы его только понаслышке знаете, по рассказам. А я лично знаю, близко...

Убийство Жозуэ произвело сенсацию; в цивилизованных городах Ильеусе и Итабуне убийства на улицах давно уже стали достоянием прошлого. Они жили только в памяти слепых гитаристов, распевавших на ярмарках свои песни, да иногда матери рассказывали своим детям вместо сказок полузабытые истории об убийствах старых времен. И вдруг это прошлое воскресло — и напротив здания масонской ложи упал на землю человек, сражённый пулей наёмного убийцы. Комментируя это событие, газеты вспоминали о давно прошедших временах, о схватках в борьбе за обладание землей, о Секейро Гранде. Начали было расследование, но вскоре прекратили, потому что Орасио решил в конце концов перейти на сторону правительства. И уже никогда больше никто не заговаривал о том, что его надо отстранить от руководства партией.

Однако, сказать по правде, Орасио, несмотря на свою страсть к политике, уже многого не понимал в эти сложные времена, наступившие после переворота тридцатого года. Он совсем запутался в этой «современной политике», как он говорил, не понимал ни коммунистов, ни интегралистов. Сын его znalся с интегралистами, носил зелёную рубаху. Кум Браз, уже старик, несколько лет тому назад снова вооружился револьвером и помогал устраивать митинги левых, утверждая, что иностранцы хотят захватить его земли, а он их не отдаст. Браз был для Орасио свой человек, но употреблял слова, которых полковник никогда раньше не слышал, и находились люди, называвшие Браза коммунистам. Это Браз гнался по улицам Ильеуса за сыном Орасио, когда левые как-то раз разогнали митинг интегралистов. Орасио часто говорил самому себе:

— Никогда ничего подобного не видывал... Неразбериха какая-то!

Нет, решительно не мог он ничего понять в этой политике, так непохожей на прежнюю: раньше люди голосовали, а теперь вот только спорят на улицах. Орасио смотрел с недоверием как на коммунистов, так и на интегралистов. Подумать только, даже о «правах трудящихся» заговорили!.. «Права трудящихся» — для Орасио это было нечто непостижимое. Он считал, что сын просто глуп: надел эту зелёную рубаху, поднимает руку вверх, кричит «анауэ!». Но он предпочитал не вмешиваться, пусть мальчишка делает что хочет, он старался поменьше думать о сыне, чтоб не думать об Эстер. Это она во всём виновата, она, с её робостью, с её вечным страхом, не помешавшим ей, однако, наставить ему рога. Старость его была отравлена воспоминанием о ней, близостью сына, с которым у него не было ничего общего, к которому он не чувствовал

никакой привязанности. Сильвейринья, адвокат, бывший депутат, ничего не делал, только деньги тратил. Он вырос боязливым, унаследовал вечный страх Эстер, не мог спокойно слышать выстрела, лицо его бледнело. Ненавидел плантации какао, старался бывать в поместье как можно реже. Как-то раз Орасио рассказали, что несколько лет назад, во время какого-то уличного столкновения сторонников разных партий, сын его бросился бежать, и полковник несколько дней не мог успокоиться. Орасио ценил храбрость превыше всех добродетелей, и ему было стыдно за сына, который вышел в мать и, как она, всего боялся. Иногда Орасио говорил об этом с Манекой Дантасом, и оба жаловались на тупость и легкомыслие сыновей, которые, получив диплом, ничего не хотели делать, шатались по улицам и тратили деньги в кабаках с проститутками. Для этих сыновей они работали, прорубали непроходимые заросли, убивали людей, сажали деревья какао. Чтобы сыновья стали когда-нибудь настоящими людьми, а не какими-то бездельниками. Орасио считал, что во всём виновата Эстер, этот её вечный страх, который унаследовал Сильвейринья. Его старость была отравлена памятью о ней, и он всё больше замыкался в себе, всё реже выходил из своей фазенды. В конце концов он совсем перестал ездить в Ильеус, жил в своём имении, следил за сбором урожая, кричал на работников, и за ним ходила только мулатка Фелисия, которая никогда его не покидала и заменяла Эстер в его постели, пока у него были силы.

Орасио был одним из самых богатых людей в зоне какао. Его фазенды тянулись далеко, начиная от Феррадас, сквозь большую часть Секейро Гранде; границы между муниципальными округами Ильеуса и Итабуны проходили через его плантации. Он собирал более сорока тысяч арроб какао в год, ему принадлежали бесчисленные дома в Итабуне, Пиранжи, Ильеусе (он сдавал их внаём), его счёт в банке был огромен. Но, несмотря на это, он вёл прежнюю строгую, умеренную жизнь, дом его был обставлен без роскоши, он экономил каждую копейку как последний бедняк и ворчал на сына, что тот целые капиталы зря тратит. Подсылал своих людей шпионить за работниками на плантациях и как-то раз велел выпороть надсмотрщика, попытавшегося его обжулить.

В этот день, после завтрака, полковник вышел, волоча ноги, на веранду погреть на солнце свое гигантское тело, теперь согнувшееся почти вдвое, и послушать, о чём говорят негры. На дворе было пусто, несколько человек прошло мимо в сторону плантаций. Сейчас заканчивали подрезать ветки на деревьях. Орасио почувствовал теплоту солнца на своем морщинистом лице. Старик негр сказал: «Добрый вечер». Орасио повернулся к нему:

— Это ты, Роке?

- Я, сеньор, ага...
- Сильно печет, а?
- Изрядно, сеньор...

Орасио думал о засухе. Если будет засуха, урожай пропадёт, нельзя будет выручить в этом году большой прибыли, нельзя будет купить ещё земли и посадить новые деревья.

— Может быть, и не будет дождя...

Негр посмотрел на небо, он уже раньше видел приближающуюся тучу.

— Будет дождь, хозяин, а как же! Вы не видите тучу?

Орасио вздрогнул, посмотрел на небо; он ничего не видел.

— Ты думаешь, я слепой?

— Нет, сеньор, что вы... — испугался негр. — Вы только не сказали...

Орасио снова взглянул, но не увидел тучи:

— Да, дождевая...

— Она растёт, хозяин... Ещё сегодня дождик пойдёт, вечером.

Орасио встал, подошел к перилам веранды.

— Позови Шико Бранко... Скорее!

Негр пошел за управляющим. Он нашел его ещё дома, за завтраком. Орасио на веранде почувствовал их приближение по шуму шагов. Он знал тяжелый шаг Шико Бранко, толстого мулата, жестокого с батраками, который умел заставить людей работать до седьмого пота.

— Добрый вечер, полковник.

— Ты уже видел, что дождь будет?

— Да, полковник. Я как раз хотел вам сказать...

— Ничего ты не видел, никто ничего не видит, коли я не увижу. Никто ни о чём не думает, я должен сам обо всём заботиться. Я с утра уж знал, что дождь будет, ещё на рассвете я увидел тучу...

— Но, полковник...

— Никаких разговоров... Так и было! Я раньше всех увидел...

Управляющий молчал, спорить было незачем. Орасио задумался, потом приказал:

— Пусть прекратят подрезку веток, больше не нужно. Распорядись начать работу на баркасах. Сгони людей из Рибейрао Секо. Найми новых работников... Пусть вычистят корыта.

Управляющий ушел. Орасио несколько минут молчал, потом, не удержавшись, окликнул негра:

— Роке...

— Сеньор?

— Туча растёт, Роке?

— Растет, сеньор, да.

Орасио улыбнулся. Он ещё раз увидит сбор урожая, ещё раз увидит какаовые деревья в цвету. Надо будет съездить в Ильеус, договориться со Шварцем. К концу уборки он купит ещё земли. А когда-нибудь, с грустью подумал он, все это перейдёт к сыну... Не хочется умирать, жалко... Он так любил видеть, как цветут деревья какао, как созревают плоды. Он так любил покупать землю, выкрикивать приказания людям, заключать сделки... К счастью, у него только один сын, значит, он может быть уверен, что его фазенды не будут разделены, как другие, как фазенды Бадаро... Фазенды полковника Орасио да Сильвейра никогда не будут разделены. Они навсегда останутся его фазендами...

— Туча растет, негр?

— Уже большая, сеньор.

— Сегодня будет дождь?

— Дождик-то? Будет, сеньор, да. Вечерком...

Солнце греет лицо полковника Орасио да Сильвейра. Но он уже чувствует на своей сухой морщинистой коже желанную ласку падающего дождя, который омывает землю, проникает до самых корней деревьев, питает их, вливает в них новую силу.

— Большой урожай будет, негр.

— Да, сеньор, большой.

Туча закрывает солнце, тень падает на лицо полковника Орасио да Сильвейра.

4

Попугай нарушил тишину двора своим резким криком, повторяя заученную много лет назад фразу:

— Осторожнее обращай с какао, несчастный негр!

Он слышал эту фразу от Теодоро дас Бараунас. Когда тот бежал во время борьбы за Секейро Гранде, «попугайчика» бросили одного в пустом помещицьем доме, и Бадаро подобрали его. Сначала они взяли его с собой в Ильеус, но когда им пришлось продать городской дом и дона Ана с капитаном Жоаном Магальяэсом переехали жить в оставшееся у них поместье, они снова привезли его на плантации. Это был попугай маленький, из породы самых разговорчивых. Его звали Шико, и он сам по целым дням повторял своё имя:

— Дона Ана, — говорил он. — Шико хочет есть...

Он совсем не хотел есть, он просто хотел поговорить. По подсчетам доны Аны, попугаю было больше сорока лет. Работники с плантациями уверяли, что попугаи живут дольше всех птиц, что они больше ста лет прожить могут. Шико, когда появился в семье Бадаро, был мастер на крепкие словечки, которым Теодоро терпеливо обучал его. С веранды помещичьего дома Теодоро он осыпал бранью равно как работников, так и гостей. Хозяин приходил в восторг и громко смеялся. В новой семье Шико не отучился от прежних привычек, но у него завелись и другие, например, подражать звонкому хохоту капитана Жоана Магальяэса, громовому хохоту, раздающемуся далеко вокруг и разносимому ветром по плантациям. Он выучился также сзывать кур, уток и индюков, подражая голосу доны Аны.

Это было одно из его любимых развлечений. Удрал из своей клетки на кухне, он шёл переваливаясь, походкой моряка, на веранду. Увидев негров, работающих на баркасах, он начинал ругать их самыми последними словами. Устав ругаться и понукать батраков, чтоб работали быстрее, он начинал сзывать птиц со всего двора, присвистывая, как дона Ана, и замечательно подражая шелесту насыпаемого в кормушку зерна. Куры, индюки, утки и гуси сбегались со всех сторон и толпились у веранды, ожидая своей порции маиса, Шико продолжал звать, пока не собирались все птицы. И тогда смеялся раскатистым смехом капитана Жоана Магальяэса. Между прочим, капитан утверждал, что Шико унаследовал от Теодоро дас Бараунас не только бранные слова и манеру кричать на батраков, но и его коварный нрав.

Последнее приобретение Шико в области словарного запаса, приобретённое, которым он, очевидно, гордился, так как не переставал повторять, была фраза, сказанная Жоаном Магальяэсом в день приезда из Ильеуса после разговоров о повышении цен, когда, соскочив с коня у ворот фазенды, он крикнул жене:

— Дона Ана, мы снова разбогатеём!

В тот день капитан словно забыл все другие слова, повторяя эту фразу на все лады, начиная с радостного крика, с которым вбежал в дом, долетевшего до доны Аны в саду и всколыхнувшего перышки Шико в его клетке в кухне, и кончая нежным шепотом на ухо доне Ане, когда оба сидели в гамаке на веранде, а Шико прогуливался по перилам. Капитан сказал и самому Шико, в то время как попугай сидел у него на пальце, весь внимание:

— Шико, мы снова разбогатеём!

Потом он почесал Шико головку, а попугай прищурил один глаз, как-то иронически. И столько раз слышал Шико эти слова в тот день и в

последующие дни, когда цена на какао всё повышалась и повышалась, дойдя до неслыханного уровня, что запомнил её и кричал всем — работникам на плантациях, кухарке в кухне, курам во дворе, капитану Жоану Магальяэсу, доне Ане, себе самому, когда был в одиночестве:

— Дона Ана, мы снова разбогатеем!

А потом смеялся сочным смехом Жоана Магальяэса. Смеялся до хрипоты, повторяя бесконечное число раз:

— Дона Ана, мы снова разбогатеем!

И взмахивал крылышками, и топорщил перья, и распускал хвост в большой зелёный веер.

5

Дона Ана Бадаро (несмотря на то что она была теперь бедна и род её пришёл в упадок, никому не приходило в голову называть её дона Ана Магальяэс) услышала пронзительный крик попугая и последовавший за ним звонкий раскатистый смех.

Искаженные слова, неестественно металлический голос птицы, в котором отсутствовали теплые нотки, свойственные голосу капитана, — всё это было похоже на какую-то карикатуру, но дона Ана всё-таки улыбнулась, и лицо её осветилось надеждой.

— Дона Ана, мы снова разбогатеем...

Теперь уже не для себя и даже не для капитана хотела она разбогатеть, вернуть старые времена, когда Бадаро были хозяевами земли и все приветствовали их на улицах, а торговцы, стоя у дверей своих лавок, склонялись в почтительном поклоне. Она хотела этого для детей, для своих девочек, сделавших такие скромные партии, для их мужей, нуждавшихся в помощи. Зять-врач собирался уехать из Пиранжи, мечтал о практике в столице, хотел принять участие в конкурсе на должность преподавателя медицинского института. Если она снова разбогатеет, если эти земли снова покроются деревьями какао, если кусок невырубленного леса, оставшийся от былых времен изобилия, превратится в плантации, — тогда мечты детей, может быть, сбудутся. А правда ли, у девочек есть подобные мечты или это только она, дона Ана Бадаро, мечтает за них? Остался ещё невырубленный участок леса, тридцать лет эти деревья ждут топора дровосека, ждут костров, выжигающих пни, ждут, что на том месте, где они росли, будут посажены молодые побеги какао. Но на всё это пока нет денег. Дона Ана никогда не позволяла капитану продать этот участок, который странным

пятном выделялся на фоне земель юга штата Баия, сплошь покрытых плантациями. За участок давали хорошие деньги, и капитану, в его частых затруднениях, очень хотелось продать землю. Но он всегда наталкивался на непреодолимое сопротивление доны Аны.

— В этом участке — будущее наших детей...

Теперь она уже говорила о внуках, для них мечтала она посадить какаоовые деревья, воскресить былое богатство семьи Бадаро. И в тишине своей комнаты она думала о том, что кто-нибудь из её внуков будет носить её имя, которое постепенно исчезало. Ни одного мужчины не осталось в роду Бадаро, а капитан, когда семья пришла в упадок, не сдержал обещания, данного Жуке, — принять имя Бадаро. Это обещание сгорело во время пожара, вместе с усадьбой, в те дни, когда борьба уже подходила к концу и Орасио да Сильвейра стал хозяином положения. Фамилия Бадаро исчезла со смертью Синьо, оставалась одна только донна Ана, внуки носили фамилии отцов, а отцы их были люди, недавно появившиеся в землях какао. Люди, не успевшие пустить корни в эту землю, как она, донна Ана Бадаро!.. Новые люди в этих краях, из тех, кого никто не знает, из тех, что ежедневно приезжают из разных мест, привлечённые золотом, растущим на какаоовых деревьях. Из людей старого времени, завоевавших эту землю и посадивших на ней какао, мало уже кто остался в живых — несколько немощных стариков. И всё же, думала донна Ана, земля эта принадлежит им по праву, по праву завоевания, скрепленного печатью крови, всей крови, пролившейся среди зарослей непроходимого леса, пропитавшей землю Секейро Гранде.

В мечтах о лучшем будущем для дочерей, зятьев и внуков, погруженная в воспоминания о величии прошлого, живёт донна Ана Бадаро. Куда девалась смуглая девушка былых времен, робкая, смущенно опускавшая глаза под влюбленными взглядами Жоана Магальяэса, и вдруг, в момент опасности, когда гремели выстрелы и текла кровь, выказавшая храбрость и решимость, которой мог бы позавидовать любой мужчина? Тридцать лет пронесли над её головой, её черные волосы превратились в седые, прекрасные глаза погасли, тело потеряло свою упругую стройность. Тридцать лет, прожитых в бедности, хоть кого согнут. Но в груди доны Аны жила гордость, которая поддерживала её, и поэтому мечтания её не умирали по мере того, как старилось тело. В сундуке, никогда не открывавшемся, хранились самые любимые сувениры, напоминавшие о лучших временах в жизни семьи Бадаро. Её подвенечная фата. Библия, которую Синьо заставлял читать каждый раз, когда начинал новое дело, два револьвера: один подарок Жоану от Теодоро дас Бараунас в день их

свадьбы, другой — оружие незабвенного дяди Жуки, «самого галантного и обаятельного из завоевателей земли, прошедших по трупам, чтобы посадить деревья какао». Кто сказал это? Дона Ана хранит также вырезку из газеты. Какой-то юнец, которому вздумалось ворошить события тридцатилетней давности, написал заметку, в которой говорилось о Жуке в таких выражениях. Дона Ана прибавила вырезку к реликвиям, спрятанным в сундуке гордо храня тайну прошлого, которую знали теперь только слепые певцы, распеваящие на ярмарках абесе о беспорядках времен борьбы за Секейро Гранде. Иногда ей случалось слышать на ярмарке в Итабуне или Пиранжи, как нищий гитарист, окруженный толпой любопытных, пел об удивительном прошлом её рода, нагоняя страх на людей, недавно прибывших в страну какао. Тогда в груди её спорили разные чувства: то хотелось ей подойти поближе, стоять и слушать, упиваясь рассказом о подвигах отца и дяди (в одном абесе говорилось и о ней самой), то хотелось бежать, скрыться как можно дальше от глаз людских, чтоб никто не видел, как она теперь бедна. Голос слепого певца, пронзительный, но как нельзя лучше подходящий к этой простой, безыскусственной песне, рассказывал всем вокруг о свирепой борьбе между Орасио и братьями Бадаро. Часто случалось, что кто-нибудь из слушателей узнавал её и украдкой указывал на неё другим:

— Вот та женщина — дона Ана Бадаро. Дочь Синьо...

— Говорят, она стреляла не хуже мужчины...

И тогда она бежала, потому что в груди её поднимался внезапный гнев на этих людей, заставляющих вставать из могилы её дорогих умерших, выставивших их напоказ всем. Но это чувство длилось недолго. Всё же она находила какое-то удовлетворение в том, что имена отца и дяди, да и её самой, жили в устах слепых гитаристов и раздавались по дорогам какао, по дорогам, проходящим сквозь сертаны. Вот уже тридцать лет звучат эти имена, с тех самых пор, как негр Дамиан сошёл с ума и бродил по плантациям, бормоча пророчества Жеремиаса — чародея леса.

Она никогда не говорила о тех временах. Зять-медик иногда наводил её на разговор о прошлом, он страшно увлекался героическими историями и упрашивал её рассказать поподробнее о событиях, свидетелем и участником которых была она сама. Но она внезапно хмурилась и отвечала каким-то жестким голосом:

— Это дело прошлое, мальчик мой, люди эти давно умерли, грешно их тревожить...

Зато Жоан Магальяэс рассказывал зятю многое, сильно преувеличивая, выдумывая там, где чего-нибудь не знал, придавая всем этим историям

привкус анекдотов, рассказываемых за игорным столом, и во всех эпизодах главным героем оказывался он сам, хотя на деле вступил в борьбу только потому, что другого выхода у него не оставалось.

Но не проходит дня, чтоб дона Ана не вспоминала о тех временах. Эти воспоминания вливают в неё новые силы; когда она предается им, будущее предстает перед ней в более радужном свете. И хотя она и не любит говорить о прошлом, но именно она, дона Ана, свято оберегает традиции этого прошлого, хранит в своей памяти живую историю семьи Бадаро, мешает этой истории стереться под тяжестью новой жизни, нового времени. Если бы не она, Жоан Магальяэс наверняка занял бы денег у самого Орасио, смертельного врага, победившего их в борьбе, предавшего огню их имение, разорившего их плантации, подославшего наёмных убийц, чтоб уничтожить Жуку и стольких других людей, верных семье Бадаро. Да, это она тогда вмешалась в дела Жоана Магальяэса, и капитан долго потом ворчал на эту её глупую гордость, гордость нищей. Но это была не только гордость, капитан не понял. Просто дона Ана не хотела, чтобы умерло всё то старое, чем жила её семья тридцать лет назад, и считала, что враги есть враги. Она очень огорчилась, когда Антонио Витор помирился с Фирмо, хотя оба они играли второстепенную роль в прежних событиях. Она строго отчитала Раймунду, словно всё ещё была господской дочкой, а Раймунда — воспитанницей и служанкой. Теперь они были почти что равны, плантации их давали почти одно и то же количество какао. Но старая жизнь настолько прочно овладела душою доны Аны Бадаро, что даже за мелкой борьбой, которую вел доктор Жозуэ Сантос против Орасио, желая отстранить старого полковника от руководства партией, она следила с огромным интересом, И когда Орасио подослал наемного убийцу к Жозуэ, она была удовлетворена и вздохнула с облегчением. Услышав эту новость за обедом, она сказала капитану, дочери и врачу (тогда ещё жениху дочери), сидевшим вместе с нею за столом:

— Это настоящий человек...

Капитан разинул рот от изумления, услышав, как жена хвалит своего самого заклятого врага. Дона Ана пояснила:

— Я-то не люблю его, но отнимать у него то, что он завоевал, — несправедливо. Это его право. Чего стоят все эти современные мальчишки по сравнению с таким человеком, как Орасио? Я его не люблю, но хоть он и враг мой, а поступил правильно...

Такова была дона Ана Бадаро, хотя теперь уж и воспоминания не осталось о той красивой смуглой девушке, которая несла алтарь пресвятой девы в религиозных процессиях в Ильеусе и сжимала в руке револьвер во

время борьбы за Секейро Гранде... О доне Ане Бадаро, молодой и сказочно богатой, о которой ходили легенды в землях какао, о которой мечтали со страхом и преклонением все юноши, приезжающие в эти края, ища удачи, в жизни... О той доне Ане, которую покори́л картёжник к зависти всех остальных авантюристов того времени. Теперь она стара и сломлена жизнью, но сердце её всё ещё молодо, она живёт в другом мире, который гораздо красивее современного, в мире, где споры, касающиеся какао, разрешались пулями на дорогах, а не разговорами в коммерческих конторах, телефонными звонками и телеграммами, как сейчас.

Попугай без устали выкрикивает свою любимую фразу. Дона Ана улыбается и смотрит на небо, постепенно затягивающееся пеленою туч. Когда капитан приехал, он принёс с собой два известия: о повышении цен и о дожде. Он все такой же, как прежде, — подвижной, весёлый, смотрит на всё оптимистически, и в голове у него всегда новые планы. Правда, до сих пор он только планами и ограничивался — планами и мечтами. Но на сей раз дона Ана заставит его привести свои планы в исполнение. На сей раз она не будет сидеть сложа руки, вспоминая прошлое. На сей раз лес на участке будет вырублен, там будут посажены деревья какао, снова возродится богатство Бадаро. И дона Ана опять будет проходить по улицам Ильеуса, провожаемая почтительными взглядами прохожих. А имя Бадаро будет обозначать собою не только прошлое, но и будущее.

Кричит попугай, дона Ана смотрит на грозовые тучи.

— Это правда, Шико, мы снова разбогатеем...

Ее улыбка напоминает улыбку Синьо Бадаро, мягкую и одновременно решительную.

6

Эта мысль пришла в голову Варапау в один из жарких солнечных дней, во время тяжкой работы по уборке урожая. Уже собирали последние плоды какао, ярко-жёлтые, как золото; ещё немного — и беспощадное солнце сожгло бы их. Варапау был очень худ и высок, — отсюда и прозвище, давно уже окончательно заменившее ему имя.^[12] Неизвестно, откуда он появился. Много профессий перепробовал он на своём веку: чистил сапоги, продавал лотерейные билеты, работал докером в Ильеусском порту, да чего только он не делал? Может, когда-нибудь и воровал, во всяком случае так поговаривали в соседних фазендах. Но дело в том, что теперь Варапау был должен целый капитал в лавку. Он подхватил

сифилис и, хуже чем гулящая женщина, почти три месяца провалялся на нарах больной, а счёт его рос и рос, так что как-то раз Капи, его сосед по хижине, хорошо знакомый с жизнью в фазендах, сказал:

— Ты сдохнешь за работой, но никогда не расплатишься, несчастный...

Но Варапау не хотел сдохнуть за работой. А тем более за работой на плантациях какао, тяжёлой, безнадёжной. И чего его сюда принесло, он и сам не знал. Как-то раз он сел в поезд и поехал в Итабуну. Взбрело ему в голову поглазеть на плантации. Тогда рабочих рук не хватало (в Сеара шли дожди), его наняли, да так он и остался, — долг в лавку привязал его к месту. Полковник Фредерико Пинто говорил, что в жизни не видал работника хуже Варапау. Ленивый, совести у него нет, только и норовит увильнуть от работы. Но кто ж мог увильнуть от работы, когда за спиной стоял Тибурсио, надсмотрщик, и кричал:

— Поживей... поживей...

Всегда «поживей», — это закон для батраков в фазендах какао. «Поживей», — кричит Тибурсио, сидя на лошади и глядя на них сверху вниз, с хлыстом в руке, который нередко вместо крупа лошади попадает на спину человека, не желающего подчиняться его приказаниям.

— Поживей, — кричит он и добавляет: — Лодыри вы эдакие, не умеете работать, воруете хозяйские деньги, бандиты...

Когда голос Тибурсио раздаётся над головами людей, разносясь далеко по плантациям, лицо Варапау искажается от гнева. Варапау не помнит, чтоб когда-нибудь в жизни ему приходилось кого-нибудь ненавидеть. Даже к Розе не питал он этого чувства, хотя она и бросила его на улицах Ильеуса, и это из-за неё он уехал в Итабуну... Но, ах, если б только мог он встретиться с Тибурсио как-нибудь ночью с глазу на глаз, на тёмной дороге... Думая об этом, Варапау даже улыбается. И вот как-то раз, в последние дни уборки урожая, когда ещё не начали подрезать деревья, Варапау подумал, что хорошо бы устроить терно.^[13] Во время праздников в конце и в начале года...

Сначала мысль о терно была связана только с мыслью о празднике. Кто-то сказал, что скоро рождество, и Варапау вспомнил о терно. Почему бы не устроить терно? Но голос Тибурсио продолжал разноситься над их головами, брань и угрозы — вот всё, что они слышали.

— Не вздумайте красть хозяйские деньги, они на земле не валяются...

И тогда Варапау стал связывать мысль о терно с мыслью о побеге. Сколько раз мечтал он бежать отсюда, оставить навсегда эти края, уехать куда-нибудь, всё равно куда, только подальше отсюда, от этих плантаций,

от этой работы! Но всегда вспоминал о Ранульфо, как, впрочем, вспоминали все работники фазенды, которым когда-либо приходила в голову мысль о побеге. Он помнил, как били Ранульфо за попытку бежать. Его поймали в Феррадас и высекли на глазах у всех, да ещё специально созвали всех работников смотреть, как его бить будут. Был там и полковник Фредерико, смотрел, как хлыст Тибурсио гуляет по спине Ранульфо. Потом полковник сказал:

— Это чтоб вы все знали, что нельзя обворовывать других... Работник, который задолжал хозяину, должен заплатить свой долг, тогда только он может уходить...

А кто не был должен хозяину? Ранульфо всегда была лихорадка, он получал меньше других, потому что и работать мог меньше. Счет его всё рос, рос, и в конце концов больной, во власти какого-то бреда, он бежал из фазенды. С тех пор как его поймали и избили, он всё больше молчит да прячется по углам, ни с кем не говорит, никому в глаза не смотрит. Капи как-то раз сказал, что боится за Ранульфо: как бы он не натворил чего-нибудь, не погубил свою жизнь... Варапау тоже, хоть он веселый и циник, чувствует иногда, как им овладевает какая-то тоска. Тогда голова у него становится тяжёлой, взгляд мутным, горькая слюна закипает во рту. И рука его неудержимо тянется к ружью, и он думает в такие минуты, как хорошо было бы увидеть Тибурсио на дороге, мёртвого. Все они ненавидят надсмотрщика больше, чем хозяина. Хозяин — это что-то недостижимое, неприкосновенное, но ведь надсмотрщик сам был когда-то работником на плантациях, он такой же, как они; только добился повышения и теперь обращается с ними ещё хуже, чем сам хозяин.

Итак, Варапау стал связывать мысль о терно с мыслью о побеге. Он пойдёт в процессии с плантации на плантацию, из фазенды в фазенду, и так праздничной ночью можно будет улизнуть незаметно. Он хорошо знал дороги, ведущие в сертаны, никто не поймает мулата Варапау, он хороший ходок. Никто не будет бить его хлыстом по спине.

А на этой работе он не останется... Счет в лавке рос. Огромный счет. Заплатить? Но как? Это невозможно. Голос Тибурсио прервал размышления Варапау:

— Поживей... Поживей... Вы воруете хозяйские деньги!

Варапау переводит глаза с надсмотрщика верхом на лошади на людей с пожелтевшими от лихорадки лицами, которые, согнувшись, срезают ножом плоды со ствола дерева или сбивают их с верхних веток серпами на длинных шестах. Скоро они начнут подрезать деревья, удаляя все ненужные ростки, которые высасывают силу дерева, необходимую для

созревания плода, оторвут все зелёные побеги, резким пятном выделяющиеся на золотом фоне плантаций, веточки, вырастающие на самой верхушке дерева и устремляющиеся к небу. Всё это какаовому дереву не нужно, это только «лишний груз», как говорят работники. Надо очистить дерево от всех этих нежно-зелёных украшений, чтоб оно всю свою силу отдало плодам, внутри которых семена лежат в густом мёде, что потечёт потом в корыта под ногами людей.

Эти плантации какао — их дом, их работа, их сад, их кино, а часто также их кладбище. Огромные ноги батраков похожи на древесные корни, больше ни на что они не похожи. Клейкий сок какао, который прилипает к ногам и никогда уже не отстаёт от них, образует нечто вроде древесной коры, лихорадка придает их лицам жёлтый цвет спелых плодов, годных для сбора. Так говорится в песне, которую негр Флориндо поёт, собирая какао:

Кожа моя золотая,
словно какаовый плод
(не плачь, мулатка, не плачь!),
я весь пожелтел, дорогая,
меня лихорадка трясёт!

Негру Флориндо только двадцать лет, и он родился в здешних краях, никогда не выезжал из фазенд. Он друг Варапау, и, задумав побег, мулат решил взять его с собою. Негр Флориндо силён, как бык, и добр, как ребёнок. Он умеет только петь и смеяться, никогда никого не обидит. В день, когда били Ранульфо, Варапау и Капи пришлось держать его изо всех сил, чтоб он не бросился на Тибурсио с ножом.

Во время работы он поёт, и голос его, мощный и печальный, разносится над плантациями, плывет вдаль, уносимый ветром, и песня его рассказывает о жизни людей в земле какао. Много людей вокруг деревьев какао. Здесь и экспортеры, — некоторые из них даже и в глаза не видели фазенды. И плантаторы, хозяева земли, храбрые и богатые. И адвокаты, врачи, агрономы, чиновники. И надсмотрщики, — самые плохие люди на свете. И работники, те, что собирают какао, сушат бобы, подстригают деревья на плантациях. Они самые бедные из всех, они никогда не получают жалованья и всегда должны хозяину. Голос негра Флориндо поёт о жизни этих негров, мулатов и белых, которые вечно гнут спину на плантациях. Это безымянная песня, никто не знает, кто написал её, как родилась она. Песня эта появилась с тех пор, как плантаторы захватили всю

землю и работники потеряли всякую надежду на то, что когда-нибудь и они будут иметь свой клочок земли и смогут посадить на нем какао; теперь эту песню знают и поют во всех фазендах:

Беги да подрезывай ветки,
какао собирай и сажай
(не плачь, мулатка, не плачь!),
тебе не дадут ни монетки
из денег за тот урожай...

Наша доля горька и грустна,
доля рабочих людей
(не плачь, мулатка, не плачь!),
ты только знаешь одна
правду о жизни моей...

7

Варапау на секунду прерывает работу, чтобы послушать песню Флориндо. А какие песни будут петь во время праздника? Варапау никогда не приходилось слышать, чтоб в фазендах какао устраивали терно. Очень возможно, что никто и не знает целиком ни одной партии для терно. Да он и сам не знает. Песни, которые приходилось ему слышать в земле какао, — это песни новые, они родились здесь и рассказывают о несчастьях, о смертях в борьбе за землю, или это рабочие песни, вроде тех, что поёт Флориндо, они облегчают тяжелую работу во время сбора урожая. Варапау задумывается, но голос надсмотрщика, грубый и властный, возвращает его к действительности:

— Поживей... поживей...

Работники срезают ножом плоды, а дети подбирают их с земли. Солнце встаёт в небе красным медным шаром, обжигая своими лучами голые спины людей. С шести утра начинается работа. Ещё только рассветает и птицы поют, солнце едва согревает землю, а Варапау серпом или ножом уже срезает плоды какао, если в то время идёт уборка урожая, или подрезает ветки деревьев, если плоды ещё не созрели. Тибурсио всюду поспекает на своём коне, кричит «поживей», «поживей», «вы воруете хозяйские деньги». Солнце всё выше поднимается в небе, всё жарче

обжигает спину Варапау. Сильно жжет, это уже не ласковое солнце утра, когда роса омывает ноги; почва раскалена, голые спины блестят под горячими лучами, если стоит лето, струи дождя потоком текут по ним, если пришла зима. Надо остерегаться змей, их здесь много, одна ядовитее другой. Гремучую змею можно узнать издали, она и вправду гремит, но кто же угадает приближение жаракусу-апага-фого, или пико-де-жака, или заметит на каком-то дереве коралловую змею, так похожую на лиану, перевившую ветки? Струи пота катятся по лицу Варапау, а на черной коже Флориндо капельки пота блестят как бриллианты.

Варапау срезает плоды какао и думает о терно. Он пригласит Флориндо, пригласит Капи, Ранульфо, пригласит Астерио, у него ведь есть жена и две дочери. Правда, они ещё совсем девочки, старшей всего только двенадцать лет, но что ж такого? Девочки и их мать — вот уже три женщины, а три женщины на празднике работников плантаций — это очень много. Основная трудность как раз в этом: где достать побольше женщин для праздничной процессии. Те, у кого есть жена или подруга, ни за что не позволят ей участвовать в терно, будут бояться, как бы её кто другой не увел. Здесь, в этих землях, в фазендах какао, женщина — это редкая драгоценность. Мало их, а те немногие, что есть, работают на плантациях, помогают мужьям. Они разрезают ножом собранные мужчинами плоды, а дети — совсем ещё малыши! — собирают какао в большие кучи. Дети зарабатывают жалкие гроши, они совсем голые, животы у них вздутые, огромные, как у беременных женщин, лица опухшие. Это от земли, которую они едят, вкусной земли, часто заменяющей им пищу. И все они — негры, белые, мулаты — одного и того же цвета, желтые, как листья деревьев какао. Пройдет несколько лет — и они будут такими же работниками на плантациях, как Варапау или Флориндо, другого пути для них нет. Лица их, желтые от съеденной земли, станут ещё желтее от лихорадки. Это если они не умрут раньше, от дизентерии или тифа. Много детей умирают в фазендах; ангелочки божьи — называет их дона Аурисидия, супруга Манеки Дантаса, очень набожная сеньора. Она говорит, что на небе все дети превращаются в ангелочков, с крылышками, как у колибри. А те, которые не превращаются в ангелочков, превращаются в работников плантаций, и полуденное солнце, как бич, обжигает им спину. Голос надсмотрщика приказывает работать поживей, нельзя красть хозяйские деньги, они на земле не валяются. Варапау слышит приказание и старается работать поживей; плоды падают с деревьев, дети подбегают и уносят их, женщины разрезают их коротким ударом ножа. Иногда одна из них ранит себе руку и смачивает рану соком какао. Шрам затягивается,

работу нельзя оставить ни на минуту; не воруй хозяйских денег, женщина, они на земле не валяются...

Под песню Флориндо легче работать, в голосе его звенит смутная, далекая надежда:

Будет земля и у нас,
мы какао посадим на ней
(не плачь, мулатка, не плачь!)...
Ах, только б настал поскорей,
ах, только б настал этот час!

В полдень, когда они прекратили работу, чтоб поесть, Варапау сказал Капи и Флориндо про терно.

— Вот будет здорово!

Они принялись обсуждать идею Варапау, строить планы. Негр Флориндо радостно смеялся: терно... Капи спросил: это будет пастушеская процессия или «бумба-меу-бой»?^[14] Он вспомнил, как когда-то давно, в другом городе, далеко отсюда ещё мальчишкой, он выступал в терно «Царей волхвов» в роли Ирода («О царь Ирод», — пели пастушки в своей песне). Весёлые были дни, давно уж не приходилось Капи вспоминать о тех днях! Но где же найти женщин, красивых и свободных девушек, чтоб устроить пастушеский терно?

Однако долго разговаривать не было времени. Им надо было вернуться к работе и как можно скорее. Надсмотрщик выкрикивает их имена: за работу! И работа продолжается до тех пор, пока не заходит солнце. Когда спускаются сумерки, они возвращаются домой. Ребятишки бегут бегом, как только у них ещё хватает сил бежать? Вот женщины, те идут совсем измученные, вялые, молчаливые. Даже нельзя назвать эти существа женщинами. Кто видел когда-нибудь городских женщин (а Варапау видел) — покрашенных, надушенных, разодетых, красивых, словно созданных для любви, тот никогда не поверит, что эти негритянки и мулатки, возвращающиеся с плантаций задыхаясь от усталости, эти существа в грязных лохмотьях — тоже женщины. Они — обломки человека, но, какие бы они ни были, они спят со своими мужьями, целуются и рожают детей, которые потом будут есть землю...

Но в этот вечер, дома, Варапау, Капи и Флориндо ни о чём другом не могут думать, кроме терно. Терно «Царей волхвов»... На праздниках, в январе. Негр Флориндо смеётся звонко и радостно...

Ещё по дороге они говорили о терно. Этих разговоров им хватит до нового урожая. Планы, разговоры, задачи, которые предстоит разрешить. Капи — за пастушескую пляску, Ранульфо предпочитает «бумба-меу-бой». Только Флориндо не имеет на этот счёт своего мнения, для него всё едино, всё хорошо, всё весело. И негр смеётся своим звонким, чистым смехом.

А потом наступает ночь, тяжкая и короткая. Они едят вяленое мясо и кашу из маниоковой муки, запивая глотком кофе. У некоторых (таких очень мало) есть женщины. Эти женщины похожи на грязные тряпки, у них отвислые груди, дряблые животы, лица у них уродливые, ноги грязные, израненные, от них плохо пахнет. И всё-таки это женщины! А их здесь так мало, и это такое счастье иметь женщину, с которой можно спать! Редки вздохи любви в глинобитных домах работников плантаций. И часты преступления из-за любви, убийства из-за женщин, — каждое такое существо, похожее на грязную тряпку, драгоценнее самой прекрасной женщины из самого большого города в мире. Никогда ни одну женщину не желали так страстно, как желали этих негритянок и мулаток с усталыми лицами, с ногами, покрытыми липким соком какао, с мозолистыми руками, с отвислой грудью! Мужчина, у которого есть женщина, должен быть храбрым, чтоб защищать ее ножом и винтовкой от покушений других мужчин, которые не находят покоя по ночам на своих одиноких постелях. Тяжкая ночь, короткая и печальная, ночь работников какаовых плантаций...

Но для Варапау, Капи и Флориндо эта ночь не была печальной. Когда Капи спрятал гитару, а Флориндо перестал петь и на площадке перед домом настала тишина, когда погас красный свет коптилки, каждый из них предался своим мыслям, воображая себе терно «Царей волхвов». Праздничная процессия выйдет в Новый год и пойдёт по фазендам, по господским домам. И снова выйдет в праздник волхвов, накануне и в самый день праздника. Она осветит своими весёлыми, бесхитростными фонариками плантации какао и жизнь работников этих плантаций. Ночью, лежа на нарах, Капи спросил Варапау:

— А какое название мы дадим нашему терно?

И правда, какое название? Вопрос Капи прервал размышления Варапау. Надо придумать название, никогда ещё не бывало терно без названия. Варапау вспомнил пастушеские пляски, которые видел в других землях, праздничные процессии «Царей волхвов» в городах Севера. Вспомнил название терно в Аракажу, в Жоазейро. Название... Это не так-то просто... Разве что назвать именем фазенды? «Терно да Тараранга»... Даже красиво. Но вдруг он вспомнил, что как-то раз на улицах Мароима видел «Терно совершенной любви». «Совершенная любовь...» — вот это

здорово! Правда, если назвать именем фазенды, то это даст кое-какие преимущества. Может быть, полковник Фредерико раскошелится. Десять или двадцать монет пригодятся. Назвать именем фазенды, пожалуй, выгоднее.

— Ведь мы назвали его «Терно да Тараранга», полковник... Именем фазенды...

Но «Совершенная любовь» — это так красиво... Если бы Роза узнала, она, наверно, осталась бы довольна. Воспоминание о Розе смущало покой одиноких ночей мулата Варапау. Циник и гуляка, он слыл донжуаном среди прислуг, няnek и кухарок в разных городах. Он, как никто, умел шепнуть нужное словечко в нужный момент, знал, как завоевать чувствительное сердце какой-нибудь няньки, и скоро приобрел неограниченную власть над молоденькими служанками города Ильеуса. И вдруг появилась Роза. Появилась совершенно неизвестно откуда, со своими пёстрыми платьями. Она была похожа на цыганку — широкоскулая, глаза с косинкой, длинные распущенные волосы. Это были месяцы любви где-нибудь на пристани, в пустых лодках, на вокзале. Роза жила на холме Конкиста, но никогда не удавалось Варапау добиться от неё, где точно. Роза очень много врала: то выходило, что она замужем, то она оказывалась дочерью жестоких родителей, которые её обижали, то она утверждала, что служит у одних очень богатых людей. Нельзя было верить ничему из того, что она говорила, не существовало в целом мире другой такой вруньи, как эта Роза. Иногда она вдруг пропадала куда-то, и дня три-четыре о ней не было ни слуху ни духу. Варапау совершенно сходил с ума в эти дни, бегал по всему городу, искал её. Стучался, во все дома, где она могла служить, судя по её рассказам.

— Здесь не работает девушка по имени Роза?..

— Нет, у нас такой нету...

Как-то раз в одном доме оказалось, что служанку зовут Роза, но это была беззубая старуха. Когда он потом рассказал Розе об этой встрече, она чуть со смеху не померла. А то вдруг, бывало, задумается и сидит грустная, не говорит, не поёт и не врёт ничего. Варапау всей душой ненавидел такие дни: Роза была неласковая, холодная, равнодушная, словно мысли её были где-то далеко-далеко, в каком-то другом мире. Но это бывало редко, почти всегда она была весела, много говорила, никогда ещё Варапау не встречал такой болтуньи. Она была самая красивая в этом краю, многие на неё заглядывались. Сколько раз Варапау ссорился с ней из-за того, что она улыбалась всем проходящим мимо мужчинам, которые пожирали её глазами. Варапау всё хотел, чтоб она держала себя посерьёзней, не давала

повода... Но Роза улыбалась, не умела она держать себя серьезно, она была просто сумасшедшая какая-то.

Но — боже мой! — когда она пела, лежа в забытой кем-то лодке, и голос её поднимался к звёздному небу, тогда Варапау забывал обо всём; так бы всё и смотрел и смотрел на неё, на чудесное её лицо, на рот с маленькими белыми зубами, так бы всё и глядел в её мягкие, ласковые глаза с косинкой.

А потом она ушла и не вернулась. В тот день она была задумчива и говорила каким-то странным голосом. Утром, выйдя из лодки, она сказала:

— Я ухожу, Варапау. Ты хороший, ты был очень добр ко мне... Никогда я тебя не забуду... Но я должна уйти...

Он умолял её, унижался, угрожал. Она ничего больше не сказала. Поцеловала его в последний раз и ушла. Снова стал Варапау метаться из конца в конец по городу, ища свою Розу. Не было дома на холме Конкиста, в который он бы не постучался. Никогда больше не довелось ему увидеть её. Только в Итабуне, куда загнала его тоска, он узнал, что она теперь живет с Мартинсом, управляющим фирмой Зуде, и работает на складе, зашивает мешки с какао. Тоска убивала Варапау, он поступил батраком в фазенду, тяжелая жизнь засосала его, но Роза всё не выходила у него из головы. День и ночь Варапау думал о ней, вспоминал её глаза, ее грудь, крепкую, как спелые плоды какао, её пышные волосы. Сколько раз уже рассказывал он о днях, проведенных а Розой, своим товарищам, живущим с ним в одном бараке и вместе с ним работающим на плантациях. И Капи, и Флориндо, и Ранульфо уже знают эту историю наизусть, во всех подробностях. А когда сифилис приковал Варапау к постели на несколько недель, он по целым дням рассказывал негру Флориндо о Розе, вспоминал каждое её слово, движение, каждый вздох любви. Он много раз повторял свой рассказ, но негр не уставал его слушать.

«Терно совершенной любви» — это понравилось бы Розе. Но не всё ли равно, «Совершенная любовь» или «Тараранга», какую роль играет название, если Варапау только для того всё это задумал, чтобы бежать, пробраться в сертаны, а потом вернуться по дорогам в Ильеус искать Розу? Только бы не попасться на глаза полковнику Фредерико. И кто этот Мартинс, который устроил Розу на работу? У Варапау есть нож, правда, до сих пор он им пользовался только, чтоб нарезать табак, но он может и вонзить его в глотку Мартинса, если тот не оставит Розу в покое. Не то чтоб Варапау ненавидел его, как, например, ненавидит надсмотрщика Тибурсио. Но если Мартине не оставит в покое женщину, которая по праву принадлежит ему, Варапау, — о! тогда мы ещё посмотрим.

Самое важное — бежать... Удрать отсюда и, пробираясь по самым непроходимым тропам, ночуя в лесу, добрести до Серры Бафоре, а там уйти в сертаны. Потом спуститься по дороге Конкиста, скрыться на некоторое время в Итабуне и, вскочив на ходу в какой-нибудь грузовик, доехать до Ильеуса. А в Ильеусе он хозяин... Но один только вопрос мучает Варапау, не давая ему сомкнуть глаз по ночам: взять ли с собой Флориндо?

Флориндо спит на нижних нарах, Варапау над ним. Негр даже во сне улыбается. Может быть, он видит во сне терно? Да, негру Флориндо снится терно «Царей волхов», которого он никогда не видал... Вот человек, изображающий быка в праздничной процессии, вот страшное чудище каипора. Ему снятся и пастушки, он даже во сне смотрит на них жадными глазами, и все они — это Роза, подруга Варапау. Давно уже живет она в сердце негра Флориндо, может быть, он любит Розу даже сильнее, чем Варапау. Слушая рассказы друга, он и сам привык подолгу думать о ней. Он представлял её себе на тысячи ладов. Сначала она была похожа на ту блондиночку, которую он встретил в Палестине, на улице, где помещаются публичные дома; она часто напивалась и устраивала скандалы на других улицах, где жили приличные, семейные люди. Она была похожа на фарфоровую куклу; полиция потом выслала её из городка. Флориндо почему-то воображал себе Розу похожей на эту девушку — голубые глаза, маленький рот, золотистые волосы. Потом, когда Ранульфо вырезал из старого журнала, который нашёл на веранде помещичьего дома, фотографию какой-то киноактрисы (она была почти голая, в лифчике и трусиках), Флориндо по ночам стал воображать себе Розу такой же вот красивой и смуглой. А иногда Роза казалась ему попроще — ну вроде дочери Жезуино, надсмотрщика из фазенды Манеки Дантаса, наверно, она такая же задорная маленькая мулатка и так же со всеми балует. Или, может, Роза похожа на негритянку-проститутку, с которой Флориндо спал в Пиранжи и которая заразила его дурной болезнью. В снах Флориндо Роза была разная, но какова бы она ни была, в одинокие трудные ночные часы он повторял слова, которые она когда-то сказала Варапау. Роза живёт в сердце Варапау, она живёт и в сердце негра Флориндо, живёт в одинокие ночи, ночи без женщин, трудные ночи работников фазенды Тараранга.

Сейчас Флориндо снится Роза в костюме пастушки, одетая так для праздничной процессии. Пастушек много, и все они похожи на Розу, подругу Варапау. Вот блондиночка Роза, с маленьким ртом, с голубыми глазами, она совершенно пьяна и осыпает бранью замужних женщин. Вот Роза полуголая, в трусиках и лифчике, смуглая красавица артистка. Вот Роза мулатка с живыми, задорными глазами, щеки у нее накрашены, а

волосы густо измазаны свиным салом. Вот Роза негритянка с широкими бедрами. И негр Флориндо смеется во сне: он тоже танцует, танцует с Розой. Хорошая вещь этот терно!

Взять Флориндо или бежать одному? Варапау никак не может решить этот вопрос. Лучше посоветоваться с Капи, он человек опытный, много лет здесь живёт. Капи никогда не пытался бежать, хотя давно уж тоска давит ему на сердце. Капи родом из Сеара, он приехал сюда как-то во время засухи — по всему северо-востоку, обожженному солнцем, шла слава о землях юга Баии. Приехал — и уже не мог вернуться назад. Он приехал один, жена и дети остались там, на выжженной земле, он ведь уезжал ненадолго, только чтоб заработать немного денег. Но он задолжал, в лавку. Там, на родине, в Сеара у них был свой клочок земли, корова и коза. Жена обрабатывала землю и писала, что, как только сможет, пошлет ему денег. Тогда Капи заплатит долг и вернётся домой. Уже много лет он ждёт. Иногда приходят письма от жены, которые пишет под её диктовку учительница соседней школы, жена сообщает, что копит деньги, чтоб ему послать. Но ведь приходится по грошику собирать, так что ждать ещё долго. Капи ждёт терпеливо и всеми силами старается, чтоб долг его по крайней мере не рос.

В эту ночь Капи тоже снится сон. Он спит беспокойно и видит во сне пастушескую пляску, в которой он когда-то — много лет прошло с тех пор! — выступал в роли Ирода. Они изображали тогда какую-то смесь из Библии и старинных мистерий на тему о рождении Христа. Капи был наряжен Иродом, и пастушки, обращаясь к нему, пели стихи, которые он до сих пор помнит. Капи ворочается на своей жёсткой постели из голых досок, делая отчаянные усилия вспомнить, как дальше. Ведь пастушки кончили петь, теперь его очередь, он должен ответить. Как же это поется? Капи никак не может вспомнить свою партию. Ведь сколько лет прошло, он тогда ещё не женат был, а про земли Ильеуса — так вообще даже и не предполагал, что они на свете существуют, и деревьев какао в глаза не видал, но зато стихи из пастушеского терно знал наизусть и помнил все па того танца, который тогда танцевали. Именно во время терно, в один из этих чудных вечеров он и познакомился с Сузаной, своей теперешней женой. Она была пастушкой и пела:

О царь Ирод,
не тронь младенца,
ведь он наш бог...

А Капи, царь Ирод, отвечал ей. Капи отчаянно пытается вспомнить стихи. Он как наяву видит перед собой Сузану девушкой, в костюме пастушки, он слышит её пенье. Лоб его покрывается потом, он ворочается на нарах, не находя покоя, это уже не сон, а кошмар...

Варапау закрыл глаза. Взять с собой Флориндо или нет? Только один Капи может дать ему совет, он тут самый опытный человек. Вот праздничная процессия выходит из фазенды, Варапау — во главе, а дорога ведет в сертаны. Он бежит бегом, терно остается позади, фонарики покачиваются в такт знакомой песне:

Беги да подрезывай ветки,
какао собирай и сажай
(не плачь, мулатка, не плачь!)...

Терно всё дальше; на просеке в лесу Роза ждет Варапау. Она идёт к нему навстречу, смеётся, что-то врет, как всегда. Но вслед за нею появляются Мартинс и Тибурсио. Они пришли с какаовых плантаций. Варапау хватается за нож. Роза смеётся: кому ж удавалось бежать с плантаций какао? Ранульфо не сумел убежать, и вот его бьют, в руке Тибурсио хлыст, сейчас он опустится на спину Ранульфо. Варапау пробует бежать, но все теперь собрались у помещичьего дома: Роза смеётся, Мартинс пытается схватить её, полковник Фредерико что-то кричит, Тибурсио хлыстом бьёт Ранульфо...

8

Баркасы для сушки бобов напоминают корабли, они словно вот-вот поплывут по золотому морю какаовых деревьев. Они стоят возле помещичьего дома один за другим, пять баркасов, на которых работники танцуют свой странный танец, перемешивая ногами сушащиеся на солнце бобы. Здесь же, неподалеку, стоят корыта, вереницы ослов отвозят туда мякоть какао. Сквозь щели досок стекает жидкий мед, покрывающий бобы какао, Из этого мёда помещики гонят уксус в собственных перегонных котлах.

Быть может, потому, что баркасы похожи на корабли, в землях какао появились песни, в которых говорится о море, о путешествиях. Или, может быть, в этих песнях мечта о побеге? Ведь многие из тех, кто работает на плантациях, приплыли сюда по морю в поисках богатства...

Хотел бы я быть моряком
и уплыть в чужие края...

Цинковая крыша баркаса накаляется на солнце. Если пойдет дождь, надо сразу же навесить над сушащимися бобами эту крышу, наведя ее по рельсам баркаса, и какао будет спасено. А иначе оно заплесневевает, перейдет в «средний сорт», и разницу в цене вычтут из заработной платы работников плантаций. На настиле, словно покрытом воском, сушится какао, вынутое из корыт, в то время как люди, танцующие на нём выдуманный ими самими танец, ворошат ногами бобы какао, распевая при этом песню, которую они тоже сами выдумали. Этот танец напоминает другой танец других негров в другие времена, на палубах невольничьих кораблей, а эта музыка говорит о тайной мечте каждого из них — стать моряком и в один прекрасный день уплыть на каком-нибудь корабле в другие страны. Но, несмотря на то что эти баркасы так похожи на грузовые суда, которые вот-вот выйдут в открытое море, они вечно будут стоять на якоре возле плантаций какао, и даже самый сильный южный ветер не сможет сдвинуть их с места.

Мой баркас никуда не плывет,
он к берегу крепко пристал.

Как бы сильно ни дул южный ветер, сгибая траву, покрывая жёлтыми листьями землю, никогда не сдвинутся с места эти баркасы. И никогда не уедут отсюда эти негры и мулаты, распеваящие песни, в которых говорится о море и путешествиях: они навек прикованы к чёрной, сочной земле плантаций, эти моряки на баркасах для сушки какао!

Зерна какао докрасна раскаляются под жарким солнцем, и, словно танцуя на горячих угольях, люди переворачивают их ногами, чтобы какао было «высшего сорта», а не «good» или «среднего». Потому что разницу в цене вычтут у работника и потом десять лет ни гроша не получишь. Надсмотрщик кричит: «Осторожно!», «Смотрите не попортите какао!», «Не смейте грабить хозяина!» Они пляшут и поют, раскаленные бобы какао обжигают им ноги. Первое время на пальцах остаются следы, потом ноги привыкают.

Чем сильнее припекает солнце, тем лучше. Какао станет коричневым, как лица людей, у него будет такой запах, как у шоколада. Работники плантаций никогда не пробовали шоколада, они только и знают что этот

сладкий запах.

Варапау пляшет свой странный танец быстро, дробно перебирая ногами. Негр Флориндо смеется, он пляшет лучше всех. Капи месит в корыте мякоть какао, чтобы выжать сок. Жидкая масса налипает на подошвы ног, никакой водой потом не отмыть ее, — это уж на всю жизнь. Негр Флориндо затягивает матросскую песню, все остальные подхватывают:

Мой баркас отправляется в море,
ветер бушует кругом...
Мой баркас без руля и без вёсел,
и паруса нету на нём...

Неподалеку — печь, её недавно белили. Словно самый простой белый домик. Но работники плантаций смотрят на неё с ужасом. Электрическая печь, маленький белый домик с одной только дверью, похожей на дыру, через которуюходишь прямо в ад. Когда начинается тоскливая зимняя пора и льёт дождь, или в конце уборки урожая, когда всё какао не умещается на баркасах, его сушат искусственным способом, в электрической печи. Зимой, когда падают июньские дожди, а солнца нет, баркасы становятся бесполезными, над ними надвигают цинковые крыши, а все какао сносят для просушки в печь. Включают электричество или кладут дрова в топку, если это не электрическая печь. Внутри жарко как в аду, а пробыть здесь нужно шесть часов и всё время переворачивать зёрна, а то печь — это вещь опасная, в одно мгновение может сгореть несколько арроб какао. А ведь вычитать будут у работников. Когда человек входит в печь, надсмотрщик кричит ему вслед: «Осторожней, осторожней, не сожги какао». Многие уже умерли от удара из-за этой печи: выйдут наружу, попадут под дождь, да сразу же и рухнут. А один погиб потому, что, выйдя из печи, страшно хотел пить и с жадностью съел кусок арбуза. Ему весь рот перекосило, а глаза прямо вылезли из орбит, он упал тут же, у самого входа в печь, в этот красивый белый домик.

— Оцепенел... — сказали люди.

Многие уже так оцепенели, и потому работники плантаций боятся этой печи; она — их смертельный враг. Она убивает людей, она сжигает хозяйское какао. А когда какао сгорает, то платят они, убыток вычитается из их заработка, и долг растет в расчетных книгах, в которых уже все так запутано, что и разобрать нельзя. Но если человек, выйдя из печи, падает

мёртвым, то никто ничего не платит, его тут же на плантациях и закапывают — это ведь хорошее удобрение. Когда человек умирает, значит, срок его настал, и это даже лучше — умереть сразу, оцепенеть тут же на месте, чем месяцами валяться в постели, желтеть да сохнуть, медленно помирая. Так говорят женщины, когда кто-нибудь, выйдя из печи, попадает под дождь и падает мертвым.

И о ней, о печи, которая сжигает какао и убивает людей, об их враге, сложили песни безымянные певцы плантаций, грустные песни, бесконечно печальные, как заупокойные молитвы:

В печи сгорел Манека,
когда начинался закат...

В фазенде полковника Фредерико Пинто была только одна электрическая печь, и стояла она возле баркасов, неподалеку от помещицкого дома. Мотор был не очень-то силен, энергии хватало только на печь, на освещение хозяйского дома да на две лампы в доме Тибурсио, надсмотрщика. Две другие печи топились дровами. Незадолго до повышения цен, в конце уборки урожая, когда дожди что-то задержались, электрическая печь была в действии, так как баркасов не хватало. И вот на следующий день после того, как закончили уборку, в то время как Варапау только и думал что о своем терно, умер Ранульфо. Другие были на баркасах возле корыт, а он пошёл в печь переворачивать бобы какао, чтоб не сгорели. Небо ещё с вечера заволокло тучами, и время от времени, несмотря на то что солнце припекало, падали быстрые короткие дожди. «Лисья свадьба, — говорили женщины, — солнце и дождик вместе».

Когда Ранульфо, окончив работу в этом электрическом аду, вышел из печи, начался дождь. Он даже не успел вскрикнуть, ему перекошило рот, судорога прошла по всему телу, тут же у двери он и упал. Капи, выжимавший какао в корыте, видел, как упал Ранульфо.

— Ранульфо оцепенел...

Люди побросали работу и побежали к месту происшествия. Надсмотрщик крикнул Варапау:

— Позови полковника...

Когда они приблизились, Ранульфо уже умер. Из печи доносился треск подгоревшего какао. Они окружили умершего.

— Какой он страшный... — сказала дочка Иринеу, восемнадцатилетняя девушка, на которую все мужчины заглядывались.

Подошёл полковник Фредерико Пинто. На пороге дома показалась его жена — толстая-претолстая, с целым выводком детей. Полковник приказал:

— Остановите мотор, какао сгорит. Скорее, Тибурсио... — Он прислушался к треску подгоравших бобов, доносившемуся из печи, и лицо его потемнело: — Эти арробы погибли...

И только убедившись, что мотор остановили, он повернулся, чтоб взглянуть на только что умершего человека. Люди расступились перед ним, только Рита, дочка Иринеу, не тронулась с места, стояла и улыбалась полковнику. Дона Аугуста, жена Фредерико, тоже подошла и спросила:

— Что случилось?

— Ранульфо оцепенел...

Полковник Фредерико Пинто смотрел на умершего, на его скрюченные пальцы, открытый рот.

— Не мог, чёрт возьми, подождать, пока дождь пройдет...

Но теперь дождь уже прошёл, и полковнику никто ничего не ответил. Дона Аугуста перекрестилась и протиснулась между полковником и дочкой Иринеу, которая отошла в сторону и потупилась.

— Нахальная девчонка... — пробормотала дона Аугуста.

Она взглянула на умершего с жалостью, но больше всего её занимала в этот момент молоденькая мулатка с высокой крепкой грудью, Рита. Она-то ясно видела, чего хочет эта девчонка: понравиться Фредерико, сойтись с ним, а потом жить в собственном доме в Пиранжи.

— Дрянь какая... — пробормотала она снова.

А мёртвый Ранульфо лежал всё на том же месте. Тибурсио подбежал к полковнику, тот повернулся к нему, оторвав взгляд от умершего.

— Просмотрите это какао. Может быть, его ещё спасти можно...

Тибурсио и два работника вошли в печь. Полковник Фредерико сказал:

— Возвращайтесь все на баркасы... Сейчас ведь отпевать его не будете...

Люди стали расходиться медленно, неохотно. Капи всё оборачивался и смотрел на Ранульфо, мертвого, с выпученными глазами, Тибурсио и двое работников вышли из печи.

— Это какао еще можно спасти. Оно подгорело не сильно.

Когда двое мужчин, которым помогала дочь Иринеу, подняли тело Ранульфо за руки и за ноги и понесли, надсмотрщик включил мотор. Он крикнул Варапау:

— В печь!.. И береги какао...

Полковник Фредерико поддержал надсмотрщика:

— Берегите какао...

Мертвого унесли... Одну внезапную, долгую минуту стояла тишина. И тогда, разрезая воздух над плантациями, раздался с баркасов голос Флориндо, изливаясь в протяжной жалобе на страшную печь:

Страшная печь-убийца,
она убивает нас...
В печи сгорел Манека,
значит, настал его час...

Полковник Фредерико Пинто повернулся, быстрым и нервным движением провел платком по лбу и сказал жене:

— Слава богу, какао спасено...

Голос Флориндо терялся вдали, над плантациями:

В печи сгорел Манека,
нежданно он, бедный, погиб!

9

В помещичьем доме подавали обед. Дона Аугуста собрала детей, дома жили теперь четверо, три сына и дочь учились в Баии. Прислуги-негритянки приносили из кухни разные блюда. Полковник Фредерико смотрел на жену и думал о Лоле Эспинола. Было время (очень давно!), когда дона Аугуста была хорошенькой, стройной девушкой. Но с тех пор прошло больше двадцати лет. Фредерико был ещё не особенно богат, когда женился на ней. Аугуста, отец которой к тому времени уже умер, принесла в приданое плантации какао, увеличив состояние Фредерико. Но после первых родов дона Аугуста начала полнеть и превратилась в эту бесформенную тушу; она казалась ещё огромнее рядом с мужем, маленьким и худощавым. И она была не только толста, но и ревнива. Из ревности она бросила дом в Ильеусе, один из лучших домов на Авениде, и переехала жить в фазенду. Еще в Ильеусе она непрерывно думала о том, что муж там один на плантациях и, наверно, не пропускает ни одной девчонки-метиски. В конце концов она переехала в фазенду и начала шпионить за Фредерико, твердо решив не допустить никакого баловства с дочерьми работников. Полковник Фредерико Пинто не особенно-то обращал внимание на припадки ревности, столь частые у его жены. Здесь, в

фазенде, дона Аугуста ещё больше располнела, потому что после обеда спала в гамаке на веранде и поела все вкусные блюда, какие только умели готовить негритянки; она превратилась в какую-то гору мяса, полковнику было просто противно на нее смотреть.

Сидя за столом рядом с женой, Фредерико подумал, даже с некоторым удовольствием, какой шум подняла бы Аугуста, если бы узнала, что он близок с Лолой. Но супруга ни о чём не догадывалась, она лишь смутно где-то что-то слышала о Пепе, но связывала его имя только с игорным домом; а страсти Фредерико к игре она даже потакала.

— По крайней мере, пока играет, не бегает за женщинами...

Но если бы она узнала, вот был бы скандал! Это было бы ужасно, она бы всю жизнь об этом говорила, откровенничала со служанками, жаловалась Тибурсио, хныкала по ночам. Это даже хорошо, что она приехала в фазенду, здесь она по крайней мере далеко от ильеусских старушек, у которых такой длинный язык и которым решительно нечего больше делать на свете, как только сплетни разводить да совать свой нос в чужие дела. А впрочем, для полковника Фредерико Пинто всё это особого значения не имеет. Пусть Аугуста хоть с ума сойдет, Лолу он всё равно не оставит. Вообразите себе: порвать с Лолой, чтоб удовлетворить оскорблённое самолюбие этого слона...

С тех пор как Фредерико увидел в цирке слона, он никогда уже не мог больше думать о своей жене, не вспоминая это странное животное. Единственное, что удерживало Фредерико от решительного разрыва, были дети — старшие, учившиеся в Баии, и малыши здесь, дома. Если бы не дети, он давно бы взял Лолу к себе и зажил бы с нею вдвоём в новом доме. Детей у него было восемь; было бы двенадцать, если бы четверо не умерли: трое ещё маленькими, а Карлос, самый старший, четырнадцати лет. Он умер от тифа как-то во время каникул. Если б не дети, Фредерико совершил бы это безумство, пусть потом говорят что хотят, ему решительно всё равно... Кстати сказать, достаточно провести с женой одну ночь, чтоб на свет появился новый ребёнок... Аугуста не боялась иметь детей, и они рождались каждый год... Только они ещё и привязывали полковника к дому, к жене; если бы де они — он бы все бросил и вырвал Лолу из рук Пепе.

Дона Аугуста ест молча. Она тоже задумалась. О Фредерико, о детях, о плантациях. О Рите, дочке Иринеу. Скверная девчонка, лезет к полковнику, это ясно... А он, конечно, не прочь... Иринеу, безусловно, подстрекает дочку, ему очень хочется, чтоб полковник с ней сошёлся, тогда у них будет много денег, они переедут в Пиранжи, ему будут каждую неделю платить за

работу... Она к нему так и льнёт, это все видят... Грудь упругая, волосы приглаживает, а улыбка дерзкая, бесстыдная... Дона Аугуста так расстроена, что у неё даже аппетит пропал. Мальчики подрались за столом, каждый требует лучший кусок, донна Аугуста сердито закричала на них. Почему это Фредерико смеётся?

Наконец, не в силах больше сдерживаться, Аугуста сказала:

— Ты думаешь, я ничего не замечаю?

Полковник вздрогнул. Может быть, она и вправду что-нибудь знает?

— Да ты о чём?

— Всё об этом говорят... Девчонка эта, дочка Иринеу...

— Оставь, пожалуйста, глупости какие...

— Может быть, ты не замечаешь...

— Да что мне замечать-то?

— Она на тебя так смотрит, только что не прижимается к тебе. Тебе, конечно, это нравится...

Фредерико смеется:

— Оставь, пожалуйста... Ты со своей ревностью просто невыносима... Я даже не смотрю на нее... Оставь, пожалуйста...

В дверях показалась Рита, дочь Иринеу. Лицо доны Аугусты исказилось от гнева:

— Что тебе здесь нужно?

Девушка смущенно улыбнулась:

— Я хотела попросить вас, сеньора, может, дадите пару свечей, поставить в ногах у покойника...

В первый раз Фредерико пристально взглянул на молоденькую мулатку. Если бы не Лола, то стоило бы обратить внимание на Риту. Она недурна собой. Но у него есть другая женщина, красивая, утонченная, незачем ему возвращаться к мулаткам с плантаций. Голос доны Аугусты звучит резко:

— Нет у меня никаких свечей. Негру не нужно ни свечей, ни гроба... Подумаешь, новости какие...

— Мы его отпевать хотели... — изумилась Рита. Никогда ещё никто не отказывал в свечах для покойника.

Тогда только донна Аугуста вспомнила Ранульфо, его выкатившиеся глаза. Она внезапно вздрогнула всем своим грузным телом.

— Ступай... Я потом пришлю свечи с Эсмеральдой...

Рита, уходя, улыбнулась:

— Бог вас наградит за это...

Донна Аугуста повернулась к Фредерико:

— Разве я не говорила... Она придумала всю эту историю со свечами только затем, чтоб прийти сюда...

Полковник опять засмеялся:

— Оставь, пожалуйста... Она пришла просить свечи, а ты не захотела сделать благочестивое дело...

Он подумал с минуту, мысли как-то путались у него в голове:

— Милосердие никогда никому повредить не может... Бедным помогать надо...

Дона Аугуста оправдывалась:

— Да я сейчас пошлю свечи... Я только этой нахалке дать не хотела.

Тибурсио остановился в дверях, попросил разрешения войти:

— Всё какао удалось спасти, полковник...

Фредерико повернулся к жене:

— Пошли им водки тоже. А то у них, наверно, курить не на что...

10

Мягко стелется по земле ласковая тень плантаций. Солнце золотит большие листья деревьев какао. Ветви их тянутся в воздух, сплетаясь и обнимая друг друга, и кажется, словно одно гигантское дерево стелется то вверх, то вниз по холму, отбрасывая на многие сотни метров топазовую тень. Здесь всё — жёлтого цвета, лишь изредка, резким пятном, врываются в жёлтое марево островки зелени. Ползет по веткам желто-золотистый муравей пешишика, он уничтожает вредителей, угрожающих плодам какао. На деревьях распускаются золотистые молодые листочки и нежные бледно-желтые цветы, которые солнце осыпает огненно-золотыми брызгами. Пожелтели, сожженные лучами, слишком ранние плоды. А спелые, напоминающие золотые лампы старинных соборов, ослепительно сверкают под лучами солнца, проникающими сквозь тень плантаций. Жёлтая змея «папа-пинто» выползла погреться на тропинку, протоптанную ногами людей. И даже земля — грязь, превратившаяся в пыль под жарким солнцем, — тоже мутно-желтого цвета. Она покрывает голые ноги негров и мулатов, работающих на плантации, и потому ноги у людей желтые.

Спелые плоды светятся слабым золотистым светом, озаряющим самые темные уголки плантаций. Луч, пробиваясь сквозь листья, обрисовывает в воздухе желтые столбики пыли, которые ползут по ветвям, теряясь в небе над вершинами деревьев. Обезьяны жупара, всегдашние обитатели какаовых насаждений, с криком прыгают с ветки на ветку — тёмные

грязно-желтые пятна на золотом фоне плантаций. Змея «папа-пинто» просыпается, вытягивает своё тело цвета яичного желтка и теперь кажется гибкой металлической палочкой. Её жадные жёлтые глаза неотрывно следят за шумной, весёлой стаей обезьян, прыгающих по веткам. Капли солнечного света льются сквозь листья какаовых деревьев, сливаясь в длинные лучи на земле, растекаясь по лужам бликами цвета чайной розы. Словно топазовый дождь, падая с неба на горячую пыль земли, превращается в розовые лепестки. Все оттенки жёлтого цвета можно увидеть на плантациях какао в тихое солнечное утро.

И когда поднимается легкий ветер, все это жёлтое море колышется, волны разных оттенков вливаются одна в другую, образуя новый жёлтый цвет — цвет какаовых плантаций, самый красивый цвет в мире; только местные жители могут видеть его в летние дни. Нет красок, чтобы передать этот ни с чем не сравнимый цвет, нет слов, чтобы описать его, этот неповторимый жёлтый цвет какаовых плантаций!

ДОЖДЬ

1

Поэт Сержио Моура сидел один в пустом зале заседаний Коммерческой ассоциации. Вошел Карлос Зуде. Он пожал руку поэту, улыбаясь своей обычной, такой приветливой улыбкой:

— Добрый вечер, сеньор Сержио.

— Добрый вечер.

Какая гордость звучала в голосе поэта! Эта гордость казалась чем-то вещественным, осязаемым, она висела в воздухе, колола, как игла. И, как это ни странно, эта гордость почему-то раздражала Карлоса Зуде, несмотря на его глубокое презрение к поэту. Сержио был, бесспорно, хорошим секретарем, дела Ассоциации он вел аккуратно, но ведь десятки молодых людей смогли бы, за приличное жалованье, работать не хуже его! Карлосу не приходило в голову, что гордость Сержио была гордостью поэта, а не секретаря. Карлос презирал стихи; все искусства он считал праздной выдумкой. Он чувствовал какое-то недоверие ко всем писателям, скульпторам, художникам. Но это не было то недоверие, которое чувствовали к людям искусства полковники. Полковники презирали людей искусства только до тех пор, пока те оставались в тени. Как только они становились известными, полковники начинали ими восхищаться. Карлос был выше этого: у него были раз и навсегда сложившиеся взгляды на людей искусства, он называл их бездельниками. Только последние революционные события, в которых приняло участие столько писателей, убедили его в том, что эти бездельники могут быть, пожалуй, опасны. Но поэтов он исключал из числа опасных: это уж просто бездельники, жалкие люди. А так как Сержио Моура отличался трудолюбием и бумаги были всегда в порядке (Карлос Зуде был председателем Коммерческой ассоциации), то Карлос и не вспоминал о том, что его секретарь пишет стихи и печатается в газетах Рио. Он считал стихи слабостью Сержио, а самого Сержио — дилетантом и презирал его, как презирал всех служащих, живущих на жалованье. Впрочем, это презрение не мешало Карлосу быть любезнейшим в мире человеком в обращении со служащими. Он никогда не повышал голоса, не делал строгих выговоров. Он просто презирал служащих как существа другого мира. Крупные коммерсанты, экспортеры, богатые помещики — вот это был его мир, в который допускались разве

что управляющие, так как на долю управляющих всё же приходилась часть доходов фирмы.

Почему же тогда Карлос так живо чувствовал эту гордость поэта Сержио Моура? Он и сам не знал почему. Эта гордость висела в воздухе зала заседаний, и от неё становилось больно, как от пощечины. Эта гордость была во всём — в спокойном лице, в самой позе Сержио, который стоял не шевелясь в ожидании приказаний экспортёра. Карлос, взбешенный, молчал, не зная, что сказать ему. Однако в поведении Сержио не было ничего вызывающего. Он спокойно смотрел на Карлоса, и бумаги, необходимые для заседания, были аккуратно разложены на столе. Может быть, это роза, которую поэт держал в руке, так раздражала Карлоса? Она была просто оскорбительна, эта роза. Но почему оскорбительна? Карлос не знал, куда девать руки, он был смущен. Да ещё Жульета зачем-то пригласила этого типа на завтрашний вечер. Интимная встреча, соберутся только близкие друзья, а она вдруг приглашает Сержио... И что только она в нём нашла? Женщины такие странные, никак их не поймёшь... Поэт вертит в руке розу, это же невыносимо! Карлос Зуде открыл рот, намереваясь сказать что-то обидно-ироническое, но так ничего и не сказал... Не умел он говорить с иронией. Ну какого чёрта Жульета пригласила этого субъекта?

Когда вошел Шварц, управляющий немецкой экспортной фирмы в Ильеусе, Карлос встретил его такой бурной радостью, что Шварц даже растерялся.

— О дорогой Шварц, ну как вы? Сколько лет, сколько зим... — И крепко обнял его.

Шварц поклонился Сержио.

— Ну, а как наш поэт? Стихи подвигаются? — Он с трудом говорил по-португальски и никогда не читал ни одного стихотворения Сержио. Он вообще не читал ничего, что здесь печаталось, а только немецкие книги — поэтов и туманных философов. Его любимым автором был Ницше, и немец обычно говорил, что Ницше скрашивает ему жизнь в Ильеусе. Шварц был ещё молод и недурен собою. Он приехал в Ильеус сравнительно недавно, прямо из Германии, заменив прежнего управляющего фирмой, еврея.

Карлос Зуде выговорил наконец:

— Все готово для заседания, сеньор Сержио?

Поэт — вот несносный, право! — перестал наконец вертеть розу.

— Всё, включая виски...

— Прекрасно, прекрасно... — обрадовался Шварц. — Виски — это самое главное...

Карлос хотел узнать, прибыли ли отчёты контор. Отчёты прибыли и лежали на столе перед председательским креслом Карлоса, поэт указал на них розой. Убить его мало! Карлос с трудом сдержался: не надо нервничать, ему нужно сосредоточиться для сегодняшнего заседания.

Пришли братья Раушнинги, вслед за ними Рейхер. Последним пришел Антонио Рибейро. Шварц наливал виски в голубые бокалы. Сели вокруг длинного стола. Серьезные люди. Прежде всего бросалась в глаза исключительная аккуратность и тщательность, с какой они были одеты: костюмы из дорогого кашемира, шелковые рубашки, добротная обувь. Сержио Моура с карандашом в руке сидел напротив Карлоса Зуде на противоположном конце стола. Карлос смотрел на розу, лежащую на столе, — капля крови на белом листе бумаги, который скоро покроется мелкими, неразборчивыми буквами. После минутной паузы Карлос отвел глаза и посмотрел на Рейхера, наименее крупного из экспортёров.

— Я созвал вас, сеньоры, — начал Карлос, — чтобы поговорить с вами о чрезвычайно важном деле...

— Записывать? — перебил его поэт.

Карлосу пришлось обернуться и взглянуть на Сержио, и роза снова ранила его взгляд. Вот об этом-то он и не подумал: нужно ли стенографировать доклад? Нет, не нужно.

— Нет, сеньор...

Он снова смотрел на Рейхера.

— Прежде всего я хочу поставить вас в известность, что высказываю здесь не только моё мнение, но и мнение Карбанкса...

Экспортеры молча переглянулись. Один из Раушнингов толкнул другого коленом, чтобы тот обратил внимание на эти слова. Сержио тоже наклонился вперёд, видимо заинтересованный. Карлос вытянул ноги под столом, теперь чувство неловкости от присутствия гордого поэта начало проходить.

— Мне кажется, мы можем говорить откровенно... — сказал он, и чувство неловкости прошло совсем. Поэт снова стал простым мелким служащим. Карлос раньше хотел попросить его уйти — он на этом заседании не нужен, но теперь решил, что пусть лучше останется. Пусть почувствует силу Карлоса, пусть узнает, что Карлос значит здесь и на что способен.

Он только сказал:

— Не записывайте, сеньор Сержио...

— Хорошо. — И поэт снова взял розу и вертел её белыми, худыми пальцами.

Карлос Зуде заговорил, отчеканивая каждое слово, ему казалось, что его слова больно бьют поэта Сержио Моура.

— Мы с Карбанксом пришли к выводу, что должны поднять цены на какао.

Он остановился, ожидая, какую реакцию вызовут его слова. Но все молчали, только один из Раушнингов ткнул другого локтем в живот. Наконец Антонио Рибейро, от имени всех собравшихся, попросил у Карлоса более подробных объяснений. По правде говоря, он не совсем понимал, для чего, собственно, нужно повышение цен.

Карлос сначала развалился в кресле, потом выпрямился с таким видом, словно готовился сказать что-то необычайно важное или прочесть лекцию. Сам не зная почему, он посмотрел на поэта и теперь, казалось, говорил только для него:

— Вам всем, сеньоры, известно, что урожай республики Эквадор был уничтожен вредителями. И известно, конечно, что после Золотого Берега и Бразилии...

— ...больше всего какао экспортирует Эквадор, — прервал Рейхер.

Карлос отвел глаза от Сержио и посмотрел на Рейхера с упрёком:

— Не в том дело... Гибель урожая в Эквадоре сопровождалась одним важным обстоятельством...

— Каким? — спросил Антонио Рибейро.

Раушнинги слушали внимательно, Шварц старался проникнуть в тайный смысл слов Карлоса. Что он хочет сказать? Может быть, этот бразилец с толстыми губами и широкими скулами (явные следы негритянской крови) хотел обмануть их, впутать в дело, выгодное только ему самому и американцу? Карлос отказался от дорогой сигары, предложенной одним из Раушнингов, он не курил. Кашлянув, он продолжал:

— Мы все с головой увязли в какао. Это наше дело, в нём весь наш доход. Не правда ли?

Раушнинги кивали головами. Шварц настороженно молчал, Рейхер пробормотал: «Гм...» Только Антонио Рибейро сказал:

— Да, оно верно.

Поэт понюхал розу. Он тоже был заинтригован. В этот момент он вспомнил гневный жест Жоакина, и в его ушах опять прозвучало, как строка трагической поэмы, слово, брошенное шофером в этом самом зале: «Империализм!»

И руки Карлоса начали превращаться (кто может удержать фантазию поэта?) в страшные когти дракона. Они росли, росли на глазах, ползли по

бумагам, разложенным на столе, по отчетам фирм, по цифрам, цифрам и цифрам. Теперь Карлос Зуде уже не сидел, беспечно вытянув ноги. Он приподнялся в кресле, наклонившись вперед, и слова его словно маршировали по столу, так по крайней мере казалось поэту. Карлос продолжал:

— Так как все вы согласны со мной, я задам вам такой вопрос: в чём наши гарантии?

Карлос казался профессором, читающим лекцию, молодым профессором, так как сейчас он выглядел моложе своих лет, и все присутствующие были смущены, Поэт (единственный, кого Карлос хотел поразить) находил, что он плохо объясняет. Сержио уже начал проникать в тайный смысл слов Карлоса, но видел, что другие ещё ничего не поняли. Несмотря на важный вид, экспортер говорил туманно, непонятно. Карлос повторил свой вопрос, подчеркивая каждое слово:

— В чем наши гарантии?

— В каком смысле гарантии? — спросил Рейхер.

Шварц закрыл глаза. Он начал понимать, в чём дело, и теперь стал спокойнее. Он тоже уже давно об этом подумывал, но у него не хватало смелости привести свои планы в исполнение.

— Да, — сказал Карлос, — в чём гарантии? Мы покупаем какао и продаём его за границу. Некоторые из наших фирм — иностранные, их капиталы за пределами нашей страны. А какова база этих капиталов? В чём наши гарантии?

Он отвел глаза от поэта и посмотрел кругом. Поэт нюхал розу; Карлос Зуде с удовольствием назвал бы его неженкой, хотя Сержио был совсем непохож на неженку. Но очень уж Карлосу хотелось оскорбить его, сбить с него эту спесь!

— Получается, сеньоры, что наши гарантии, наши капиталы, наши деньги... — Он повторил: — Наши деньги зависят исключительно от нескольких помещиков и от нескольких мелких землевладельцев с их маленькими плантациями... От того, обрабатывают ли они свои плантации как следует. Если вы, сеньоры, не в курсе дела, я познакомлю вас с некоторыми фактами...

Он отыскал среди бумаг несколько вырезок из газет.

— Вот газеты Буэнос-Айреса. Не самые последние, но это не важно. Важна та информация, которую они дают... — Он поколебался мгновение, не зная, стоит ли просить поэта, чтобы он перевел эти две заметки. Наконец решил не сдавать своих позиций: — Переводить нет необходимости, я знаю, что здесь сказано. Вот в этой статье, — он показал

вырезку из газеты, наклеенную на лист бумаги, — говорится о банкротстве самого крупного экспортёра в Эквадоре. — Он положил листок на стол и обвел взглядом присутствующих. — Гибель урожая, упадок торговли, разорение помещиков, всей тяжестью обрушившееся на фирму, банкротство... — Он взял другой листок, стараясь разобрать имя: — Сеньор Хулио Ремигес... другой экспортёр, покончил самоубийством. Когда начался сбор урожая, он закупил много какао, тысячи арроб. Какао он не получил. И пустил себе пулю в лоб...

Антонио Рибейро даже свистнул, так он был напуган. Рейхер встревожился. Раушнинги переглядывались, они начали наконец понимать, о чем шла речь. Карлос Зуде — гений... Шварц окончательно успокоился и уже не обращал внимания на толстые губы Карлоса и на его широкие скулы, напоминающие о негритянской крови, текущей в его жилах. А поэт видел, как дракон растёт, растёт, заполняя весь зал: теперь люди за столом превратились в одно тело, огромное тело фантастического чудовища.

— Сеньоры, я думаю, и мнение Карбанкаса вполне совпадает с моим, что мы должны поднять цены... Насколько мне известно, урожай Золотого Берега в этом году тоже не обещает быть слишком высоким. Засуха в тех местах сильно повредила какаовым деревьям, какао будет мало. Надо вздуть цены именно теперь, лучший момент подобрать трудно...

— Но ведь... — Антонио Рибейро ничего не понимал.

— Говорите! — Голос Карлоса звучал повелительно.

— Но... повышение цен мало что нам даст. Соотношение между теми ценами, которые мы платим плантаторам, и теми, которые нам платит Нью-Йорк или Берлин, остается почти неизменным, разница в прибылях незначительна... А капитала мы вложим гораздо больше... Я не вижу, в чём наша выгода и какое это имеет отношение к вопросу о гарантиях...

Карлос Зуде посмотрел на экспортёра с жалостью. Потом взглянул на Шварца и на Раушнингов, — эти иностранцы, наверно, понимают, они не такие ослы, как Антонио Рибейро. Да, безусловно, немцы понимают и одобряют... Он улыбнулся, успокоенный.

А поэт видел улыбку дракона, смертоносную улыбку, Карлос снова заговорил, и голос его звучал твёрдо:

— К вопросу о гарантиях? Самое непосредственное... Повышение цен потребует больших капиталовложений...

— Помещики разбогатеют, станут ещё могущественней...

— Правда. Плантации необычайно повысятся в цене. Вот этого-то мы и должны добиваться. Так как затем...

Он замолчал на секунду и произнес:

— Произойдет понижение цен...

Старший из Раушнингов не выдержал и захлопал в ладоши. Антонио Рибейро всё ещё не совсем понял: хоть ему и повезло в делах — удалось основать собственную фирму, но он был ещё новичок в торговой жизни.

— Я не совсем понимаю...

Тогда старший из Раушнингов, человек с седой головой и нежно-голубыми глазами, взял слово и начал разъяснять медленно, терпеливо, приводя примеры: фазенда, дающая тысячу арроб, стоит сейчас столько-то, после повышения будет стоить в четыре раза больше, а после понижения — в восемь раз меньше. Он приводил цифры — это же так ясно, что прямо в глаза бросается...

Антонио Рибейро страшно обрадовался:

— А на сколько же повысим?

— На сколько будет необходимо, — сказал Карлос, — и понизим тоже, на сколько будет необходимо...

Потом спросил:

— Все согласны?

Все были согласны и в восторге. Карлос Зуде посмотрел на поэта Сержио Моура: роза, увядшая, заброшенная, одиноко лежала на столе. Карлос не выдержал и улыбнулся торжествующей улыбкой. И только тогда поэт почувствовал, как в нем поднимается огромная волна ненависти. Но он лишь слегка вспыхнул и закусил нижнюю губу. Он больше не видел дракона, он видел улыбающегося человека — это было во сто раз отвратительнее! Карлос взял бокал виски, предложенный Шварцем.

— А когда экспортеры станут одновременно и помещиками, мы уже не будем зависеть от того, собираются ли полковники ухаживать за деревьями на своих плантациях и есть ли у мелких землевладельцев на это деньги...

Шварц одобрил сухим и резким кивком.

— Мы внесём порядок в эти дела. — Он поднял бокал виски, приветствуя присутствующих.

Сквозь голубое стекло бокалов поэт видел искажённые лица каких-то причудливых, страшных существ. Карлос Зуде, торжествующий, попрощался с Сержио, пожелав ему самым любезным голосом:

— Доброй ночи, сеньор Сержио. Спите спокойно и не забудьте, что завтра вечером вы у нас.

Они ушли, но в зале ещё долго стоял запах дорогих сигар, тонких духов, чистого платья и денег. Поэт так остро чувствовал этот запах, что схватил увядший цветок и стал отчаянно вдыхать слабый аромат, который ещё исходил от него, аромат дикого сада.

В девять часов вечера, когда отошел последний автобус в Итабуну, Мариньо Сантос вышел из агентства и отправился в «Кафе Ильеус», где его, как обычно, ожидали друзья. Оттуда они пойдут в кабаре или в публичный дом. Но Мартинс, управляющий Зуде, не пойдёт с ними, он теперь ухаживает за красавицей женщиной, упаковщицей какао по имени Роза. В кафе уже сидели Рейнальдо Бастос, молодой служащий из конторы Зуде, и Зито Феррейра, поэт с длинными волосами, — то есть в свободное время поэт, а вообще редактор юмористического еженедельника, вечно выпрашивающий денег взаймы. Был там и Гумерсиндо Бесса, один из руководителей Ассоциации торговых служащих (Мартинс был её председателем); раньше он очень любил проводить время в обществе друзей, но с тех пор, как стал интегралистом, показывался редко. Теперь он вращался в другой среде, завел дружбу с Сильвейриньей, а когда появлялся, то ненадолго и начинал убеждать всех примкнуть к интегралистам, причём эти его выступления всегда кончались бурными спорами. Зито, циник и пьяница, был, однако, человеком независимого нрава и насмеялся над Гумерсиндо, над интегралистами, их речами и демонстрациями. Как-то раз Гумерсиндо рассердился и хотел ударить Зито; потребовалось вмешательство Мариньо Сантоса и Мартинса. С тех пор Гумерсиндо стал реже ходить в кафе. В городе говорили, что скоро он станет управляющим Шварца (Гумерсиндо у него работал).

Мариньо Сантос сел.

— Ну-ка мне холодненького...

Все уже пили пиво. Хозяин автобусной компании особенно любезно поклонился Гумерсиндо.

— Как хорошо, что вы пришли, сеньор Гуме... Рад видеть вас... Вы совсем нам изменили...

Гумерсиндо открыл рот, чтобы ответить, но его перебил Рейнальдо Бастос, сходящий с ума от желания повторить фразу, услышанную утром от Карлоса Зуде, которую он выдавал за свою:

— Они робкие, как дети...

— Прекрасно сказано, — отозвался Зито Феррейра (он уже в третий раз хвалил Рейнальдо и решил, что теперь уже можно попросить у него взаймы не пять, а все тридцать тысяч).

— О ком вы это? — заинтересовался Мариньо Сантос. — Кто это так наивен в этой земле ловкачей?

— Мы говорили о полковниках, владельцах фазенд... — И с таинственным видом, оглядываясь по сторонам, Рейнальдо сообщил своим собеседникам: — Сегодня собрание экспортеров... Будет повышение, и большое...

Мариньо Сантос выронил из рук бокал, вытаращив глаза от изумления:

— То-то мне казалось...

— Сегодня мы назначаем цену девятнадцать пятьсот с доставкой. Завтра будем продавать по двадцать... А потом, кто знает? Я так не сомневаюсь, что дойдет до двадцати пяти...

Мариньо Сантос попросил:

— Объясните подробнее.

— Ну что ж, извольте: сеньор Карлос сегодня приехал из Баии. На самолете. Он там с Карбанксом говорил. Такой весёлый приехал, прямо сияющий. Как только приехал, заговорил о повышении цен, а потом созвал всех экспортеров на заседание в Коммерческую ассоциацию...

— Кто должен быть в курсе дела, так это Сержио Моура... — сказал Зито.

Услышав ненавистное имя, Гумерсиндо недовольно поморщился:

— Не произносите имени этой гадины в моем присутствии...

Зито засмеялся:

— Ого, как крепко!

Рейнальдо Бастосу опять не представлялось случая блеснуть «своей» фразой. Он даже огорчился и пил пиво без всякого удовольствия.

— Значит, цены повысятся? — спросил Мариньо Сантос, обращаясь больше к самому себе, чем к окружающим. Он уже мечтал о том, что купит новые автобусы, а может быть, и грузовики.

— Можно будет кучу денег заработать...

Рейнальдо Бастос всё ещё не потерял надежды вставить свою фразу. Фраза, правда, была не его, а Карлоса Зуде, но ведь никто этого не знал. Даже и сам Рейнальдо Бастос почти уже забыл, что не ему принадлежало это сравнение. Целый день фраза вертелась у него в голове, он повторял её на тысячи ладов, переставлял слова: «Робкие они, как дети», потом заменил слово «робкие» словом «наивные», но эта замена ему самому не понравилась, и в результате он решил повторять фразу точно так, как услышал утром из уст патрона. Он выбрал момент, когда кругом было много людей. Фраза имела успех. Зито Феррейра пришел в восторг:

— Да, сеньор... Какое меткое сравнение!

И сейчас Рейнальдо с нетерпением ждал нового случая.

— Урожай будет хороший... — сказал Мартинс. — Большие дожди будут...

Мариньо Сантос выглянул за дверь и смотрел в небо, вытянув шею. Тучи сгущались. Друзья заказали еще пива.

— Полковники будут швыряться деньгами... — сказал Зито.

Рейнальдо хотел было вставить свою фразу, но Гумерсиндо не дал ему:

— И вовсе не робкие они дети. Акулы они...

— Акулы? — Рейнальдо даже рот открыл от испуга.

Зито Феррейра залпом выпил пиво и сказал:

— Акулы они или робкие дети, но именно им мы обязаны прогрессом этой зоны. Это они завоевывали землю, сажали на ней какао, убивали людей, строили города... Они наши герои...

Гумерсиндо рассвирепел:

— Герои... Прогресс... Вы бы лучше сказали, что они повинны в отсталости Ильеуса. Вот с этим бы я согласился.

— Как это в отсталости? — спросил Зито.

Спор между Зито и Гумерсиндо («Два парня с головой», — говорил о них Рейнальдо Бастос) привлек внимание всех, даже самого Рейнальдо. Это стоило послушать!

— Да ведь они — люди без всякой культуры, они даже в какао мало понимают, — начал Гумерсиндо, и в голосе его ещё звучало раздражение: — Люди политически отсталые, «демо-либералы» (он подчеркнул это слово), они даже в своих фазендах не умеют хозяйничать как следует. Знаете, что я вам скажу? Полковник Орасио собирает пятьдесят тысяч арроб какао, не правда ли? Да я это хорошо знаю, он ведь наш клиент (он говорил «наш», словно был компаньоном фирмы Шварца). Пятьдесят тысяч арроб...

— Уйма какао... — прервал Мариньо Сантос.

Гумерсиндо Бесса посмотрел на своих собеседников с торжеством:

— А знаете, сколько арроб он мог бы собрать, если бы обрабатывал свои плантации как следует, по последнему слову техники?

Все молчали.

— Не меньше восьмидесяти тысяч...

— Пустые разговоры... — сказал Зито.

— Чистая правда. Недавно сеньор Шварц объяснял это Сильвейринье. Восемьдесят тысяч арроб, почти вдвое больше...

— Как бы то ни было, — ответил Зито, — ни Шварц, ни ваш Сильвейринья (трус, каких мало, вы это отрицать не станете) не пошли бы вырубать лес и насаждать какао в те суровые времена. Это сделали они,

полковники, мой милый, такие, как Орасио, у них-то на это смелости хватило... Герои... То, что вы сказали насчёт продуктивности плантаций, может быть, и правда, я не знаю. Предположим, что это так...

— Не предположим, а наверное...

— Хорошо. Пусть это так... Но кто завоевал эту землю, кто пролил свою кровь за прогресс Ильеуса?

Не дожидаясь ответа, он продолжал:

— Если бы на свете существовала благодарность, то уже давно бы воздвигли памятники в честь полковников, великих полковников, в честь Орасио, друг мой, Орасио...

Зито чувствовал, что его слушают с восхищением. Он выпил и впал в разнеженное состояние, которое обычно кончалось тем, что он начинал декламировать свои стихи.

Мариньо Сантос был взволнован вестью о повышении цен.

— Так, значит, какао повысится в цене, а? Да, сеньор, это дело серьезное...

По улице прошел полковник Манека Дантас, приехавший сегодня из своей фазенды. Он не успел ещё снять высоких сапог, забрызганных грязью, и одиноко бродил по улице, рассеянно вглядываясь в грозовое небо. Он шёл улыбаясь, со шляпой в руке, седые волосы падали ему на лицо. Он с трудом волочил ноги и что-то бормотал про себя, очевидно подсчитывая в уме доходы будущего урожая. Гумерсиндо указал на него своим друзьям:

— Вон один из ваших героев... Он больше похож на сумасшедшего...

Рейнальдо Бастос нашёл, что сейчас как раз подходящий момент, чтобы вставить знаменитую фразу.

— Они робкие, как дети...

— Образное сравнение... — сказал Зито и подумал: « Попрошу у него не меньше двадцати тысяч ».

Мариньо Сантос предложил:

— Пошли в кабаре? Отпраздновать известие о повышении цен...

На углу улицы полковник Манека Дантас оглядывался по сторонам, ища сына, доктора Руи. Он его ещё не видел в этот приезд и хотел поговорить с ним. Компания прошла мимо полковника.

— Добрый вечер, полковник...

— Добрый вечер...

Он взглянул на небо:

— Будет дождь, а? Урожай...

Но они были уже далеко, и остальное он досказал самому себе.

У дверей кабаре компания разошлась в разные стороны. Гумерсиндо отправился искать Сильвейринью, ему нужно было поговорить с ним о разных политических делах. Мартинс спешил на свидание с Розой; у него есть женщина, и незачем ему ходить сюда... Да и Карлос Зуде был бы недоволен, если бы узнал, что его управляющий посещает игорный дом.

— Управляющий — лицо ответственное, это не простой служащий.

Рейнальдо Бастос вошел в кабаре с Мариньо Сантосом и Зито, но почти сразу же ушёл: не было случая блеснуть замечательной фразой. Он решил пойти на Авениду, там он, наверно, встретит свою возлюбленную с подругами, они ведь ещё не знают, что полковники похожи на робких детей. Он пообещал, что вернется, но Зито не поверил ему и попросил займы двадцать тысяч рейс.

— Я пойду играть в рулетку и выиграю гораздо больше...

На Авениде среди гуляющих, среди элегантных девушек и влюблённых пар, среди прогуливающихся мужчин, занятых беседой, Рейнальдо Бастос не встретил ту, кого искал. Он прошёл по всей Авениде из конца в конец, ему хотелось во что бы то ни стало сказать кому-нибудь свою фразу, всё равно кому. И по случайному стечению обстоятельств, изменившему всю его жизнь, он сказал эту фразу Жульете Зуде.

Он уныло шёл по Авениде, уже намереваясь уйти, как вдруг увидел Жульету: она сидела на мраморной скамье бульвара и разговаривала с Гуни. Обе зевали, они уже исчерпали все темы для разговора. Жульета была усталая, обычная хандра мучила её. Она пришла сюда в надежде встретить Сержио: поэт обычно гулял в одиночестве по берегу моря, наслаждаясь свежим ветром, изредка кланяясь знакомым. Только уже дойдя до бульвара, она вспомнила, что сегодня собрание экспортёров, а Сержио ведь секретарь Ассоциации. Ей пришло в голову, что сейчас он, наверно, сидит напротив Карлоса, и это рассмешило её. В этот момент она и встретила Гуни. Они сели рядом на скамью и разговорились, но скоро обе заскучали. Тощая, всегда возбужденная, Гуни разглядывала проходящих мимо мужчин. В городе о ней ходило много сплетен, говорили даже, что она не пренебрегает и работниками плантаций (она как-то ездила с мужем в одно из окрестных поместий). Горячий и голодный взгляд шведки заставлял людей верить этим слухам.

Жульета чувствовала усталость, какую-то тяжесть во всём теле.

Когда на бульваре показался Рейнальдо Бастос, молодой, атлетически

сложенный, Гуни спросила:

— Кто это? — и закусила губу.

— Служащий нашей фирмы... — сказала Жульета.

— Красивый мальчик.

Вот поэтому-то, когда Рейнальдо поравнялся с ними и приветствовал их звонким: «Добрый вечер!» — Жульета подозвала его. Он остановился у скамьи, где они сидели. Сначала он очень смущался, потом стал чувствовать себя свободнее. Жульета старалась ободрить его, смеялась, ей было всё равно чем заняться, лишь бы развлечься немного. Гуни жадно глядела на Рейнальдо, но молодой человек не замечал никого, кроме жены патрона, и каждой её улыбке, каждой самой невинной фразе придавал особое значение. Рейнальдо был очень низкого мнения обо всех этих богатых женщинах и был уверен (хоть это его и пугало немного), что нравится Жульете.

Мимо прошел, по-стариковски волоча ноги, полковник Манека Дантас. Он улыбался всё той же рассеянной улыбкой, не сводя глаз с потемневшего, покрытого тучами неба. Свежий ветер дул с моря — предвестник дождя. Когда полковник сказал: «Добрый вечер, дона Жульета», — Рейнальдо блеснул своей фразой:

— Они робкие, как дети...

— Кто? — спросила Гуни.

— Полковники... — И Рейнальдо, смешивая то, что слышал от Зито и Гумерсиндо, стал сбивчиво излагать женщинам, которые, улыбаясь, слушали его, «свою» идею.

Подошел продавец мороженого. Рейнальдо поспешил угостить своих собеседниц, испуганно ища в кармане мелочь, чтобы расплатиться.

Жульету забавляло всё: робкий и вместе с тем чувственный взгляд этого служащего её мужа, его изысканные фразы, нарочито сложные слова, которые он употреблял, чтобы блеснуть перед нею. Гуни ничего не замечала, она видела перед собой только молодого мужчину атлетического сложения... Но глаза Рейнальдо не отрывались от Жульеты.

А Жульета вдруг почувствовала себя неловко. Мимо них проходили девушки и молодые люди, полковники, коммерсанты. Все они вышли на Авениду подышать морским воздухом. Они смотрели на Рейнальдо Бастоса, стоявшего у скамьи и необычайно гордого тем, что его видят в обществе Жульеты Зуде и Гуни Джерсон. Иногда сквозь общий разговор слышалось какое-нибудь едкое замечание по адресу Рейнальдо. Рейнальдо улыбался знакомым; завтра ему будет что порассказать на вечере Ассоциации торговых служащих! Мимо прошла группа молодых девушек.

Среди них была Зулейка, подруга Рейнальдо (почти невеста, дело было лишь за официальным предложением). Она сначала подумала, что Жульета говорит с её другом о чём-то, имеющем отношение к делам фирмы. Она прошла мимо него как раз в тот момент, когда Рейнальдо излагал свою теорию о полковниках. Касула, её подруга, заметила:

— Он тебя и не видит... Очень уж заинтересован разговором.

Зулейка закусил губу. Они дошли до середины Авениды и повернули; поравнявшись с Рейнальдо, Зулейка громко сказала:

— Добрый вечер...

Рейнальдо испугался, и Жульета немедленно поняла, в чём дело. Всё это казалось ей очень забавным. Девушки остановились неподалеку, Зулейка, очевидно, рассчитывала, что Рейнальдо подойдет к ним. Рейнальдо растерялся, запутался, забыл, о чём говорил. Вот тут-то и подошел мороженщик.

— Вы нас не угостите мороженым? — спросила Жульета.

— Эй ты! — Рейнальдо стал громко звать мороженщика, опасаясь, что тот не услышит.

Девушки перешептывались и смеялись. Рейнальдо отыскал наконец мелочь и заплатил. Кто-то из группы девушек позвал:

— Мороженщик, сюда!

Минуту длилось молчание. Жульета и Гуни вытягивали тонкие язычки над маленькими стаканчиками с мороженым, шведка причмокивала губами. Мороженщик снова подошёл к ним и сказал Рейнальдо:

— Девушки просили сказать, чтоб сеньор заплатил...

Жульета засмеялась, Рейнальдо покраснел, стал шарить по карманам, не нашёл ни гроша, попытался отшутиться, но не сумел. Девушки смеялись. Это могло окончиться скандалом и уже не развлекало Жульету. Ей стало неловко, обычная хандра снова начала овладевать ею, всё казалось ей смешным и глупым. Гуни ничего не замечала.

— Ваша подруга обижается... — сказала Жульета.

«Она ревнует», — подумал Рейнальдо и обрадовался мысли, что Жульета может его ревновать. Он начал было уверять её, что между ним и Зулейкой нет ничего серьёзного, что это просто... Но Жульета прервала его:

— Мы уходим... Мы не хотим, чтоб из-за нас вы поссорились с этой девочкой.

Они встали, раскланялись и ушли. Рейнальдо посмотрел им вслед. Они удалялись, гордые и элегантные, женщины из другого мира. Он был счастлив, последняя фраза Жульеты казалась ему почти что признанием в

любви. Она обернётся, думал он, следя за ней глазами до самых дверей особняка. Она не обернулась, но он нашел ей оправдание: в этом городе немедленно сплетню сплетут. Только когда Жульетта скрылась из виду, он направился к Зулейке, собираясь устроить ей скандал:

— Что ж, нельзя и поговорить с женщиной? Глухая сторона...

Но как только он подошёл, девушки разбежались врассыпную. Рейнальдо так и остался стоять, беспомощно опустив руки. Мороженщик приставал к нему:

— А как же мои денежки, а, парень?

Потом Рейнальдо остался один со своей блестящей фразой в голове и образом Жульеты перед глазами. «Теперь уж только в кабаре...» — сказал он сам себе. Полковник Манека Дантас проходил по опустевшей Авениде своей медленной, стариковской походкой:

— Будет дождь, парень, большой урожай будет!..

4

Город сиял огнями, и очажки электрического света прокалывали плотную стену дождя, падающего тяжелыми струями на землю. Ещё в половине одиннадцатого за холмами взревел гром, последние звезды утонули в небе над Ильеусом, и первые редкие капли прорезали воздух, тяжёлые, как маленькие камешки. Все, кто был в ту пору на улице, побежали домой или укрылись в магазинах и кафе. А дождь всё усиливался. Это был яростный поток, смывающий следы дневных работ в городе какао. Реки воды, текущие вдоль улиц, несли о собой самые разнообразные предметы: обрывки квитанций, пустые спичечные коробки, окурки, женский носовой платок с торчащими сверху уголками, похожий на маленький белый кораблик.

Центр города — проспекты по берегу моря, оживлённые улицы близ порта — был залит огнями, которые освещали дорогу людям, укрывавшимся от дождя. Но, по мере того как город поднимался по холмам, огни тускнели и тускнели, изящные фонари проспектов с тремя светящимися шарами сменялись редкими деревянными столбами с маленькой лампочкой. Эти лампочки едва освещали небольшое пространство вокруг столба — слабые пятна света, ещё больше подчёркивающие темноту залитых дождем улиц. Грязная, красноватая вода ручьями стекала с круч, пропитывая землю на склонах холма Конкиста, на вершине которого лепились домики рабочих. Такие же ручьи стекали с

холма Уньян, где жили прачки и матросы. А в низине, словно пряча свою нищету, петляли улочки Змеиного Острова, где жили самые безнадежные бедняки, для которых даже хижины холма Конкиста или Уньян были недостижимой роскошью. Эти лачуги, покрытые соломой, с глинобитными стенами, жители Ильеуса скрывали от любопытных глаз туристов, прилетающих на самолетах, чтобы взглянуть на цивилизацию зоны какао. Это был самый низкий и самый бедный район города. И так как часть ближнего холма взорвали, чтобы проложить улицы нового квартала возле железной дороги, Змеиный Остров остался совершенно незащищенным от бурь. Местные жители говорили, что во время дождей этот квартал оказывался совсем отрезанным от остальной части города. Потому-то и дали ему имя острова. Вода не только окружала его со всех сторон, но и затопляла улицы, проникала в дома, и тогда Змеиный Остров казался уже не только островом, но и озером. Вся вода, потоками бегущая по городу, скоплялась здесь, на Змеином Острове. И, размывая остатки поверженного холма, несла с собой красноватую глину, превращая землю в вязкую топь, делая совершенно непроходимыми узкие, изломанные улицы квартала. Несколько жалких фонарей освещали это пугающее болото грязно-красного цвета, причудливого цвета, незнакомого жителям чистой части города. Два-три окна были освещены электрическими лампочками, но в большинстве лачуг горели коптилки, и в их колдовском красном свете ещё темнее казались тёмные углы комнат. Здесь, на Змеином Острове, жили рабочие с железной дороги, с шоссе и с шоколадной фабрики, портовые грузчики, докеры. Кто-то в своей речи назвал Змеиный Остров «красным кварталом», имея при этом в виду не красный цвет глинобитных домов и немощёных улиц, а настроения их обитателей. Интеграллисты даже днём не решались показываться на Змеином Острове.

В Ильеусе рассказывали знаменитую историю о том, как в начале интегралистского движения зелёнорубашечники решили однажды воскресным вечером устроить митинг для рабочих Змеиного Острова. Приехал оратор из Баии, журналист, и интеграллисты вошли в квартал шеренгой, по четыре в ряд, распевая свои гимны. На них были зелёные рубахи с фашистскими значками, они остановились на маленькой площади в центре Острова, подняли руки и несколько раз прокричали «анауэ!». Рабочие стали собираться и окружили импровизированную трибуну. Митинг начался, но закончить его интегралистам не удалось. Хроники свидетельствуют, что вернулись они очень скоро и не по своей воле («Еле унесли ноги», — по словам поэта Сержио Моура); на большинстве из них уже не было зелёных рубах, некоторые даже поспешно срывали их с себя

на бегу, а иные бежали в одних трусиках, с ног до головы залепленные грязью. Оказалось, что, как только интегралисты прошли к месту митинга, рабочие заняли улицы, ведущие к Змеиному Острову. И когда, спасаясь от сыпавшихся на них со всех сторон ударов, интегралисты бросились бежать, путь им загородили рабочие, вооруженные мётлами («Оружие, которым гоняют кур и трусов», — сказал Жоаким). Рассказывают, что негр Роберто, портовый грузчик, который раньше был матросом, каждый удар метлой по голове интегралиста сопровождал криком: «Долой интегрализм!», отдававшимся во всех концах Змеиного Острова.

Поэт Сержио Моура рассказывал также, что в этот день, который положил начало уличным боям между левыми и фашистами, он встретил одного знакомого интегралиста, по имени Нестор, очень увлекавшегося чтением. Парень бежал как сумасшедший по самому центру города, без рубашки, в залепленных красной грязью штанах, со следами от ударов метлой на лице и с необычайно перепуганным видом. Сержио остановил его, что удалось не без труда, и, сгорая от любопытства, спросил (поэт обожал всяческие происшествия):

— Что случилось?

Интегралист, задыхаясь от быстрого бега, произнес:

— Убивают молодежь Ильеуса...

Но Сержио этого ответа показалось мало, и он потребовал подробностей. Парень рассказал ему о случившемся. (Интегралисты говорили потом, что Нестор чудак, потому что, по их мнению, Сержио Моура был как раз одним из тех, кто подготовил оказанный им приём, что, впрочем, было неправдой).

Как был, полуодетый, Нестор повёл свой рассказ, полный драматических преувеличений: мётлы превратились в ружья, несколько десятков рабочих в тысячи убийц. Сержио представился сокрушенным и изобразил на лице сочувствие, а потом спросил:

— Так что же вы не остались там, чтобы сражаться за свои идеалы?

И, по словам Сержио, интегралист ответил:

— Я не могу умирать. Я хорошо знаю историю Бразилии.

Может быть, этот анекдот, ходивший по всей зоне какао, был только выдумкой поэта Сержио Моура, вернее всего, так оно и было. Но правда то, что интегралисты, попробовав мётлы, никогда уже, ни группами, ни тем более в одиночку, не решались показываться на Змеином Острове. Их не видели там даже в тот день, когда полиция совершила облаву на квартал и произвела много арестов, когда Жоакима и вместе с ним еще шестнадцать человек увезли в грузовике, превращенном в полицейскую машину, а

полиция решила, что теперь Змеиный Остров уже очищен от экстремистов. Даже в те дни террора, царившего в квартале, интеграллисты не решились пройти по его улицам. На своих митингах, устраиваемых в центре города, они всегда вспоминали «героическую дату», когда, по их словам, «маленькая группа патриотов подверглась нападению сотен убийц». Сам Нестор произнёс как-то блестящую речь об этом дне, причём, пользуясь своими глубокими познаниями в области истории Бразилии, он сравнивал это событие с самыми героическими событиями прошлого. А на Змеином Острове в память этой даты осталась вздернутая на ярмарочный шест зелёная рубаха, обрызганная красной грязью. И долго ещё ветер трепал эту зелёную рубаху, превратившуюся в бесцветный лоскут.

Некоторые из семнадцати, увезенных во время облавы в полицейской машине, были заключены в тюрьму в Баии. Жоакима отправили в Рио. Но большинство вернулось на Змеиный Остров со следами резиновой дубинки на спине. Обитатели Змеиного Острова, как настоящие ильеусцы, гордились тем, что арестованные не сказали ни слова в тюрьме; полиции так и не удалось узнать, кто бросил две бомбы, взорвавшиеся однажды ночью в здании, где собирались интеграллисты. Рассказывали, что арестованные улыбались под сыпавшимися на них ударами.

Все эти традиции окружали Змеиный Остров ореолом таинственности, внушали живой интерес ко всему, что там происходило. Но самой реальной традицией этого квартала, оставшейся неизменной долгие годы, была грязь на улицах. Зимой дожди шли так часто, столько воды скоплялось там, что грязь не просыхала и летом, даже в самые знойные дни. Всегда оставалось вполне достаточно луж, чтоб промочить ноги. Какой-то репортер газеты «Жорналь да Тарде» опубликовал как-то, по настоянию Сержио Моура, сенсационный фоторепортаж об улицах Змеиного Острова. Автор просил префекта принять меры, но «Диарио де Ильеус» выступила против, доказывая, что для муниципалитета гораздо важнее строить шоссе, чем «мостить городские улицы». Газета высказывала подозрения насчёт морали жителей Змеиного Острова, утверждая, что этот грязный квартал издавна является логовом бандитов, воров, мошенников, бродяг и экстремистов. Делегация от рабочих пошла в «Жорналь да Тарде» с протестом против таких обвинений. Газета поместила об этом заметку и фотографию делегации. На первом плане очень ясно был виден негр Роберто, и вырезка из этого номера газеты висит на стене его хижины, приколотая булавкой. «Диарио де Ильеус» снова ответила, приводя данные статистики, сообщенные полицией: на Змеином Острове действительно арестовано много воров и несколько экстремистов. В списке арестованных

экстремистов было также имя негра Роберто.

На этом дело и закончилось, потому что Жоаким, пользующийся большим авторитетом среди жителей квартала, боялся, чтобы из всего этого не вышло какой-нибудь серьезной провокации. Улицы не были вымощены, они по-прежнему утопали в грязи, которая залепляла даже полы в домах. По этой грязи сквозь завесу дождя, не прекращающегося целую зиму, шли мужчины чуть свет на работу: на шоколадную фабрику, в порт, на шоссеиную дорогу. Женщины тоже выходили рано из дому; они шли на рынок продавать лимоны, мандарины и перец, который они выращивали у себя во двориках, потому что мизерного заработка мужей не хватало на жизнь. Некоторые работали на шоколадной фабрике, но большинство проводило весь день на складах какао, зашивая мешки, в которые мужчины насыпали бобы. В дневные часы весь Змеиный Остров оставался в распоряжении детей. Их было множество — негров и мулатов, на первый взгляд похожих на детей работников плантаций. Но только на первый взгляд, так как на самом деле это были две разные нищеты. У детей с плантаций была кожа землистого цвета, огромные животы. У детей со Змеиногo Острова лица тоже были желтые, но другого, зеленоватого оттенка. Животы у них были втянутые, и все они отличались страшной худобой — кожа да кости. А хитры, так просто чудо... Единственно, что у них было общего с детьми работников плантаций, — это, что их так же много умирало. Пока были совсем маленькими, они барахтались в грязи улиц да еще ловили раков-сири в ближайших болотах. Они возвращались с чёрными от тины и грязи ногами, неся пойманных раков на обрывках лиан вместо верёвок. Иногда эти сири были единственным обедом всей семьи. Когда дети немного подрастали, они проводили дни в городе, играя в футбол на берегу, и обычно попадали в банду, занимающуюся кражей трески и мяса из лавок. Иногда они воровали и деньги, но это случалось редко. Некоторые не бросали эту профессию и взрослыми, — отсюда сообщение «Диарио де Ильеус» о ворах, задержанных на Змеином Острове. Большинство, однако, с шестнадцати лет шло работать на прокладку шоссе или в порт.

Летом, когда солнце господствует над всей природой, ещё можно кое-как добраться до Змеиногo Острова. Даже свежий ветерок с моря пробегает над кварталом, теряясь за холмом. Но зимою, когда днём и ночью льёт дождь, в эти ильеусские зимы, в течение которых ни разу не блеснёт луч солнца, только те, кто живет на Змеином Острове, отваживаются переходить жидкую грязь, затопившую улицы. И всегда именно здесь начинается эпидемия тифа, угрожающая каждый год городу Ильеусу.

Отсюда люди отправляются в больницы, отсюда выносят жалкие гробы, чтобы опустить в общий ров на кладбище Витория. И тогда жители города избегают приближаться к Змеиному Острову, некоторые даже говорят, что этот квартал в низине, разносчик эпидемии, надо разрушить. Один муниципальный советник официально предложил такой проект, но коммунистическая партия ответила листовкой, где спрашивалось: почему, вместо того чтобы разрушать дома рабочих, префектура не займется оздоровлением квартала? Газеты некоторое время обсуждали этот вопрос, но всё осталось как прежде. Врачи неохотно ездили туда, часто автомобили увязали в трясине, и врачам приходилось плестись полдороги пешком. Они приходили к пациентам недовольные, хотя их настроение мало что могло изменить, потому что у больных всё равно не было денег на дорогом стоившие лекарства.

Но так же, как в богатых фазендах, как в роскошных домах полковников и экспортеров, сегодня вечером светятся радостью лица людей в жалких хижинах Змеиного Острова. Потому что сегодня упали на землю первые потоки дождя, они принесут с собою урожай, и в порту хватит работы для всех — сколько кораблей придётся нагрывать! — и будет людям работа на складах какао, и на шоколадной фабрике, и по шоссе пойдёт нескончаемый поток машин. Потому что и Змеиный Остров, сточная канава Ильеуса — «Короля Юга», «клоака города», как сказал Нестор в своей речи, тоже живёт и дышит одним — какао. И его тоже сковали, словно цепи, ветви какаовых деревьев.

5

Дождь идёт ещё не больше часу, а все дороги, ведущие к Змеиному Острову, уже совершенно непроходимы. Жоаким подумал, что в этот момент вода уже, должно быть, проникла внутрь большинства домов, образовав на полу грязные лужи. Резиновый плащ защищает Жоакима от дождя. В те вечера, когда бывают собрания, Жоаким обычно принимает меры предосторожности и никогда не проходит людными улицами. Он обычно пересекает холм Конкиста, как будто идёт в гости к кому-нибудь из друзей или на свидание с девушкой. Обойдя кругом весь холм, он подходит к Змеиному Острову с другого конца, со стороны пустырей, и проникает в нужный дом через задний дворик, где растут перец и деревья гуявы. Но сегодня, когда льет такой сильный дождь, все предосторожности излишни. Улицы города пустынные, только в барах полно людей. Звуки оркестра,

доносящиеся из «Эльдорадо», одного из городских кабаре, некоторое время сопровождают Жоакина в пути — пронзительные звуки джаза, под которые хорошо танцевать. Он идет осторожно, в его старых башмаках с резиновыми подметками легко поскользнуться. Пронзительные звуки джазового кларнета умирают в ропоте дождя. Жоакин проходит по Сальной улице, где живут самые бедные проститутки; одна из них зовёт его из окна, он ускоряет шаг, чуть не поскользнувшись на углу, потом снова идёт медленнее. В эти часы, около полуночи, ещё несколько человек так же пробираются по мокрым улицам, увязая в грязи, чтоб не опоздать на собрание ячейки в доме Эдисона, Жоакин думает, что, может быть, в этот момент во многих других городах земного шара люди так же идут под дождём или под светом звёзд на чистом небе, направляясь на собрания своих ячеек, чтобы помочь изменить судьбу мира. Радостное волнение наполняет грудь Жоакина каждый раз, как он думает о своей партии. Жоакин многое любит на свете: любит Раймунду, похожую на старое дерево, день и ночь сгибающуюся над землей, сажая и собирая какао; любит он, несмотря ни на что, и мулата Антонио Витора, который выгнал его из дома и вообще ничего не понимает. Любит Жандиру, судомойку в доме гринго Асфоры, любит гулять с ней по берегу в лунные ночи. Любит море в Ильеусе, вечера на пристани, беседы с докерами на палубах кораблей. Он любит моторы автобусов и грузовиков, любит деревья какао — виденье его детства. Но свою партию он любит по-особому. Партия — его отчий дом, его школа, смысл его жизни. Мало кто знает, что Жоакин хотел когда-то покончить с собой. Может быть, эта острая чувствительность передалась ему по наследству от старого Бадаро, который, как утверждали в Ильеусе, жил с его бабкой. А может быть, она перешла к нему от более далекого предка, одного из тех голландцев, что когда-то эмигрировали в Сержипе после разгрома в Пернамбуку и смешали потом свою кровь с неграми и метисами тех мест (поэтому и родились люди такого высоко роста, как мулат Антонио Витор). Или, может быть, эту чувствительность он унаследовал от какого-нибудь прадеда-негра, певца и музыканта, изливавшего в своих песнях тоску по родной Африке.

Жоакин рано бежал из фазенды. Жажда нового, жажда увидеть свет, вырвавшая когда-то Антонио Витора из объятий Ивоне на побережье в Эстансии и бросившая его на плантации какао, увела Жоакина с этих плантаций на ильеусскую пристань. Он научился править автомобилем, чинить грузовики, завел знакомства на Змеином Острове. Потом он поступил матросом на корабль и увидел другие земли. Там он узнал вещи, о которых и не догадывался, тайны, решающие судьбу мира. Но он остался

таким же скромным, как был.

Перед тем как поступить на корабль, он был несколько дней в ужасном состоянии. Ему было горько и грустно, казалось, вся нищета Змеиного Острова навалилась на него. Это была безысходная тоска, он сам не понимал её причин и не знал, как с ней бороться. Он решил умереть, море упорно зазывало его в свою глубину. Вот тогда-то в баре «На волнах» он и встретил одного шведского моряка, говорившего по-португальски. Когда утром он встал из-за стола в баре, он уже не хотел умирать. Словно человек с измученным сердцем нежданно встретил любовь. Словно после жестокой зимы внезапно, ясным утром, настала весна. Он поступил матросом на корабль, а когда нашелся доброжелательный и терпеливый человек, взявшийся обучать его, он был вне себя от радости. Но настоящей школой стали для него месяцы тюремного заключения в Рио. Он был взят на Змеином Острове, и в его деле стояла пометка «опасный». Его послали в Рио, где тюрьмы в ту пору были переполнены. Там, движимый неудержимой жаждой знания, он учился всему: политике и экономике, элементарным основам грамматики, географии, французскому языку. У него был живой, ясный ум и поразительная память. Его товарищи увидели, какую пользу может принести этот юноша, и не теряли времени даром... Когда он вернулся на Змеиный Остров, внешне он казался таким же, как и всегда, — молчаливым и кротким, скромным и отзывчивым. Но это был уже сложившийся человек, который знал, чего он хочет и что должен делать.

От железной дороги уже недалеко до Змеиного Острова. Раньше здесь был холм, теперь раскинулись улицы с новыми красивыми домами. Среди них выделяется особняк полковника Рамиро у отмели, вдающейся в море. За этими домами — настоящее озеро грязи. От старых торцов не осталось и следа, рыхлая пыль превратилась во время дождя в сплошную грязь. Подгоняемый ветром, Жоаким осторожно ступает по вязкой, скользкой земле.

Вдалеке показался человек. Он элегантно одет и идёт осторожно, обходя большие лужи. Жоаким останавливается. Кто бы это был? Но свет фонаря падает на прохожего, и Жоаким узнает лицо Мартинса. Наверно, возвращается от Розы, думает Жоаким. Посторонись, он дает Мартинсу пройти:

— Доброй ночи...

Мартинс недоволен, что его видели, он держит свою связь с Розой в глубокой тайне. Жоаким, улыбаясь, продолжает свой путь. Но с Мартинса мысли его переходят на Карлоса Зуде, а с Карлоса Зуде — на повышение

цен. С тревогой вспоминает он недавний разговор с Сержио Моура: как объяснить товарищам, которые его ждут, что такое машина империализма в действии? Жоаки́м с нежностью думает о товарищах. Их немного, бедных, измученных, в большинстве своём невежественных людей, некоторые из них и читать-то толком не умеют, но они поставили себе целью изменить судьбу мира, «вывернуть наизнанку» всю землю, как говорил Левша в тюрьме. Это новая, необычная задача, она требует целой жизни от каждого, кто служит ей. Жоаки́м чувствует гордость за своих товарищей, и эта гордость заставляет сильнее биться его сердце.

И вдруг он видит прямо перед собой человека, идущего по другой стороне улицы. Между ними не больше десяти метров. Жоаки́м круто останавливается и чувствует, как сердце остановилось с ним вместе: это наверняка шпик. Кто же, кроме шпи́ка, преследующего воров или выслеживающего какого-нибудь революционера, решится бродить по такому болоту в эту бурную ночь? Какой же другой человек, да ещё прилично одетый (Мартинс не в счёт, он ведь домой возвращался), решится пойти сегодня на Змеиный Остров? Только шпи́к... Интересно: ищет он какого-нибудь мошенника или напал на след собрания? Жоаки́м старается взять себя в руки, обрести необходимое спокойствие.

Издалека он наблюдает за прохожим. Свет фонаря на минуту освещает его, но Жоаки́м не может рассмотреть лица. Прохожий хорошо одет, на нем габардиновый плащ; обитатели Змеиного Острова так не одеваются. Мысль бежать, вернуться назад, ни на секунду не приходит в голову Жоаки́му. Нужно во что бы то ни стало дойти до дома Эдисона раньше шпи́ка, предупредить товарищей, чтоб никого не успели схватить. Если повернуть назад, подняться по холму Конкиста и подойти к дому со стороны заднего двора, то это займет слишком много времени, шпи́к обгонит его. Единственный выход — пройти мимо шпи́она, перегнать его и, войдя в первые улицы квартала, ускорить шаг. К счастью, незнакомец идет медленно, тоже, видно, боится поскользнуться. Жоаки́м снял башмаки, засучил брюки, запахнул плащ на груди. Он теперь похож на рабочего, возвращающегося домой. Башмаки он оставит возле рельс железнодорожного пути, завтра можно будет сходить за ними. Ну, а вдруг шпи́к его узнает? Вдруг, идя за ним, выследит место собрания?

Тогда Жоаки́м схватится со шпи́ком, и если тот не выстрелит, то победит, конечно, Жоаки́м: он ведь силен как бык, он легко подымает мешки какао по шестьдесят кило. Шпи́он идёт теперь быстро, и Жоаки́м ускоряет шаг, чтобы не упустить его из виду. На дороге, утопающей в грязи, красная вода глухо хлюпает под ногами Жоаки́ма. Дождь льёт всё

яростнее, шляпа Жоакима промокла, поля её опустились книзу. Кто ж это донес на них на всех? Множество разных мыслей теснится в мозгу Жоакима, пока идёт он по этой улице, быстрый, решительный, уже почти спокойный.

Человек впереди ступает осторожно, боясь упасть. Он тоже засучил брюки, чтобы не запачкаться. И когда он снова проходит под фонарем, видно, что башмаки его сплошь залеплены грязью. Бульканье воды в лужах под босыми ступнями Жоакима похоже на кряканье уток. Этот звук на минуту отвлекает его от настоящего. Мысли его переносятся на плантации какао: Раймунда, наверно, уже спит, а завтра поутру опять отправится на работу. Ей и в голову не приходит, что её сын следит за шпиком, что, может быть, ему придется драться и даже, может быть, его заберут, кто знает?

Быстрее, быстрее! Если шпик узнает его, Жоаким бросится в бой первым, у противника не будет времени схватиться за револьвер. Убить шпика нельзя, это подало бы повод к чудовищным репрессиям. Террористические методы ничего не решают. Он вспомнил всё, что видел в тюрьме, дикие сцены, при которых ему пришлось присутствовать; вспомнил, как людей избивали, как им вырывали ногти, гасили папиросы об их обнажённые спины. Лучше вступить в борьбу с этим полицейским и попасть в тюрьму, чем допустить, чтобы собрание было разогнано, члены ячейки арестованы, организация ликвидирована. Жоаким идет всё быстрее и быстрее, незнакомец все ближе. Однако этот шпик храбрый, раз решился пуститься в путь к Змеиному Острову в такую ночь. В Ильеусе никогда не было специальной полиции, там были только полицейские солдаты из местного гарнизона, лица все знакомые. Полицию, преследующую политических преступников, выписывали из столицы. Жоаким первый бросится на шпика. Так будет лучше...

Вода в маленьких лужах плещет под его шагами: плафф, плафф... Шпик идет очень осторожно, поддерживая обеими руками брюки, уже забрызганные грязью. Поля шляпы опустились ему на глаза, мокрый плащ болтается на плечах. Жоаким обдумывает план нападения: он ударит полицейского по голове, собьет ему шляпу на глаза, чтобы тот не мог разглядеть его лица. Он этого шпиона в лепешку разобьёт. Жоаким делает шаг вперед и попадает в глубокую лужу. Громко всхлипывает вода, незнакомец испуганно оборачивается. К счастью, они близко от фонаря, и Жоаким узнает Сержио Моура. У поэта испуганное лицо, этот шум за спиной давно уже беспокоил его. Он чувствовал, что кто-то идет сзади: это мог быть рабочий, но мог быть и бандит какой-нибудь.

— Сеньор Сержио!

Поэт вздыхает с облегчением:

— Как вы напугали меня, Жоаким...

Существовало между поэтом и шофером нечто мешающее их полному сближению. Они глубоко ценили и уважали друг друга, но всегда бывали сдержанны в разговоре, сами не зная почему. Жоаким относился с большим интересом к Сержио и к его работе, но долго отказывался высказать свое мнение о его стихах. Однажды, когда Сержио особенно настаивал, Жоаким спросил его: почему он пишет революционные стихи так, что ни один рабочий их не поймёт? Сержио потом не одну неделю обдумывал эти слова шофера; он стал изменять ритм своих стихов, стараясь приблизить его к ритмам народной поэзии. Иногда это ему удавалось.

Жоаким остановился напротив Сержио, не зная, что сказать ему. Может быть, у Сержио свидание с какой-нибудь женщиной? Лучше ничего не спрашивать... Поэт заговорил первым:

— Я искал вас...

— Меня?

— Это насчет сегодняшнего собрания, знаете? Экспортеров...

Шум дождя заглушает слова, на улице говорить невозможно. Жоаким на минуту задумался; в глубине души он всё-таки не очень-то доверял этим интеллигентам. Наверно, у Эдисона уже собрались товарищи. Самые способные, самые опытные, самые убежденные. Но Сержио рассказывает о собрании экспортеров, о докладе Карлоса так горячо, так искренне, что Жоаким вдруг улыбается и говорит:

— Пойдемте со мной...

Из каждого домика на Змеином Острове несутся в этот час звуки гитары. Скользит по лужам тусклый свет немногих фонарей. В маленькой комнате с глинобитными стенами в доме Эдисона коптилка освещает усталые лица собравшихся.

Сержио чувствует страшное волнение; словно всё происходящее вдруг обрело для него новый глубокий смысл. Присутствующие поглядывают на него с недоверием. Жоаким объясняет:

— Товарищ Сержио сделает доклад. Очень важный. Давайте выслушаем его и обсудим.

Тогда сапожник Эдисон, председатель собрания, говорит голосом ясным и чистым, как у ребенка:

— Ваше слово, товарищ...

Грузчик-негр, подвинувшись, указывает Сержио место на скамье и улыбается. И внезапно всё смущение поэта исчезает, все опасения рассеиваются. Спокойный, уверенный в себе, он начинает говорить.

Через открытые двери дома Карлос Зуде увидел, как автомобиль въехал в гараж. Улица была тиха и пустынна. Две-три пары промелькнули у самого моря, вечного сообщника любовных походов. Карлос чувствовал себя как генерал, только что одержавший блестящую победу: экспортеры единодушно поддержали его план повышения цен. А даже если кто-нибудь и был бы против, какое это могло иметь значение? Они с Карбанксом сумеют уничтожить всякого, кто осмелится противостоять этому мероприятию, где всё так хорошо рассчитано, спланировано так любовно, с таким знанием дела. К концу дня сгустились чёрные тучи, а вечером дождь полил сплошной стеной. Стоя в дверях особняка, Карлос смотрел на мокрую мостовую. Влюбленные пары быстро проходили мимо, пользуясь минутным затишьем, чтобы полежать на сыром пляже. Карлос Зуде смотрел на улицу, на дома, на чёрные тучи, на море и гуляющих — и всё нравилось ему, всё доставляло ему удовольствие. Ему захотелось выйти из дома, сесть на первую попавшуюся скамью на бульваре и шутить с проходящими мимо женщинами. Или даже пойти поваляться на пляже с одной из них. Ему казалось, что сегодня никто пред ним не устоит, никто ни в чём ему не откажет — это ведь великий день в его жизни.

Там, напротив, разбивались с рокотом о берег морские волны. Сидя по вечерам за своим столом, погружённый в торговые дела, занятый тщательными подсчётами, Карлос слышал этот несмолкаемый, извечный шум моря. Далеко позади, за городом, за рекой и холмами, раскинулись плантации какао. Карлос Зуде знал их плохо. Иногда на короткое время он ездил в гости к своим друзьям — полковникам, клиентам фирмы, на какую-нибудь свадьбу или крестины. И тогда он жадно смотрел непривычными глазами горожанина на бескрайние просторы какаоовых плантаций, на деревья, отягченные жёлтыми плодами, золотыми плодами, приносящими богатство этому краю. В такие дни Карлос чувствовал себя маленьким и одиноким, оторванным от этой земли, открытым всем ветрам, беззащитным перед первым налетевшим шквалом. В сущности, что представляли собой экспортёры в этом мире какао? Они были посредниками, занятыми куплей-продажей, ничто не привязывало их к этой земле, кроме прямого дохода от торговых дел. Они целиком зависели от торговых договоров, которые полковники разрывали при первом намёке на повышение цен. Правда, экспортеры получали большие прибыли, но призрак разоренья и банкротства вечно витал над ними. Когда крупные помещики порывали

договоры о продаже какао, ловко оперируя поддельными бумагами, особенно туго приходилось мелким экспортерам: им грозило полное разоренье и нищета. У экспортеров не было корней в этой земле, они пришли поздно, когда деревья какао, посаженные на крови, выросли и стали приносить плоды из золота. Они были люди пришлые, не вросли они корнями в эту чёрную, плодоносную почву. Карлос Зуде знал: главное — это овладеть землёй. Только земля даст им права гражданства в зоне какао, только она будет настоящей гарантией для их торговых дел.

Ещё когда Карлос был испорченным юношей, увлекающимся женщинами, Максимилиано Кампосу часто удавалось надолго задержать его дома страшными рассказами о событиях начала века в Ильеусе, о выстрелах на дорогах, об убийствах и пожарах, о том, как полковники вроде Орасио и Бадаро, сражаясь между собою, завоевывали ничью землю, чтобы посадить на ней какао. Карлос со страстным интересом слушал эти истории, они увлекали его, как увлекали в детстве книги Жюль Верна. С тех пор виденье чернозёмных полей какао, красных от крови, всегда стояло перед его мысленным взором. Но он знал, что сегодня ни револьверы, ни ружья, ни поджоги, ни наемные убийцы уже не помогут завоевать эту землю. Это не была уже ничья земля, дикая чащоба, полная страшных призраков, куда не ступала нога человека. Теперь это были плантации какао, окруженные колючей проволокой, зарегистрированные в нотариальных конторах, в актах землевладения. У этой земли был хозяин — богатые, могущественные помещики владели ею. Им принадлежало всё — голоса избирателей, правительственные должности, дома в Ильеусе, шоссейные дороги, роскошные автомобили. Они владели Ильеусом, потому что владели землей... Ноги их глубоко увязли в рыхлой почве плантаций, удобренной трупами отцов и детей, братьев, друзей и верных слуг. Они выросли на глубоких корнях, эти хозяева земли! Экспортеры были пришлыми, явились, когда борьба уже кончалась, чтобы получить свою долю прибыли как посредники в продаже какао. Любой порыв ветра мог унести их далеко отсюда и бросить в бездну нищеты, — у них не было корней в этой земле.

Карлос Зуде улыбнулся, но улыбка его не относилась к влюбленной парочке, со всех ног убегавшей с пляжа, так как дождь возобновился. Он улыбнулся, вспомнив напыщенные тирады Максимилиано Кампоса, его рассказы о борьбе за землю. И вот теперь экспортёры во главе с Карлосом Зуде пойдут на завоевание земли, и это тоже будет битва насмерть. Но в глубине души Карлос жалел, что в этой борьбе не будет прежней героики, выстрелов, засад и наёмных убийц, всего того, что так увлекало когда-то

подростка, начитавшегося Жюль Верна и наслушавшегося историй об Ильеусе, подростка, который и сейчас ещё не до конца умер в Карлосе. Сегодняшняя борьба за землю, связанная с повышением и понижением цен, разыграется в конторах и на бирже, это будет совсем другая борьба. Быть может, жалкая, подумал Карлос, и ему вдруг стало грустно. Он вспомнил поэта Сержио Моура с увядшей розой в руке и с улыбкой на губах. Нет, их борьба не могла быть жалкой. Она тоже была по-своему героической, героической в понимании Карлоса Зуде, экспортёра какао.

Дождь падал крупными, тяжелыми струями, ветер бросал брызги в лицо Карлосу. Эта борьба потребует ума и расчёта, меткого глаза и тонкого чутья. Поэт улыбался, вдыхая запах увядшей розы с такой жадностью, словно воздух зала, где происходило собрание экспортёров, был заражен чумой. Пускай! Что мог понимать поэт, секретарь, мелкий служащий, в их крупных делах, в их планах, рассчитанных на несколько лет вперёд?! Не будет сражений в открытом поле, которые Максимилиано называл «честной борьбой». Честной? А засады в лунные ночи? В общем, всё это была одна огромная засада, подумал Карлос и улыбнулся.

Дождь мочил его плечи и лицо. Ни одного человека не было на пустынной улице. Только свет электрических фонарей отражался на мокром асфальте. Карлос Зуде открыл дверь и вошёл в дом.

Жульета лежала в постели, отложив в сторону надоевшую книгу, грустная, словно чем-то обеспокоенная, во власти своей непонятной тоски неведомо о чём. Карлос улыбнулся торжествующей улыбкой:

— Это засада...

— Что? — вяло отозвалась Жульета, не рассчитывая на ответ.

Но Карлос присел на край постели, застланной белоснежными простынями, и принялся объяснять свой план. Он начал с самого начала, с далеких времен, когда земля была ничья и на ней росли столетние деревья, ещё не знающие топора человека. Он рассказывал о столкновениях, о засадах и убийствах из-за угла, о первых плантациях какао, родивших золотые плоды. Жульета слушала его с широко раскрытыми глазами, заинтересованная. Это было похоже на волшебную сказку, дикую и волнующую.

Земля... Без неё ничто не имеет значения, ни крупные коммерческие предприятия, ни сделки с Нью-Йорком и Берлином. Что представляют собой они, экспортёры? Что представляет собой Жульета, так непохожая на здешних женщин? Они пришлые, у них нет здесь корней, они непрочно стоят на земле какао. Только обладание землёй сделает их господами, настоящими местными жителями, хозяевами Ильеуса. И Карлос начал

развивать свой план, он чувствовал потребность высказаться и в порыве тщеславия, обычно ему не свойственного, похвалиться перед женой и самому почувствовать всю грандиозность своей идеи, всю свою силу. Жульете всё это казалось сном. Муж никогда не говорил с нею о делах, торговый мир не существовал для неё. Она знала только, что торговля приносит большие прибыли, дающие ей возможность жить роскошно, путешествовать, покупать драгоценности и новые платья. Но она ничего не знала о механизме торговли, и рассказ Карлоса о планах экспортеров, планах, задуманных и разработанных им самим, заставил её увидеть мужа в совершенно новом свете. Он сидел рядом с нею на постели, постаревший, с потускневшими глазами, с морщинами на щеках. В нём было какое-то величие, Жульета это чувствовала, но не прельщало её это величие. Она слушала Карлоса и восхищалась им, как никогда никем ещё не восхищалась, но он казался ей таким далеким. И чем больше он рассказывал, тем дальше становился. Словно ей приходилось выбирать между полковниками Орасио и Синьо Бадаро, с одной стороны, и Карлосом Зуде и Карбанксом — с другой, Жульета вспомнила фразу Рейнальдо Бастоса (она и вообразить не могла, что это фраза Карлоса): «Они робкие, как дети». Полковники привыкли к вооружённой борьбе, к револьверным выстрелам. Как смогут они противостоять этим деловым умам, этим расчётам и коммерческим тайнам, этим новым людям, какими были Карлос и Карбанкс? Жульета чувствовала, что это два разных величия. Если положить на одну чашу весов полковников, а на другую — экспортеров, которая перетянет? Карлос, прищурив глаза, объяснял ей детали своего плана. Через пять лет у этой земли будет новый хозяин... Жульета смотрела на мужа с восторгом. Лицо его выражало энергию, решимость, в нём даже было что-то героическое. И всё же какая-то непонятная тяжесть давила её, и если бы она увидела сейчас розу, увядающую или даже совсем засохшую, она с жадностью стала бы вдыхать её дикий и нежный аромат, чтобы вырваться хоть на минуту из этого тяжёлого воздуха, где ей нечем было дышать. Карлос говорил с такой страстью, что коммерческие термины казались в его устах словами эпической поэмы. И все свои надежды он положил к ногам Жульеты, снова и снова доказав свою неугасаемую любовь к ней.

— И тогда мы сможем жить в Рио, путешествовать по Европе, нам уже нечего будет опасаться... У тебя будет всё, все, чего только тебе захочется...

Жульета была тронута. Она взяла его руку в свою и вдруг поняла, что он очень устал. Большой человек, подумала Жульета. Большой человек,

которого она не любила, величие которого её не привлекало. Но этот большой человек любил Жульету, всё своё величие он положил к её ногам И он устал.

— Ты устал... — Она провела рукой по его пиджаку. — И весь промок, бедняжка...

Она принялась хлопотать около мужа, принесла ему шелковую пижаму, пошла за стаканом вермута. Когда она вернулась, Карлос смотрел сквозь закрытое окно на улицу, залитую дождем. Он выпил вермут мелкими глотками и сказал:

— Большой будет урожай, первый урожай, который будут продавать по повышенным ценам... Но в один прекрасный день цены упадут, Жульета, и земля ничего не будет стоить. Тогда мы станем хозяевами земли...

И снова на ум Жульете пришла фраза Рейнальдо Бастоса.

— Это будет ужасно... — невольно вырвалось у неё.

— Ужасно! — удивился Карлос и вдруг понял.

Несколько минут они молчали. Жульета теперь знала, что именно было ей так чуждо в муже и его величии. А Карлос думал о том, как грустно, что эта борьба будет такой жестокой и такой жалкой. Однако полковники тоже когда-то были жестоки в своей борьбе и не жалели об этом. Он сказал:

— В жизни нет ничего легкого... Людям всегда приходится топтать других людей... Иначе и быть не может, к несчастью... Иначе и быть не может, — повторил он, стараясь отогнать печальные мысли. Он не только устал, ему, кроме того, было грустно.

Тогда Жульета взяла его за руку и повела к постели. И обняла, и обогрела, и отдалась ему, но только из сострадания, чтоб утешить, заставить забыть... Она сделала это как друг, любви не было. И всю ночь лил дождь за окном, и всю ночь их мучила бессонница.

Дождь ручьями стекает по деревьям какао, срывая с веток сожженные солнцем листья; змеи уползают в свои норы, беспокойно прыгают по веткам обезьяны жупара, жалобно кричат в ночи совы. Первые лужи появились на красной глинистой почве, значит, в ближайшие месяцы дороги будут утопать в грязи. Эти дожди — залог урожая, они говорят о деревьях в цвету, о спелых плодах, налитых соком. Когда придут солнечные дни, зелёные плоды станут золотыми; эта земля дает золотые плоды,

которые освещают плантации своим светом и заставляют биться надеждой сердца людей.

В те месяцы, когда приостанавливаются работы по сбору урожая, глаза мужчин и женщин во всех уголках юга Баии обращены к небу с неммым страстным вопросом. Упадут ли в эти знойные месяцы благодатные дожди, необходимые для раннего июньского сбора, или засуха ударит по полям, опустошая всё, убивая цветы и молодые плоды, покрывая золотом засохшие листья какао? Правда, здесь не бывает таких засух, как в Сеара, убивающих скот, и человека, и лесных зверей, сжигающих траву, иссушающих колодцы. О таких засухах здесь знают только понаслышке, по рассказам жителей Сеара, приезжающих в фазенды Юга, спасаясь от разоренья, которое несёт им засуха в родных краях. Но если дождь не начнётся в нужный момент, умрут цветы какао, не созреют ранние плоды, пропадет урожай. С тех пор как последние островки больших лесов были вырублены и превращены в плантации, дожди в землях Ильеуса стали более редки и менее обильны... И люди испытующе смотрят в синее небо, вглядываются в линию горизонта: здесь хорошо знают все признаки, предвещающие дождь или засуху; некоторые узнают о приближении больших ливней, когда ещё ни одна тучка не прорезала чистого южного неба. Узнают по ветру, предшественнику дождя. Узнают по запаху трав. Так же как животные на плантациях, как птицы и обезьяны, люди знают, что скоро польёт дождь. И все население земель какао радуется, и улыбки расцветают на лицах, как вскоре расцветут цветы на деревьях плантаций.

В ночь, когда зажурчали первые струи дождя, мулат Антонио Витор подошел к двери своего дома и улыбнулся. Раймунда тоже подошла и встала рядом с ним. Они молчали, благодарными глазами глядя вокруг. Одинаковое волнение охватывало их каждый год, когда начинались дожди. Ливень шумел, глухо и торжественно, над плантациями какао, и, объятые почти религиозным чувством преклонения, смотрели муж и жена, земледельцы, на эту реку воды, катящуюся с неба. Антонио Витор сказал:

— Долго не было, а всё-таки пошел... Хвала господу, богу!

Раймунда ничего не сказала. Но она улыбнулась своей трудной улыбкой, так редко появляющейся на её губах, шагнула вперёд и подставила лицо дождю.

Капитан Жоан Магальяэс был необычайно взволнован. Для него дожди означали повышение цен. Он говорил об этом доне Ане, размахивая руками и заливаясь своим раскатистым смехом, который немедленно подхватывал попугай, расхаживающий взад-вперед по перилам веранды с ученым видом. Позади напоенных дождем плантаций зеленел еще не

вырубленный участок леса, где так и не удалось посадить какао. Туда устремили свой взгляд капитан и дона Ана. В этом участке сосредоточились все их надежды на лучшее будущее, на то, что дела их снова пойдут в гору, что вернутся прежние счастливые дни. Когда будут срублены эти деревья и участок превратится в плантации какао, капитан и дона Ана снова станут прежними Бадаро, могущественными и богатыми. Должно быть, на всем протяжении необъятных земель какао оставался невырубленным только этот кусок леса. Хорошая земля для плантаций какао. Не хуже, чем земли Секейро Гранде...

Полковник Фредерико Пинто прислушивается к шуму, раздающемуся из дома, где живут его работники. Это, сидя возле тела Ранульфо, люди разговаривают о терно и репетициях, строят планы. Фредерико думает, что надо выписать монтера из Ильеуса, чтоб он проверил электрическую печь. Полковник — один из самых богатых людей этой зоны. Он не чета какому-нибудь Жоану Магальяэсу или Антонио Витору. У него крупное состояние: бесконечные плантации, сливающиеся одна с другой, земли, которые сам полковник завоевал и, вырубив на них лес, засадил какао; плантации, купленные позже или отнятые у мелких землевладельцев путем ловких подлогов. Даже в самые трудные годы полковник всегда собирал свои пятнадцать тысяч арроб. Он принадлежал к особой касте «благородных», посещавшей Общественный клуб, игравшей в покер в доме Пепе, Эспинола, строившей особняки в Ильеусе. Это была «знать», «аристократия», как иронически говорил Сержио Моура, который очень любил прибавлять титулы к именам полковников: герцог Орасио, барон Манека Дантас. Это была группа самых крупных помещиков, и к ней принадлежал полковник Фредерико Пинто.

Дона Аугуста спит. Сегодня ему пришлось удовлетворить её супружеские права, чтобы успокоить припадок ревности. Сейчас он в пижаме стоит у окна и смотрит на дождь. Теперь можно будет купить ещё земель... Можно будет засыпать Лолу Эспинола драгоценностями, дорогими нарядами, французскими духами. Дождь для полковника Фредерико — это освобождение. Страх засухи вырвал его из объятий белокурой аргентинки и привёл в фазенду: поторопить подрезку деревьев, чтобы в случае засухи хоть что-нибудь спасти. Теперь шёл дождь, и он мог вернуться в объятия Лолы, снова окунуться в таинства любви, которые были знакомы только ей. Дождь журчит, голоса людей, собравшихся вокруг Ранульфо, доносятся до веранды. Полковник Фредерико Пинто возбужден. Он вспомнил о Лоле, и тоска по ней властно овладела им. Ему захотелось сию же минуту уехать отсюда: оседлать коня, галопом проскакать три

мили, отделяющие его от Итабуны, сесть в автомобиль и уже на рассвете постучаться у знакомых дверей... Пепе, наверно, в кабаре — играет. Им будет хорошо вдвоём. Он стал припоминать каждый изгиб тела своей любовницы, которое знал наизусть. И заходил по веранде из конца в конец нервными шагами. Шум в домике батраков не смолкал, словно приглашая его, зайти. Полковник Фредерико Пинто вошел в комнаты, накинул резиновый плащ прямо на пижаму, надел на голову старую шляпу и направился к домику. Всё равно не спится ему в эту ночь.

Полковник Орасио да Сильвейра проснулся, когда упали первые капли дождя. Сон его, сон старика, был чуток. Старая расшатанная кровать закричала, когда Орасио поднялся. Он спал в длинной ночной рубашке о вышитыми на груди цветами, как тридцать лет назад. Но только его богатырское тело стало теперь сухим и сгорбленным, слабым телом старика. Дождь из окна попадал в комнату, смачивал простыни на постели. Брызги его падали на лицо Орасио. Его восьмидесятилетние глаза плохо различали предметы. Он пошарил руками, ища свою палку с золотым набалдашником в виде плода какао, оперся на неё и, ориентируясь по ветру, врывающемуся в комнату, направился к окну. За окном брезжил смутный рассвет. Темная пелена висела перед почти невидящими глазами полковника Орасио да Сильвейра. Но ему незачем было видеть дождь, он чувствовал на лице его доброе, ласковое прикосновение. По плантациям плыла тишина, нарушаемая лишь журчаньем дождя и шелестом падающих листьев. Под самым окном комнаты полковника тянулась плантация какао. Ветер пробегал по веткам; полковник различал всё, даже самые смутные шумы и шорохи, прорезающие тишину ночи. Он был доволен, как кот, которого гладят по спине. Он что-то бормотал про себя, глотая слова, и улыбался своей жесткой, недоверчивой и страшной улыбкой. Дождь мочил его, тело покалывало, он проводил морщинистой рукой по груди и по ногам, снова начинались ревматические боли, вызванные дождем и ветром. Он знал, что никто его не слышит, так как весь дом спал, и тихонько постанывал, бормоча слова радости. Проклятый ревматизм, он всегда возвращался вместе с дождями, острая боль пронизывала тело Орасио... Но какое это имеет значение, если дождь льёт, если какаоовые деревья не потеряют своих недавно раскрывшихся цветов, если плоды засветятся золотым светом и урожай будет большой, невиданный урожай?..

Многие в Ильеусе и Итабуне с сожалением говорят о том, что полковник Орасио да Сильвейра, самый богатый человек в землях какао, один из заправил местной политики, живёт совсем один в своей фазенде. Некому о нём позаботиться, рядом с ним нет ни друга, ни жены, ни

возлюбленной, ни даже сына, с которым он не ладит. «Печальная старость», — говорят люди. Монашки, знающие истории старых времен, прибавляют, что полковник расплачивается за свои многие и тяжкие грехи. Уже в те времена, когда люди шли в эту землю с топорами и серпами и прорубались сквозь чащу, убивая друг друга, много чего рассказывали о полковнике Орасио. Теперь о нём говорят с состраданием, но не без враждебности. Его жалеют, но считают справедливым то, что он страдает, что он живёт один, заброшенный всеми. Орасио знает, что говорят о нем, как знал тридцать лет назад все истории, которые рассказывали о нём в церквах и в кабаке. Но он знает, что он не один. У него есть его плантации, его какаоовые деревья, звери, живущие среди них, даже змеи и ягуары, которые ещё не перевелись. Он живёт в своём мире, он сам — часть этого мира. Он не чувствует ни грусти, ни одиночества. Если бы полковник очутился в самом большом городе мира, где звучит музыка и льются тысячи электрических огней, окруженный комфортом, друзьями, красивыми женщинами, он бы загрустил и почувствовал себя одиноким, потому что он не может жить вдали плантаций какао.

Разве важно, что дожди приносят с собой ревматизм? Разве важно, что рядом с ним нет никого? Он слышит, чувствует, знает каждый шорох на залитых дождем плантациях. Нежные струйки текут по его морщинам, и он что-то радостно бормочет про себя, протягивая руки, подставляя их дождю. Его усталые глаза начинают различать ясный свет утра, прорывающий предрассветный туман. И он узнает, один за другим, голоса птиц, звонко приветствующих дождь, упавший на деревья какао.

8

— А дождик-то льет, ребята... — сказал Капи.

Все выбежали из дома посмотреть на дождь. Это уже не были внезапные ливни, как вечером, это был долгожданный сплошной дождь, который обычно шёл много дней подряд. Пролившиеся вечером в разных местах короткие дожди не успокоили земледельцев. А может, это только случайные тучи и ветер унесёт их? Превратятся ли они в сплошной поток, нужный для урожая?

Дождь стекал по какаоовым деревьям, лился на траву, на красную землю. Этот дождь продлится много дней. В помещицьем доме зажётся свет.

— Полковник проснулся... — сказала Рита.

— Он, верно, доволен...

В маленьком домике работников плантаций мертвый Ранульфо остался один. Его похоронят здесь же, на плантациях, у Ранульфо долгов больше, чем у всех других батраков. Он такую уйму задолжал, что полковник, наверно, не даст денег на похороны в посёлке. И теперь, когда начались дожди, полковник, конечно, не отпустит из фазенды двух работников, и некому будет нести носилки с телом Ранульфо. Если б завтра было воскресенье, они смогли бы достать носилки, занять немного денег и снести Ранульфо на христианское кладбище. Но среди недели это трудно... Умерший лежал один, с зелёным лицом, с выкатившимися глазами. Все ушли. Бутылка с водкой была наполовину пуста.

Рита первая вернулась в дом и взглянула на мертвеца. Хороший человек был этот Ранульфо. Когда она проходила мимо него, возвращаясь с реки или с плантаций, он смотрел на неё глазами верной собаки. А в живых глазах Риты, взгляд которых словно зазывал, словно предлагал её ещё не тронутое тело, вспыхивали насмешливые огоньки, когда она встречала Ранульфо. Она не могла забыть, как его били. Мужчина, которого высекли... Правда, этот случай с Ранульфо положил конец ухаживаниям Тибурсио. Она отвернулась от Тибурсио, который давно за ней волочился, увидев его с хлыстом в руке, избивавшего Ранульфо. Оба они низко упали в её глазах. Один, потому что ему исполосовали спину, — это всё равно, как если бы его кастрировали. Другой, потому что бил беззащитного человека, привязанного к столбу.

С той ночи, когда она ушла от Тибурсио, пытавшегося овладеть ею, оставив его одного в траве, дела Риты пошли плохо. Надсмотрщик стал преследовать её отца, и она попыталась было искать защиты в помещичьем доме. Но хозяйка ревновала её к мужу, а хозяин не обращал на неё внимания... Рита смотрит на умершего. Этот Ранульфо, который ничего для неё не значил, испортил ей жизнь... Свеча освещает огромные ступни покойника. От жара печи вязкая мякоть какао, облепившая их, превратилась в твёрдую корку; кажется, словно на нём какие-то грубые башмаки. Ноги Риты тоже покрыты тёмной коростой, более тёмной, чем её кожа. Купаясь в реке, она много раз пыталась отскрести этот вязкий слой какао, отмыть мылом, которым стирают бельё. Но это оказалось невозможным. Жители Сеара, побывавшие в фазендах Юга, возвращающиеся в свои земли во время дождей и опять приезжающие в Ильеус через несколько лет, спасаясь от новой засухи, говорили, что мягкое какао никогда уже не отстаёт от ног. Рита садится на скамью. Все говорят, что она хороша; некоторые даже утверждают, что она самая красивая девушка на плантациях какао. Это,

пожалуй, преувеличение, У неё стройное, крепкое тело, но лицо некрасивое: с крупным носом, с маленькими дерзкими глазами.

Её большие, как у мужчины, ноги с мускулистыми икрами, развившимися от постоянной ходьбы, никогда не знали изящных женских башмачков; рукоятка большого ножа, которым она разрезала плоды, натёрла мозоли на её руках с огрубевшей кожей. Но у неё упругая грудь, подтянутый живот, крутые бёдра. Она не похожа на мятую тряпку, как другие женщины плантаций. И она не дикарка, как те немногие девушки, которые не вышли замуж или не нашли себе друга. Ей нравится красить щеки красной бумагой, приглаживать курчавые волосы. Её знают на много миль кругом, мужчины ищут её близости, и её тоже мучают какие-то дьявольские наваждения. Но она упорно хранит свою чистоту, она многое уже увидела и поняла за свою жизнь в фазенде и знает, как дорого ценится здесь женщина. Она умеет защитить себя от настойчивых атак работников плантаций и надеется выйти замуж за надсмотрщика, или за мелкого землевладельца, или (почем знать?) соблазнить полковника, добиться хорошего дома в поселке, зажить безбедно, не работать больше.

Мужчины вернулись в дом совсем промокшие. Пришёл и отец Риты, погонщик ослов, старый работник фазенды, давно овдовевший. Варапау и Капи взяли на себя роль хозяев. Пришли работники со всей округи, принесли водку, полковник прислал целую бутылку.

Смерть Ранульфо — только предлог, отпевание превратилось в целый праздник. Говорят о терно, весть о нём уже распространилась далеко вокруг, и только начало дождей немного отвлекло умы от такого важного дела.

Рита сделает фонарики, а её отец купит папиросной бумаги в Итабуне, когда погонит туда ослов. Уже известно, что придут четыре девушки; вместе с тремя девочками это будет семь пастушек. Капи изобразит быка. Кто-нибудь одолжит ситцевую простыню, в поле можно найти черепа павших коров. Варапау будет лесной дух каипора. Он очень подходит для этой роли: достаточно обернуть его тощее тело старыми мешками из-под муки.

— А стихи? — вдруг спросил кто-то.

Никто не знает стихов, и эта мысль заставляет всех взглянуть на покойника. Умер в печи, оцепенел... Никто не знает стихов. Капи помнит лишь отдельные отрывки, этого же мало! Да и оркестра нет, только две гитары. Но Варапау уверен, что победит все препятствия. Они раздобудут пустые бидоны от керосина и в крайнем случае будут петь песни, сложенные на плантациях какао. Важно, чтобы праздничная процессия

прошла через фазенду и через соседние поместья и оказалась как можно дальше от помещичьего дома. Тогда Варапау сможет бежать и возьмет с собой негра Флориндо; они навсегда освободятся от какаовых плантаций. Флориндо, кажется, далек от всего этого: его взгляд переходит с пугающего, похожего на страшный призрак лица умершего на Риту, которая уже давно нравится ему. Он сидит рядом с ней и пьет водку, а ведь никто не умеет так здорово пить водку, как Флориндо. Он выпивает целую бутылку залпом, огромными глотками, и чувствует, что Рита смотрит на него с восхищением. Но он не может оторвать глаз от покойника; пожалуй, негр Флориндо — единственный человек, которому немного страшно в эту дождливую ночь. Он боится вылупленных глаз мертвеца, его зелёного, иссушенного лихорадкой лица, его ногтей, выпачканных землей. Разговор всё вертится вокруг терно, бутылка переходит из рук в руки. Когда настал вечер, пришла старая Селестина и прочла над покойником таинственные молитвы. Потом она ушла, она была слишком стара, чтобы сидеть долго. И никто из присутствующих не знает заупокойных молитв... Может быть, кто-нибудь, Капи, например, целиком помнит «Отче наш». Но красивых заупокойных молитв, которые читают глубоким голосом, как полагается при отпевании, никто не знает, кроме старой Селестины. Когда она была помоложе, отпевания всегда проходили очень красиво. Она читала молитвы, указывала, когда нужно пить водку, её почтительно слушали. Когда она умрёт, станет ещё хуже, покойников будут хоронить без всяких молитв. Теперь-то она ещё приходит, одетая чёрной шалью, с трудом волоча свои старые ноги и опираясь на посох, неясно бормочет молитву богоматери, отгоняя злых духов от лица покойника своими руками чародейки. А когда она умрёт?

«Проклятый край», — думает негр Флориндо. Потому-то он и хочет уйти отсюда с Варапау. Край, где человек умирает от удара и некому помолиться за упокой его души. Призрачное пламя свечи причудливо извивается перед глазами Флориндо, он заливает водкой печальные мысли. Рита заинтересована разговорами о терно. Флориндо смотрит на крепкие икры её ног.

Варапау возбужденно и очень красноречиво описывает красоту праздничной процессии.

— Это будет здорово, — говорит он, и все присутствующие, всецело поглощенные мыслью о терно, забывают о мёртвом, об исхудавшем Ранульфо с зелёным лицом. Варапау смотрит на собравшихся, и ему приходит в голову блестящая идея: «Здесь сейчас столько людей, что можно устроить репетицию». Но он не решается высказать свое пожелание,

боится, что это может показаться неуважением к покойному. Хотя, впрочем, наоборот, это будет как будто праздник в честь Ранульфо. Ранульфо ведь так любил помечтать о терно! Уж так любил, что даже стал разговорчивее, высказывал свои мнения, — он, Ранульфо, который не проронил ни слова с тех пор, как его высекли. Почему не устроить репетицию терно здесь, подле него? Так бедняжка хоть увидит пляски терно перед тем, как его зарюют. Варапау смотрит на присутствующих: что-то они скажут?

Гитара Капи лежит на нарах. Она пригодится для репетиции. Бутылка передаётся из рук в руки, жадные рты сосут водку большими глотками. Больше всех льёт негр Флориндо, один лишь он смотрит на зелёное, иссушённое лихорадкой лицо мертвеца. Здесь собрались мужчины и женщины, репетиция может хорошо удался.

— А если бы, друзья, мы попробовали...

Все повернулись к нему. Варапау уважают в фазенде, он человек толковый.

— Что?

Негр Флориндо думает, что Варапау хочет просить полковника освободить на завтра двух человек, чтобы снести тело Ранульфо в посёлок.

— ...Если бы устроить репетицию терно?

— Сейчас? — Отец Риты испуган.

В наступившей тишине все смотрят на умершего, словно ожидая, что он решит. Но Ранульфо, оцепенелый, безразличный ко всему, не отвечает. Рита, которой предложение Варапау пришлось по вкусу, ждёт с нетерпением, что-то будет. Капи находит, что это неуважение к умершему, обида ему. Отпевание — дело серьёзное, бог их накажет потом, если они этого не понимают. Флориндо увлечён мыслью о репетиции, но ему страшно. Он думал, что Варапау предложит другое: поутру отнести умершего на кладбище, поговорить с полковником, попросить, чтоб на завтра освободили двух человек... Терно — это прекрасная вещь, репетиция будет весёлой, он сможет танцевать с Ритой. Какие у неё бёдра! Ранульфо не обидится: с тех пор как его высекли, Ранульфо вообще не замечал, что происходило вокруг. Варапау объясняет:

— Это для него. Что же делать, если над ним и помолиться некому? Лежит тут брошенный, страшный такой... Он никогда ни с кем не разговаривал, всё не мог забыть кнута. Кто этого не знает? Но когда я заговорил с ним про терно, он оживился, смеялся, совсем другой стал... Верно, Капи? Верно ведь, Флориндо? Он разговорился, даже стал спорить, собирался выступить в терно, это было уж решено. Некому над ним помолиться, репетицию надо устроить как раз для него, так он уйдёт

довольный, увидит терно... Молитв над ним не читают, мы для него репетицию устроим, это, конечно, не то же самое, ну и что ж!

Уж этот Варапау придумает... Хитрый мулат. Как говорит-то складно! Такой кого хочешь убедит...

— Он даже улыбается, словно хочет сказать, что согласен...

Тогда Рита встает, протянув вперед руки, почти крича:

— Так давайте репетировать...

— Давайте репетировать...

— Капи, играй...

Капи ворчит, никогда он такого отпевания не видел. Но всё же берёт гитару, перебирает струны, настраивает. Все встали с мест, только негр Флориндо смотрит на покинутого Ранульфо, на его огромные ноги, на липкую пену у губ. Проклятый край...

И репетиция начинается здесь же, в этой комнате, около покойника.

— А что же петь-то будем?

Никто не знает песен терно, Капи знает отдельные отрывки, но это слишком мало. Придётся петь местные песни, печальные песни работников плантаций.

— Пой, Флориндо.

Негр запекает:

В печи сгорел Манека,
в час, когда начинался закат...

Рита выходит вперёд, Варапау всем заправляет, пляска начинается. Здесь же, около покойника, который словно наблюдает за танцующими, заинтересованный.

— Разве я не говорил, что ему это понравится?

Рыдает гитара Капи, в Сеара он никогда не видел такого отпевания. Пляшут все, мужчины и женщины, двумя рядами, повернувшись в сторону кровати, на которой лежит покойник. Слово это действительно отпевание, та самая заупокойная молитва, которой над ним не читали, которой Селестина не успела произнести:

Страшная печь-убийца,
она убивает нас
В печи сгорел Манека,
значит, настал его час...

Капи никогда не видел такого отпевания. Ни Варапау, ни Флориндо, ни Рита не видели. Но никто уже не боится, они ведь поют для умершего и пляшут для него — чтобы Ранульфо ушел весёлый, забыл про побои, только бы о терно вспоминал. Рита берёт в руки свечу, только что стоявшую у ног усопшего.

— При всяком терно, — говорит она, — должен быть фонарь.

Для Ранульфо не читали молитв, зато для него теперь поют, теперь в его честь пляшут. Красивое отпевание, такого ещё на свете не бывало, думает Капи.

Входит полковник. Пенье и пляска останавливаются, свеча возвращается к ногам Ранульфо. Почтительное молчание встречает Фредерико Пинто. Он садится на деревянную скамью и предлагает Рите сесть рядом с ним. И с любопытством спрашивает:

— А где же Селестина?

— Она уже ушла...

— А вы что, молились?

Работники переглядываются, они ждут, что ответит Варапау. Только он может всё объяснить полковнику.

— Разве вы не видите, что никто не молится, сеньор полковник? Его собирались похоронить как дикаря какого-нибудь. Ведь вы, сеньор, знаете, что он всё молчал, с тех пор как... — Варапау закончил совсем тихо: — С тех пор, как его били...

Фредерико продолжает вопросительно смотреть на него.

— Ну вот народ и решил... Решили мы терно устроить...

— Терно?!

— Ну да, терно «Царей волхвов»... Вот мы и репетируем, чтоб он посмотрел, чтоб не ушел в могилу грустный, вспоминая порку...

Фредерико смотрит на умершего. Он велел его высечь, чтоб другим пример показать. Фредерико чувствует смутные угрызения совести, ему хочется объяснить людям, почему он это сделал. Не со зла, не для своего удовольствия. Для примера.

— Зачем он хотел убежать?!

Все закивали головой.

— Зачем он хотел убежать?

Полковник задумался: да, он велел наказать Ранульфо. Но что ему ещё оставалось делать, когда поймали беглеца? Он же не для своего удовольствия его наказал. Разве здесь, на плантациях какао, что-нибудь

делается для собственного удовольствия? Плохо бы ему пришлось, если бы он гладил по головке тех, кто пытается бежать из фазенды, чтобы не платить долг в лавку! Ни одного работника не осталось бы... Да так бы все помещики разорились. Надо заставить уважать себя любым способом. Это — закон неписанный, но всем известный; он уж много лет существует. И нарушившие его должны быть наказаны в назидание другим. Фредерико не виноват.

Он уселся поудобнее на краю скамьи, положил ногу на ногу, взглянул на Варапау. Рита придвинулась к нему, он чувствовал её горячее девичье тело.

— Кто ему велел бежать?

Варапау нашел, что сейчас удобный момент:

— Полковник, мы хотели бы...

Фредерико обрадовался возможности отвлечься от своих мыслей:

— Что?

Он угадывал, о чем они будут просить, и готов был согласиться. Они попросят денег, чтобы похоронить Ранульфо в поселке, и ещё попросят отпустить двух человек — нести носилки. Денег-то уйдет немного, но вот люди очень нужны на плантациях, особенно теперь, когда начались дожди. Но он всё-таки даст разрешение, так он загладит свою вину перед Ранульфо.

— Мы хотели просить...

— Я уже знаю, Варапау. Вы хотите похоронить Ранульфо в посёлке...

Как будто бы там земля не такая же, как здесь... Но всё равно, я согласен.

Флориндо засмеялся. Он знал, что Варапау хотел совсем другого. Он хотел денег для терно, вот что. Все молчали, не зная, что сказать. Никто и не вспоминал об умершем, все мысли собравшихся были заняты терно. Только полковник и Флориндо смотрели на Ранульфо. Рита прижималась к Фредерико, он чувствовал её тело. Варапау стоял раскинув руки и был похож на птичье пугало. Фредерико ничего не понимал. Его жилистая рука скользнула по талии Риты, ощутив её крутые бедра. Тогда Рита сказала:

— Да мы собирались...

Фредерико почувствовал, что начинает волноваться. Он трогал тело мулатки и вспоминал о Лоле Эспинола. Флориндо следил за ними и был очень оскорблен, словно Рита принадлежала ему. Многие сегодня оскорбляли негра Флориндо. Проклятый край!

— Так в чем же дело? — улыбнулся Фредерико, совсем уже прижавшись к Рите, чувствуя рядом её полную руку и крепкое бедро.

— Мы хотели попросить помочь нам устроить терно...

И все забыли про похороны Ранульфо и, пользуясь тем, что полковник был в добром настроении, начали рассказывать о терно. Рита улыбалась и была особенно красноречива. Фредерико, разговаривая с окружающими, не переставал касаться её теплого тела. За окном шёл дождь. Только Флориндо смотрел на забытого всеми покойника, на его огромные ноги, на оплывающую свечу. Капи держал в руках гитару и кротко улыбался. Флориндо жалел, что он не умеет так хорошо говорить, как Варапау, а то бы он вмешался в разговор, чтобы обсудить похороны.

— Ладно, — говорил Фредерико, — я помогу... Но вы пойдёте с процессией только вечерами, в праздники, в дни святых. Я не хочу держать бездельников на моих плантациях...

Рита от радости захлопала в ладоши. Свеча у ног покойника погасла.

— У кого есть спички?

Капи даже в темноте перебирал струны. Кто-то сказал:

— Будем репетировать?

— Это же для покойника, чтоб он видел, чтоб ему весело было отправляться в ад...

— Он был хороший, бедняжка, он на небо попадет...

— Не говорите о мёртвом, это грех...

— Давайте репетировать. Вы позволите, сеньор?

Фредерико, воспользовавшись темнотой, ущипнул Риту за крепкую девичью грудь. Вспыхнула спичка, осветив лицо Флориндо.

— Сеньор, я один отнесу его на кладбище... Я его в мешок положу... Деньги нужны только, чтоб могильщику заплатить...

Свеча снова осветила ноги умершего. Фредерико оставил в покое Риту и снова вспомнил, как пороли Ранульфо. Но ведь он уже разрешил устроить терно и денег обещал дать! Флориндо стоял молча, без улыбки. Ему было грустно видеть, что никто не думает об умершем. Фредерико устало поднял глаза, взглянул на негра и сказал таким голосом, словно ему только что пришлось выдержать борьбу с самим собой:

— Можешь нести... Пусть двое пойдут, будет легче...

Я ведь не виноват, думал он. Почему, чёрт возьми, он сейчас не может оказаться далеко от всего этого, в Ильеусе, в постели с Лолой?

Варапау напуган:

— А терно?

Полковник махнул рукой: он согласен. Потом встал, поправил шляпу, которую так и не снял, и вышел. Дождь журчал над плантациями какао. Репетиция снова началась около умершего. На повороте полковника нагнала Рита, придумав какой-то глупый предлог. Она прямо навязывалась

ему, смеясь, сверкая белыми зубами. Фредерико мягко отстранил ее и продолжал свой путь.

9

В следующую ночь тоже шёл проливной дождь. В течение этих двадцати четырех часов несколько раз выглядывало солнце и ливень сменялся мелким морозящим дождичком, но это были лишь короткие просветы, после которых снова начинало лить как из ведра. Жители Ильеуса смотрели на небо и уверяли, что это надолго, что так всегда бывает перед урожаем — дождь как заладит, так льёт и льёт, всё наводняя, делая дороги непроходимыми, валя домики на холмах и на Змеином Острове, увлекая в потоках воды глину с холмов Конкиста и Уньян и унося её далеко, в сторону порта и железной дороги; льёт и льёт, превращая в плоды чуть было не высохшие под жарким солнцем цветы деревьев какао. Все благословляют этот дождь; радостный привет дождю передается из уст в уста в городах Ильеусе, Итабуне, Итапире, Бельмонте и Канавиейрас, в посёлках — от Гуараси до Рио-де-Контас, в фазендах и на плантациях. В шесть часов вечера второго дня со времени начала дождей в соборной церкви Сан Жоржи епископ отслужил молебствие. Печальные сумерки сгущались над городом, электрический свет слабо прорывался сквозь мглистую завесу дождя. Свечи горели пред главным алтарём и в приделах, горели у ног воинственного святого, так ярко символизирующего лицо этой земли, ещё недавно гремевшую борьбу за её завоевание. Свечи горели в знак благодарности небу за то, что оно послало дождь. Молебствие было заказано Коммерческой ассоциацией Ильеуса, от имени помещиков и экспортеров. Они благодарили святого покровителя Ильеуса за дождь, от которого зацветают деревья и созревают плоды на плантациях, как будут потом благодарить за солнце, помогающее сушить какао на больших баркасах.

Епископ читал молебствие по-латыни, воспитанницы монастырской школы пели в церковном хоре, а сестра Мария Тереза де Жезус играла на органе, подаренном соборной церкви Ильеуса фирмой «Зуде, брат и К°». Народу было немного. Почти одни только женщины. Полковники и экспортеры ограничились тем, что оплатили молебствие. Они сейчас расхаживали по фазендам или по торговым домам, уверенно заключая коммерческие сделки в ожидании хорошего урожая.

Епископ поднял руки к небу, благословил склонённые головы своей

паствы. Затем помолился за её благополучие, за хороший урожай, за укрепление духа жителей Ильеуса. Его глубокий голос отдавался во всех углах церкви, умирая под высокими сводами. Снова слышались звуки органа. Старухи, одна за другой, стали выходить под дождь, за ними несколько мужчин, тоже слушавших молебствие. На следующий день газеты поместили на первой странице отчет о торжественном богослужении.

Однако это молебствие было не единственным религиозным празднеством в этот вечер. В тот момент, когда полковники и экспортеры зажгли свечи пред алтарем Сан Жоржи, негры, портовые грузчики, бродяги, живущие отходами какао, кухарки-негритянки и рыбаки устроили празднество в честь Ошосси — негритянского Сан Жоржи. Это было в Оливенсе, на острове Понталь, где жил Салу, чародей.

Вокруг сгибались под дождем кокосовые пальмы. Кокосовые орехи, сбитые сильным южным ветром, падали на землю и зарывались в песок. Посреди кокосовой рощи находился домик, где Салу творил свое колдовство и вызывал духов «кандомбле».^[15] Поселок Оливенса был почти разрушен еще до междоусобиц из-за Секейро Гранде в самом начале борьбы за какао, когда враждующие партии побеждали на выборах с помощью оружия, в те далёкие времена, когда однажды город Ильеус три дня подряд находился в руках бандитов. Рассказывали, что на полу маленькой полуразрушенной часовни с продырявленными стенами ещё и сейчас видны следы крови людей, убитых во время междоусобиц. Оливенса была почти полностью разрушена и больше уже не отстраивалась, уступив свое место Ильеусу. Она находилась неподалеку от квартала Понталь, за полчаса ходьбы; на автомобиле до неё можно было доехать за шесть минут. В этой земле, где все говорило о росте, о прогрессе, о жизни, Оливенса была воплощением упадка, разрушения, смерти. Там жили только рыбаки, отважно выходившие в море на шатких плотках. Были там две-три жалких лавчонки, ветер влетал в окна и свистел в щелях полуразрушенных домов, которые во времена сахарных плантаций, когда Оливенса была важнейшим жизненным центром этих краев, считались лучшими домами всей зоны. Это было ещё до какао, когда в землях Ильеуса зеленел сахарный тростник и примитивные сахарные заводы вокруг плантаций были единственным источником богатства помещиков. Теперь в домах, брошенных прежними хозяевами, жили рыбаки и отсюда отваживались в неверное море, в сторону гавани, а о берег, поросший кокосовыми пальмами, с шумом разбивались огромные волны. Плоты отдыхали под дождем, на балконах домов сушились рыбачьи сети. А в глубине посёлка находился кандомбле,

воздвигнутый в честь Ошосси — Сан Жоржи, покровителя Ильеуса и какао.

Существование кандомбле в честь Ошосси не позволяло поселку Оливенса окончательно погибнуть. В дни праздника (а в апреле весь месяц — праздник) негры и мулаты Ильеуса ночью отправлялись в Оливенсу, помолиться святому. Двадцать третьего апреля, в день Сан Жоржи, устраивалась макумба — религиозный обряд с пляской, — собиравшая в Оливенсу народ из самых дальних фазенд. Приходили негритянки, одетые в праздничные платья, негры в красных башмаках и белых накрахмаленных брюках. На песке побережья оставались десятки следов от ног паломников. Гремели маленькие барабаны «атабаке», и когда дул норд-вест, звуки их были слышны даже в порту Ильеуса. Когда в год, сулящий засуху, начинались первые дожди, в кандомбле Ошосси тоже устраивали большой праздник. Богатые молились Сан Жоржи в главной церкви Ильеуса, епископ поднимал белые руки, благословляя будущий урожай. Бедняки молились Ошосси, своему Сан Жоржи, в кандомбле Салу, поднимая черные руки в знак благодарности.

Во вторую ночь дождя, ещё с вечера, барабаны атабаке забили дробь, созывая негров на праздник. Из порта Ильеус потянулись ряды лодок: в них сидели нарядные мулатки и негритянки, грузчики-негры с пристани, матросы с кораблей, кутилы из таверны. Толпы людей шли в сторону Оливенсы по сырому от дождя песку пляжа. Другой дороги не было.

Приехало и несколько белых, чтоб посмотреть на религиозное празднество негров. Приехал Руи Дантас, а с ним Пепе и Лола, за которой Руи теперь ухаживал. Танцовщики интересовались ритмами «варварской пляски», и Руи объяснял им (не всегда верно) подробности африканских магических обрядов.

Роза, любовница Мартинса и мечта Варапау, тоже здесь. Она — сердце кандомбле, она танцует в самом центре террейро.^[16] Она быстро вертится, сгибаясь всем телом, её бёдра ходят ходуном перед глазами зрителей. Это уже не женщина, а одни только пляшущие бёдра, проносящиеся перед мужчинами, женщинами и богами, перед кокосовыми пальмами и морем. Песни на языке «наго»,^[17] гулкие удары барабанов говорят о любви и смерти. Никто не пил, но все уже пьяны от этой африканской музыки, и каждый чувствует присутствие святого, и теперь танцуют только руки, руки, извивающиеся, как змеи, во всех углах террейро, выползающие из пола и из потолка, из стен и из человеческих тел. Пепе Эспинола заинтересован: какой успех имели бы стилизованные негритянские танцы

на сцене цивилизованного театра! Руки, качающиеся из стороны в сторону, приближающиеся и убегающие под звон браслетов на запястьях байских танцовщиц... Переселившись в тело Салу, святой Ошосси скачет среди танцующих в эту дождливую ночь. Это Ошосси послал дождь, чтобы его сыновья-негры могли найти работу. И за это они благодарят его.

Ошосси вещает голосом Салу, что в этом году будет много денег, даже на бедняков хватит. В этом году уродится не какао, золото уродится, вот что. Ах, Ошосси — добрый святой, он пошлёт золото для всех, даже для бедняков.

Люди все пляшут в надвигающейся ночи. Руи Дантас сочиняет мадригалы, посвященные Лоле. Аргентинка чувствует, как тело её напрягается от звуков этой музыки. Это не заунывная, расслабленная музыка танго; это музыка примитивная, обнаженная, страстная. Роза пляшет, и все пляшут с нею в надвигающейся ночи этот танец рук и бедер. Руи Дантас что-то говорит Лоле. Пепе равнодушен ко всему: какой успех имела бы Роза на сцене! Дождь льёт всё сильнее.

Барабанной дробью приветствуют в Оливенсе начало дождей, негритянки поют и пляшут в честь Ошосси, бога бедняков зоны какао. Далеко над морем разносится музыка макумбы.

10

— А теперь, — сказал Карлос Зуде, — послушаем музыку макумбы, — и поставил пластинку.

Дробные удары атабаке загремели в ярко освещённом зале особняка. Шведка Гуни радостно улыбнулась, услышав эту религиозную варварскую музыку. Это была песнь в честь Ошосси, записанная на патефонную пластинку, барабанный бой макумбы, звучавший теперь в элегантном салоне. Под эту музыку трудно было усидеть на месте. Даже Альдоус Браун, хладнокровный и унылый англичанин, почувствовал, как словно ток прошёл по всему его телу. Это была, конечно, варварская и примитивная музыка, но она обладала какой-то захватывающей силой. Гуни повела своими поджарыми стройными бёдрами и пошла плясать по комнате, извиваясь в чувственном танце, лукаво глядя по сторонам, словно зазывая мужчин. За ней сразу же последовала Жульета, её движения были естественнее, но всё же и в её исполнении негритянский танец казался скорее призывом к чувственной любви, чем обрядом поклонения негров своим африканским богам. Белые уже всё отняли у негров и, наконец,

отнимали их религиозную музыку. Всё новые и новые танцоры входили в круг, теперь танцевали мужчины и женщины, вертя бёдрами, трясая грудью, выбрасывая вперед ноги. Жульета, проходя мимо Сержио Моура, взяла его за руку и ввела в круг. Руки поэта опустились на её бедра, подымаясь и опускаясь в такт их движениям. Швед испустил какой-то пронзительный крик, он думал, что так кричат негры во время макумбы. Барабаны били всё быстрее, танцующие старались не отстать от ритма музыки. Это было избранное общество. Зуде пригласили только самых близких друзей на рождение Жульеты: чету шведов, Брауна, двух англичан-инженеров с железной дороги, полковника Манеку Дантаса, только сегодня приехавшего из своей фазенды, в дружбе с которым Карлос был крайне заинтересован, вдову Бастос, ещё молодую женщину, муж которой умер от лихорадки, молодого агронома с Экспериментальной станции какао — крестника Карлоса, врача Антонио Порто, его жену, хорошенькую мулатку, дочь одного из самых богатых плантаторов Итабуны, и его двух сестёр.

Были здесь ещё Шварц, супруги Рейхер и братья Раушнинги со своими женами. Общество состояло почти исключительно из иностранцев, и у полковника Манеки Дантаса глаза лезли на лоб от нескромных разговоров и пикантных анекдотов, которые дамы рассказывали, называя всё своими именами. Поэт тоже пришёл и принёс обещанные орхидеи. Жульета приколола одну к груди, у выреза платья, а остальные поставила в вазу, висящую на стене.

Сержио Моура шел сюда с некоторым опасением. Он не привык к этим праздникам большого света — богатых помещиков, посещающих вместе со своими семьями Общественный клуб Ильеуса, или крупных экспортеров, к этим вечерам, устраиваемым в узком кругу, когда музыка фокстротов не смолкает до рассвета, возмущая старух, отправляющихся в пять часов утра к обедне. И потому, что Сержио чувствовал себя смущенным, он решил говорить язвительно и с иронией. Но ему не удалось надолго сохранить этот тон, так как он неожиданно оказался «гвоздем» праздника. Жульета представила его:

— Наш известный поэт...

Мужчины почти все знали его, женщины были с ним чрезвычайно любезны. Сержио с удивлением узнал, что шведка была его большой поклонницей, знала его поэмы. С начала вечера она не отходила от Сержио и только тогда его отпустила, когда Жульета пришла за ним, чтобы угостить коктейлем. Сначала общий разговор как-то не клеился. Карлос беседовал с Раушнингом и Шварцем об урожае и повышении цен. Остальные рассеялись по разным углам зала и лишь изредка обменивались словами.

Гуни просила Сержио рассказать ей о приемах колдовства у негров, о макумбах. Она заливалась истерическим хохотом, в восторге хлопала в ладоши и буквально пожирала глазами поэта. Другие женщины подошли к ним, заинтересованные рассказом Сержио. Они слушали его возбужденные, с блестящими глазами, и Сержио нарочно добавлял пикантные подробности; он тоже был возбужден, эта незнакомая среда как-то странно действовала на него. В центре другого кружка молодой агроном гадал женщинам по руке. Он предсказывал будущее, угадывал прошлое и настоящее, и все были страшно увлечены. Сейчас он гадал Жульете. Он называл её «крестная» и не скрывал, что очень ею интересуется. Но Карлос Зуде считал, что это не опасно: парень был слишком молод и прост, чтобы заинтересовать такую женщину, как его жена. И действительно, Жульета не обращала на агронома никакого внимания, губы её сложились в недовольную гримаску. Агроном цинично предсказывал Жульете любовные приключения, что крайне шокировало Манеку Дантаса.

— Крестная, мне жаль моего крестного...

Супруга доктора Антонио Порто, провинциалка, неожиданно очутившаяся в этом обществе и сразу усвоившая все его дурные привычки, попросила:

— Говорите всё... ничего не скрывайте!

Агроном спросил у Жульеты:

— Вы мне разрешаете говорить всё, крестная?

— Говорите...

Манека Дантас наострил уши.

Агроном стал рассказывать:

— Я вижу серьезный роман...

Все кругом засмеялись. Жена доктора Антонио попросила рассказать подробнее:

— С кем? Какой он из себя?

— Молодой, элегантный, умный, образованный... — Агроному казалось, что он описывает самого себя, но Жульета видела точный портрет Сержио Моура.

— Ну, а дальше? — спросил кто-то.

— Бедненький мой крестный... — опять сказал агроном.

Потом он читал по рукам у других, а Жульета пошла искать Сержио. Слуги разносили вина. Зуде очень гордились тем, что у них были слуги в ливреях, на манер английских слуг. От вина все оживились. Сержио начал замечать, что замужние женщины кокетничают с мужчинами. Рейхер и жена доктора Антонио Порто украдкой подавали друг другу какие-то знаки,

в уголке он взял её за руку. Гуни подошла к Сержио, когда Карлос поставил новую пластинку.

— Вы не танцуете?

Они пошли танцевать. Гуни прижималась к нему, он чувствовал прикосновение её груди, лицо её было очень близко от его лица. Делая поворот, Сержио заметил ревнивый взгляд Жульеты и обрадовался. Когда фокстрот кончился, он подошел к ней. Но она встретила его холодно, и ему пришлось наговорить кучу любезностей, чтоб заставить её улыбнуться. Когда заиграли другой фокстрот, они пошли танцевать. Агроном смотрел на них и начинал понимать, в чём дело. Поэтому он решил заняться Гуни. Но прежде чем сделать это, он шепнул Альдоусу Брауну: «Крестная ведёт себя просто неприлично с этим жалким поэтишкой». Сержио был увлечен танцем и молчал; иногда волосы Жульеты касались его лица. Как жаль, что нельзя было поцеловать её...

А кругом продолжали разговаривать, спорить, любезничать друг с другом. Шварц, не умеющий танцевать, говорил с Рейхером о какао и о политике. Рейхер был еврей, сын эмигрантов из Бессарабии, он нападал на нацизм, который Шварц яростно защищал. Агроном переходил от женщины к женщине и, наконец, остановился на толстой жене старшего Раушнинга, которая смеялась над его необаятельными шутками своим необаятельным смехом. Большие бриллиантовые кольца блестели на её толстых, коротких пальцах. Альдоус зевал в обществе вдовы Бастос, в городе говорили, что она его любовница. Манека Дантас пил и всё больше возмущался. Белые волосы свисали ему на лоб, он думал о сыне, который сейчас, наверно, в каком-нибудь кабаре или в игорном доме Пепе Эспинола. Манека Дантас чувствовал себя одиноким среди этих чуждых ему людей. Он разговорился только, когда Гуни попросила его рассказать о беспорядках из-за Секейро Гранде. Шведка чуть в обморок не упала от его рассказа.

Когда все уже были порядочно навеселе, Карлос поставил макумбу. И тогда-то начался форменный сумасшедший дом. Только Карлос, стоящий у патефона, и Манека Дантас, застывший с вытаращенными глазами, не принимали участия в этой великосветской макумбе, где под покровом религиозного танца развязывались самые затаенные инстинкты. Танцевали длинным рядом, друг против друга, положив руки на талию своих партнеров. Иногда рука Сержио соскальзывала с талии Жульеты, глядя её бедра. Иногда цепь сужалась, и Жульета почти падала на Сержио, прижимаясь к нему всем телом. Внезапно цепь распадалась, и все танцевали отдельно. Жульета смотрела в глаза Сержио и вдруг закусила

губу от волнения... Все прыгали, как дикари, а больше всех агроном и Альдоус. Карлос Зуде смотрел на танцующих равнодушно. Манека Дантас никогда ничего подобного не видел.

Потом жена Антонио Порто спросила, знают ли они игру «в жениха и невесту». Все сказали, что нет, но Жульета и агроном лгали. Решили сыграть. Сеньора Порто распорядилась. Манека Дантас хотел отказаться, но она не разрешила. Все мужчины и женщины вышли в другую комнату, жена врача осталась одна в зале. Она позвала супругу младшего Раушнинга и Карлоса. И объяснила: «Это комната в доме, откуда ушли все: родители, братья, слуги. Осталась только дочка и её жених. Они сидят на софе» (и заставила обеих сесть). Потом спросила:

— Ну, как вы думаете, что они стали бы делать?

Они взяли друг друга за руки. Позвали ещё одну женщину, ей снова всё объяснили, она заставила Карлоса и его партнершу сесть ближе друг к другу и положила её голову на его плечо. Тогда пришла её очередь заменить сеньору Раушнинг и самой сесть рядом с Карлосом. Вошел один из мужчин, выслушал объяснение, заставил Карлоса поцеловать волосы женщины и потом сам сел на его место. Так все входили один за другим. Когда дошла очередь до Манеки Дантас, ему пришлось держать на руках Гуни, которая улыбалась, вскарабкавшись ему на колени. Бравый старик вспомнил старые времена, он весь дрожал и даже вспотел, а когда Сержио сменил его, просто шатался. Сержио держал Гуни на руках и был взбудоражен. Вошла Жульета, заставила Гуни обнять Сержио за шею и прижаться лицом к его лицу, она знала, что ей придется сменить Гуни. А когда она села на её место и пока они ожидали прихода Рейхера, который должен был внести новые изменения, она тихонько поглаживала Сержио по затылку. Губы Сержио касались лица Жульеты. Кругом все смеялись, все находили игру очаровательной. Карлос мрачно взглянул на гостей и предложил пойти танцевать, он считал, что это глупая игра.

Праздник длился до утра. За тёмными окнами не видно было дождя. Гуни танцевала какой-то непристойный танец, задирая юбку. У Альдоуса на лице были следы губной помады, зато на губах вдовы Бастос помады явно не хватало. Карлос менял пластинки, агроном отпускал всё те же плоские шуточки, которые имели успех у сеньоры Раушнинг. Жульета и Сержио разговаривали, сидя на софе. Она обещала завтра позвонить ему.

Сержио вышел вместе с Манекой Дантасом. Этот праздник в высшем обществе взрывал все представления полковника о семье. Манека уже читал где-то (он не помнил где) о кризисе, угрожающем семье, об опасности её разложения. Он слышал также проповедь епископа,

посвященную этому вопросу, очень красноречивую проповедь. Но сегодня он собственными глазами увидел разложение семьи. Он был потрясен и все свои чувства выразил в одной фразе:

— Это конец света, сеньор Сержио, это конец света!

— И кончится новым всемирным потопом, полковник. Вы только посмотрите, как льёт...

Но полковник Манека Дантас не шутил; в его голосе был испуг, и в глазах застыло выражение ужаса от всего, что ему пришлось увидеть.

— Это конец света...

ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН

1

Три года подряд цены на какао росли. Повышение началось внезапно, после начала дождей, словно его принесли в чреве своём чёрные тучи, заполнившие небо над городом и над полями. Это были три года, на протяжении которых город Ильеус и вся зона какао утопали в золоте. «Деньги тогда потеряли свою цену», — говорил о тех временах полковник Манека Дантас несколько лет спустя. Ильеус и вся зона какао утопали в золоте, купались в шампанском, спали с французженками, приехавшими из Рио-де-Жанейро. В «Трианоне», самом шикарном из городских кабаре, полковник Манека Дантас зажигал сигары билетами в пятьсот тысяч рейс, как делали когда-то местные богачи-плантаторы в период подъема цен на кофе, каучук, хлопок и сахар. Проститутки, даже самые истрепанные и опустившиеся, получали в подарок ожерелья и кольца. На кораблях, приходящих в Ильеус, Итабуну и Итапиру, в порт Канавиейрас, в Бельмонте и Рио-де-Контас прибывали самые невероятные грузы и самые странные пассажиры: джаз-банды и дорогие духи, парикмахеры и массажисты, садовники, агрономы, саженцы фруктовых деревьев из Европы, авантюристы и роскошные автомобили. Это было невиданное зрелище, какое-то карнавальное шествие.

Повышение началось вместе с началом дождей, спасших ранние плоды. Капитан Жоан Магальяэс заслужил славу проницательного человека, потому что, как утверждали люди, ехавшие как-то раз с ним вместе в автобусе, капитан предсказал повышение цен раньше всех. Уже много лет цены на какао безнадежно держались на одном и том же уровне: от четырнадцати до пятнадцати тысяч рейс за арробу, самое большее по девятнадцати, когда выдавался удачный год. И даже так это была чрезвычайно выгодная культура, она давала большие доходы и обогащала помещиков. Внезапно цены начали расти с головокружительной быстротой. По правде сказать, вначале никто и не пытался понять причины этого неожиданного повышения. Только несколько месяцев спустя коммунисты разбросали свои первые листовки, разоблачавшие замыслы экспортеров какао. Вначале же всех охватило изумление, сменившееся вскоре кипучей жадной деятельностью. С девятнадцати тысяч за высший сорт цена на какао в один месяц повысилась до двадцати восьми тысяч пятисот с доставкой.

Через два месяца платили уже по тридцать за арробу. В каждом взгляде горела жажда наживы, корабли каждый день привозили какую-нибудь новинку в Ильеусский порт. У грузчиков было столько работы, что рук не хватало. В середине года какао снова резко поднялось в цене, и в конце урожая его продавали уже по тридцать пять тысяч за арробу. «Слишком много денег», — говорил доктор Руи Дантас за стаканом джина: рост цен внёс резкие изменения в его жизнь, как и в жизнь всех других обитателей зоны. Когда какао стали продавать по тридцать пять тысяч, все решили, что повышение цен достигло высшей точки: больше цены не поднимутся. Только Жоаким и его товарищи знали, что это было лишь началом торговой авантюры, которая не только повлияет на жизнь отдельных людей, но перевернёт всю зону какао, изменит весь её облик. Новый урожай принёс новые неожиданности: цена на какао возросла до сорока двух тысяч. Со временем она достигла пятидесяти, а высшая цена была пятьдесят два. Но это последнее повышение (это было на третий год) уже никого не удивило: всё было возможным в этих краях, полных чудес... Последний год цена на какао упорно держалась на сорока восьми тысячах рейс и ни разу не упала. Казалось, что она никогда не упадет. Потом всё повернулось с ужасающей быстротой, и настало время, которое поэт Сержио Моура называл впоследствии «эпохой нищих миллионеров».

Сохранилась фотография Ильеусского порта, относящаяся к периоду повышения цен, которую и потом воспроизводили столичные газеты, говоря о каком-нибудь событии, касающемся «Короля Юга». Порт заснят с вершины холма Конкиста, и на фотографии видны восемь кораблей разных типов и размеров, теснящихся в маленькой гавани почти что один на другом, три приземлившихся самолета, барки, рыбацьи шлюпы, парусники. Видна на фотографии и толпа, снующая по пристани и портовым улицам. Может быть, это было заснято в особенный день, но весь период повышения цен был особенным, словно какой-то долгий и необычный праздник. В эти годы префектура серьезно занялась уже раньше поднимавшимся вопросом о переустройстве порта и задумала уничтожить старую маленькую гавань, неудобную для причала и опасную для судов, и построить новую пристань в той части города, которая выходила прямо на море.

Особенно много об этом говорили после катастрофы с яхтой «Итакаре», потерпевшей крушение у входа в гавань однажды утром во время бури. Жертв было очень много. Яхта шла переполненная, как все суда, входившие в этот волшебный порт в те времена особого великолепия, когда какао шло по пятьдесят тысяч. На яхте ехали джаз, проститутки,

полковники, студенты и адвокаты. Ехали также иммигранты; джаз играл перед самым кораблекрушением. Об этой катастрофе сложили абесе. В одном из них пелось:

В августовское утро ненастное,
едва лишь девять пробило,
случилось несчастье ужасное,
как оно всех поразило!
Погибла в пучине морей
яхта «Итакаре».
В Ильеусе это было.

Это событие потрясло жителей Ильеуса. Но нужно сознаться, чтобы не погрешить против истины, что они говорили о страшной катастрофе не без гордости, — они начинали привыкать к тому, что в Ильеусе всё принимало грандиозные размеры: состояния богачей, скандалы, строительство, подлоги, праздники, а теперь и бедствия. В этот месяц как раз не было никаких сенсационных новостей, и газеты Баии, а также самые крупные газеты Юга, Рио и Сан-Пауло, уделили много места печальному происшествию, одна из них даже послала в Ильеус специального репортёра, который прилетел на самолете, беседовал с потерпевшими и нащелкал много фотографий. В абесе говорилось, что день, когда произошло кораблекрушение, «был праздничным днём» в Ильеусе.

Уже этот репортер в нескольких написанных им заметках отмечал оживление торговли и подъем, царивший в городе и во всей зоне какао. Гибель «Итакаре» не смогла рассеять радостное возбуждение, овладевшее местными жителями, какое-то лихорадочное состояние, которого они не знали раньше. Не рассеяли его и скандалы, потрясавшие Ильеус в течение всего периода повышения цен.

Несколько лет спустя, когда торговая лихорадка немного успокоилась и в Ильеусе после высокого взлета и быстрого падения снова установились прочные цены на какао, профессор одного из иностранных университетов, обследовавший состояние экономики северо-востока Бразилии (он потом опубликовал у себя на родине книгу по этому вопросу), провел несколько дней в зоне какао, изучая её особенности. Один из друзей, живший в Сан-Пауло, направил его к местному коммерсанту, которого знал лично. Тогда только что начинали заживать раны, нанесенные городу и соседним муниципальным округам недавно закончившимся катастрофическим

падением цен. Но причиной бедствий все считали не падение цен, а предшествующий ему подъем.

...Иностраный профессор, в круглых очках, похожий на вытянувшегося не по возрасту мальчика, с живостью повернулся к коммерсанту, своему чичероне, как будто хорошо осведомленному. Вынув блокнот и карандаш (это было в баре), профессор спросил, жаждая статистических данных и цифр:

— Какие факты являются характерными для периода повышения цен? — Твёрдое, металлическое произношение профессора, изучившего португальский язык по учебнику перед тем, как сесть на корабль, составляло странный контраст с его наружностью наивного ребёнка.

Коммерсант подумал немного и ответил:

— Скандалы... О, сеньор доктор, это были скандалы один хуже другого... Никогда еще не было столько скандалов подряд... Мужчины словно потеряли голову, и женщины тоже. Все семейные устои полетели в пропасть. Отец ссорился с сыном, муж с женой, сноха со свёкром... Женщины ходили по улицам голые — ну, прямо голенькие, сеньор доктор, поверьте! Честные мужчины бросали семьи из-за женщин легкого поведения... У замужних дам стало модой заводить любовников...

Профессор экономики из иностранного университета даже рот раскрыл от удивления. Коммерсант развёл руками, он сам был взволнован:

— Никогда я не думал, что увижу что-либо подобное. Если бы мне кто-нибудь другой про все это рассказал, я бы подумал, что он лжёт. Но я это сам видел, вот этими глазами, которые поглотит сырая земля... Страшные дела, сеньор доктор, страшные дела...

И коммерсант все свои чувства выразил в одном трудном слове, которым хотел показать иностранному профессору, что он не такой невежда, как можно подумать с первого взгляда:

— Пандемониум, сеньор доктор, пандемониум...

Профессор изумленно таращил глаза под очками, он был похож на испуганного ребёнка. Он не узнал от коммерсанта ни одной цифры, но в течение длинного вечера, за стаканом виски, он услышал самые ужасные истории, которые когда-либо довелось слышать профессору экономики.

Во время повышения цен строительная лихорадка охватила не только Ильеус, но также Итабуну, Пиранжи, Палестину и Гуараси, многие города и поселки. Участки земли стоили огромных денег — дороже были разве что в Рио-де-Жанейро. Полковник Манека Дантас ухлопал пятьсот conto на постройку особняка в Ильеусе (подарок доне Аурисидии, чтобы ей хорошо жилось под старость), который продал в период падения цен за сто

двадцать, да и то с большим трудом. Прокладывались новые улицы. В Итабуне построили маленькую радиостанцию, на площадях установили громкоговорители. Вскоре в Ильеусе тоже появилась своя радиостанция. Между обоими городами началось всё возрастающее соперничество, проявлявшееся в газетной полемике, на футбольных матчах и новогодних праздниках.

У полковников неожиданно оказалась на руках куча денег, с которыми они не знали, что делать. Всю жизнь они завоевывали землю, сажали на ней какаоовые деревья, покупали новые плантации, собирали урожай; доходы уходили на издержки по дому, на обучение детей и на необходимые усовершенствования в фазендах. Теперь у полковников оставалась масса свободных денег. И так как не существовало больше земли, которую можно было бы завоёвывать, а покупать было и совсем нечего, то они просто не знали, куда девать деньги. Они кутили в кабаре, играли в рулетку, в фараона, в баккара, но больше всего играли на бирже. Это была азартная игра, и они играли без устали, с той безграничной удалью, которая была всегда им свойственна, и с безграничным невежеством. Они ничего не понимали в этой игре, но считали, что она достойна их и эпохи, в которую они живут. Стоимость фазенд поднялась гораздо выше, чем предполагал старший Раушнинг: цена на плантации увеличилась не в четыре раза, как он предсказывал, а в десять. Те, кто имел землю, и слышать не хотели о том, чтобы её продать. А купить желали многие. Люди приезжали со всех концов страны, с юга и с севера, в надежде приобрести фазенду какао. Когда доктор Антонио Порто продал свои плантации (он был вынужден уехать на юг из-за позорного поведения жены, которая вышла из дому вслед за своим любовником и прошла полуголая по улицам Ильеуса в разгар делового дня), ему заплатили баснословную цену. Он получил огромные деньги за каждый квадратный метр своих плантаций, но зато за всё время, пока стояли высокие цены, больше никто не продал землю. Какао было всё равно что золото, самая выгодная в мире культура, лучшее употребление капитала. Местные жители говорили об этом с гордостью.

Если и прежде на улицах Ильеуса можно было встретить много нездешних лиц, то в эпоху повышения цен в зону какао повалила целая толпа людей со всех сторон. Люди, приезжающие в поисках работы и богатства, и просто авантюристы, которые не хотели упустить выгодный момент. В те времена опустели кварталы Аракажу, Баии и Ресифе, где жили проститутки; корабли и яхты приходили набитые женщинами — белыми, негритянками и мулатками, местными и иностранными, жадными до денег, крикливыми, которые, уже выходя на пристань, улыбались во весь рот, а

ночью пили шампанское в кабаре и помогали полковникам играть в рулетку.

Пять кабаре наполняли шумом бессонные ночи Ильеуса. «Трианон», занимавший первый этаж дома, выходящего на море, был роскошным кабаре, где собирались отчаянные игроки и куда были вхожи почти только полковники и экспортеры, где бывали самые дорогие куртизанки, француженки и польки из Рио-де-Жанейро, готовые научить щедрых полковников самым утонченным порокам. «Батаклан» был более демократичным. Это кабаре находилось на улице Уньян, против порта. Хотя, впрочем, и там преобладали полковники, заполняя игорные залы. Зато в танцевальных залах собирались студенты, приехавшие на каникулы, коммерсанты, только начинающие свою торговую жизнь, служащие из контор коммерческих предприятий. Это было самое старое кабаре, единственное, которое уцелело после падения цен и существовало ещё долго. В «Эльдорадо» собирались в ночи кутежей служащие торговых предприятий. Это было весёлое и интимное кафе, где пили скромное пиво и где женщины были только местные. «Фар-Вест», на Жабьей улице, привлекало надсмотрщиков, приехавших из фазенд, мелких землевладельцев, портовых рабочих и моряков. Хозяин кабаре метал банк засаленными картами в задней комнате. Иногда бывали скандалы, вмешивалась полиция. Одно время «Фар-Вест» даже закрыли, но потом открыли снова. Там царила Рита Танажура, с широченным задом, которая пела самбы и танцевала на столе. Тощий и женоподобный «cabare-tier»^[18] представлял её как «лучшую исполнительницу самбы», несмотря на то что это кабаре было первым, где она выступала, и приехала она в Ильеус вместе с семьёй одного богача, где служила кухаркой. А однажды какой-то влюбленный надсмотрщик в пьяном виде выстрелил ей пониже спины, в то самое место, которое так соблазняло его. В «Батаклане» блистала другая знаменитая женщина, Агриппина, тощая и порочная, танцевавшая убийственные танго и сводившая с ума романтичных студентов. Её прозвали «вампиressa» за её загадочный взгляд, и какой-то студент даже посвятил ей любовный сонет. Более бедный люд посещал «Рети-ро» — грязное кабаре на пристани, где даже пиво считалось роскошью. Туда ходили рабочие, батраки с плантаций, приезжающие в город, бродяги и воры. Слепой музыкант играл на флейте, а иногда кто-нибудь из посетителей перебирал струны гитары. Было время, когда юноши высшего света, студенты из богатых семей, приехавшие на каникулы, зачастили в «Рети-ро» в поисках экзотики. Хотя, впрочем, они ходили туда, только пока

Роза, покинутая Мартинсом, выступала там как garco-nette.^[19] Ходили из-за нее, она была невиданным цветком в этом грязном кабаре бедняков.

Из «Трианона», в дни больших кутежей, когда Карбанкс находился в городе, воодушевляя всех своим присутствием, выходила праздничная процессия терно Иписилоне, самое нелепое и скандальное развлечение из всех, придуманных в Ильеусе, городе Сан Жоржи, в период подъема цен на какао. Развлечение это состояло в том, что ранним утром, когда город еще спал, пьяные мужчины и женщины снимали брюки и юбки и, полуголые, выходили из кабаре и направлялись на улицы, где жили проститутки, распевая непристойные песни. Эти песни нарушали легкий сон старых дев и порой пугали монахинь, направлявшихся к утренней обедне. Через монахинь слухи об этих ужасах доходили до епископа. Епископ и священники с церковных кафедр проклинали жителей Ильеуса за их несправедную жизнь. Они произносили грозные проповеди, в которых говорилось, что этих нечестивых ожидает адский огонь. Но с началом повышения цен сильно подвинулось вперед строительство нового собора, башни его устремлялись в небо, жители Ильеуса утверждали, что это будет самая грандиозная церковь на юге штата.

Вместе с ростом цен начали процветать спиритические кружки, перебравшиеся с окраин в цивилизованный центр города и опутавшие его целой сетью спиритических сеансов. На кораблях приезжали знаменитые «медиумы», ясновидцы и чудотворцы. Если, зайдя в кабаре, вы не встречали там полковников, это означало, что они сейчас на спиритическом сеансе. Они ходили советоваться с духами насчет игры на бирже. Очень возросло также влияние фашистской партии — интегралистов, вожди которой начали большую финансовую кампанию. Они маршем проходили по городу, одетые в зелёные рубахи, и объявляли, что либеральной демократии пришёл конец.

Префектура построила большой стадион (пресса утверждала, что этот стадион — лучший на севере страны), где команды Итабуны соревновались с командами Ильеуса в бурных футбольных матчах. Были проложены новые мощёные улицы, для чего пришлось срубить последние пальмы на берегу. Из Рио-де-Жанейро приезжали специалисты, читали лекции и делали доклады. Кто-то назвал их «бродячими торговцами культурой», намекая на неимоверное количество бродячих торговцев, наводнивших Ильеус самыми разнообразными товарами: они приезжали на каждом корабле, пристающем в Ильеусском порту, привозили всё что угодно и всё что угодно умели продать. Деньги были, надо было только придумать, на что их тратить. Самолёты уходили полные и приходили полные. Корабли

тоже. Появились врачи и адвокаты, они разъезжали по самым глухим селениям. Шоссейные дороги протягивались всё дальше в глубь зоны, и по ним мчались туда и обратно переполненные автобусы. В них ехали сирийцы с коробом на плечах — бродячие торговцы, будущие владельцы лавок в посёлках. Полковники обогащались и сорили деньгами. Они вдруг увидели воочию результат усилий, затраченных ими тридцать лет назад, во время завоевания земли. Игра стоила свеч, кровь убитых была пролита не даром. Завоеванная земля дала золотые плоды.

Когда как-то раз поэт Сержио Моура хотел охарактеризовать годы подъёма цен, он сказал:

— Это было такое поразительное время, что даже две книжные лавки открыли в Ильеусе!..

2

Скандалы, о которых коммерсант рассказывал профессору иностранного университета, начались «шулерским ходом», проделанным Пепе Эспинола с полковником Фредерико Пинто, когда началось повышение цен. У Пепе наклеивалось выгодное дело, тогда как раз основалось общество, собиравшееся открыть кабаре «Трианон», и ему нужны были деньги. Аргентинец надеялся, что теперь-то он обеспечит себя до конца жизни. Как он мечтал в последнее время о спокойном доме (ну, вроде дома его родителей) где-нибудь на окраине Буэнос-Айреса! Может быть, в квартале Чакаритас. Дом старого холостяка, деньги в банке на расходы — и его родной город, который он считал потерянным навеки. Его танго, театры, кабаре, море огней на улицах — всё то, что кануло в прошлое и так манило к себе. Вот если он теперь откроет шикарное кабаре с узким кругом посетителей, с игорным столом и шампанским, с женщинами из Рио... В нём он видел возможность осуществления своей, верно, слишком уж смелой мечты.

На это дело и пошли те деньги, которые полковник Фредерико Пинто дал Пепе, чтобы он вернулся в Аргентину. Тогда весь Ильеус смеялся по этому поводу.

...Было около одиннадцати, когда Пепе оставил Рун Дантаса в «Батаклане» и пошел домой. За обедом он сказал, что вернётся лишь утром. Полковник Фредерико Пинто обедал с ними и хвалил рыбу, предвкушая ночь любви в объятиях Лолы. Все знали ночные кутежи Пепе, на которые, в начале этой комедии с Фредерико, Лола горько жаловалась, проливая слёзы,

которые она умела вызывать по заказу. Когда Пепе шёл в кабаре, он возвращался только под утро. Не было даже необходимости предупреждать об этом. Полковник беззаботно лег в постель со своей любовницей. Он и не заметил, что Лола грустна, чем-то обеспокоена и, словно пристыжённая, не смотрит ему в глаза.

Когда Пепе неожиданно вошел, полковник растерялся. Это не был страх — Фредерико был человеком, закалённым в схватках с врагами, он привык к перестрелкам, во время которых кровь лилась потоками. Но когда он увидел гнев и отчаяние Пепе, он так растерялся, что жалко было на него смотреть. Ему было стыдно перед обманутым мужем, угрызения совести и какая-то печаль терзали его. Пепе знал, что ему не удастся запугать полковника. Если он попытается это сделать — всё пропало, потому что Фредерико примет бой. Поэтому он решил разыграть сцену в патетическом духе и заранее тщательно её продумал. Отворив двери, он посмотрел на Лолу и Фредерико, закрыл лицо руками и воскликнул по-испански:

— Мне говорили, но я не поверил... Не поверил!

Это был крик отчаянья, рыданье, наполнившее комнату; полковник почувствовал, что его точно в грудь ударили, ему стало стыдно. Пепе упал в кресло и мучительно стонал, он коверкал слова, стараясь говорить по-португальски:

— Полковник, я никогда этого от вас не ожидал... Я верил вам, как родной матери... Никогда не ожидал... Ни от вас, ни от неё...

Фредерико посмотрел на него: у Пепе в глазах стояли слёзы, он был в ужасном состоянии. Полковник чувствовал себя униженным своим поступком, он не знал, что делать. Ему хотелось утешить Пепе, он чувствовал уважение к аргентинцу. Пепе продолжал:

— Я думал, что она любит меня... Что вы — мой друг... Я никогда не ожидал... — Он повернулся к Лоле, крикнув возмущённым голосом: — Подлая!

Только тогда полковник заговорил и лишь для того, чтобы доказать, что Лола не виновата. Маленький, нервный, он казался очень смешным, когда, стоя голый среди комнаты, защищал Лолу, Пепе с трудом сдерживался, чтобы не засмеяться, хотя фальшивые слезы продолжали струиться по его лицу. Лола спряталась под одеяло, и Пепе думал, что это с трудом сдерживаемый смех заставлял так колыхаться простыни на груди возлюбленной. Полковник Фредерико Пинто был очень взволнован и весь дрожал. Пепе проливал слёзы, плача от смеха.

К соглашению они пришли легко. Полковник даст двадцать конто, чтобы они могли вернуться в Аргентину («Эти путешествия за границу

очень дороги», — объяснил Пепе) и начать там новую жизнь. Только пусть Пепе не приводит в исполнение своей угрозы и не порывает с Лолой.

— По-настоящему я это и должен был бы сделать, полковник... Я из-за вас этого не делаю.

— Это было безумие... — объяснял Фредерико.

Завтра же у Пепе будут деньги. Полковник оделся на глазах у Пепе, стгорая со стыда, и назначил встречу на завтра, в баре. Он всё ещё извинялся, «потерял голову», говорил он. Пепе вытирал глаза, Лола тяжело дышала, простыня отдернулась, обнажив её бедро. У двери полковник обернулся и взглянул на это белое бедро. Потом грустно покачал головой и вышел. Хлопнула входная дверь, звук шагов Фредерико потерялся вдали, Пепе растянулся на постели, раскинув руки.

— Я устал...

Но вдруг он резко приподнялся на постели, потому что Лола громко плакала, уткнув лицо в простыню.

— Что с тобой? Ты о чём?

Голос Лолы был глухим от слёз:

— Этот меня любил, Пепе, любил...

— Все тебя любили, глупая...

— Нет. Этот меня любил по-настоящему. Жалко мне его! Бедный... Такой хороший... Как ребёнок...

Она вскинула на Пепе свои большие, залитые слезами глаза и сказала:

— Пепе, я не знаю, как я выдерживаю эту жизнь... Такая грязная жизнь, такая гадкая... Если бы я тебя не любила, я давно бы... Не знаю, я, наверно, убила бы себя... Да, убила бы... Я вся грязная, у меня даже душа грязная, Пепе... Грязная...

Пепе взял её руку в свою. Он вспомнил Шикарного. Он протянул другую руку и погладил белокурые волосы Лолы. Погладил тихонько, осторожно, с бесконечной нежностью:

— Нужно иметь характер!

Она глухо плакала, закрыв лицо простыней.

3

Из рук полковника Фредерико Пинто, грубых и страстных рук сельского жителя, Лола Эспинола перешла в руки доктора Руи Дантаса, мягкие руки бакалавра, пишущего стихи. Пепе с головой ушёл в дело устройства кабаре, нанял женщин на Юге. За игорным столом и

танцевальным залом «Трианона» скрывался публичный дом с привезенными из других мест женщинами — главный козырь Пепе, основная статья его дохода. Только тогда в Ильеусе поняли, какова настоящая профессия Пепе. Дом, где он содержал своих женщин, посещали экспортеры и богатые полковники. Легче было придраться к чему угодно в Ильеусе, чем затронуть «гнездо любви», как называл Карбанкс этот полулегальный публичный дом. Поэтому ни к чему не привели старанья полковника Фредерико Пинто обратить на этот дом внимание префекта и полиции, чтобы добиться высылки Пепе из города.

— Кто ж велел полковнику быть таким глупым... — говорили жители Ильеуса, на всех перекрестках обсуждавшие недавний скандал. Этот скандал доставил всем большое удовольствие, и даже одно время по городу ходила ядовитая эпиграмма, начинавшаяся так:

Решил Фредерико Пинто,
что Лола — замужня дама...

Полковнику сказали, что эпиграмма принадлежит перу Сержио Моура; впрочем, в Ильеусе поэту приписывали массу вещей, к которым он не имел никакого отношения. Позднее сам Фредерико установил, что автор эпиграммы — Зито Феррейра, которому он сам рассказал о случившемся в баре под пьяную руку в ту самую ночь, когда Пепе проделал с ним «шулерский трюк» и когда Фредерико ещё думал, что разрушил счастье семьи.

После скандала полковник некоторое время не выезжал из своей фазенды. Но вскоре он вернулся и рассказывал в барах о своих приключениях с молоденькими мулатками, которых он покорил на плантациях. Одной из них, по имени Рита, он построил дом в посёлке. Но он никому не разрешал напоминать ему о случае с Лолой, при одном намеке он выходил из себя. Он уверял, что еще отомстит «этому мошеннику-гринго». Однако, по правде сказать, когда полковник вернулся из своей фазенды, уже никто не вспоминал об этом происшествии. «Дежурным блюдом», как говорил терзаемый ревностью Рейнальдо Бастос, была связь Жульеты Зуде с поэтом Сержио Моура. Мстя за эпиграмму, которую он всё ещё приписывал Сержио, полковник Фредерико Пинто ходил из бара в бар, от одних к другим, рассказывая пикантную новость. И всюду он находил благодатную, очень благодатную почву для язвительных сплетен. Многие не любили Сержио Моура. Что же касается Жульеты,

надменной и державшейся всегда в стороне, то её просто не выносили. Замужние женщины, старые девы, регулярно посещавшие церковь, даже девушки на выданье, втайне завидовавшие Жульете, относились к ней с каким-то инстинктивным недоверием. У них не было с ней ничего общего, она была словно иностранкой в их среде. Её ставили в один ряд с Лолой, с той только разницей, что с Жульетой раскланивались очень почтительно, так как она была женой Карлоса Зуде, одного из самых видных экспортеров какао. Жульета курила, разгуливала в шортах на пляже по утрам, выходила в брюках на улицу, свободно разговаривала с мужчинами; с дамами из местного общества у неё были весьма далёкие и холодные отношения. Её манеры и её платья обсуждались на всех балах Общественного клуба и всех страшно шокировали. Полные преувеличений слухи об интимных вечерах в доме Карлоса Зуде, на которые приглашали англичан и шведов, немцев и швейцарцев, повторялись за столиками кафе и у семейных очагов. Рейнальдо Бастос, который со времени разговора с Жульетой жил надеждой на её улыбку, а то и на что-нибудь большее, теперь с ума сходил от бешенства, видя, что она влюблена в другого. Он всем рассказывал, что однажды случайно встретил в книжной лавке Жульету, покупающую книги Фрейда. И тем, которые не знали, кто, собственно, такой этот Фрейд, сообщал таинственным шёпотом:

— Это автор порнографических романов...

Объяснение это заставило Зито Феррейра дать Рейнальдо урок психоанализа (за который Зито сорвал потом куш в пятьсот тысяч). Когда Жульета проходила по торговым улицам, отвечая сухим, короткий кивком на любезные приветствия клиентов фирмы «Зуде, брат и К°», ее провожали ехидными улыбками и двусмысленными замечаниями. И нашлись люди, не поленившиеся посчитать, сколько раз в день она проходила мимо Коммерческой ассоциации, сколько раз Сержио Моура подходил к окну и сколько раз они улыбнулись друг другу.

— Стыда у неё нет... — говорили.

Но фирма «Зуде, брат и К°» платила самые высокие цены за какао, и все хотели быть её клиентами. И поэтому все сгибались в любезнейшем поклоне, когда Жульета, не подозревавшая, что является предметом скандальных слухов, показывалась в конце улицы, строгая и красивая, со своим испанским лицом, томным взглядом и чёрными волосами. Она спокойно входила в двери Коммерческой ассоциации, пугая машинистку и счетовода, веселая и беззаботная.

Говорили, что, верно, не раз она валялась с поэтом на диванах Ассоциации. Руи Дантас, у которого были старые литературные счёты с

Сержио Моура, придумал заменить местное жаргонное выражение «холостяцкая квартира» словом «ассоциация». Когда он отправлялся в какой-нибудь публичный дом, то объяснял тем, кто в этот момент находился рядом с ним:

— Я иду в Коммерческую ассоциацию...

Эта острота имела большой успех в барах Ильеуса, и её повсюду повторяли. Вскоре, однако, новые скандальные истории оттеснили на задний план сплетни о Сержио и Жульете.

Связь Сержио Моура с женой Карлоса Зуде действительно началась в Коммерческой ассоциации. Жульета зашла как-то вечером, когда у неё было очень плохое настроение. Потому-то она и пришла, не боясь пересудов, как человек, разочаровавшийся в медицине, отправляется в отчаянии к знахарю, не думая, что станут говорить люди.

Они поцеловались в первый раз в зале заседаний: Жульета думала, что новизна этой связи излечит её от вечной тоски. «Больше я никогда к нему не приду», — думала она, пока он медленно, осторожно целовал её — сначала в глаза, потом в щеки, потом в ухо. Поэт опустился в председательское кресло, то самое, в котором сидел Карлос Зуде, объясняя свою идею другим экспортёрам, и Жульета села к нему на колени. Поэт вдыхал запах её волос, прятал лицо в этих темных волосах, чувствуя запах её тщательно вымытого тела, смешанный с ароматом дорогих духов. Она прижималась к нему, возбуждённая, забыв обо всём на свете. Она закрывала глаза — может быть, потом грусть, тоска, хандра вернутся с новой силой, думала она. Но хоть на несколько часов пройдёт это бессмысленное томление, эта неизъяснимая боль, пустота, которая её убивала...

Сумерки опустились над городом, в зале стало совсем темно. Сержио не зажигал огня; он поцеловал Жульету в левое плечо, расстегнув ворот её платья. Она дрожала от волнения, и первый момент их страсти был резок и груб, словно испуганно-поспешная любовная встреча негра с мулаткой на песке побережья. Он взял её на руки и отнес на диван, она почему-то вздохнула... Потом Жульета подумала, что надо что-нибудь сказать.

— Ты меня любишь?

Это притворство необходимо, решила Жульета. Она чувствовала, что обязана сказать ему эту фразу за то, что он излечил её от хандры. Как жаль, что нельзя просто прийти сюда, быть с ним, а потом уйти, излеченной, чувствуя легкость во всём теле, смотреть, как умирает солнце над морем, и ничего не говорить, ни за что не платить.

Но ей казалось, что это невозможно, и она начала притворяться.

— Ты меня любишь?

Но Сержио действительно её любил, да и гордость его не была бы удовлетворена, если бы он её не завоевал, и теперь он чувствовал, что нужно удержать её. И он не ответил. Он понимал своим тонким чутьем, что, если он ответит, они станут оба притворяться и Жульета больше никогда не придёт.

И он начал говорить о другом, об искусстве и поэзии, рассказывал ей сказки, очаровательно-наивные сказки о цветах и птицах, которые он собирал среди деревенских жителей в своих поисках фольклора. Он дал волю своей фантазии, безудержной и безумной, которая покорила Жульету. Он был горд близостью с молодой, красивой женщиной, которой был давно увлечён, и хотел удержать её возле себя. Он, может быть, и не сразу сумел понять Жульету до конца, но он угадывал её, как по легкому дымку над деревьями угадывают, что в лесу разожгли костер.

Может быть, до первого момента близости и долгого взволнованного разговора, последовавшего за ним, чувство молодой, нервной и богатой женщины к поэту, который казался ей непохожим на всех других мужчин в городе, было обречено на такое же короткое существование, как и чувство, связывавшее её с прежними любовниками. Наверно, она любила бы его недолго, ведь у неё уже были раньше два любовника, и она шла к ним, гонимая той же жаждой заглушить мучившую её тоску, как-нибудь заполнить время. Эту ужасную тоску могла разогнать только минута страсти, после которой она чувствовала себя отдохнувшей и успокоившейся. Но скоро она теряла всякий интерес к любовнику, он оказывался таким же, как Карлос, всё это было одно и то же и не могло рассеять её.

Однако на сей раз всё сложилось иначе, и Жульета почувствовала это, когда после первого страстного порыва Сержио заговорил, безумно и радостно, произнося потоки горячих слов, которые казались живыми существами.

Это был новый мир для Жульеты Зуде, мир, о существовании которого она никогда даже и не подозревала. И этот мир был прекрасен, в нем были новые, неожиданные ценности. Всё, что казалось ей до сих пор главным в жизни: деньги, роскошь, коммерческие дела, коктейль, праздники, — всё это утонуло в презрении Сержио Моура, освободив место другим ценностям, о которых Жульета внезапно узнала в полутьме ильеусских сумерек, в один из первых дней периода повышения цен. Он говорил о птицах и о книгах, о цветах и о стихах, о людях и о чувствах. Слова его, то весёлые, то безумные, то насмешливые, поражали Жульету, и ей было

бесконечно весело. И тогда она начала спрашивать. Она задавала самые различные вопросы, и на каждый он находил ответ. Она чувствовала себя как человек, который долго пробирался сквозь густой туман, и вдруг туман рассеялся и глазам путника предстали свежие луга, кристальные воды реки, весёлая пестрота пейзажа, необозримые богатства природы и жизни.

Сержио говорил так потому, что, робкий по натуре и дерзкий от робости, он не чувствовал себя просто в обществе других мужчин. Он заметил как-то, что разговор мужчин — это всегда борьба, где каждое слово имеет двойной смысл и почти всегда нелестный для собеседника. Это — словесная битва, в которой каждый хочет взять верх. Только раз в жизни у него не было такого ощущения — на том собрании коммунистов, куда он попал так неожиданно. Однако в разговоре с женщинами он сбрасывал маску иронии, под которой скрывал свою застенчивость, и тогда не было разрыва между ним и его поэзией, нежной и бунтарской, иногда похожей на стихи для детей. Он становился радостным и каким-то беззаботным, исчезала застенчивость, побуждающая его быть дерзким с мужчинами и шокировать Ильеус яркими цветами своей одежды.

В этот час его тянуло к Жульете, потому что она была красивая, тонкая, чувственная, потому что она была женой Карлоса Зуде, экспортёра, воплощавшего в себе всё, что Сержио ненавидел, и, наконец, просто потому, что она была женщиной и лучше могла понять его, чем мужчины. Он желал быть самим собой, хотя бы на несколько минут. Он хотел завоевать её, чтобы она снова вернулась и он мог снова целовать её, а потом говорить Жульета смеялась:

— Ты сумасшедший...

Она посмотрела ему в глаза, такие детские! Она увидела, что они горят желанием, поверила, что это любовь, и это ещё усилило радостное чувство восхищения, поднимавшееся у неё в груди. И тогда весь её восторг перешёл в желание, настойчивое и новое. Это уже не была жажда утопить свою тоску в страсти. Это было желание предаться всем своим существом кому-то родному и любимому, кому-то, кто был частью её самой. Это было большой радостью, и Жульета чувствовала в себе какую-то новую, неведомую силу. И она поцеловала поэта ласково, как влюбленная. А он расстегнул ей платье и целовал в грудь со все возрастающей страстью, которая казалась ей огромной нежностью. А когда она разделась, он принес орхидеи, красные и белые, пестрые и фиолетовые, все орхидеи, что распустились на диких кактусах в саду Ассоциации, и закидал её ими. Белое тело Жульеты совсем скрылось под этим цветным потоком.

Эту ночь, когда в таинстве чувственности Жульета обрела покой,

который никогда не могла найти, этот их первый, сладострастный и немного детский, порыв друг к другу Сержио Моура воплотил в свободном ритме одной из своих лучших поэм. «Расцвели орхидеи на белой твоей спине», «Губы твои коснулись чувственных орхидей...» В этой страстной игре, настолько утончённой, что она казалась чистой и почти детской, они провели грустные часы заката. Когда Сержио случайно сказал «рассвет» вместо «закат», Жульета не удивилась, потому что ей самой этот закат казался рассветом. И когда настала ночь и свет звёзд просочился сквозь перила балкона и стекла окон и лёг бликами на её тело, Жульета поняла, что этот человек — тот, кого она ждала. Он был воплощением образа, созданного её воображением, он был кудесником или богом, его милая голова была полна новых мыслей, и Жульета улыбалась ему, полная спокойной усталости после этой ночи любви. В своей поэме Сержио Моура писал про «губы, как ядовитые лепестки орхидей», «губы, узнавшие всю науку любви», но только в этот сумеречный час Жульета узнала, что губы способны создавать чудеса, рождая целые миры слов, миры, более реальные, чем скучный и бедный мир богатства, в котором она жила. И она сказала ему об этом позже, когда читала его поэму, похожую на колыбельную песню, поэму, озаглавленную: «Орхидея родилась в земле какао». И только тогда он понял Жульету до конца.

Птицы пели, вливая свои голоса в ритм вздохов любви, долгих, нежных и мучительных, раздающихся в зале.

И когда пришла ночь и они вытянулись рядом друг с другом, усталые, она стала умолять его, стремясь снова услышать о волшебном мире, которым он владел:

— Говори... Говори, я хочу тебя слушать...

4

В первый год повышения цен Антонио Витор думал только о Раймунде. Земля была уже вся распродана, покупать было нечего, и Раймунда считала, что надо положить деньги в банк. Раймунда была исключением в зоне какао: с первого момента она отнеслась к повышению цен с недоверием. Если бы её спросили почему, она не сумела бы ответить, она и сама не знала. Это не было влияние Жоакима, за последние месяцы она ни разу не видела его. Её мрачное лицо, становившееся с каждым днем всё мрачнее и мрачнее, представляло резкий контраст с бурной веселостью Антонио Витора. Антонио, как только началось повышение, подумал о

двух вещах: о новом доме на плантации (о «fazende», как он говорил, радостно думая о том, как поднимутся теперь в цене его земли) и о поездке в родные края, в Эстансию, после сбора урожая. Были у него и другие, менее важные планы, например, нанять побольше людей, чтобы он и Раймунда отдохнули наконец от тяжёлой работы на плантациях.

Он никогда не думал, что Раймунда так странно к этому отнесётся. Никак невозможно было вдолбить ей в голову, что супруге «помещика», «человека с деньгами», совсем не пристало работать, как жене батрака, разминать какао в корытах, словно бедный негр. Раймунда упрямо качала головой и смотрела на мужа с тревогой, словно опасаясь, что эти высокие цены на какао сведут его с ума. Повышение цен нарушило нормальный ход её жизни. Раньше им, правда, было трудно, пришлось много поработать, но как раз в последнее время их положение поправилось, у них было на что жить, земля их была уже обработана, плантации давали плоды. Теперь всё перевернулось, цены на какао вздулись, и Раймунде стало страшно за будущее. Она смотрела на мужа, носившегося со своими безумными проектами, и почти не узнавала его. Теперь вдруг вот ему пришло в голову, что она не должна работать на плантациях, что надо нанять новых батраков. Она ему даже ничего не ответила, когда он об этом заговорил, а наутро пошла на плантацию со своим ножом за поясом. Антонио Витор видел, как она вышла, и ему ничего не оставалось, как последовать за ней босиком, с серпом на плече. А ведь он не хотел больше ходить босиком, он собирался начать носить сапоги, чтоб быть больше похожим на помещика. Антонио Витор укоризненно качал головой, ворча, что «Мунда — отсталая женщина»: ему бы так хотелось видеть, что она отдыхает, что она хоть как-нибудь использует для себя доходы с их земли в этом году, когда какао стоит дороже, чем золотой песок. А цены на какао росли в Ильеусе с головокружительной быстротой.

Он начал строить новый дом. Он хотел, чтобы это был дом добротный, красивый. Раймунда была против, но Антонио не уступил, они поспорили, Антонио рассвирепел, вышел, оставил её одну... Она больше не вмешивалась. Из окон глинобитного дома она видела как строился новый, как аккуратно укладывались кирпичи, как смешивали известь с песком каменщики. Сперва выкопали глубокие рвы для каменного фундамента, потом из земли начали подниматься стены. Раймунда чувствовала неизъяснимую ненависть (или то был страх?) к новому дому. В один прекрасный день привезли новенькие алые черепицы, и Антонио стал громко звать жену:

— Мунда, эй! Мунда!

Она ответила из кухни:

— Ну, чего тебе?

— Пойди сюда, посмотри, какие черепицы...

Но Раймунда не хотела смотреть. Только вечером, окончив все дела по дому, она мельком взглянула на «французские» черепицы. Маленькие и блестящие, они были непохожи на обычные черепицы и, наверно, стоили уйму денег. Раймунда укоризненно мотала головой и тихонько ворчала в уголке. Когда поставили стропила для кровли, Антонио устроил праздник. Раймунда была уверена, что эта история с повышением цен пагубно повлияла на мужа. Да нет, он просто не в своём уме, да и только: в самый разгар сбора урожая он вдруг на целые полдня отпускает батраков, чтобы они могли прийти на праздник! Верхняя балка была украшена бумажными флажками, отверстия для дверей и окон заткнуты пальмовыми листьями. Было выпито много водки. Только Раймунда не появилась. Пришел Фирмо, пришли другие соседи — мелкие землевладельцы и работники.

Антонио Витор не помнил себя от восторга. Раймунда, одна среди плантаций, разрезала своим острым ножом плоды какао, которые работники собрали утром.

Ещё хуже пошло дело, когда прибыла дорогая мебель, купленная в Ильеусе, — кресла для гостиной, кровать с проволочной сеткой и с мягким матрасом, буфет, а также тарелки, стаканы и в довершение всего — радиоприёмник, «нечистая сила» (Раймунда один раз видела такой у доны Аурисидии). Антонио Витор был не в своём уме, этого мог не заметить только тот, кто не хотел заметить! Повышение цен лишило его рассудка. Так думала Раймунда, глядя, как распаковывали полированную мебель.

И вот настал день, когда надо было перебираться в новый дом. Дом был красивый, окруженный верандами, побеленный внутри и окрашенный в голубой цвет снаружи (как дом полковника Манеки Дантаса, который всегда так нравился Антонио Витору); хорошая мебель, пол без трещин, из новых досок. Из старого дома перенесли вещи, которые ещё могли послужить. В старом доме будут теперь жить работники и погонщики. Они уже пришли и ждали, когда Раймунда окончательно выйдет, чтобы расположиться там со своим скарбом. Но Раймунда медлила. У неё не хватало духу расстаться с этим домом, где она прожила тридцать лет, где она родила своих детей, где она каждую ночь спала со своим мужем. Она бродила по дому с болью в сердце, с пустотой в душе, исполненная какого-то беспокойства, которое она сама не умела объяснить, мучимая дурным предчувствием.

Во дворе стояли батраки со своими пожитками и ждали, когда она

выйдет. Они были довольны, что будут жить в этом доме. Там есть кухня, спальня, столовая. Это всё же лучше, чем тёмные хижины с очагом на полу, сложенным из четырех камней. Раймунда медлила. Она заглядывала в углы дома. Лучше бы Антонио не строил новую, столько денег ушло зря... Всю жизнь они прожили в глинобитном доме, зачем вдруг эдакая роскошь?

Антонио Витор пришел за женой:

— Пойдем же, Мунда. Люди ждут, чтоб ты вышла...

— Я сейчас, Аитоньо...

Она ещё раз взглянула вокруг себя. Покачала головой, ещё больше нахмурилась и шагнула к двери. Но Антонио Витор так сиял, ожидая её, чтобы отвести в новый дом, что она с болью в сердце заставила себя улыбнуться. Антонио говорил:

— Радио уже работает. Там один паренек говорит — прямо заслушаешься! Слово волшебство какое...

— Ты доволен? — спросила Раймунда.

Он засмеялся; она сказала:

— Тогда идём!

Но она так никогда в жизни и не привыкла к новому дому, к железной печи, так непохожей на старую, глинобитную, к удобной мебели, к тонким стеклянным стаканам, которые, чуть их тронешь, — лопаются. Она бродила по комнатам как чужая, садилась на краешек кресел, с недоверием глядела на радио и чувствовала себя счастливой, только когда отдыхала на веранде, сидя на длинной деревянной скамье, которую принесла из старого дома. Дочка приехала на несколько дней к родителям и была в полном восхищении. А Раймунда не смогла привыкнуть даже к кровати с этим мягким матрацем, который мешал ей уснуть. Целые ночи она не смыкала глаз, а наутро, идя на плантацию, чувствовала себя разбитой, с каждым днём всё больше старела, и лицо её становилось всё угрюмее и угрюмее. Только теперь на её некрасивом лице появилось выражение какой-то скрытой грусти, словно её мучили дурные предчувствия. Даже дочка ей сказала перед отъездом домой, к мужу:

— Мама, вы с таким лицом только беду накличете...

— Дай-то бог, чтоб она нас миновала... — отозвалась Раймунда.

Уже начинали замолкать разговоры о Сержио и Жульете (к их скандальной связи все привыкли), как вдруг Ильеус был потрясен вестью о

борьбе между полковником Орасио да Сильвейра и его сыном, доктором Сильвейриньей. Об этом сразу заговорил весь город. Орасио да Сильвейра, которого мало кто из молодого поколения видел собственными глазами, был легендарной фигурой. О нём говорили как о ком-то далёком, кто, однако, имеет большое влияние на все происходящее в Ильеусе, а также в соседнем городе Итабуне, в Пиранжи и в Гуараси, в Палестине и Феррадас, во всей зоне какао. Хозяин огромных земель, владелец избирательных голосов, префектур, полицейских инспекций... Его имя произносили с почтением, а иногда и со страхом.

Сильвейринью хорошо знали на улицах Ильеуса. Он ходил в зелёной рубашке, всегда нахмуренный, неприветливый, молчаливый. Каждый вечер его можно было видеть в баре вместе с Гумерсиндо Бесса, они спорили о политике и играли в кости. Потом его встречали в обществе Шварца, с которым полковник Орасио порвал, так как считал его одним из главных (если не самым главным) виновником поведения сына. Об этой ссоре между отцом и сыном говорили в течение долгих месяцев, и за судебным процессом со страстным любопытством следило население двух городов, люди держали пари, спорили на улицах. Адвокаты загребали кучи денег. Рассказывали о ловких подлогах, следовавших на протяжении процесса один за другим. После ссоры с сыном Орасио стал ненавидеть интегралистов. И так как в то время он был в дружбе с правительством и префект Итабуны был для него свой человек, он использовал удобный момент, чтобы избить нескольких зеленорубашечников. Это навлекло на него неудовольствие местного судьи, симпатизирующего фашистам, который очень повредил Орасио в деле с описью имущества его покойной жены Эстер.

Задев Орасио, экспортеры, в лице Шварца, финансировавшего дело Сильвейриньи, задели самого богатого и могущественного помещика, являвшегося символом всей мощи феодальных сеньоров земли какао. Но почти никто, исключая Сержио Моура, не раз обсуждавшего это дело с Жоакимом, не отдавал себе отчета в настоящем значении этой борьбы. Для большинства это был бурный судебный процесс, напоминающий старинные процессы времен завоевания земли. А когда все поняли, в чём дело, было уже слишком поздно, потому что жизнь зоны какао снова изменилась, и на сей раз причиной перемены явилось падение цен.

Все началось с того, что доктор Сильвейринья стал главой организации интегралистов Ильеуса, сменив прежнего главу, капитана торгового корабля Баийской компании. Никого не удивило восторженное (хотя и не единодушное) избрание молодого адвоката, все считали, что

здесь сыграло роль богатство его отца. Какао поднялось в цене неслыханно, как никогда раньше не поднималось; кто же лучше подходит на роль местного главы фашистской партии, чем сын самого богатого помещика? Кое-кто утверждал, что матерые фашисты тайно смеялись над Сильвейриньей. Но так или иначе, а он был избран, и ему дали личную охрану — четырёх здоровенных интегралистов, которые не выходили из кабаре и карманы которых были набиты деньгами. Когда «зелёные» начали финансовую кампанию, Сильвейринья открыл список, подписавшись на пятьдесят конто. Но этих денег у него на руках не было. Опись имущества Эстер (половина всех богатств Орасио) никогда не была произведена, полковник сам управлял всем имуществом. Сына ему удалось легко убедить:

— Все равно все тебе достанется, зачем платить адвокатам и делать опись?

Сильвейринья, собственно, никогда и не чувствовал нужды в описи, в деньгах и в землях. Он мог иметь всё, что хотел; правда, иногда Орасио ворчал на сына за то, что тот «швыряется деньгами», но всегда в конце концов подписывал чек. Иногда Сильвейринья ездил в Баню, там у него была любовница в одном из кабаре.

Сильвейринья подписался на пятьдесят конто и пошёл к Орасио просить денег. Это было в первый год повышения цен, какао шло по двадцать восемь тысяч рейс. Сильвейринья сел в поезд в Итабуне в дурном настроении: он предчувствовал, что полковник не захочет дать денег.

Отец и сын редко разговаривали друг с другом. Сильвейринья всегда боялся полковника, особенно с того дня, когда, будучи еще новичком в Баййском юридическом институте, он поссорился с одним студентом, тоже уроженцем Ильеуса, который в пылу спора крикнул, что Сильвейринья не сын Орасио, что у его матери был любовник, адвокат Виржилио... С этого дня Сильвейринья сделался ещё застенчивее и угрюмее, стал держаться ещё более замкнуто, чувствуя, как глухая ненависть растёт в его душе. Он никогда так и не узнал правды и ни с кем не хотел говорить о матери. Он так и не узнал, что в действительности он сын Орасио, что он родился раньше, чем Эстер познакомилась с Виржилио. Он был уверен, что родился от незаконной связи, и считал, что в нём нет ни одной черты отца, несмотря на то что внешне был похож на Орасио в молодости, когда тот был ещё погонщиком мулов и гнал их по недавно проложенным дорогам зоны какао. Но Сильвейринья не обладал ни храбростью, ни решительностью отца, он был не способен на смелые поступки. Он и раньше боялся Орасио, обращавшегося с ним грубо, а после разговора со студентом стал бояться

ещё больше. Он с ужасом представлял себе, как в один прекрасный день Орасио скажет ему, что кормит его из милости, что он — плод незаконной связи его матери с другим. И как, в один из своих припадков гнева, Орасио выгонит его из дома.

Сильвейринья много думал о матери, и отношение его к её памяти было сложным и противоречивым. Он не считал её виноватой и находил, что она хорошо сделала, изменив такому человеку, как Орасио; эту измену матери Сильвейринья воспринимал как месть отцу за все те обиды, которые он впоследствии нанес сыну. Мать отомстила за него. Думая об этом, он чувствовал какую-то симпатию к Эстер (которую он не помнил и совсем не представлял себе), прощал её и был почти уверен, что отец приказал её убить, что болезнь, от которой она якобы умерла, — просто выдумка. Но когда он думал о матери не в связи с Орасио, он её ненавидел. Она казалась ему какой-то авантюристкой, и он считал её виновной во всех своих бедах и недостатках: в своей робости, трусости, в непонимании, существовавшем между ним и Орасио. Он ненавидел Орасио и вместе с тем восхищался им, хотя никому бы в этом не признался. Он хотел бы быть таким, как Орасио, и считал, что так непохож на него потому, что Эстер, изменив супружескому долгу, нашла другого отца для своего сына.

И так с детских лет сердце его наполнилось ненавистью. Он рос заброшенным ребёнком в фазенде отца, и единственным существом, которое он любил, была негритянка Фелисия, одна только обращавшаяся с ним ласково. Отец его не замечал. Иногда приезжал полковник Манека Дантас и сажал его к себе на колени, но как-то холодно, между прочим. Может быть, если бы доктор Жессе не умер, у Сильвейриньи был бы друг, потому что врач находил время приласкать его и был нежен с ним, когда Сильвейринья заболел. Но Жессе умер много лет назад, и мальчик с тех пор не видел никакой ласки. В закрытом колледже он ни с кем не подружился. В институте, после того как студентам стала известна история его матери, он отдалился от всех. В его душе жила только ненависть, ненависть скрытая, неудовлетворенная, толкающая его на мелкие пакости. Но это была ненависть боязливая, Сильвейринья унаследовал ту вечную боязнь, что жила в сердце его матери Эстер, брошенной в пугающую чащу дикого леса. Рассказывали, что Сильвейринья однажды ударил старика, раненного когда-то в ногу во время одного из набегов Орасио. Старик уже не мог работать и со времени борьбы за Секейро Гранде жил в фазенде. Сильвейринья дал ему какое-то распоряжение, а так как старик отказался выполнить, ударил его так, что тот упал. Орасио как раз подходил к дому и видел всю сцену. Он приблизился быстрым шагом, несмотря на

свои семьдесят лет, и на лице сына (которому тогда было девятнадцать) остались следы пальцев полковника.

К фашистам Сильвейринью привлекли не столько политические убеждения или особая приверженность к идеям, проповедуемым этой партией, сколько тот кровавый разгул, который они обещали устроить после захвата власти. Поэт Сержио Моура говорил, что у Сильвейриньи есть свой список людей, которых он пошлёт на расстрел после победы фашизма, и что, будучи избран главой интегралистов зоны какао, он расширил этот список за счет имен членов его же партии, интегралистов, которые были ему неприятны. Может быть, всё это было и неправдой, выдумкой злоязычного поэта, но это было так похоже на Сильвейринью, что люди легко этому поверили и всюду повторяли.

Сильвейринья приехал в фазенду во время завтрака. Орасио не ждал его. Он ворчливо поздоровался с сыном и продолжал есть. Сильвейринья сел, Фелисия пошла за тарелкой для «маленького доктора». Она его любила, он родился при ней; когда Эстер умерла, это она взяла на себя попечение о ребёнке и вырастила его. Ей казалось, что у Сильвейриньи нет ни одного недостатка, и она готова была сражаться за него даже с самим полковником. Сильвейринья тоже по-своему любил её, но как-то снисходительно, как любят собаку.

Завтрак прошел в молчании. Орасио спросил только о ценах на какао и о Манеке Дантасе. После завтрака Орасио пошел на веранду погреться на солнце. День был погожий, и с веранды были видны баркасы, на которых сушилось какао и работники танцевали свой фантастический танец, разминая раскалённые бобы. Отдельные слова песни, которую они пели, долетали до отца и сына, сидящих на одной скамье, но в разных концах её, далеко друг от друга. Орасио ничего не говорил и только чертил по полу сухой веткой гуявы, стараясь угадать по звуку движения сына. Сильвейринья не находил слов для начала разговора. Так они сидели некоторое время на солнце, молча, как два врага, готовые броситься друг на друга. Наконец Сильвейринья сказал:

— Вы знаете, отец, что лидер нашей партии приезжает в Ильеус?

В то время Орасио еще сохранял смутную симпатию к интегралистам, которая побудила его содействовать недавнему избранию сына. Поэтому он ответил, несколько заинтересованный:

— Когда он приезжает? Он, рассказывают, хорошо говорит...

— Может быть, в этом месяце. Он приезжает из-за финансовой кампании...

Орасио причина приезда не понравилась. Интегралисты у него уже

много денег повытягивали в разное время и под разными предложениями.

— Этим людям никогда денег не хватает, а? Куда они девают столько денег...

— Это для кампании.

— Гм, кампания!.. Кум Браз говорит, что эти деньги идут на содержание банды бродяг... Может статья... — проворчал Орасио.

Сильвейринья встал, Орасио понял это по звуку.

— Этот Браз — коммунист!..

Голос сына звучал раздраженно, Орасио чувствовал, что сын стоит рядом с ним, тень его падала на Орасио. Полковник смотрел в землю, ему казалось, что он различает смутную тень Сильвейриньи, грозящего пальцем. «Что это, уж не грозит ли мне этот щенок?» — подумал он. Он взглянул туда, где должен был находиться сын, и поднял голову.

— Кум Браз — мой друг. Ты говоришь, что он коммунист, я в это не верю! Говорят, коммунисты хотят отнять у людей земли, а разве кум Браз отдаст свои земли? Ты — идиот, ты всегда был идиотом...

Он думал, что сын грозит ему пальцем, и потому говорил с ним так резко. Он сердито сплюнул в сторону, словно этим старческим плевком хотел подкрепить свои слова. Сильвейринья не мог сдержаться:

— Этот Браз — убийца...

Тень снова легла на Орасио, и теперь он был уверен, что сын грозит ему пальцем. Он встал.

— Может, он и убийца. Но если он убивал людей, так вместе со мной, и если у тебя сегодня есть деньги, ты этим обязан тому, что мы с кумом Бразом убивали людей. Он — убийца, и я тоже, если хочешь знать... Но вот эти-то убийцы и добыли для тебя деньги...

Он сел, держась за большую поясницу.

— Запомни, что в моём доме никто не смеет говорить дурно о куме Бразе, — и вдруг добавил в бешенстве: — И убери свой палец, не грози мне, слышишь! Не то я научу тебя уважать отца...

Сильвейринья сел. Дело принимало дурной оборот.

— Я и не думал грозить...

— Твое счастье.

Он рассердил старика, это плохо, теперь заговорить о деньгах труднее... А между тем Сильвейринья торопился, так как хотел вернуться в Итабуну сегодня же (он страшно не любил ночевать в фазенде), и не сумел переждать, пока пройдет гнев Орасио.

— Мне нужны деньги...

— Уже все истратил?

— Нет, не то. Я тут подписался... для финансовой кампании нашей партии. Я ведь глава областной организации, я открыл список.

— Сколько?

Сын ответил не сразу:

— Пятьдесят conto...

Орасио был потрясён. Он уже дал много денег интегралистам. Время от времени они вырывали у него кое-какие суммы. Но все не больше пятисот тысяч, самая большая сумма, которую он как-то дал, была два conto, да и то он сердился. Он переспросил:

— Сколько?

— Пятьдесят conto. Я ведь глава областной организации.

Орасио снова встал, стараясь разглядеть Сильвейринью; поясница болела, спина тоже. Он заговорил, словно выплёвывая слова:

— Ты думаешь, что я печатаю деньги? Или ты думаешь, что я такой же идиот, как ты? Что я настолько глуп, чтобы дать пятьдесят conto для этой шайки разбойников? Ты мне скажи одну вещь: ты рехнулся или просто пьян?

Сильвейринья не ответил, в эту минуту он готов был убить отца. Но он дрожал от страха перед этим восьмидесятилетним стариком, который всматривался в его лицо, угрожающе размахивая рукой, выплевывая гневные слова:

— Если это привело тебя сюда, можешь седлать коня и убраться... Пятьдесят conto!

Он повторял с иронией, как повторяют вопиющую нелепость:

— Пятьдесят conto... Только такой идиот, как ты, мог...

Опираясь на палку, он вошёл в комнату и лег на свою старую постель, на которой спал с Эстер тридцать лет назад. Сильвейринья смотрел, как старик шёл, волоча ноги, нащупывая палкой дорогу. Он пробормотал сквозь зубы, с ненавистью:

— Рогач...

Ему стало легче после того, как он произнес этобранное слово, и он повторил его ещё два или три раза, почти успокоившись:

— Рогач... Рогач... Рогач...

Но чувство облегчения быстро прошло: он подумал об интегралистах. Что они скажут? Сильвейринья не строил себе иллюзий и знал, что был избран только из-за денег, знал, что в его партии многие смеются над ним, считают его бездарным оратором, знал, что когда его выбрали, Нестор сказал:

— Эта дойная корова даст много молока...

Но он знал также, что благодаря фашизму он сможет в один прекрасный день дать выход той ненависти, которая наполняла его сердце, ненависти, которая была основной пружиной его существования. Что скажут теперь? О, чего бы он не дал, чтобы быть таким, как Орасио! Убивать без колебания, уметь вовремя убрать с дороги тех, кто мешает... И он подумал об Эстер. Она одна во всем виновата, его мать, которая была любовницей адвоката, это из-за нее (так думал Сильвейринья) он не стал сыном Орасио. Если бы он был сыном Орасио, он сумел бы сейчас поладить со стариком, заставить его дать денег. Он долго сидел на веранде, погружённый в раздумье, задыхаясь от ненависти. Он прогнал старого негра, который вышел поговорить о нем, прогнал Фелисию, когда она пришла узнать, не нужно ли ему чего-нибудь. Потом он вошел в комнату. Орасио спал, вытянувшись на кровати, у Сильвейриньи не хватило смелости разбудить его. Он уехал в Итабуну.

6

Карбанкс дал денег, но просил, чтобы его имя не фигурировало в списке. Он вёл дела со всякими людьми, и хотя хвалил патриотизм интегралистских молодчиков («У них трезвые идеи», — сказал он Гумерсиндо Бесса), но не пристало ему фигурировать в качестве человека, поддерживающего финансовую кампанию Союза интегралистов на юге Баии. Такую позицию заняли почти все экспортеры какао. Все дали деньги, но только Антонио Рибейро, примкнувший к интегралистам, носивший зелёную рубаху и вовлекший в фашистское движение всех своих служащих, поставил свое имя перед суммой в пять conto, на которую подписался. Перед цифрой он поставил «оплачено» и пошел взять деньги из несгораемого шкафа. Все остальные, исключая Рейхера, который был евреем и отказался помочь интегралистам, дали денег, но не подписались. Гумерсиндо Бесса, который показал себя настоящим дипломатом и стал полезнейшим человеком в фашистской партии, говорил экспортерам, что понимает их, что их действия вполне обоснованны. Он даже беззаботно рассмеялся, когда Карлос Зуде, вручив ему чек, стал восхвалять либерал-демократию:

— Что бы ни говорили, сеньор Гумерсиндо, нет другого такого режима, как либерал-демократия... Взгляните на Англию, какая великая империя!

И он засмеялся своим снисходительным смехом. Гумерсиндо тоже

засмеялся:

— Вы уж извините меня, сеньор Карлос, но это было бы правдой, если б не было такого разложения нравов. Но либерал-демократия приведет мир к коммунизму...

Карлос развел руками:

— Может быть... Что касается меня, мне нравится либеральный климат. Я был в нём воспитан, я слышал замечательные речи Сеабра, сеньор Гумерсиндо... О, какой оратор! Но вы тоже отчасти правы... Мы были слишком либеральны.

Полковники не были так сговорчивы, как экспортеры. Правда, подъём цен, приведший к тому, что многим некуда было девать деньги, облегчил задачу уполномоченных финансовой кампании. Но иногда им всё же приходилось прибегать к угрозам... Гумерсиндо подавлял полковников цифрами, круглыми цифрами, показывающими рост Союза интегралистов, его скорый и неизбежный приход к власти.

— У нас есть почётные списки, но есть и чёрные списки...

Ожидание приезда лидера национальной организации фашистов (о его приезде объявили, но он так и не приехал) тоже способствовало успеху финансовой кампании. Но, однако, больше, чем рост числа сторонников интегрализма, больше, чем высказывания видных людей страны о политическом кредо зеленорубашечников, больше, чем сенсация вокруг скорого приезда лидера фашистской партии, помогли финансовой кампании усиленно распространяемые слухи о том, что «коммунисты становятся всё сильнее и скоро возьмут власть». Для полковников слово «коммунизм» звучало трагически. Они представляли себе, как у них отнимают землю, как дочери их становятся уличными женщинами, как всё превращается в невообразимый хаос. Интегралисты умело использовали этот ужас полковников перед коммунизмом, распространяя пугающие новости: «Коммунисты отнимут у всех землю, как они это сделали в России, и заставят полковников орудовать лопатой», «Луис Карлос Престес находится в Бразилии, он скрывается неизвестно где и готовит коммунистическую революцию». Какими бы неправдоподобными ни были слухи, полковники верили им. Они имели смутное представление о коммунистах, читали иногда листовки, требовавшие повышения заработной платы трудящихся, знали, что на Змеином Острове есть такие люди, которые на всё способны. Это было страшно. И они давали деньги интегралистам даже в том случае, когда сами принадлежали к традиционным партиям — правительственной и оппозиционной. Потому что в одном сходились единодушно все — помещики, экспортеры,

священники, коммерсанты: нужно бороться с коммунизмом. Коммунизм был единственным, чего полковники боялись в этот первый год повышения цен, когда Ильеус превращался в Эльдорадо и какао — в самую выгодную культуру в стране.

Как раз в тот момент, когда началась финансовая кампания интеграллистов, коммунистическая партия боролась за повышение заработной платы работников фазенд. Листовки распространялись уже не только в городах, но и в сельских местностях, и их влияние начинало сказываться, хотя и очень медленно. Листовки говорили, что работники фазенд живут «хуже, чем когда-то рабы», утверждали, что «в то время, как весь Ильеус купается в золоте, работники плантаций какао погибают от страшной нищеты».

Гумерсиндо Бесса носил в портфеле листовки и показывал их изумленным помещикам; это был его самый веский аргумент, при помощи которого он убеждал их помочь Союзу интеграллистов.

Примерно три месяца спустя после бурной сцены между Сильвейриньей и полковником Орасио, как-то в полдень, молодой адвокат беседовал с Гумерсиндо в баре. Гумерсиндо рассказывал об успехе кампании.

— Большой успех... Огромный... Соберем больше тысячи конто... Люди, которые до сих пор нападали на нас, теперь дают деньги...

Оба были в зелёных рубашках, и Гумерсиндо искал случая спросить у Сильвейриньи про пятьдесят конто, которыми тот открыл список. Сильвейринья чувствовал к Гумерсиндо Бесса какое-то особое уважение, пожалуй, никого из знакомых ему членов интегралистской партии он не уважал так, как этого молодого человека, служившего у Шварца. Он был опорой Сильвейриньи, когда того выбирали главой организации, и противостоял тем, кто хотел выбрать Нестора, специалиста по истории.

С Гумерсиндо Сильвейринья был откровеннее, чем с другими. Они каждый день играли в кости в кафе «Люкс» и спорили о делах своей партии. У Гумерсиндо была редкая способность внушать Сильвейринье свои мысли, так что тому казалось, будто он самостоятельно додумался до всего, и он начинал выдавать мысли Гумерсиндо за свои. И был уверен, что сам думает обо всём и всё решает. Каждый раз, когда Сильвейринья излагал какую-нибудь идею, которую Гумерсиндо еще недавно вбил ему в голову, тот горячо его одобрял:

— Да, сеньор, прекрасная идея... Совершенно верно... Я с вами согласен...

Кампания подходила к концу. Взносы прибывали из Итабуны,

Итапиры, Пиранжи, Феррадас — отовсюду. Почти все взносы уже прибыли, не хватало только пятидесяти конто Сильвейриньи. Гумерсиндо старался навести его на разговор об этих деньгах:

— Я нахожу, что не позже чем через месяц все пришлют денежки...
Надо устроить большой праздник в честь окончания кампании...

Они стали обсуждать план праздника. Гумерсиндо заметил:

— Там вы сможете торжественно внести свой, взнос. Самый большой взнос, от главы организации... А? Это будет недурно выглядеть, правда?

Сильвейринья задумался. Потом он решил всё рассказать приятелю. Старик не захотел дать денег. Он одряхлел, стал ещё ворчливее, нет никакой возможности с ним сговориться, от него ничего, кроме оскорблений, не услышишь. Гумерсиндо уже знал кое-что о ссоре между отцом и сыном, потому что Орасио говорил об этом Манеке Дантасу. Он попросил Сильвейринью рассказать подробнее, и тот рассказал, хотя далеко не всё. Он говорил, опустив глаза, ему было стыдно перед другом за эту сцену с отцом. Но Гумерсиндо стал на его сторону. Он вообще был плохого мнения о стариках: «Поколение, неспособное понять великие идеи молодёжи».

— Что ж теперь делать? — спросил Сильвейринья.

Гумерсиндо в первый момент не мог ничего придумать. Всё это было чертовски неприятно, но, казалось, не было никакого выхода из создавшегося положения. В конце концов Сильвейринья высказал смутную надежду на то, что полковник скоро умрёт, что несколько шокировало Гумерсиндо.

— Он уж совсем одряхлел... Долго не протянет... — Сильвейринья увидел, что его слова произвели на Гумерсиндо неприятное впечатление, и поспешил добавить: — Он никогда не относился ко мне, как отец к сыну... Бели я скажу, что жалею его, это будет неправдой. Его смерть меня мало огорчит...

Он стиснул зубы, в словах его была ненависть. Гумерсиндо пристально взглянул на него.

— Да, пожалуй, в таком случае можно найти выход, — сказал он задумчиво. — Действительно, полковник не может долго прожить. Ему уже восемьдесят, да?

— Восемьдесят три...

— Чёрт возьми, как много!

Они распрощались. Но вечером Гумерсиндо снова разыскал Сильвейринью. Он нашёл его в баре в компании интегралистов и с таинственным видом отвел в сторону. Они сели за отдельный столик, и

Гумерсиндо сказал, низко наклоняясь к своему начальнику:

— Скажите мне одну вещь: опишь имущества доны Эстер никогда ведь не была произведена, правда?

— Нет...

— А почему?

— Старик всё не хотел...

Гумерсиндо засмеялся с победоносным видом.

— Вот то-то и есть... Вы просите денег у отца, как раб какой-нибудь, унижаетесь, а на самом-то деле эти деньги — ваши. У вас есть своё состояние — наследство матери...

Сильвейринья не особенно оживился, услышав то, что было ему хорошо известно.

— И что же это нам дает? Старик никогда не согласится... Вы не знаете моего отца...

— Да он не должен соглашаться или не соглашаться... Вы имеете право на это имущество, и всё тут! Он по закону обязан... Опись давно уже должна была быть произведена, уже все законные сроки прошли.

Гумерсиндо вспомнил, что Сильвейринья имеет законченное юридическое образование.

— Впрочем, вы должны это знать лучше, чем я, вы ведь адвокат...

Сильвейринья сделал гримасу, означающую, что он ничего не смыслит в юриспруденции. И попросил объяснить подробнее. Гумерсиндо больше ничего не знал. Он подумал немного и наконец решился:

— Почему бы вам не переговорить об этом с сеньором Шварцем? Хотя он иностранец, но здешние законы знает хорошо. Образованный человек.

Сильвейринья огорчился:

— Вы с ним говорили об этом?

— Говорил, не обижайтесь. Вы ведь знаете, что он нам очень помог. Теперь, когда вы — глава областной организации, вам пора узнать: сеньор Шварц — один из тех людей, которые явились опорой партии. Я с ним о вас говорил. Он хорошо знает вашего отца, потому что покупает у него какао. Но он готов вам помочь. Он даже говорит, что, если вы хотите, он вам одолжит пятьдесят конто...

Последняя фраза Гумерсиндо заставила Сильвейринью решиться. Очень уж ему хотелось не ударить в грязь лицом перед другими интегралистами. И возможность одолжить у Шварца деньги, чтобы уплатить с процентами после смерти Орасио, казалась ему блестящим выходом из положения. Лучше, чем это сложное дела с описью...

Но Шварц хотел говорить именно об описи. Он даже, казалось, ждал

их, потому что приготовил вино у себя в конторе. Сильвейринья бывал здесь много раз, но всё по коммерческим делам, по поводу накладных, доставки какао. Сегодня он убедился, что в интимном кругу немец был совсем непохож на того коммерсанта, которого он раньше знал. Шварц смеялся и шутил, он оказался приятным человеком и горячо интересовался делами Сильвейриньи:

— Это всё выходы человека старого и привыкшего к своей власти... Но закон на вашей стороне, сеньор...

И они снова все обсудили. Сильвейринья спросил, не может ли Шварц одолжить ему пятьдесят конто. Но у Шварца были куда более интересные предложения:

— Вы можете увеличить свое состояние в четыре раза, сеньор.

И он развернул перед Сильвейриньей блестящие перспективы торговых дел. У честолобивого и неудачливого юноши прямо голова закружилась от того, какие перед ним раскрывались возможности, сколько он, оказывается, мог сделать и чего добиться в будущем. Если Сильвейринья возбудит судебное дело против полковника Орасио по поводу описи имущества Эстер, Шварц соглашался финансировать его... Это будут сравнительно небольшие расходы, так как полковник не сможет долго спорить с сыном. На стороне Сильвейриньи закон, здесь не к чему придаться. Потом, если Сильвейринья захочет, он может стать компаньоном фирмы Шварца: там дела много, у экспорта какао большое будущее. Особенно если у вас прочные корни в земле, собственные плантации...

Немец наливал посетителям виски и говорил не переставая. Он, обычно так резко произносивший слова чужого языка, теперь, описывая перспективы будущих коммерческих дел, находил новые, мягкие интонации. Гумерсиндо слушал его с открытым ртом, как замороженный, и на Сильвейринью его слова тоже произвели большое впечатление.

Они стали обсуждать подробности. Шварц посоветовал Сильвейринье снова поехать в фазенду и просить полковника разделить земли, отдать сыну принадлежащую ему долю. Сильвейринья испугался:

— Нет, это невозможно. Мне туда ехать? Нет, не могу. Старик на всё способен, вы ведь его знаете, сеньор. Вы же помните, как он поступал с людьми... Он придёт в ярость, ещё прикажет меня убить, он и на это способен...

Шварц усмехнулся и прервал Сильвейринью:

— Как вы его боитесь! Ну что ж, тогда давайте начинать дело. Надо назначить адвоката... Но, может быть, вы, сеньор, хотите сами вести дело,

ведь вы адвокат?

— Нет, лучше найти другого. Старик станет моим смертельным врагом... Он на всё способен...

Они распрощались. Шварц открыл счёт на имя Сильвейрины и предложил ему большой кредит. Прощаясь, он горячо пожал ему руку, с сочувствием и симпатией. Но как только дверь за Сильвейриной закрылась, на лице Шварца изобразилось презрение. И он пробормотал что-то по-немецки.

7

Процесс начался. Адвокаты нашли в нем небывалый источник дохода. Весь Ильеус заволновался, узнав о случившемся. На перекрестках собирались прохожие, сгорая от нетерпения узнать что-нибудь новое. В барах ни о чём другом не говорили. Даже необычный подъём цен на какао казался чем-то второстепенным по сравнению с тем, что адвокат Сильвейрины потребовал описи имущества покойной доны Эстер Сильвейра, супруги полковника Орасио да Сильвейра. Газеты в то время были полны сенсационных новостей, помещали *manchettes*^[20] о международных конфликтах, выступления в Лиге Наций, известия о крупных стачках в разных концах света, о революции в Китае, о пассивном сопротивлении Индии. О процессе — ни слова. Но Ильеус и вся зона какао не обращали внимания на газетные *manchettes* и были заняты исключительно описью имущества Эстер. Воскресли старые истории, снова зазвучали давно забытые имена адвоката Виржилио, его любовницы Маргот, доктора Жессе и доктора Руи. Ночью в барах, где Гумерсиндо Бесса больше не появлялся, Мариньо Сантос, Зито Феррейра и Рейнальдо Бастос вспоминали старые времена. Зито, разводя руками, говорил:

— Настоящий роман...

Когда Манека Дантас, ездивший сообщить новость полковнику Орасио, вернулся в Ильеус из фазенды своего друга, его буквально атаковали на улицах. Он должен был раз сто повторить свой рассказ во всех барах и на всех перекрестках. К этому рассказу прибавляли всё новые и новые подробности и вскоре уже описывали, как Орасио угрожал всему свету и клялся, что прикажет убить Сильвейрину. Последний счёт за лучшее уехать в Баию, пока дело будет слушаться в суде. И хотя начальный процесс и тот, что последовал за ним, были долгими и дело окончательно решилось только через несколько лет, и хотя много других скандальных

событий разразилось в Ильеусе в период повышения цен, всё же интерес к борьбе между Орасио и Сильвейриной не ослабел в течение всего этого времени. Может быть, имя Орасио, ставшее почти легендарным в зоне какао, создало вокруг процесса эту атмосферу взволнованного любопытства. А может быть, интерес к процессу объяснялся тем, что он красноречивее, чем любой другой факт, говорил об обострении борьбы между владельцами фазенд и экспортерами какао. Ведь все знали, что за спиной Сильвейриной стоят Шварц и его фирма. Что это немец дал денег на веденье дела в первой инстанции.

Манека Дантас, как только услышал новость, сразу поехал к Орасио. Он понимал, что всё это значило для Орасио, который так горячо любил свои земли и которому легче было бы умереть, чем увидеть их разделенными. Он ехал с таким чувством, какое бывает у человека, собирающегося сообщить жене о внезапной кончине мужа. Перед отъездом он спросил сына, законны ли требования Сильвейриной. Руи был настроен пессимистически:

— Пропавшее дело, отец. Сильвейриная прав, и пусть полковник лучше не ерепенится... Если он захочет спорить и затеет длинную тяжбу, то только потеряет на этом кучу денег...

Но Манека Дантас хорошо знал Орасио да Сильвейра, «больно близко знал», как он любил говорить. И он возразил сыну:

— Кум Орасио не позволит делить свои плантации... Я его знаю, — и разразился угрозами по адресу Сильвейриной.

— Ну, что ты, отец, — сказал Руи, — те времена, когда все споры разрешались путем оружия, уже прошли... Так было давным-давно...

Манека Дантас проворчал, что эти старые времена были лучше нынешних: тогда сын не поднимал руку на отца. Теперь чего только не увидишь! Сын против отца... Прямо конец света! Старику было больно за друга. Он видел, как Орасио боролся за эту землю с оружием в руках, он сам помогал ему, они вместе пробирались сквозь непроходимые чащи, вырубали дебри. И всё для чего? Он смотрел на Руи, словно и тот был виноват, словно его сын тоже хотел разделить его земли. Руи только пожал плечами в ответ на грозную речь отца.

— Я здесь совсем ни при чём. Я вовсе и не дружу с Сильвейриной. Но сказать, что он не имеет прав на раздел, — этого я не могу. Это же в законах записано, отец!

Манека Дантас смягчился. Он любил сына больше всего на свете, мечтал, что Руи сделается блестящим адвокатом, поднимется вверх по политической лестнице. И ему было больно видеть, что карьера сына не

удалась, что он возится с женщинами, тратит деньги, лишь изредка выступая в каком-нибудь мелком судебном деле; но всё-таки это был его сын, тот, на кого он возлагал все свои надежды. И неплохой сын, он не способен поднять руку на своего отца. Манека Дантас улыбнулся Руи, надел высокие сапоги и пошёл ждать автобус, отходящий в Итабуну.

Орасио был, как всегда, на веранде. Он сидел на скамье, положив ногу на перекладину перил, упершись подбородком в колено, и старался различить шум дневных работ вокруг. Здесь и произошел его разговор с Манекой, а неподалеку от веранды люди собирали плоды с отягченных деревьев плантаций. Какао тогда подымалось в цене всё выше и выше. Орасио казался необычно оживленным.

— Как цены-то растут, кум! Как растут, а?..

Манека Дантас рассказал о случившемся. Орасио слушал молча, глядя почти уже невидящими глазами перед собой, туда, где, как он знал, должны были находиться плантации, которые он много лет тому назад насадил. Вошла Фелисия, принесла водку для полковника Манеки и кофе для хозяина. Орасио медленно помешивал кофе, слушая рассказ друга. Голос Манеки Дантаса звучал монотонно, когда он рассказывал о процессе и передавал соображения Руи.

Потом наступила тишина. Оба старика молчали. «Какао — хороший плод...» — пел работник, сбивая с деревьев жёлтые плоды. Наконец Орасио заговорил, и голос его, дрожащий старческий голос, звучал всё громче и громче, полный гнева:

— Ты только подумай, кум Манека! Я уж стар, скоро мне помирать. Недалек уж мой день, я уж теперь протяну недолго. Всю жизнь я сражался за землю, ты-то хорошо знаешь, ты сражался рядом со мной. Ты и Браз, вы должны помнить, трудные были времена... Я уничтожил Бадаро, я всё это сам тут создал, все эти огромные плантации...

Он замолк на мгновенье и продолжал:

— А она-то что сделала?

«Почему он никогда не произносит имени доны Эстер?» — подумал Манека Дантас. Он знал, что Орасио ненавидел сейчас покойную жену даже больше, чем Сильвейринью.

— Какое она имеет право на эту землю? Скажи мне, кум, какое право? Твой сын говорит, что мой сын требует законно, имеет, мол, право. Но скажи мне, кум: в чём её-то права? Какие она деревья посадила, какие чащи вырубил, в каких врагов стреляла? В чём её права? Она только и сделала, что мне рога наставила, а помочь так ни в чём не помогла. Она не послала людей сажать какао и выжигать лес. Она все только хныкала в углу да на

жизнь жаловалась. Я сражался, рисковал жизнью, ты это так же хорошо помнишь, как и я, а она с другим валялась... А теперь говорят, что я должен разделить мои земли и отдать её часть. Какую часть, кум Манека Дантас? Покажи мне плантацию, которую она насадила, участок леса, который она вырубил! Покажи мне — и я отдам. Ты находишь, что все это справедливо, кум?

Манека Дантас находил, что все это несправедливо.

— Но всё дело в законе, кум. Закон есть закон, и мальчишка выиграет. Опись должна была быть произведена уже давно...

Орасио поднял тусклые глаза, стараясь разглядеть лицо Манеки Дантаса.

— Что касается закона, кум, то я его никогда не уважал... Ты сам знаешь. Или они думают, что я уже ни на что не годен? Вот что я тебе скажу, кум: пока я жив, никто мои земли не разделит. Ни судья, ни адвокат. Потому что я не позволю...

Манека Дантас пытался объяснить Орасио, что по закону он обязан произвести опись, но полковник ни о каких правах и законах и слышать не хотел. Для него права и законы, судьи и адвокаты были всегда чем-то подчиненным его воле, чем-то созданным только для того, чтобы служить ему.

— Да времена-то теперь другие, кум...

— Другие времена? Но я-то не изменился, кум Манека. Предоставь это дело мне...

Это было то же непоколебимое упорство, та же сила, что когда-то так покоряла Манеку Дантаса. Если Орасио сказал, значит, так и будет.

Наступило долгое молчание. Потом Орасио спросил:

— Где он достал денег, чтоб платить адвокату?

— Говорят, фирма Шварца ему помогает...

— Шварца?

— Да...

— Гринго, сволочь эдакая...

Снова наступила тишина. Орасио задумался, потом сказал:

— Кум, пришли мне своего сына, я хочу с ним побеседовать. Я его возьму себе в адвокаты...

— Он говорит, что это безнадежное дело...

— Пришли его мне, я всё ему растолкую... Мальчик не знает того, что мы с тобой знаем. Он думает, что раз мы старики... Пришли мне его, я его образумлю...

И тут он вспомнил Виржилио. Если бы Виржилио был жив, уж он-то

нашел бы выход из положения. Вот это был настоящий адвокат, умел, когда надо, сделать подлог, умел обмануть противника и выиграть дело. Ловко он обошёл всех во время борьбы за земли Секейро Гранде... Но Виржилио умер в ту далёкую лунную ночь, был убит пулей на дороге. Орасио послал убийцу, ведь Виржилио наставил ему рога... Сын Манеки не годится для такого дела... Пишет стихи, бегаёт за публичными женщинами...

— Кто был настоящий адвокат, так это Виржилио, правда, кум?

— А доктор Руи? — вспомнил Манека Дантас и улыбнулся. — Как он умел говорить!.. Помнишь твою защиту?

И так они сидели вдвоём, вспоминая прошлые времена, до тех пор, пока не пришел надсмотрщик узнать, не будет ли каких распоряжений, и страшно испугался, когда полковник Орасио да Сильвейра приказал ему сейчас же седлать коня и скакать в Итабуну — за ружьями.

8

За все эти четыре года, когда громкие дела чередовались с громкими скандалами, среди всеобщего восторга по поводу подъёма цен на какао отчетливо раздались только два осуждающих голоса. Один из них принадлежал коммунистической партии. Жоаким и другие шоферы, разъезжающие на автобусах и грузовиках по многочисленным дорогам зоны какао, повсюду распространяли листовки коммунистической партии, в которых разъяснялось истинное значение подъема цен на какао. Многие их не читали, другие не особенно ими интересовались, но некоторых заставляли задуматься слова, пророчащие скорое понижение цен как неизбежный результат теперешнего их взлёта, предсказывающие события, которые приведут к тому, что «земли какао перейдут из рук национальных капиталистов в руки иностранных», — как говорилось в одной из листовок.

Другая листовка требовала немедленного увеличения заработной платы работникам фазенд, которые, несмотря на повышение цен, продолжали зарабатывать гроши. Эта кампания, начатая нелегально коммунистической партией путем распространения листовок, бюллетеней, бесед с работниками крупных фазенд, была поддержана одной из газет Ильеуса и стала, таким образом, открытой. Правительство штата хотело завоевать симпатии масс ввиду предстоящих выборов, и официальная партия завладела кампанией. Заработная плата работников фазенд была увеличена дважды. Тогда коммунисты начали большую кампанию за улучшение условий труда докеров и работников на складах какао. Эта

кампания была направлена прямо против экспортеров. Распространялись листовки, написанные в резком тоне, где Карбанкс назывался «акулой международного финансового капитала», а Карлос Зуде — «рабом американского капитализма». О Шварце говорилось, что он агент нацистов, не только коммерсант, но и шпион, «истинный главарь местных интегралистов».

На стенах домов Ильеуса, Итабуны и Пиранжи появлялись по утрам крупные надписи, выведенные дёгтем. Они тянулись по стенам портовых и железнодорожных складов, появлялись на насыпях, на обрывах по обочинам шоссежных дорог:

«ХЛЕБА, ЗЕМЛИ И СВОБОДЫ!»

Одновременно коммунистическая партия выпустила воззвание к мелким землевладельцам, призывая их защищать свои земли от посягательств экспортеров и крупных помещиков. Воззвание было очень хорошо составлено, но у мелких землевладельцев в то время голова шла кругом: никогда раньше у них не было столько денег. Коммунистическая партия старалась добиться того, чтобы владельцы мелких фазенд объединились в кооперативное общество для экспорта своего какао, но столкнулась с огромными трудностями. Эта мысль заинтересовала владельцев фазенд, но только с началом падения цен они поняли, что такое объединение могло бы и к спасу. А когда они попытались объединиться, было уже слишком поздно.

Кроме голоса коммунистической партии, один только голос поднялся против роста цен на какао — голос епископа. Епископ гневно протестовал против нашествия женщин легкого поведения, профессиональных игроков, cabaretiers, торговцев наркотиками, буквально наводнивших Ильеус, Итабуну и Итапиру, всю его епархию. В своих проповедях он называл повышение цен «дьявольским искусом», говорил, что «дьявол пытается завоевать души его паствы посредством золота».

Рассказывали в Ильеусе, что Карбанкс, узнав об этих фактах, принял срочные меры против обоих своих противников. Он добился того, что правительство штата прислало в Ильеус опытного инспектора политической полиции, особенно отличившегося в преследовании коммунистов, который поселился здесь с полдюжиной шпииков. Одновременно на собрании экспортеров Карбанкс произвёл сбор пожертвований, давший сорок конто, которые вручил епископу на

строительство собора, пообещав ему, кроме того, от имени экспортеров широкое сотрудничество в деле основания семинарии в Ильеусе, «покуда какао идёт по хорошей цене».

9

На веранде дома, выстроенного на месте усадьбы Бадаро, которую предал огню Орасио, Жоан Магальяэс строит планы. Дона Ана одобрительно кивает в ответ на его слова. Капитан горд: он был одним из первых, кто предсказал повышение цен. Он тогда поехал в Ильеус — договориться о продаже урожая, но решил повременить и не продавать пока, так как почувствовал, что скоро цены начнут расти.

— Я как в воду смотрел... — говорит он доне Ане.

При разделе поместья на их долю достался невырубленный участок леса. Другие предпочли меньше земли и больше деревьев какао. Жоан Магальяэс и дона Ана все мечтали превратить в плантации этот участок. Они могли бы тогда собирать вдвое больше какао, чем сейчас. Но им всё не удавалось привести в исполнение эту мечту, доходы от урожая всегда уходили на что-нибудь другое. Дети нуждались в деньгах, после отца и дяди остались долги, а дона Ана твердо решила уплатить их все, до последнего реала. Время от времени они вырубали деревья в отдельных местах и сажали какао, когда на самых старых плантациях снижалась урожайность. Первые плантаторы насаждали свои плантации без всякой системы, и период плодоносности старых деревьев был недолог. Во всей зоне какао уже, пожалуй, не осталось ни одного необработанного куска земли, кроме этого участка леса, врезавшегося в плантации Жоана Магальяэса. Ему предлагали за него большую цену. Он посоветовался с доной Анной, и они решили не продавать. Теперь, когда началось повышение цен, которое, казалось, никогда не кончится, они смогут вырубить этот лес и посадить новые деревья какао. Жоан Магальяэс верил, что цены на какао будут всегда держаться по крайней мере на уровне сорока тысяч рейс за арробу. Если на месте лесного участка у него будут новые плантации, то он соберёт уже не тысячу пятьсот арроб, как сейчас, а более трёх тысяч с каждого урожая. И доходы с первого урожая после начала повышения цен они потратили на расчистку своей земли от леса. Началась рубка деревьев, в чаше открылись прогалины, запылали пожарища. Это напомнило доне Ане другие времена, когда открывались прогалины в чаше Секейро Гранде и Репартименто, когда братья Бадаро, её

отец и дядя, старались изо всех сил, чтобы создать самое большое состояние в Ильеусе. Это им не удалось, счастье изменило им, поэтому они и умерли. Ольга и коммерсант ничего не понимали в делах с землей. Остались только она, дона Ана, и капитан. Им на долю не выпало богатой, праздничной жизни. Но они были терпеливы, и дона Ана никогда не проронила ни слова о том, как ей тяжело видеть, что её уже не приветствуют в Ильеусе, как приветствовали во времена завоевания земли. Тогда Синьо Бадаро был хозяином зоны, а она жила как принцесса, и свадьба её была отпразднована с незабываемой пышностью. Потом Синьо Бадаро умер от позора, род Бадаро обеднел, теперь даже имя их никогда не упоминалось. Жоан остался с ней. Дона Ана знала, что он много раз хотел уехать и её увезти отсюда в другие края, в другую жизнь, которая привлекала его больше, чем здешняя. Дона Ана давно уже знала, что капитан до приезда в Ильеус был всего-навсего профессиональный игрок. Но она не могла уехать, она не сумела бы жить вдали от своих земель. И он остался, привороженный взглядом её глаз, посвятил себя какао и стал таким же помещиком, как другие, с той только разницей, что он был беднее других и у него было больше долгов... В теперешнем повышении цен дона Ана видела возможность восстановить состояние семьи Бадаро. Если они превратят в плантации весь свой лесной участок, если соберут три тысячи пятьсот арроб какао и продадут его по теперешним ценам, они снова приобретут дом в Ильеусе, помогут выдвинуться зятю-врачу, вспомнят былые времена, когда Бадаро блистали роскошью. Поэтому дона Ана не дает покоя Жоану Магальяэсу. Она с жадным интересом следит за работой на участке и по вечерам засыпает капитана вопросами: как и что, когда будут выжигать первую прогалину? Она запрашивает Экспериментальную станцию какао о ценах на саженцы... Если в этом году удастся вырубить весь участок, на следующий можно будет посадить ростки какао, еще через четыре года они соберут хороший урожай, а через шесть-семь лет у них будет большая фазенда и кончится эта унижительная, полная лишений жизнь, которая больше повинна в гибели Синьо Бадаро, чем сразившая его пуля.

Жоан Магальяэс тоже радостно взволнован. Он всё время смеется, рассказывает разные истории. Спорит по поводу повышения цен, уверяя, что теперь они никогда уже не понизятся, — это ясно как божий день. Всё его радует — рождение внука, женитьба одного из работников, разговоры с Антонио Витором и Раймундой, которые ссорятся из-за постройки нового дома. Возвращаясь из леса, где он наблюдает за работой, Жоан Магальяэс любит посидеть в гамаке рядом с доной Аной и помечтать.

Один раз, приехав в Ильеус, он зашел в «Батаклан». Ему и сейчас смешно вспомнить... Его пригласили на покер. Все партнеры были знакомые, кроме одного — элегантного юноши с хорошими манерами, недавно приехавшего в Ильеус. Игра началась. Жоан Магальяэс сразу понял, что юноша — профессиональный игрок. Это его очень позабавило. Жоан Магальяэс давно уже забыл все свои шулерские трюки и фокусы. Но в этот день он их вспомнил, и в кармане у профессионального игрока осталась только мелкая монета. Парень в себя прийти не мог от изумления. Жоан Магальяэс вернулся к себе в усадьбу, заливаясь хохотом, и рассказал о случившемся доне Ане. Она встревожилась:

— Ты только опять к игре не пристрастись...

— Какая игра! Что я, с ума сошел...

Единственное, чего он хотел, — это вырубать лес, сажать какао, добывать деньги, собирать четыре тысячи арроб. Он был уверен, что добьется такого урожая, и во всех своих проектах исходил не из тех тысячи пятисот арроб, которые собирал сейчас, а из четырех тысяч, которые будет собирать через шесть или семь лет...

Как-то раз, придя из леса, Жоан Магальяэс сказал, что завтра утром начнут выжигать прогалины. Дона Ана стала его спрашивать и решила сама идти с ним на участок. После обеда они прошли на веранду. Жоан Магальяэс сел в гамак и стал снимать сапоги. Дона Ана, словно вдруг что-то вспомнив, ушла в спальню и там долго рылась в старых чемоданах. Она вернулась, неся в руках ту самую Библию, по которой Синьо Бадаро приказывал ей читать вслух каждый вечер во времена завоевания земли. Она села рядом с мужем, Жоан Магальяэс взял её руки в свои, поцеловал её в лицо и сказал:

— Ты станешь снова прежней доной Аной Бадаро... И когда ты будешь проходить по улицам, народ снова будет указывать на тебя.

Она открыла Библию, и снова, как в старину, зазвенел её голос, произнося пророческие строки. Жоан Магальяэс закрыл глаза и ясно увидел перед собой Синьо Бадаро, сидящего в высоком венском кресле, которое давно уже не существовало. Жоан Магальяэс улыбнулся ему:

— Предоставьте это дело мне...

Голос доны Аны раздавался сквозь его дремотные виденья.

в которой он участвовал много лет назад, во время добрых дождей, в родном, далеком краю. В землях какао тоже шли сейчас дожди, зацветали деревья, созревали плоды и росли цены. Только вот праздничная процессия будет совсем непохожа на тот пастушеский танец, в котором он юношей изображал царя Ирода.

И вот процессия — «терно Варапау» — вышла на дороги. Можно было найти другое название, гораздо красивее, но все его называли только так: «терно Варапау», Это была идея Варапау, он всех вдохновил, сумел выпросить денег у полковника Фредерико Пинто, разыскал четырёх девушек и трёх девочек, добившись (с большим трудом), чтоб родители разрешили им участвовать в терно, достал в поселке папиросной бумаги, выпросил у доны Аугусты огарки свечей. Целые ночи он проводил за репетициями — ночи, когда бутылка водки переходила из рук в руки. Он даже оркестр организовал: гитара, старая свирель и бубен. Инструменты были довольно-таки расстроенные; но что ж из этого? Это был все-таки оркестр, он играл, и под звуки его люди танцевали, хотя их танец был всего лишь повторением того трудового танца, который они плясали на баркасах, топча сухие бобы какао. Варапау задумал этот терно для того, чтобы бежать. Жизнь работника на плантации была худшей в мире. Варапау перепробовал уже много профессий, и эта была хуже всего. Но как бежать, если помещики настигали беглецов и секли их на глазах у всех, для примера? Все в фазенде помнили Ранульфо, помнили, как его били за то, что он хотел убежать неведомо куда. Ранульфо умер, сгорел в печи, превратился в тощий, жёлтый труп. Он умер в тот момент, когда Варапау думал о терно и о побеге, и первая репетиция происходила возле покойника в ночь начала дождей. Пришёл полковник, и Рита прижималась к нему, Варапау сам видел. Другие репетиции были удачнее, оживлённее, в них участвовало больше народу; весть о праздничной процессии скоро распространилась по соседним фазендам, и стали прибывать всё новые люди, чтоб выступить в ней. Собрался оркестр. Много было хлопот. Варапау задумал терно, чтоб бежать. Они пойдут далеко, из дома в дом, из фазенды в фазенду, так легче незаметно ускользнуть, уйти в сертаны, чтобы вернуться потом на ильеусские пристани. В памяти Варапау всё ещё жила Роза, — вот это так красота! — с которой он провел несколько ночей в городе. Она ушла от него, не сказав ни слова, он должен ещё раз увидеть её, хотя бы для того, чтоб отлупить; хорошенько отлупить, чтоб в другой раз ей не повадно было обманывать настоящего мужчину. Но постепенно заботы о подготовке терно, ежедневные хлопоты и репетиции увлекли Варапау. Негр Флориндо тоже хотел бежать, увидеть другие земли. Варапау

собирался взять его с собой. Вначале они строили планы, подолгу спорили о том, в каком месте лучше оставить процессию и углубиться в лес. Но потом Варапау просто увлёкся своей праздничной процессией. Он всё реже и реже говорил о побеге. Иногда негр Флориндо приставал к нему:

— Ну так как же? Утекаем или нет?

— Ну ясно, утекаем...

Но он говорил это неохотно, без убеждения, только чтобы не огорчать негра. Варапау чувствовал, что у него не хватит духу бросить процессию, ведь это была его затея, он ведь сам всё устроил, и это было так красиво!

Капи находил, что ничего красивого тут нет. Он видел пастушеские пляски и «бумба-меу-бой» в Сеара — это вот было действительно красиво, стоило поглядеть. Он даже сам выступал; пастушки пели, а Капи, в роли царя Ирода, отвечал им. Это были песни особые, для праздника, не то что эти унылые напевы земли какао, под которые они должны были теперь танцевать:

В печи сгорел Манека,
значит, настал его час...

И где это видано, чтоб пели такое во время праздника! Совсем некстати... Ведь есть особая музыка, есть песни, в которых поётся о рождестве Христа, о Пилате, об Ироде, о божьей матери и святом Иосифе — целая история, и очень красивая история. А это разве праздник — с песнями о баркасах, печах, какао? Всё делается не так...

Капи поделился своими сомнениями с Варапау, но мулат обиделся, полез драться, даже схватился за нож.

— Подумаешь, какой барин! Всё только из-за того, что ты когда-то участвовал в какой-то там процессии у себя на родине... А я вот уверен, что наша не хуже... А если не по вкусу вашей милости, так можете убираться; и лучше меня не задирай, я никого не боюсь, а тем более какого-то пришлого...

Но Капи совсем не хотел драться, просто ему было обидно, что эта жалкая процессия будет называться терно «Царей волхвов». Он очень хорошо знал, что это такое. Красота, прямо загляденье... А тут что? Подделка, да и то плохая.

— Да я вовсе не хочу ссориться, просто я говорю...

— А ты б лучше не говорил, а помолчал. Я никого насильно не заставляю выступать...

Но как же не выступить в процессии, хоть и непохожей на ту, в которой Капи играл Ирода («...царь Ирод...» — слышались Капи поющие голоса), если на всем протяжении земель какао в этом сезоне не предвиделось никакого другого праздника? «Терно Варапау»... Это было событие. Работники из далёких мест, с чужих плантаций пришли в фазенду полковника Фредерико Пинто специально для того, чтоб увидеть терно. Варапау уже не вспоминал о побеге, он, казалось, совсем забыл, что придумал всё это, только чтоб бежать. Как бежать, если такое дело? Если он оставит процессию, кто же будет всем заправлять? Как бросить девушек, одетых в костюмы из папиросной бумаги (трое из них еще совсем девочки, но это ничего), Капи, наряженного быком, зажженные фонарики, оркестр, играющий мелодии земли какао?.. Как тут бежать?

Праздничная процессия — «терно Варапау» — зажгла новые звезды, жалкие бедняцкие звезды по дорогам какао, в дни рождества. Процессия вышла в канун праздника из лачуги, где жили Капи, Варапау и Флориндо. Во главе шёл оркестр, музыканты играли, а позади шесть пастушек с раскрашенными красной бумагой лицами несли самодельные фонарики. Затем шли мужчины в два ряда, одетые во всё лучшее, что у них было, — всего пятнадцать человек. Посредине шел Капи, он был закутан в простыню, которую дал ему надсмотрщик, а на голове у него красовался коровий череп, подобранный в поле, — Капи изображал быка. Варапау изображал лесного духа каипору. А отец Риты, размахивая кнутом, которым обычно погонял скот, изображал пастуха, оглашая воздух протяжным, тоскливым окриком: так кричат погонщики ослов в сертанах. Впереди всех шла Рита, никто не знал почему. Может быть, потому, что она была красивее всех и все желали её.

Так праздничная процессия вошла в помещичий дом. Полковник Фредерико Пинто был в гостинной вместе с доной Аугустой и детьми. У них были гости — соседние помещики и друзья, приехавшие посмотреть терно. У входа в дом участники терно пели:

Разрешите, мы войдём,
разрешите, мы споём...

В освещенной гостинной они беспомощно столпились, оробев. Но полковник велел подать водки, музыканты уселись на скамью, началась пляска. Варапау погасил фонарики, как только вошли, чтобы свечей хватило на весь праздник. Они танцевали свой танец, танец бедняков, и

пели песни бедняков. Полковник Фредерико, словно издеваясь над неусыпно следившей за ним доной Аугустой, бросал жадные взгляды на бедра Риты, поднимавшиеся и опускавшиеся в танце, так похожем на тот, который работники фазенд плясали на баркасах, разминая какао. Оркестр играл нестройно, и всем заправлявший Варапау кидал свирепые взгляды на музыкантов. Отец Риты время от времени оглашал воздух резким окриком погонщика ослов — это всё, что он мог сделать для успеха терно.

Какой жалкой, какой до слез жалкой, какой бесконечно жалкой казалась эта праздничная процессия! Но все же она несла с собой веселье, и Варапау был страстно увлечен всем происходящим — плясками, песнями и музыкой, выкриками погонщика ослов. Он даже не замечал Риту, которую все так страстно желали, не видел четырех девушек и трех девочек, он видел только терно — фонари, и оркестр, и пляску в большом зале помещичьего дома. Снова подали водки, снова люди начали плясать. Потом они пропели, что просят их отпустить:

Разрешите нам проститься,
разрешите в путь пуститься...

Варапау зажег свечи в фонариках, оправил платья на пастушках (одна уже порвала свой костюм), выстроил в ряд оркестр. Надо было выходить с танцами. На веранде полковник Фредерико Пинто пытался потрогать крепкое бедро Риты. Варапау даже о Розе не вспоминал. Процессия направилась в дом надсмотрщика, потом в дома батраков, вышла на дорогу; повсюду угощали водкой. Негр Флориндо много пил, много плясал, но не забывал, что они с Варапау собираются бежать.

Посреди безлюдной дороги, вблизи лесного участка Жоана Магальяэса, он потянул Варапау за руку:

— Так мы что ж? Разве не утекаем?

Варапау всё откладывал:

— Потом...

— Здесь-то бы хорошо... Здесь лес, никто нас не увидит...

Варапау обратил на него умоляющие глаза сквозь звездную мглу ночи:

— Да как же бежать, когда процессия? Как же мы бросим её на волю божью? Кто ж всем заправлять будет, если мы с тобой уйдём?

И он бросился догонять процессию, которая уже исчезала за поворотом, унося с собой жалкие звезды качающихся фонариков.

Мариньо Сантосу нравился Жоаким. Ему уже не раз говорили, что шофер — коммунист. Мариньо знал, что он был арестован и больше двух лет сидел в тюрьме как политический преступник. Но Жоаким был замечательным механиком, способным и деятельным работником, и, кроме того, Мариньо чувствовал к нему какую-то особую симпатию. Он никак не хотел его расчитать, несмотря на неоднократные предостережения друзей. К тому же он полагал, что Жоаким уже отказался от всех этих вздорных идей. Ведь и Мариньо Сантос, когда был молод и только начинал жизнь, сочувствовал левым и даже помогал деньгами подпольщикам. В то время он был простым шофёром. Потом разбогател, ухитрился купить в рассрочку автобус, предприятие стало расти, теперь у него было много автобусов, а в банке лежали его векселя, которые надо было ежемесячно погашать — такая забота... Но дело было выгодное: когда Мариньо Сантосу удастся заплатить все долги, жизнь будет вполне обеспеченной. Плохо только то, что моторы требовали постоянных починок, автобусы часто выходили из строя. Вот здесь-то Жоаким и показывал себя: не было механика лучше него. Автобус, который у другого стоял бы целую неделю без дела в гараже, Жоаким исправлял в два дня. Мариньо Сантос хотел, чтоб он оставался на этой работе, хотя парень поступил сюда шофером и любил водить машину. Ему и в голову не приходило, какие грузы вёз Жоаким под сиденьем автобуса: манифесты, листовки, пропагандистские брошюры.

Сам бывший шофер, Мариньо Сантос любил хвалиться перед служащими своим скромным происхождением, побуждая их работать активнее:

— Я тоже начал шофером... Каждый может выдвинуться...

Он был в хороших отношениях со своими шоферами и служащими, и особенно с Жоакимом. Человек почти безграмотный, Мариньо Сантос хотел казаться интеллигентным, сведущим в вопросах литературы. Это было его манией. Когда Мариньо выпивал в компании вместе с Зито Феррейра, Рейнальдо Бастосом, Мартинсом и Гумерсиндо Бесса, он всегда охотно платил за всех, только чтобы иметь удовольствие послушать разговоры и споры товарищей. По той же причине он любил беседовать с Жоакимом, который много знал и часто появлялся с книгой под мышкой. Шофер не очень-то откровенничал с ним, но время от времени рассказывал что-нибудь, говорил о далеких странах, особенно о России. Мариньо

Сантос слушал в замешательстве, но с интересом. Он покупал книги, но не читал их, и обычно они попадали потом в жадные руки Зито Феррейра. Когда Жоаким «был в ударе» (что случалось далеко не всегда, к глубокому сожалению Мариньо Сантоса), он начинал рассказывать о той, другой земле, такой далёкой. Мариньо вставлял отдельные реплики, повторял литературные выражения, услышанные накануне вечером в баре. Он уважал шофера и ни за что не согласился бы расстаться с ним. Однако в конце беседы он обычно советовал:

— Выброси всё это из головы, Жоаким. Ещё случится с тобой что-нибудь неладное... Люди говорят, что всё это не к добру. А если и к добру, так все-таки лучше подальше, а?

Жоаким смеялся коротким смехом, похожим на смех Раймунды:

— То, что я рассказываю, можно найти в любом учебнике по географии.

Тогда Мариньо Сантос подмигивал ему одним глазом, словно говоря, что его не так-то просто провести, и уходил. Эти товарищеские отношения давали Жоакиму возможность чувствовать себя свободнее и уделять больше времени партийной деятельности. Когда он хотел уйти, Мариньо отпускал его:

— Можешь идти, но не задерживайся...

Как-то раз Мариньо Сантос пришел в гараж озабоченный. Жоаким почувствовал, что хозяин хочет с ним поговорить, но не решается. О чем бы? Целое утро, отправляя и встречая автобусы и грузовики, Мариньо ходил вокруг помещения, где Жоаким приводил в порядок испорченный мотор самого старого автобуса. Ходил и всё не решался заговорить. Наконец в полдень, когда Жоаким вынул из жестяной банки свой завтрак, Мариньо подошёл и сел на подножку автобуса.

— Ну что, Жоаким?

— Как дела, сеньор Мариньо?

— Ты шофер, я — хозяин, у меня пятнадцать автобусов и пять грузовиков. Но я тоже был когда-то шофёром и, слава богу, не стыжусь этого... Так-то вот...

— Работы нельзя стыдиться...

— Я вот озабочен... Я говорю сейчас с тобой, потому что считаю тебя скорее моим другом, чем служащим... И я уж просто не могу больше молчать...

Жоаким перестал есть, чтобы слушать внимательнее. Мариньо сказал:

— Может, это пустяки. Но вчера Мартинс, управляющий Зуде, ты знаешь его, тощий такой, у него ещё девушка есть на Змеином Острове...

— Роза, я ее знаю...

— Красоточка...

— Ага... Кто такой Мартинс, я тоже знаю.

— Ну вот. Он мне вчера сказал, что слышал, как моё имя упоминали в конторе сеньора Карлоса Зуде. Зуде разговаривал с американцем, сеньором Карбанксом. Мартинс вошёл как раз, когда они про меня говорили...

Он подождал, не скажет ли чего-нибудь Жоаким, но, так как тот молчал, заговорил снова:

— Я насторожился... Мартинс говорит, что они замолчали, когда он вошёл. Всю ночь я думал, что бы это такое могло быть... По правде сказать, и спал-то плохо. Ты знаешь: я чуть поважней, чем простой шофер, зачем таким богатым людям, экспортерам какао, мое имя поминать? Так вот, первое, что я увидел, когда пришел сегодня в мою контору, было это письмо.

Он показал письмо Жоакиму. Это было приглашение от Карлоса Зуде: он просил Мариньо зайти к нему в контору в три часа дня, «...по делу, крайне интересному для вас», — говорилось в письме.

— Что это может быть? Я позвонил Мартинсу, он ничего не знает. С утра ломаю себе голову, не представляю, в чём тут дело. Здесь говорится (он с трудом прочел): «...по делу, крайне интересному для вас». Что б такое это могло быть?

Жоаким высказал предположение, что, может быть, речь идет о каком-нибудь контракте на перевозку какао, может, Карлос Зуде хочет, чтоб пять грузовиков Мариньо работали только на его фирму. Но Мариньо даже рассердился:

— Какой контракт, глупости! Если б такое дело, он послал бы ко мне Мартинса договориться... И при чём же тут тогда разговор с сеньором Карбанксом? Нет, Жоаким, нет, тут что-то другое...

Жоаким признался, что сам ничего не понимает, и Мариньо удалился ещё более взвинченный, чем пришел, сказав, что пойдет переодеться для встречи с Карлосом Зуде:

— Пойду надену выходной костюм... Чтоб явиться во всей красе...

Жоаким, хотя всё это его не касалось, заинтересовался. Он с нетерпением ждал возвращения Мариньо Сантоса. Прежде чем направиться в контору Зуде, Мариньо зашел в гараж показаться. На нем был новый кашемировый костюм, начищенные сапоги. Он был тщательно выбрит, из кармана пиджака торчал шелковый платочек. Он казался торговым служащим, идущим на вечеринку. Он спросил Жоакима:

— Ну как?

— Здорово! — восхитился шофер.

— Зачем он меня зовёт, боже мой? — ещё раз спросил Мариньо с беспокойством и отправился.

Разговор был долгим, потому что часы в гараже уже показывали четыре, а Мариньо всё ещё не было.

В конце концов Жоаким и сам задумался над тем, что бы это такое могло означать. Он был озабочен и каждые пять минут смотрел на часы. Было около пяти часов, когда Мариньо Сантос наконец вернулся. Его лицо сияло. «Выпил...» — подумал Жоаким, хорошо знавший привычки хозяина. Мариньо, едва вернувшись, заперся в маленькой конторе гаража; вскоре пришёл служащий, который вел конторские книги, постучал в дверь и вошёл, Жоаким услышал, как ключ повернулся в замке.

— Дело серьёзное...

Когда служащий вышел, Мариньо Сантос высунул голову из двери и обвел взглядом гараж, шоферов и рабочих в выпачканной машинным маслом одежде, беседующих между собой. Только что подошел автобус, и снаружи, у двери гаража, еще копошились люди. Жоаким, только что закончивший работу, мыл лицо и руки под краном в углу. Мариньо окликнул его:

— Жоаким, Жоаким!

— Сейчас, сеньор Мариньо...

— Иди-ка сюда...

— Иду...

Он стал вытираться, Мариньо Сантос ждал у открытой двери конторы:

— Входи...

Жоаким вошёл и стоял, с изумлением глядя, как Мариньо Сантос запирает дверь, два раза повернув ключ в замке. Какие предосторожности! Потом Мариньо сел в старенькое вертящееся кресло и придвинул Жоакиму другое кресло, соломенное, с продавленным сиденьем.

— Угадай...

Лицо его светилось от удовольствия, он весь сиял. Он был немного пьян. Он откупорил бутылку водки и предложил Жоакиму выпить стаканчик.

— Спасибо, не пью...

— Глупо... Почему это ты не пьешь? Что ты, лучше других, что ли? Вот посмотри: чем я был? Шофером, как ты, как вы все. Выпью, бывало, стопочку, это мне никогда не мешало работать. Потом стал покупать автобусы, в одном месте занимал, в другом платил, еле сводил концы с концами... А теперь...

Он замолчал и выпил стакан водки.

— Теперь я богат, Жоаким...

— Богаты?

— Знаешь, что они хотели от меня?

И он стал рассказывать. Но прежде взял с Жоакима слово, что тот никому ничего не скажет: пока дело не будет сделано, никто не должен об этом знать. Он рассказывает об этом Жоакиму, объяснил Мариньо, потому, что считает его не служащим, а своим другом, да. Зуде и Карбанкс предложили ему не больше не меньше, как войти в его предприятие. Или, вернее, основать новое. Они уплатят все долги Мариньо, купят много автобусов и грузовиков, а он будет директором нового предприятия. Большие дела...

Жоаким задумался. Он старался проникнуть в суть дела, понять, зачем это нужно экспортерам. И стал расспрашивать Мариньо. Он узнал, что это будет акционерное общество, все экспортёры внесут свой капитал. Они хотят, как объяснили Мариньо, наладить транспорт в зоне какао, чтоб было много автобусов и грузовиков, особенно грузовиков. Они могли бы основать новое дело, но предпочитают использовать предприятие Мариньо, которое уже существует и процветает. Они расширят его, а другие ликвидируют.

— Акционерное общество?

— Да, сеньор...

— А ваш капитал?

— Автобусы, грузовики, гараж, моя работа...

— А какой процент акций?

— Большая часть...

— Большая часть?

— Да. Сорок процентов...

— Это не большая часть...

— Как не большая? — Мариньо Сантоса рассердило это первое возражение против сделки, которую он собирался заключить. — Сорок процентов — мои.

— А их — шестьдесят...

— Но ведь их восемь человек, а я один...

— Нет, сеньор Мариньо, вы — сеньор Мариньо Сантос, а они — экспортеры...

— Ну и что ж из этого? — Мариньо Сантос очень сердился, глаза его сузились... Он был пьян.

Жоаким начал разъяснять ему суть дела, но Мариньо прервал его:

— Эти разговоры не интересуют меня, Жоаким. Этот твой коммунизм, может, хорош для России, но не для нас...

— Да кто ж говорит о коммунизме?..

— Ты думаешь, я не понимаю всех этих разговоров? Такие-сякие экспортеры и так далее... Дело-то до чего выгодное! Да я и не подумаю отказываться...

— Желаю вам счастья, сеньор Мариньо, — сказал Жоаким, поднимаясь.

Но Мариньо Сантос уже успокоился и снова заговорил дружелюбным тоном. Он совсем опьянел и потому был особенно любезен:

— Не сердись, Жоаким, я просто немного разволновался. Не обращай внимания. Ты не разбираешься в делах, вот что. Я ведь хочу, чтобы ты у меня остался. Я сказал сеньорам Зуде и Карбанксу: «Я заключу договор, только ежели вы точно обещаете, что мои служащие будут продолжать работать у нас». Они не возражали... Они богатые, но ребята не плохие...

— Не сомневайтесь, сеньор Мариньо. Покуда вы того желаете, я останусь работать у вас...

Мариньо Сантос налил еще стаканчик.

— А, ведь ты не пьёшь... Глупо, парень... Я всегда выпивал глоточек, и никогда это мне не вредило... Дела мои от этого хуже не шли...

12

Жоаким остановился перед Сержио Моура в передней Коммерческой ассоциации Ильеуса и сказал, даже не успев поздороваться:

— Они хотят проглотить всё, сеньор Сержио... — и развел руками.

Поэт смотрел в окно, на сумерки, окутывающие сад тенью. Из-за радости, наполнявшей его душу, он не чувствовал печальной темноты вечера и не сразу понял взволнованный жест шофера. В задней комнате Жульета поспешно одевалась. Жоаким никогда не приходил без предупреждения. Да и почти всегда Сержио сам звал его, когда хотел поговорить о политике, надеясь, что опыт Жоакима поможет ему разобраться в собственных мыслях. Из каждого разговора с шофером он выносил что-нибудь нужное для себя. Он как-то сказал об этом Жоакиму, а тот ответил, что сам многому научился от Сержио. «Два человека всегда что-нибудь новое узнают, когда обмениваются мнениями. А если один знает так много, как вы, сеньор, так это ещё лучше», — объяснил Жоаким, и Сержио улыбнулся ему застенчиво и благодарно. Раз в месяц Жоаким

приходил за взносом, который Сержио, как симпатизирующий, вносил в фонд партии. Но сегодня он пришел неожиданно, в тот момент, когда Сержио был с Жульетой. Когда в дверь постучались, Сержио сначала не хотел открывать. Но Жоаким, знавший странности поэта (тот часто после работы запирался у себя и писал), крикнул:

— Это я, Жоаким. Я хочу поговорить с тобой.

Только в очень серьезные моменты Жоаким говорил Сержио «ты». Тогда он называл поэта «товарищ», и это Сержио очень нравилось, он считал это честью для себя. Несмотря на то что они часто встречались, между ними всё ещё оставалась какая-то невидимая преграда, причиной которой была, быть может, робость обоих друзей. Наверно, никого в Ильеусе Сержио Моура так не ценил и не уважал, как Жоакима. Это был человек другого времени, человек будущего, Сержио казалось, что каждая встреча с шофером приближает его самого к этому будущему. От Жоакима веяло силой и крепкой верой в свое дело. Он был человеком большой чистоты, и эта чистота восхищала Сержио, хотя и несколько стесняла его. Он ценил Жоакима по-особому, как ценил самые любимые книги — Бодлера, Уитмена. Они хорошо понимали друг друга, но Сержио чувствовал, что между ними существует нечто мешающее полному сближению. Они разговаривали о политике, иногда о поэзии. Жоаким любил стихи Сержио и даже имел некоторое влияние на его творчество, так как иногда критиковал его поэмы, революционные по содержанию, но туманные по форме.

— Рабочий не поймет этого... — сказал он как-то.

— Но ведь поэзия... — И Сержио начал длинное объяснение.

— Всё это очень хорошо, товарищ, — серьезно возразил Жоаким. — Может быть, то, что вы говорите, и верно. Я в этом ничего не смыслю, может, оно и так, спорить не буду. Вы — поэт, вам лучше знать. Но скажите: зачем нужна эта поэзия? Разве не затем, чтоб помочь революции?

— Да.

— А кто будет делать революцию? Рабочие, народ, бедные люди, ведь правда? Как же эта поэзия может помочь революции, если те, кто будет делать революцию, не понимают, что эта поэзия хочет сказать? Когда я читаю Ленина, я понимаю всё, чему он учит. Я рабочий, но это написано ясно, и я это понимаю... Я думаю, хорошо бы, чтобы и поэзия была такая...

Поэт долго спорил, не желая признать себя побеждённым. Но из этого спора родилась его новая поэтика: с этого дня он начал искать народные ритмы для своих стихов. Жоаким обрадовался, как ребенок, когда спустя некоторое время Сержио показал ему новые поэмы.

— Вот это да... Это красиво и всем понятно, — сказал он с чувством. — Вот это нам нужно...

Сержио чувствовал себя вполне вознагражденным за все усилия.

Да, они разговаривали о политике, об экономике, даже о поэзии. Они разговаривали долгими вечерами, но никогда не обменялись ни единым словом о своей жизни, никогда, несмотря на все свое желание, Сержио не решался рассказать Жоакиму хоть что-нибудь о себе. И не потому, что ему хотелось казаться лучше, чем он был на самом деле. Как-то раз шофер в пылу спора сказал:

— В вас всегда останется что-то мелкобуржуазное...

Сержио засмеялся и добавил:

— Хуже того, Жоаким. Прибавьте к порокам мелкобуржуазного происхождения пороки интеллигентской касты... Тяжкий случай...

Жоаким тоже засмеялся своим коротким и добрым смехом:

— Не принимайте мои слова всерьёз, товарищ Сержио. Важно быть честным интеллигентом. Я не очень-то хорошо разбираюсь в этой самой поэзии. Но ваши стихи мне нравятся, и есть люди, которым я их уже читал, им тоже нравятся. Мы знаем, что вы с нами... А это уже кое-что...

Разговор на этом кончился, и больше никогда они к этой теме не возвращались. Но Сержио хотелось бы поговорить с Жоакимом о своей жизни, о Жульете, например.

Жульета очень изменилась за последние месяцы. Она нашла новый мир и ушла в него, как конкистадор уходит в глубь завоеванных земель, с жадностью ища в них новое, незнакомое, удивительное. С этим миром она была раньше чуть-чуть знакома по книгам — по тем романам, которые она время от времени случайно покупала и читала, не очень-то вдумываясь. Но теперь Сержио открыл ей новые горизонты, целый мир поэзии. Она словно шла по воздуху, лёгкая, как облако, гонимое ветром. И когда Сержио понял, что происходило с ней, он с восторгом предался труду воспитателя, принялся учить её, словно стремясь заново вылепить её душу. Это было так же увлекательно, как писать поэму. Он делал это с чувством некоторого эгоизма, это тоже было одним из способов отомстить Карлосу Зуде. Он украл у Карлоса не только тело его жены, он украл и её душу, он создал новую Жульету Зуде. Сейчас она была в зале и одевалась, немного испуганная. Сержио сказал, чтоб она не боялась. Он уже кое-что рассказывал ей о Жоакиме, и она давно просила познакомиться её с шофером.

В передней Жоаким рассказывал о деле Мариньо Сантоса. Жульета вышла из комнаты. Сержио услышал шаги и немного испугался: что скажет Жоаким?

— Можно? — спросила она.

Подошла к мужчинам и остановилась. Жоаким опустил глаза. Но Сержио Моура внезапно решился:

— Жульета, я хочу представить тебе моего друга Жоакима...

Он сказал Жоакиму:

— Это Жульета.

Жоаким протянул руку. Невольно у него вырвалось:

— Жена Карлоса Зуде...

— Ну и что же? — возразила Жульета. — Сержио мне говорил: «Мой друг Жоаким поймёт. Он все понимает...» Жена Карлоса Зуде... Нет, сеньор Жоаким. Я жена Сержио Моура...

— Да ладно. Я не хотел обидеть... — сказал шофер. — Сорвалось... Нечаянно...

Сержио улыбался, за окном зажигались огни.

— Давайте зайдём... Там поговорим...

«Этот уж мне Сержио...» — думал Жоаким, направляясь в зал заседаний. Жульета вся пылала, ей казалось, что она наговорила лишнего, обидела парня, Сержио находил, что всё это забавно, хотя не совсем удобно, и решил поставить точки над «i».

Они сели, Жоаким вертел в руках шапку. На столе стояла клетка; красивая чёрная птица смотрела на присутствующих равнодушно, как пленник-принц. Сержио сказал:

— Вот эта птица не притворяется ни перед кем. Люди всегда притворяются, играют роль, как на сцене. Притворяются, даже когда отмалчиваются, когда ни о чём не рассказывают... Люди прячутся друг от друга...

«Зачем он так трудно говорит?.. — думал Жоаким. — Чего он хочет?»

Сержио продолжал:

— Зачем нам притворяться, ведь мы друзья! Вот хотя бы Жульета... Человека ведь трудно узнать. Жена экспортёра... У неё есть любовник. Вы, конечно, давно знали, Жоаким, а всё-таки мы с вами никогда об этом не говорили. Притворялись...

— Я тут совсем ни при чём... Это меня не касается. Зачем мне вмешиваться в частную жизнь других? Мы с вами беседуем, сеньор, обмениваемся мнениями, вы мне помогаете понять то, что я не понимаю. Я узнаю много нового. Иногда я что-нибудь расскажу, думаю, может, вам пригодится. А ваша жизнь? Это не моё дело...

Тогда Сержио заговорил по-другому. Он перестал быть писателем, наблюдающим забавную сцену. Он был огорчен, ему было больно.

— Человек не машина... И революция — тоже не машина...

Жоаким взглянул на Сержио, потом на Жульету. Во взгляде его был упрёк.

— Не беспокойтесь, — поспешил объяснить Сержио. — Жульета — человек настоящий, честный, не знаю, верите ли вы мне. Можете говорить при ней...

Жоаким видел, что поэт опечален, и понимал, к чему он клонит.

— Каждый человек нам нужен. Нужен больше, чем что бы то ни было, товарищ Сержио. У капиталистов есть деньги, и они покупают всё: суд, полицию, церковь, правительство — всё. А у нас только один капитал — товарищи...

— И что ж из этого следует?

— Что из этого следует? Если бы вы были членом партии, я сказал бы вам: «Товарищ Сержио, это нехорошо. Хотя её муж экспортер, все-таки это нехорошо. Если вы друг другу нравитесь, почему не соединитесь вместе? Почему обманываете человека?» Вот что бы я сказал...

Жульета пристально смотрела на Жоакима. Впервые в жизни с ней говорили так прямо — так прямо и резко. Но гость ей нравился, и она уже не сердилась на себя за то, что сказала. Жоаким поймал её понимающий взгляд.

— Простите меня, сеньора. Это потому, что, если бы он был членом партии, его поведение было бы вредно для революции и для него самого. Тогда бы я так и сказал. Но вы, товарищ Сержио, только сочувствующий, и никаких обязательств у вас нет. Мы от вас не можем требовать больше, чем вы делаете, а это уже много. Ваши советы, ваши взносы, ваши стихи, что важнее всего...

Жульета подняла глаза:

— Вы хотите сказать, что я должна оставить Карлоса и уйти к Сержио?

— Это будет правильно...

— Очень хорошо, — сказал Сержио. — Никто не спорит. Так, в целом, это верно. Но есть частности. Жульета выросла в роскоши, привыкла к комфорту, к большим деньгам. Вы скажете, это глупости? Так кажется с первого взгляда, но это не так. Я живу на жалованье, на жалованье, которое потеряю, если Жульета уйдёт ко мне... Мы слеплены из другой глины, чем вы, коммунисты. И глина эта — непрочная, она легко превращается в грязь... О, слишком легко.

Он вдруг заговорил откровенно, совсем откровенно, с неожиданной горячностью:

— Вы говорите о партии... Вы, значит, думаете, что мы, интеллигенты, сочувствующие партии, но не входящие в неё, не любим её? Мы любим её, да, любим, и очень сильно! Она для нас — залог нового мира, того мира, о котором мы мечтаем, о котором мы говорим в своих книгах, который мы ищем; залог того, что этот мир будет построен. Мы стоим у порога партии и не входим, несмотря на всю нашу любовь к ней. Не входим. Остаемся снаружи и толпимся вокруг... Как индюки какие-нибудь... А почему? Потому что мы не слеплены из той глины, из которой вылеплены вы... Мы слеплены из грязи... Из грязи, поверьте. Мы по шею увязли в этой грязи... Мелочи жизни засасывают нас, давят, уродуют и убивают.

— Каждый может исправиться... И партия помогает... Никто не рождается так, сразу, плохим или хорошим... Партия помогает людям, формирует их, направляет...

Сержио сказал решительно:

— Лучше быть только сочувствующим партии, но добросовестным, чем плохим членом партии...

Жоаким неопределенно улыбнулся, словно соглашаясь. Жульета была необычайно заинтересована разговором. Всё это было частью того чудесного мира, который она открывала постепенно, день за днём. Слова Сержио падали тяжело, как свинцовые:

— Вы говорите о люмпен-пролетариате... Как-то раз мы беседовали об этом, помните? Бродяги, богема, уличные женщины, воры. А мы — мелкая люмпен-буржуазия... Вы думаете, я могу уйти с Жульетой? Вот так просто взять и уйти? Если посмотреть на нас сейчас — красота! Что может быть лучше? Она меня любит, я её люблю. По-настоящему, всем сердцем, поверьте, Жоаким. Но если бы мы ушли, если бы она бросила мужа, а я со скандалом потерял место, если бы мы стали жить на жалованье, которое я с трудом зарабатывал бы в какой-нибудь редакции, что осталось бы от этой красоты? Надолго бы её хватило?

— Всё это сложно... — сказал Жоаким устало. — Когда кто-нибудь из товарищей приходит ко мне за советом, он говорит о конкретных вещах, и я могу помочь ему. «Жоаким, дела-то идут плохо! Зарплата не хватает, есть нечего. Что нам с семьей делать?» И я говорю: «Объявим забастовку». Это конкретно, это люди понимают, видят ясно, как руками трогают. А вы мне говорите: «Я живу с замужней женщиной, она мне нравится, я ей — тоже. Мы встречаемся тайно, это нехорошо, конечно. Но мы не можем уйти вместе, потому что не можем вынести трудную жизнь». Что ж я тут могу сказать?.. Не знаю, что и посоветовать, нехорошо это, по-моему, вот и всё.

Наступила тишина. Жульета хотела что-то сказать, но промолчала.

Жоаким снова заговорил:

— Сложно всё это. Когда-то Роберто путался с женой Танкредо; молоденькая была девчонка, хорошенькая. Встречались, будто, на пляже. Я узнал, позвал его. «Роберто, это ты плохое дело затеял. Член партии не должен так поступать. Если женщина тебе нравится, возьми её к себе и живите вместе». Роберто почесал голову, бессовестный был негр, по правде сказать, но всё-таки стал жить с ней вместе. Танкредо сходил с ума, сердился, хотел драться, но наконец успокоился. Вот как... А в другой раз всё страшно запуталось. Этот случай был с Безеррой, вы его не знаете, он уехал отсюда. Он сошелся с Эльзой, женой Лоло. Безерра был человек прямой, не стал долго раздумывать. Пошел к Лоло и всё как есть ему и выложил. Эльзу-то он увел, но Лоло покончил с собой. С тех пор Безерра ни на что не годен. Тоска его замутила. Запутанная история...

Жульета сказала:

— Любопытно, вы тут о серьезных вещах говорите, а мне пришла в голову одна забавная мысль. Я столько слышала о коммунистах. Я думала, что в вопросах любви они придерживаются самых свободных взглядов. А я вижу, что они такие строгие моралисты...

— Одно дело — свобода, а другое — разврат...

Жоаким хотел удержать это слово, но было уже поздно.

— Извините меня. Не умею я разговаривать с людьми тонкого воспитания.

— Не извиняйтесь. Говорите, что думаете. Но вы не поняли... Я очень рада, что вы такие... — Она улыбнулась. — Вы, наверно, не верите. Я бы и сама раньше не поверила...

Сержио Моура сказал примирительно:

— Довольно спорить. Мы с Жульетой идём вперёд. Увидим, что будет дальше. Кто знает, что нас всех ждёт? Всё может случиться... Я хочу знать только одно: это помешает нам быть друзьями? Всем троим?

Жоаким засмеялся:

— Я ведь не ханжа какой-нибудь...

Они сидели, улыбаясь друг другу. Жоаким взглянул на Сержио и Жульету — приятная пара. Сержио ему нравился, твёрдый орешек, не сразу раскусишь. Но душа у него честная, думал Жоаким. А женщина — хороша, видит бог! — и тоже как будто добрая. Но ведь она — жена Карлоса Зуде... Кто бы мог подумать?..

Сержио заговорил:

— Вы пришли с какой-то новостью... Мы вам даже рассказать не дали...

— Да неважно...

— Нет, расскажите...

— Помните, о чём мы с вами говорили несколько дней тому назад? Насчет повышения цен?

— Да...

— Так вот, увидите, они все поглотят... — Он повернулся к Жульете. — Простите, я буду говорить о вашем муже...

Она засмеялась.

— Вы знаете, что они, во главе с Зуде и Карбанксом, превратили предприятие Мариньо в акционерное общество? Большую часть акций они взяли себе.

Сержио даже присвистнул. Жульета старалась проникнуть в смысл слов Жоакима.

— Чего они хотят? — спросил поэт.

— Монополии на шоссейный транспорт...

— А потом...

— Если нам удастся дело с кооперацией землевладельцев, то они могут и совсем прекратить перевозку по шоссе. Железная дорога, понимаете...

Наступила тишина. Жульета хотела было попросить объяснить подробнее, но побоялась показаться нескромной. Жоаким сказал:

— Ваш муж, видите ли, портит нам жизнь. Он всем жизнь портит. Он все тут загубит, всё...

Жульета с ужасом подумала: «И он делает это для меня, чтобы я имела всё то, чего я хотела когда-то и что мне уж больше не нужно...» Но она ничего не сказала.

Жоаким поднялся.

— Простите, донна Жульета, если я вас обидел. Я рабочий, не умею разговаривать деликатно...

— Вы меня ничем не обидели... Я была очень рада познакомиться с вами.

Сержио подошел к закрытому окну, отдернул занавеску и взглянул сквозь стекло на освещенную улицу... Экспортеры неотступно шли к своей цели. Как солдаты в походе. Жульета подошла к Жоакиму, страстно спросила:

— Вы не думаете, что эта гниль, эта грязная глина может когда-нибудь стать лучше и тоже на что-нибудь пригодиться?

Жоаким быстро ответил:

— Нет тяжёлого труда для тех, кто хочет работать... Всякая земля

хороша, только иногда нуждается в удобрении... Не надо бояться... — заключил он.

Она улыбнулась. Птица смотрела на них из клетки, стоящей на столе. Жульете показалось, что она похожа на Сержио Моура. Поэт тоже напоминал пленника.

13

В конце первого года повышения цен, после сбора урожая, один и тот же вопрос волновал всю зону какао, от порта Ильеуса до дальнего селенья Гуараси на склонах Серры Бафоре: удержатся ли высокие цены? Видимые причины, вызвавшие подъём, — гибель урожая в республике Эквадор, понижение продуктивности плантаций Золотого Берега, — были случайным явлением, которое не повторится. Газеты объявляли о большом урожае в Африке, о ликвидации вредителей в Эквадоре. Снизятся ли цены на какао? Этот вопрос беспокоил всех.

Полковникам этот первый год повышения цен принёс новые прибыли, хотя несколько меньшие, чем они рассчитывали. Но прибыли всё же были, несмотря на то что масса денег уходила на кутежи в кабаре, на публичных женщин, на игру в рулетку и баккара.

Эра безудержного расточительства ещё не началась. Неуверенность в устойчивости высоких цен на какао заставляла полковников вести учёт своим затратам. Бешеное расточительство началось только на следующий год, когда цены на какао поднялись выше сорока тысяч рейс. Только тогда полковники узнали, как увлекательно играть на бирже. Убеждение Жоала Магальяэса, что цены на какао никогда больше не снизятся, стало общим для помещиков и мелких землевладельцев.

Повышение цен влияло на все эти параллельно текущие жизни, пути которых иногда скрещивались. Полковник Манека Дантас деятельно принялся за постройку самого красивого особняка в Ильеусе. Пятьсот conto он истратил на это дело — на дом и обстановку. Но ещё больше отняла у него игра на бирже. С тех пор как полковники начали играть на бирже, он ни о чём другом и думать не мог. Это был лёгкий способ приобретать и терять деньги. Эти люди, сформировавшиеся в борьбе за завоевание земли, проведшие жизнь в зарослях леса, никогда не знавшие развлечений, теперь с жадностью хватались за всё, что давало им возможность пережить какие-то новые ощущения. Большинство полковников вело точно такую жизнь, как Манека Дантас. Исключение

составлял лишь Орасио, занятый тяжбой с сыном.

Подъём цен затронул всех: крупных помещиков, швыряющих деньгами в кабаре, мелких землевладельцев, никогда раньше не видевших столько денег, такого кредита. Однако уже тогда можно было видеть по некоторым признакам, что в облике города что-то меняется. Орасио, управляющий из своей фазенды ходом невыносимо затянувшейся тяжбы из-за составления описи, впервые в жизни стал наталкиваться на препятствия, трудности, враждебное отношение. Он всегда связывал борьбу против своих противников с политикой, но теперь власть ускользала у него из рук. Губернатор штата организовал новую партию, собрав людей из двух традиционных партий, и главой её в зоне какао был назначен Карлос Зуде. Орасио предложили войти в члены центрального руководства, но он отказался, оскорблённый. Когда он захотел взвесить свою политическую силу, то увидел, что остался почти совсем один. Интеграллисты увлекли многих из его бывших соратников. Другие, как, например, Браз, вошли в национальный освободительный фронт, организацию, которая после обвинения в коммунизме перешла в подполье. Но большинство вошло в новую правительственную партию. Карлос Зуде стал «новым солнцем, всходящим на политическом горизонте», как писал о нем какой-то местный журналист. Орасио вошел в оппозиционную партию (вернее, остатки партии), составляющую ещё значительную силу, но неспособную одержать победу над правительством. Члены этой партии хвастались тем, что Орасио присоединился к ним, но полковника это не удовлетворяло: выиграть процесс, будучи в оппозиции, было трудно, он знал это по опыту, ведь он прожил немалую жизнь.

Полковник Орасио да Сильвейра чувствовал, как власть ускользает у него из рук, и не понимал, в чём дело. Он был человеком другого времени, эта борьба была не та, какую он знал прежде. И он с головой ушел в свой процесс и каждую неделю вызывал Руи Дантаса к себе в фазенду, чтобы дать ему указания. Он покупал оружие и договаривался с наемными убийцами. Он жалел, что нет уже таких людей, какие были в старое время, когда он завоёвывал землю и боролся против Бадаро. Он надеялся, что выиграет процесс, но порой его охватывали сомнения, и он готовился к защите своих земель от раздела. «Не отдам, даже если мне самому придется умереть с оружием в руках», — сказал он Манеке Дантасу, и эти слова передавались из уст в уста по всему Ильеусу.

Вдруг он предпринял совершенно неожиданный шаг. В тот момент, когда пессимистически настроенный Руи Дантас окончательно решил, что процесс безнадежно проигран, и утверждал, что всё кончено, решено и

делать здесь больше нечего, Орасир вдруг вызвал его. Молодой адвокат встретил по пути нотариуса из Итабуны. Тот тоже ехал в фазенду по приглашению полковника. Они разговорились и приехали вместе. Орасио был у себя, мылся в тазу, негритянка Фелисия поливала водой его сгорбленную спину. Эти обливания только усиливали ревматические боли. Но это была многолетняя привычка, и полковник Орасио да Сильвейра не мог обойтись без своих холодных ванн. Посетители подождали на веранде. Полковник вышел, нащупывая палкой дорогу. Нотариус не знал, зачем полковник вызвал его.

— Фелисия, принеси водки...

Орасио повернулся к Руи Дантасу:

— Доктор Руи, ты мне составишь черновик завещания...

Оба взглянули на полковника недоумевающе.

— Напиши красиво. Такими словами, какие употреблялись тридцать лет назад. Черновик завещания покойницы... Напиши, что она оставляет свои земли сыну, чтобы ему принадлежали все доходы от них. Но что он не имеет права их продавать и вообще распоряжаться ими, пока я жив. Только доходы...

Теперь они поняли. Руи Дантас даже рот раскрыл, его поразила находчивость полковника. Он вспомнил истории знаменитых подлогов старого времени.

— Там, в комнате, есть перо и чернила... Новое перо...

Адвокат вошел в комнаты, Орасио остался вдвоем с нотариусом.

— Менезес, много лет тому назад, когда твоя контора ещё не принадлежала тебе, она была сожжена Теодоро дас Бараунас по приказу братьев Бадаро. У меня там было записано право на владение землями Секейро Гранде. Потом прежний нотариус умер, и я отдал контору тебе, правда?

— Да, правда, сеньор... Я так обязан вам...

— Хорошо, что помнишь... У тебя ещё сохранились эти обгоревшие книги? Есть они, да?

— Есть, полковник.

— Всё можно сделать очень хорошо. Ты внесёшь завещание Эстер в одну из этих книг. Потом посыпь запись мукой, чтобы казалось, что она старая. К этим книгам никто с тех пор не прикасался, там много чистых страниц... Во многих местах есть подпись доктора Жессе, кума Манеки Дантаса. Ты запиши туда завещание...

— Это опасно, полковник...

— Я тебя не спрашиваю, опасно ли это... Я тебе говорю, что ты

должен сделать... Я тебе заплачу...

— Не в том суть, полковник. Если это откроется...

— А разве ты не делал других подлогов? А кто написал фальшивую ипотеку плантаций Педро Кастро? А Нестора Баиа? Ты — старый плут, Менезес. Ты сделаешь это. А я заплачу тебе двадцать конто за работу, за риск. Игра стоит свеч...

— Но, полковник...

— Вот что я тебе скажу, Менезес: я знал твоего отца, настоящий был человек. Он был мне друг, я был ему друг. Поэтому я устроил для тебя это дело с конторой, отдал ее тебе. Мог отдать другому. Но если ты не сделаешь того, о чем я тебе только что сказал, я забуду, что ты — сын старого Менезеса...

Он крикнул, чтоб позвали надсмотрщика. Крик его, подхваченный работниками на баркасах, передался из уст в уста по всей плантации. Надсмотрщик прибежал бегом. Орасио приказал:

— Пришли ко мне Зе Комо...

Нотариуса охватил страх. Он боялся согласиться на подлог в этом опасном процессе и боялся отказать полковнику. К веранде, с ружьем на плече, приближался великан-негр.

— Добрый вечер, полковник...

— Я позвал тебя только, чтоб ты взглянул на сеньора Менезеса. Запомни его лицо, может, мне придётся послать тебя к нему в Итабуну с одним поручением... Это мой друг... Быть может...

Негр засмеялся, Менезес побледнел.

— Я согласен, полковник. Пусть доктор Руи даст черновик. Кто распишется за дону Эстер?

— Предоставь это дело мне...

Когда вошел Руи Дантас и прочел набросок завещания, Орасио внёс в него мелкие поправки и сказал:

— Доктор, у тебя есть девчонка в Ильеусе, ведь правда?

Руи Дантас смутился. С детства он питал к полковнику большое уважение, было как-то неловко отвечать на такой странный вопрос. Орасио продолжал:

— Ты не стыдись... Дело молодое... Говорят, красавица... Такие женщины любят деньги. Вот возьми это письмо (он вынул из кармана сюртука старое пожелтевшее письмо), снеси ей, пусть она хорошенько изучит почерк покойницы... Здесь есть подпись... Скажи, чтоб она научилась эту подпись подделывать, хорошо подделывать. Потом поезжай с ней в Итабуну, в нотариальную контору, там она распишется...

— Хорошо, полковник... Но платить ничего не надо...

— Лучше заплатить, доктор Руи Дантас. В таких делах лучше не одолжаться ни у друга, ни у женщины. Дай ей два конто, ведь девушка рискует...

Руи Дантас и Менезес вместе возвращались в Итабуну. Обоих разговор с полковником несколько ошеломил. Но Руи был теперь уверен в успехе, считал, что благодаря этому замечательному подлогу процесс будет выигран, и этот профессиональный интерес мешал ему предаваться страху. Напротив, Руи был в приподнятом настроении. Успех этого процесса обеспечит ему славу хорошего адвоката, не говоря уже о том, что полковник платит по-царски. Хотя старый полковник вёл суровый образ жизни, во всём себе отказывая, экономя каждый грош, но на этот процесс он денег не жалел. Ему важно было не допустить раздела своих земель и дать хороший урок Сильвейринье...

Менезес никак не мог успокоиться. Смелый подлог... Но нет сомнения, что полковник заплатит щедро. Двадцать конто — не такие деньги, которыми можно швыряться. Они вспомнили тот пожар в нотариальной конторе, много лет назад... Он тоже произошел из-за одного подлога, совершенного Орасио. Теодоро дас Бараунас нагрязнул со своими людьми, поджег старый глинобитный дом. Что случится на этот раз?

— Мы можем попасть в беду, сеньор доктор...

Руи Дантас был фаталистом:

— Без риска ничего не делается, сеньор Менезес...

Несколько недель спустя адвокаты Сильвейриньи были поражены внезапным появлением старого завещания доны Эстер, отвергавшего все права наследника на фазенды, кроме права получать от них доход. «Молодец старик», — говорили сторонники Орасио.

Руи Дантас проходил по улицам Ильеуса с важным видом.

14

Он проходил по улицам Ильеуса с важным видом, а в кабинете, устроенном для него в новом особняке Манеки Дантаса, обливался потом, придумывая звучные рифмы. Жизнь Руи Дантаса тоже изменилась с повышением цен на какао. Из молодого богатого бездельника, бесцельно тратившего время в городских барах, он превратился в известного адвоката, принимающего участие в самом крупном в зоне какао процессе того времени. Он ходил с гордо выпяченной грудью и сорил деньгами. Деньги

доставались ему легко от Орасио, а ещё легче от Манеки Дантаса, который давал не считая. Руи тратил массу денег на Лолу, одевал её в лучшие ткани, дарил ей драгоценности, повез на прогулку в Баию. Пепе часто выпрашивал у него по нескольку конто, грязные дела Пепе шли как нельзя лучше, теперь он ещё лотерею придумал. Лола относилась ко всему этому с полным равнодушием. С тех пор как Пепе проделал «шулерский трюк» с Фредерико Пинто и основал кабаре с публичным домом, аргентинке все стало безразлично. Пепе почти её не замечал, приходил редко, большей частью только за деньгами. Он подсчитывал стоимость драгоценностей, забирал все деньги, какие находил (а обычно это было много), говорил ей несколько приветливых слов, иногда спал с нею.

Трудно объяснить, как достала Лола первые дозы кокаина. Но как бы то ни было, она его достала и начала нюхать. Когда Руи Дантас открыл это, он встревожился, у него было мало опыта в этом деле, раза два-три он пытался нюхать кокаин в публичных домах. Он стал было бранить Лолу, но аргентинка подняла на него большие грустные глаза и сказала, что только так она чувствует себя счастливой. Руи лег с ней в постель — он всё еще сходил с ума по этой женщине, — и дело кончилось тем, что он тоже попробовал нюхать кокаин. В те времена студенты из богатых семей, приезжавшие на каникулы, нюхали кокаин в кабаре — больше для моды, чем из пристрастия к пороку. Повышение цен несло по большим городам столько разных вещей, хороших и дурных... Руи Дантас ещё больше привязался к любовнице. Он писал ей сонеты и надеялся, что Лола совсем бросит Пепе и останется только с ним. В его слепой страсти к этой женщине всегда оставался налёт какого-то романтизма, романтизма, правда, дешёвого, но всё же трогавшего Лолу, для которой любовь была профессией. Грустно становилось ей от этого романтизма... На её долгом пути профессиональной проститутки высшего класса она от многих мужчин слышала те же слова, что говорил ей Руи в ночи романтической страсти с привкусом шампанского и запахом кокаина:

— Ты не родилась для этой жизни...

Из-за этого-то ей и хотелось убить себя. Она находила, что мужчины хорошие и ласковые. Все, которых она знала, которые ложились в её постель для того, чтобы быть потом безжалостно ограбленными, хорошо относились к ней, обращались с ней ласково, нежно. Полковник Фредерико Пинто растрогал её своей любовью. Руи был слишком сладок, и подчас его трудно было выдержать, но он тоже любил её, писал ей сентиментальные стихи; он казался скорее нежным мужем, чем богатым любовником.

Но по-настоящему Лолу влекло только к одному мужчине — к Пепе.

Она знала, что Пепе её не любит, что она для него — только источник дохода, но, несмотря ни на что, любила его. Она была действительно счастлива, только когда приходил Пепе, когда он гладил её по голове и говорил ей хоть пару слов. Когда он уходил, она принималась за наркотики и только потому не кончала с собой, что знала: все дела, в которые впутался сутенер, могут каждую минуту лопнуть. И тогда она снова будет ему нужна.

Она слушала терпеливо (терпенье было частью её профессии) длинные скучные рассказы Руи о процессе Орасио. Она чувствовала смутную симпатию к полковнику, как симпатизировала Манеке Дантасу, хотя знала, что отец Руи её ненавидит. Манека Дантас велел ей передать, что предлагает десять конто за то, чтобы она уехала, оставила его сына. «Он должен заплатить много больше», — сказал Пепе. Но Лола с удовольствием бы сделала это бесплатно, если б могла. Это она подделала подпись Эстер в фальшивом завещании. Пепе потребовал пять конто. В поезде Руи рассказал ей о супруге Орасио, и Лолу очень взволновала история этой женщины, у которой хватило мужества бежать от своей судьбы, хватило духу порвать корни, связывающие её с землёй какао. У неё, У Лолы, не было этого мужества. Её судьба — это Пепе, как бросить его? А Руи говорил, что она «не родилась для этой жизни»... Иногда она ненавидела Руи, и в те ночи, когда он не приносил ей кокаина, обращалась с ним грубо. Потом она раскаивалась, ведь бедняга ни в чём не виноват... Он делал всё, чтоб её развлечь, дарил ей дорогие подарки, посвящал запутанные сонеты... Даже начал употреблять наркотики, только чтоб угодить ей...

Руи Дантас чувствовал настоящую страсть к белокурой аргентинке. Для юнца, привыкшего без цели шататься по ильеусским улицам, эта утончённая женщина из другой страны представляла огромный соблазн. Она научила его пить шампанское, нюхать кокаин, приучила к утончённым ласкам. Он не мог жить без неё, он был на всё способен, чтоб её сохранить. Манека Дантас подыскивал ему невест, богатых девушек из местного высшего общества, но Руи их отвергал. Он перестал ходить на вечера в Общественный клуб, он больше не скрывал свою связь с Лолой; водил её в «Трианон» на долгие ужины, к которым присоединялись отдыхающие студенты и литераторы, находившиеся проездом в Ильеусе. Ему неудержимо хотелось чувствовать себя ее мужем, женихом, влюблённым рыцарем. Никогда не сумеет он быть просто любовником. Поэтому-то он и обливался потом в поисках звонких рифм для своих сонетов. Лёжа в постели с Лолой, он предавался всевозможным излишествам, оба

напивались допьяна, погружались в таинства наркотиков... Но в сонетах их любовь представляла как самая романтическая, самая чистая, самая наивная...

Он держит перо в правой руке, а левой делает декламаторский жест, надеясь, что так нужное слово скорее придёт в голову. «А ещё говорят, что писать стихи может всякий бездельник... Составить прошение куда легче...» Люди не знают, какого труда стоит порой придумать хорошую рифму и приспособить к ней смысл того, что хочешь выразить. Руи Дантас, без пиджака, с засученными рукавами, кажется человеком, готовящимся померяться с кем-то силами. На волосатых руках и на гладко причесанной голове проступают капли пота.

Это адский труд — написать сонет, особенно в точном размере александрийского стиха, но Лола заслуживает любых жертв. А успех его стихов после их появления в печати, похвалы молодых литераторов, отзывы знакомых («Прекрасно, доктор! Красивые стихи...») или восторги романтически настроенных учительниц («Очень чувствительные стихи...»)!

Существовали ещё полковники, которые раньше отворачивались от него, находя, что вместо писания сонетов Руи Дантас должен был выступать защитником или обвинителем в судебных процессах, для этого он и диплом защищал, а не для того, чтобы сладенькие стишки кропать. Но теперь они уже ничего не говорили и стали относиться к нему совсем по-другому с тех пор, как Руи стал адвокатом Орасио и удивил всех, внезапно обнаружив завещание Эстер. «Хорошая работа...» — говорили полковники с одобрением. Во всяком случае, не стоило обращать на них внимания, и Руи Дантас говорил о полковниках вместе с другими литераторами: «Это буржуи». В это презрительное наименование не вкладывалось никакого классового смысла, это было определение чисто эстетического порядка.

Для Руи Дантаса значительно важнее было мнение Зито Феррейра, хотя тот был всего-навсего профессиональным вымогателем. Руи угощал его пивом каждый раз, как в печати появлялся очередной сонет, жадно слушал похвалы, они вместе читали новое творение, или Руи декламировал его в баре перед изумленными завсегдатаями. Иногда Руи читал свои стихи на вечерах, получая в награду нежные взгляды чувствительных барышень. Последнее время он стал подумывать об издании сборника своих произведений.

«Диарио де Ильеус» даже сообщила уже, что «в скором времени появится в печати под заглавием „Рассыпанные бриллианты“ сборник сонетов нашего талантливой сотрудника, молодого адвоката местного

суда, доктора Руи Дантаса». Сержио Моура прозвал будущую книгу «Фальшивые бриллианты»; Руи страшно оскорбился и не упустил случая спросить у какого-нибудь знакомого, понимает ли тот стихи Сержио Моура, эти иероглифы, которые без «ключа» расшифровать невозможно. Плохо было то, что писатели Юга в своих статьях хвалебно отзывались о поэмах Сержио. Руи Дантас никогда не забывал «сердечно поздравить» Сержио, когда «Диарио де Ильеус» перепечатывала какую-нибудь из этих статей. Но в глубине души он яростно ненавидел поэта. Из мести он рассказывал всякие ужасы про Сержио, про его быт, его манию разводить цветы и птиц. Позже, когда по городу пошли слухи о Сержио и Жульете, Руи усиленно занялся их распространением, добавлял скандальные подробности: что как-то ночью, когда Карлос Зуде находился в отъезде, в Рио, Жульету и Сержио видели на пляже, они обнимались, катаясь по песку, и что на второй день нашли женские трусики с вышитыми на них инициалами, забытые на пляже; эти трусики демонстрировались в ильеусских кафе, и в течение двух дней ни о чем другом не говорили.

На самом же деле Руи считал Сержио своим соперником во всём: в поэзии, где они представляли противоположные школы и имели столь разную ценность, в положении, которое они занимали в городе.

В кабинете, глядя на этажерку с толстыми книгами по юриспруденции и на стоящий на столе портрет Руи Барбоза,^[21] Руи Дантас пытается сочинить сонет с изысканными рифмами. Зито Феррейра сказал как-то в баре в большой компании, что Рун — «богатейший рифмач». Правда, кое-кто тогда улыбнулся, находя, что эта фраза имеет двойной смысл, что она звучит иронически. Но Руи не обратил на это внимания... Он долго подбирает звучные и малоупотребительные эпитеты. Пот течёт ручьями по его лицу и рукам, словно у портового грузчика, таскающего тяжести.

Под слоем мизерного литературного честолюбия Руи Дантас сохранял какую-то чистоту; поэтому припадки его гнева длились обычно так недолго, поэтому он держал себя с Лолой, как восторженный юноша. Она была проститутка, порочная и капризная, но Руи относился к ней почти как к жене. И так она была описана в этом сонете, стоившем его автору стольких трудов.

В соседней комнате слышались шаги Манеки Дантаса. Он вошел в дом шаркающей походкой и стал громко звать жену:

— Аурисидия! Аурисидия!

Он услышал шум в кабинете Руи.

— Руи, сынок, ты здесь?

— Здесь, отец...

Манека Дантас вошел, сел и только тогда снял шляпу. Его добродушное лицо расплылось в улыбке, как всегда при виде сына.

— Что ты там пишешь?

Руи смотрит на незаконченный сонет. В той части, что уже написана, изображается Лола в пышном платье и с нежным взглядом, проходящая по залитому солнцем замку мечты. Манека Дантас никогда этого не поймет...

— Прощение, отец, для процесса полковника...

— Так я не буду мешать тебе работать... — Он встал, дошел до двери и обернулся: — Бог да благословит тебя, сынок...

Руи Дантас снова склонился над сонетом.

15

Когда сбор первого урожая со времени повышения цен подходил к концу, Антонио Витор поехал в Эстансию. Раймунда осталась на плантации — следить за подрезкой деревьев, руководить работами. Антонио Витор набрал целый чемодан подарков, маленьких сувениров, купленных у бродячих торговцев в Ильеусе, и сел на корабль. Уже тридцать лет он не ездил по морю. Он ощущал в душе большое волнение и сам не понимал, что это лишь чувство гордости. Тридцать лет назад он приехал сюда на палубе одного из кораблей Баийской компании. Он был тогда юнцом, ничего не понимавшим в жизни, страх и тоска мучили его в ту лунную ночь. На этом корабле Жука Бадаро нанял его к себе на службу. Антонио Витор работал на плантациях, тяжёлый это был труд; потом он убивал людей, был ранен, получил кусок земли. Он вырубил лес, посадил маниоку и маис, потом посадил какао. Он и Раймунда. Теперь он едет в Эстансию в каюте первого класса, в сапогах со скрипом, о каких давно мечтал, с перстнем на пальце, со шляпой на голове, в хорошем кашемировом костюме. Теперь он помещик, почти полковник. Он разбогател в этих землях.

И вдруг, на палубе, он вспомнил об Ивоне. Уже давно он забыл о ней. Как далеки те времена, когда он уходил на опушку леса (тогда ещё существовал лес), чтобы предаться воспоминаниям. Потом он встретил Раймунду и забыл об Ивоне. У неё, наверно, сын от него. Каков этот сын? Лучше ли, чем Жоаким, который не пожелал работать на земле, стал шофером и связался с подозрительными людьми? Антонио Витор решил найти сына и привезти с собой на плантацию. Ему должно быть лет тридцать, может, уж женат, дети есть. Он его возьмет с собой, сын поможет

на плантациях. Этот сын станет тем, чем Жоаким не сумел стать. Жоаким очень похож на Раймунду, упрям так же, как мать, которая так злится на новый дом, словно её насильно заставляют там жить. Раймунда уже не исправится, с ней ничего нельзя поделать. Она так до самой смерти и будет работать на плантациях, плохо одетая, испачканная соком какао, с сердитым лицом.

Корабль качает на волнах, Антонио Витору не хочется есть. Растянувшись в шезлонге, он укрывается пледом. Полковник, дремлющий в соседнем шезлонге, просыпается и заводит с ним разговор. Они говорят о ценах на какао, о их повышении, об урожае будущего года. Антонио Витору кажется, что никогда ещё он не был так счастлив.

Когда Антонио Витор вернулся домой, ему удалось увидеть Раймунду тоже счастливой на мгновенье. В Эстансии он не нашел Ивоне — она давно умерла; не нашел и сына — ещё мальчишкой он уехал в Сан-Пауло, в край кофе. Но он купил там старинный испанский гребень, каких никто уже теперь не носит. Раймунда всегда мечтала иметь такой гребень. Долго она носила в своих жестких волосах старый гребень, подаренный ей доной Анной, в котором не хватало одного зуба. Раймунда обрадовалась подарку, обычное сердитое выраженье сбегало с её лица, когда она воткнула в волосы, в которых было уже столько белых нитей, этот испанский гребень, украшенный маленькими цветными стекляшками. Она была так довольна, что даже не казалась в эту минуту такой старой и уродливой; мрачные предчувствия, терзавшие её, на мгновенье потускнели в её душе, и лицо её с широким носом и толстыми губами казалось даже красивым.

16

На второй год повышения цен, когда ожидался новый невиданный урожай, жизнь всех обитателей зоны какао изменилась. Антонио Витор вёл себя как настоящий богач, утопал в роскоши, как большой помещик; капитан Жоан Магальяэс тратил все свои деньги на вырубку леса на своём участке; Манека Дантас построил особняк, Орасио занимался подлогами, Фредерико Пинто покорял молоденьких мулаток в своей фазенде и играл в рулетку. Они чувствовали себя «хозяевами земли».

В экспортных конторах дела делались чрезвычайно просто. Какой-нибудь полковник сдавал тысячу арроб.

— Сейчас курс сорок две тысячи рейс...

Открывали кредит на сорок два конто. Полковники сдавали какао и

тратили деньги на всё, что им вздумается: на еду и на игру, на семью и на уличных женщин, на колледжи и автомобили, на усовершенствование фазенд или на возбуждающую игру на бирже.

Когда кончился первый год повышения цен, многие полковники отправились в экспортные фирмы, чтобы проверить свой счёт.

— Как там у меня, сеньор Зуде?

— Да всё хорошо, полковник. У вас есть ещё кредит... Берите, сколько нужно...

Большинство так и делало. Некоторые всё же пожелали привести в порядок свои счета и были изумлены: остатка почти не было, многие даже задолжали экспортным фирмам.

— Ерунда...

Но цена всё росла, и они снова ощущали в своих руках сотни конто, когда продавали пять тысяч арроб какао. Хозяева земли...

Карлос Зуде улыбался: «Хозяева земли». Он сказал однажды Жульете, что в скором будущем «хозяевами земли» станут они, экспортеры какао: Зуде и Карбанкс, Раушнинги и Шварц, Рейхер и Антонио Рибейро. Когда к ним перейдет земля, фазенды, они уже не будут зависеть от полковников. В толстых бухгалтерских книгах фирмы «Зуде, брат и К°», а также и других фирм, рос долг полковников параллельно с ростом цен на какао. Карлос Зуде улыбался как полководец, убедившийся, что кампания проходит успешно. Это был прекрасно задуманный план. А ведь идея принадлежала ему, Карлосу. Правда, эту идею нельзя было бы претворить в жизнь, если бы Карбанкс и Шварц, особенно Карбанкс, не помогли ему. Прошёл год с тех пор, как он прилетел из Баии и собрал экспортеров в Коммерческой ассоциации. Сержио Моура нюхал розу, словно смеялся над ними. «Бедняга...» — думает Карлос Зуде. Кому нужны стихи? Не только в стихах существует красота, но и в той борьбе, которую так успешно ведёт сейчас он, Карлос. Мало кто понимает происходящее, А полковники и вообразить себе не могут, что их ждёт. Только вот коммунисты распространяют листовки, но полиция вылавливает коммунистов, и когда ей удастся схватить кого-нибудь из них, его сажают в тюрьму, высылают. Мало кто знает, что он, Карлос Зуде, экспортёр какао, стал воином, героем страшной битвы. Но Жульета знает, и этого достаточно.

Карлос Зуде задумался, сидя в своем кабинете. Начинается второй год повышения цен: понимает ли Жульета, что сейчас происходит? Он как-то попытался кое-что объяснить ей, в одну беспокойную ночь, когда начинались дожди. С тех пор он видел больше радости на лице жены, она уже не жаловалась на здешнюю жизнь, не просилась в Рио. Исчезла тоска,

что туманил а глаза Жульеты в ильеусские вечера. Карлос с удовольствием отметил это. Правда, у него не было времени особенно вдумываться в перемены настроений жены, никогда не проводил он с ней так мало времени, как теперь. Но для неё он работал, и если времени не хватало — значит, так оно и должно быть... Это даже льстило его самолюбию. Жертвы, которых требовало его дело, заставлявшее его уделять жене меньше внимания, чем она заслуживала, были как бы мериллом того, сколько ему приходится бороться, чтобы победить в этой битве.

В те вечера, когда он, усталый, выходил из своего кабинета, где провел много часов один за счетами и вычислениями, он обычно находил Жульету уже спящей и только тихо целовал её. Иногда он сжимал её в своих объятьях, ища в её близости награды за трудовой день. Но он чувствовал, что в этот год, который уже кончался, он не уделял Жульете столько внимания, как в прежние годы. Он заметил также, что и Жульета как-то отдалилась от многого, что раньше заполняло её жизнь. Она больше не сопровождала его в постоянных поездках в Баию, почти перестала встречаться с англичанами и шведами, которые раньше были её самыми близкими друзьями. Впрочем, муж Гуни был переведён в другое место, и новый консул не поддерживал с ними знакомства. Но ведь мистер Браун и англичане с железной дороги тоже перестали бывать у них, а ведь эти-то не выезжали из Ильеуса. Карлос был слишком занят, чтобы серьёзно задумываться над всем этим. Когда он думал об этих переменах в их семейном быту, он обычно довольствовался первым попавшимся объяснением, наиболее приятным и оптимистическим:

— Она видит, что я занят, много работаю... Поэтому она тоже идет на жертвы...

Ему хотелось сказать ей, чтоб она больше развлекалась, чтоб не думала о нём, чтоб не вела жизнь монашенки. Её одолела страсть к чтению, она окружила себя книгами, даже встречалась с Сержио Моура. Странный субъект. Придурковат, бедняга. Как он был смущён у них в доме в день рожденья Жульеты! Наверно, никогда не бывал в таком обществе. Скоро снова её рожденье... Не забыть бы о подарке! В прошлом году. Карлос привез жемчужное ожерелье, сам надел его на открытую шею жены. Что бы подарить ей в этом году? Теперь ведь он не только экспортёр какао, но и глава самой важной политической партии этих мест. Надо устроить большой праздник, пригласить много людей... не интимный вечер, как в прошлом году. Для Карлоса Зуде тоже настали другие времена. Надо объяснить Жульете. У нее теперь новые обязательства. Её хорошенькая головка должна поразмыслить над новым положением мужа. Он поговорит

с ней. Ему нужна её помощь. Жульета должна изменить своё отношение к видным людям города, должна быть любезнее с ними, принимать их, поддерживать связи в обществе. Он поговорит с ней. Карлос вспомнил о полковниках. Вот они действительно знают всех, они настоящие «хозяева земли». Кое-чему можно у них поучиться. Он поговорит с Жульетой.

Бедная Жульета, она родилась для пышных праздников, она привыкла к роскошной жизни, а судьба забросила её сюда, в этот маленький город! Но что ж делать... Это не надолго. Потом — когда битва будет окончена — они смогут отправиться в путешествие, жить в больших городах, даже в других странах. Карлос будет наезжать в Ильеус. Совсем не обязательно постоянно оставаться здесь и заставлять Жульету жить в этом скучном городе. Он воздаст ей сторицей за её жертвы. Они поедут в Соединенные Штаты, в Европу. В Ильеусе будет находиться экспортная фирма и плантации. Да, потому что новые «хозяева земли» будут непохожи на прежних, на полковников, которые безвыездно сидят в своих фазендах, среди какаовых деревьев.

Кто-то постучался в дверь кабинета. Карлос Зуде очнулся от своих мечтаний.

— Войдите...

Рейнальдо Бастос просунул голову в дверь и доложил:

— Пришел капитан Жоан Магальяэс...

— Пусть войдёт.

Робко улыбаясь, вошел капитан, со шляпой в руке, небритый, в высоких сапогах.

— Добрый вечер, сеньор Карлос.

Карлос Зуде встал, протянул руку, предложил капитану сесть.

— Как дела, сеньор? Как семья?

— Всё в порядке, сеньор Карлос... — Капитан был, видимо, смущён.

Карлос хорошо знал этих владельцев фазенд какао, знал, как нужно обращаться с ними. Он дал разговору идти своим путём, вяло и неинтересно, на самые различные темы. Только через четверть часа он спросил:

— Что привело вас сюда, капитан?

Тогда Жоан Магальяэс, уже осмелевший, объяснил:

— Я много лет продаю вам какао, сеньор Карлос... Ещё мой тесть имел дела с сеньором Максимилиано...

— Синьо Бадаро... Большой человек... Максимилиано много говорил о нём. Его ведь убили, да?

— В него стреляли, но он умер не от раны. От последствий...

— Так я к вашим услугам, капитан...

— Речь идёт о моей маленькой плантации. Понимаете, у меня остается ещё довольно большой участок леса, невырубленный. Если посадить на нём какао, моя усадьба будет давать двойной урожай. Или, может быть, даже больше. Я сейчас вырубая лес... Начал в прошлом году, но на это нужно много денег. Тот год был удачным для меня, и я мог начать работу. Но вы знаете, сеньор, плантация требует расходов, а вырубка деревьев — ещё больше... Батраки, материал, огромные затраты. Работа начата, да, видимо, придется приостановить...

— Но почему же, капитан?

— Деньги, вырученные за урожай прошлого года, уже все вышли... Потому-то я и пришёл сюда. В этом году урожай обещает быть хорошим. Я рассчитываю почти на две тысячи арроб. Я вам продам какао, как всегда... Но...

— Не трудитесь объяснять, капитан. Вы хотите деньги вперёд?

— Вот именно!

— Но ради бога, капитан, зачем было столько объяснений? Вы наш старый и добросовестный клиент. Вы можете пользоваться привилегиями в нашей фирме... Скажите только — и я прикажу открыть для вас кредит под продукцию будущего урожая, которую вы нам сдадите... На обычных условиях. Вы, сеньор, будете брать столько, сколько вам нужно. Какао будет числиться по той цене, какая будет стоять в день сдачи. Согласны?

— Очень вам обязан, сеньор Карлос.

— А вы думали, капитан, что я допущу, чтоб вы приостановили работы на вашей плантации? Ради бога, капитан... Не за что благодарить...

Он нажал звонок на рабочем столе и велел позвать Мартинса. В ожидании прихода управляющего он снова заговорил:

— Я был ещё мальчишкой, когда Максимилиано мне рассказывал о вашем тесте... Он носил длинную бороду, ведь правда? И у него был брат, большой храбрец, я слышал...

— Жука; вот его и правда убили. Очень храбрый человек был, да...

Вошёл Мартинс:

— Я к вашим услугам, сеньор Карлос.

— Мартинс, откройте кредит капитану на какао, которое будет доставлено. Заплатите, сколько ему потребуется. Квитанции как обычно...

Мартинс осведомился:

— Какой лимит, сеньор Карлос?

Карлос Зуде улыбнулся капитану Жоану Магальяэсу:

— Без лимита...

Отсутствовала Рита, краса терно. Рита была в посёлке, беременная от полковника Фредерико Пинто. Она жила в собственном доме с прислугой. Дона Аугуста знала об этом, ссорилась с мужем, устраивала ему каждый день сцены.

Варапау по ночам в разговоре с негром Флориндо ругал женщин. Роза бросила его, не сказав ни слова. Кто знает, где она бродит? Если она когда-нибудь ему встретится, он её хорошенько поколотит, чтоб знала, как обманывать мужчину! Рита бросила терно, побежала за полковником. Отец её продолжал работать погонщиком в фазенде. Он иногда ночевал у дочери, когда возил какао в город. Варапау представлял его недавно нанятым работникам:

— Это тесть полковника...

Негру Флориндо хотелось уйти отсюда. Сам Варапау вбил ему в голову эту мысль, когда собирался бежать, и уговаривал Флориндо присоединиться к нему. Но когда настал час, у Варапау не хватило мужества бросить праздничную процессию, такую красивую, посреди дороги. И снова они провели год на плантациях, собирая какао, танцуя на баркасах, входя в печь, убивающую людей. Снова приближался праздник. Опять начинались репетиции терно, и Флориндо снова заговорил, что «надо утекать». Варапау рассказывал ему чудеса об одной ильеусской девушке по имени Роза, которая была его любовницей. Долгими ночами описывал он её красоту, её голос, её смех, глаза, руки, губы; негру Флориндо захотелось её увидеть. Кто знает, где она бродит?

— На этот раз мы удерём...

Варапау отвечал неопределённым жестом, который мог означать и да и нет, — он сам ещё не решил. Они зарабатывали теперь на десять тостанов^[22] больше, им платили шесть тысяч рейс. Полковник у себя в именье ругался по поводу этого повышения, говорил, что во всём коммунисты виноваты. Как бы то ни было, мало что изменилось, потому что цены на товары и продукты, приобретаемые работниками в лавках фазенды, — на сухое мясо, фасоль, хлопчатобумажную ткань, холщовые брюки, — тоже возросли. Долги не уменьшались, ничего уж тут не поделать. Так было, так будет — судьба. «Судьба творится там, наверху», — говорили старухи, фаталистически указуя на небо. Для них существовала лишь одна далёкая надежда: на лучшую жизнь на том свете, где самые бедные станут самыми богатыми. Увеличение заработной платы

ничего не могло разрешить. Флориндо хотел бежать, он не думал, что судьбы творятся там, наверху. Однако со времени повышения цен полковник иногда по праздникам давал им денег, помогая устраивать терно, в этот раз дал даже больше. Хорошо, если бы он Рите позволил участвовать в терно! В этом году Варапау даже флаг приготовил. Кому ж, кроме Риты, его нести? Красивый флаг, из белой материи, вышитый красным. Посредине — большой плод какао, — это всё, что старая Витория умела вышивать. Капи хотел, чтобы она вышила младенца Иисуса, но старуха не умела. Получился плод какао, Капи протестовал. Но и так флаг был красивый, одно удовольствие смотреть. Если бы Рита пришла... Нет, и полковник ей не позволит, и дона Аугуста не допустит, чтоб девушка появилась в фазенде. Она осыпала оскорблениями отца Риты, как будто бедный старик был в чём-нибудь виноват.

— Старый рогач!

Рогач — это обманутый муж, как можно называть так отца, у которого единственную дочку увели? А дона Аугуста называет его «рогач», забавно слышать, как она ворчит, увидев старого погонщика, возвращающегося издалека со своими ослами:

— Старый рогач!

Даже непохоже, что она — жена полковника, — ревнует, как девчонка с плантаций. Да и толста она, как свинья. Правильно поступает полковник, берёт от жизни, что может...

Даже если полковник разрешит, дона Аугуста не согласится. Рита, с широкими боками, с покачивающейся походкой, была похожа на корабль на море, один из тех кораблей, что видел Варапау в Ильеусском порту. Похожа она была и на высокие кроны какаовых деревьев, качаемых ветром в солнечные дни. Отсутствовала Рита, краса терно.

Флориндо хочет убежать, увидеть свет, Ильеусский порт, найти Розу, которая неизвестно куда девалась.

— На этот раз мы удерём...

Но как бежать, если Флориндо будет в этом году изображать быка во время терно? Капи больше не соглашается, говорит, что играть быка скучно — плясать неудобно, а он хочет плясать. В прошлом году он ворчал, говорил, что этот терно никуда не годится, непохож на те, что он видел в Сеара, в одном из которых он изображал царя Ирода. Но потом Капи плясал больше всех и напился до чёртиков... В этом году Капи хочет плясать, и всё тут, так он и сказал: пусть Флориндо будет быком. Но Флориндо решил бежать.

— На плантациях капитана мы нырнем в чащу и удерём...

Они остановились возле лачуги, поджидая народ на репетицию. Люди идут издалека, с других плантаций, со всей фазенды. Оркестр увеличился, теперь два бубна и две гитары. Ночь тиха, только лёгкий ветер, пробегающий по веткам, нарушает её покой. Как красиво свистит ветер! Некоторые говорят, что это огненное чудище бойтата гуляет по лесу... Скоро начнутся дожди. Вдалеке, на дороге, зажигается красный свет фонаря.

— Идет народ...

Вон второй огонёк на тропинке. А вон и третий вдаль, едва виден. Люди идут на репетицию, а кажется, словно это религиозная процессия, паломники, бредущие издалека.

— Идет народ...

Флориндо хочет бежать.

— А мы найдём эту Розу?

— Ясно, найдём...

Флориндо ещё не надоели длинные описания. Флориндо хочет знать:

— А какая она? Правда, красивая?

— Правда ли? Сила-девка... Лучше не бывает...

— Красивей Риты?

— Гм... никакого сравнения...

— Пока не увижу... На этот раз мы удерём...

Свет фонарей бросал в ночь красные пятна. Отсутствовала Рита, краса терно.

18

Адвокаты Сильвейриньи возмущенно вопили в залах суда:

— Это бесчестный подлог...

Они пытались доказать то, что всем и так было ясно: завещание Эстер — фальшивое. Но как это доказать? Вот оно — в одной из старых полусожженных книг, написанное выцветшими буквами, тонким старинным почерком. Вот подпись доны Эстер Сильвейра, каллиграфическая подпись ученицы колледжа, идентичность которой подтвердил старый нотариус, а под ней — подписи свидетелей — покойного доктора Жессе и полковника Манеки Дантаса, который ещё жив и который признал, что завещание подлинное и сохраняет свою силу в настоящее время. Как оспаривать достоверность такого документа? Это был самый ловкий подлог за последнее время, весь город Ильеус и вся зона

какао единодушно восхищались работой доктора Руи Дантаса. Более опытные видели здесь руку полковника Орасио, но большинство хвалило талант молодого адвоката, на рабочем столе которого росли теперь кучи дел.

Адвокаты Сильвейриньи подвергли сомнению достоверность завещания и потребовали тщательного исследования почерка. Прибыли эксперты из Баии. Они ничего особенного не заметили, ходили слухи, что Руи Дантас купил их на золото. А может быть, работа Менезеса была проделана так безупречно, что обманула даже специалистов. Никто так и не узнал правды, но до сих пор говорят, что дом, который один из экспертов выстроил на окраине Баии, маленький дом, где он разместился с огромной семьёй, был построен на деньги полковника Орасио да Сильвейра. Защитники Сильвейриньи, однако, не растерялись и, подавая апелляцию с обжалованием решения суда Итабуны в верховный суд штата, потребовали новой судебной экспертизы книг, содержащих завещание.

Пока ожидали решения (апелляция долго разбиралась в Баии, вокруг высших судебных чиновников кипела борьба, адвокаты обеих сторон почти не выходили из здания суда), адвокаты Сильвейриньи потребовали выплаты причитающихся ему доходов с его части фазенды, право на которые было подтверждено приговором суда Итабуны. Эти доходы составляли прибыль от продажи почти двенадцати тысяч арроб какао ежегодно. Орасио вызвал к себе в фазенду Руи Дантаса и сказал, чтоб тот не спорил, не затевал нового дела, что надо уплатить, сколько они просят... Он заплатит с радостью, он только не хочет, чтоб разделили его земли. Адвокаты занимались вычислениями в конторе Шварца, одновременно пуская в ход все средства, чтоб добиться благоприятного решения по их апелляции в верховном суде.

Сильвейринья получил больше четырехсот конто, но они недолго задержались в его кармане. Он был должен огромную сумму Шварцу, должен адвокатам, этот процесс был бездонной пропастью, поглощавшей деньги. Как бы там ни было, он теперь каждый год будет получать доход со своей части плантаций, приносящей почти двенадцать тысяч арроб какао. Сильвейринья готов был на этом уступить и подождать смерти отца, этот выход казался ему наилучшим, но помешал Шварц. Шварц пришел в бешенство и считал себя лично оскорблённым удачным подлогом полковника. Разве для того приехал он сюда, в этот варварский, разбойничий город, затерянный на краю света, чтоб его обманул какой-то старый, темный, почти безграмотный помещик, убийца, бывший погонщик скота? Это его-то, Шварца, образованного человека, окончившего

университет в Германии, прочитавшего всего Гёте и Ницше, так хорошо разбиравшегося в политике, будущего лидера нацистов! Шварц чувствовал себя оскорбленным, это был провал его планов. Он не давал Сильвейринье ни минуты покоя и непрестанно посылал за ним Гумерсиндо. Теперь он уже не скрывал, что замешан в дела интегралистов, что давало коммунистам возможность резко отзываться о нём в подпольных листовках. В Санта-Катарина в руках у заядлых интегралистов видели ножи со свастикой, и это побудило коммунистов начать кампанию против местных интегралистов, разоблачая Шварца как их наставника и связующее звено между ними и германским нацизмом. Однако популярность интегралистов росла, и уже стало известно, что Сильвейринья будет выдвинут на следующих выборах кандидатом в префекты против Карлоса Зуде. Несмотря на это, обе группы политиков никак не могли окончательно порвать между собой. Интегралисты награждали либерал-демократов весьма нелестными эпитетами, но никогда не доходили до полного разрыва. Карлос Зуде также его избегал, он всегда в какой-то мере одобрял деятельность зелёнорубашечников.

Шварц не давал покоя Сильвейринье. Но немец и сам не знал, как выйти из создавшегося положения, сам сомневался в успехе апелляции. Только разговор с Гумерсиндо, который уже окончательно упал духом, заставил Шварца принять внезапное решение. Гумерсиндо рассказал, что Сильвейринья настроен мирно.

— Он говорит, что больше делать нечего... Теперь надо ждать, пока отец умрёт... Долго полковник не протянет, слишком стар. Сильвейринья страшно ненавидит отца... Иногда он меня просто возмущает...

— Сентименты... — отрезал Шварц, внезапно заинтересованный рассказом.

Гумерсиндо продолжал:

— Может быть. Но ужасно слышать, как сын говорит, что отец недолго протянет, надеется, что он скоро умрёт... Безобразие!

— Значит, он ненавидит отца?

— Ещё как...

— Прекрасно! — Лицо Шварца прояснилось, как у человека, разрешившего долго мучивший его вопрос.

В этот вечер немец долго беседовал в своем кабинете с Сильвейриньей. Гумерсиндо не допустили. Шварц боялся его «сентиментализма». Несколько дней спустя адвокаты Сильвейриньи начали в суде новое дело против полковника Орасио. Они требовали, чтобы старый полковник был отстранен от управления своим именем за

неспособностью, психической неполноценностью, и помещен в больницу, а управляющим чтоб был назначен Сильвейринья.

Весь город ужаснулся такому обороту дела. Даже Карлос Зуде заметил: — Это уж слишком... Такие вещи делать нельзя...

19

Но недолго пришлось жителям города обсуждать это событие, потому что вскоре произошел скандал между полковником Фредерико Пинто и Пепе Эспинола, привлечший к себе всеобщее внимание. Это было, пожалуй, самое яркое событие из всех, разыгравшихся на второй год повышения цен в Ильеусе, городе Сан Жоржи.

Полковник смертельно ненавидел сутенера. Он дал ему когда-то двадцать конто, уверенный, что Пепе — хороший человек, обманутый им, неудавшийся артист, который решил молча стерпеть оскорбление и уехать к себе на родину, чтоб постараться забыть обо всём и начать жизнь снова. В глубине души у полковника осталось сладкое воспоминание о тех днях, оживающее вблизи молоденьких мулаток, вроде Риты, и публичных женщин в Ильеусе. Иногда ему казалось, что он узнает незабвенные черты Лолы, и его охватывала тихая, волнующая нежность.

Он начал что-то подозревать, лишь когда увидел, что путешествие Пепе бесконечно откладывается. Потом узнал об открытии «Трианона», о новом публичном доме, и, что хуже всего, о связи Лолы с Руи Дантасом. Это последнее известие было ударом для него, никогда он не считал Лолу способной на такую низость. Из всей этой грязной истории он всё-таки вынес твёрдую веру в то, что Лола его по-настоящему любила. Это было чистое, благородное воспоминание, и теперь оно погибло под гнетом фактов, рассказанных полковнику его друзьями. Какой-то коммивояжер дополнил рассказы друзей, показав Фредерико Пинто вырезку из старой газеты Рио, где на фотографии, помещенной перед статьей о «шулерском трюке», был снят Пепе с номером на груди и Лола, простоволосая. В заметке говорилось об аресте «аргентинских туристов», как иронически называл их репортер. Полковник Фредерики Пинто возмутился:

— Сука...

Ненависть запала в его душу. Его оскорбляли сплетни, первое время ходившие о нём в Ильеусе. Когда-нибудь он даст Пепе хороший урок, повторял он. Когда он сталкивался с аргентинцем на улице, то плевался и ворчал сквозь зубы бранные слова, ожидая, что гринго затеет скандал. Но

Пепе весьма любезно кланялся ему и шёл своей дорогой. Фредерико нарочно стал ходить в «Трианон», где ставил огромные ставки в игре, ища предлога для скандала с Пепе. Но как только полковник подходил к тому столику, где сутенер держал банк, тот передавал обязанности крупье другому и уходил. Фредерико Пинто только зубами скрипел.

Но вот однажды, на второй год повышения цен, скандал разразился. Это случилось в «Трианоне», в игорном зале. Пепе держал банк в баккара и выигрывал. Фредерико подошёл, оставив рулетку, где проиграл, как обычно. С ним была женщина, француженка. Он встал за спиной Пепе Эспинола и принялся пристально следить за каждым его движением. Никогда не было окончательно доказано — даже на процессе, действительно ли Пепе сплутовал в игре. Присутствующие услышали только возглас Фредерико:

— Вор! — и увидели, как он вырвал карты из рук Пепе.

Аргентинец, мертвенно-бледный, медленно поднялся. Полковник показывал карты, отнятые у Пепе, и кричал:

— Гринго, вор, сволочь эдакая! Ты думаешь, что все кругом тебя дураки?

Пепе протянул руку, чтоб отобрать карты. Фредерико с силой оттолкнул его. Из танцевального зала бежали люди, кто-то предложил линчевать сутенера.

— Бейте его...

Пепе снова шагнул к Фредерико, полковник выстрелил, пуля пролетела мимо и вонзилась в стену. Фредерико опять поднял револьвер, но Пепе выстрелил, не целясь, из своего автоматического пистолета, и полковник упал. Пепе направился к выходу с оружием в руках, прокладывая себе дорогу между собравшимися, спустился с лестницы и исчез. На второй день он был арестован в одном из публичных домов.

Процесс Пепе, начатый в Ильеусе в то время, как Фредерико медленно поправлялся от раны в плечо, разделил город на две партии. Некоторые считали, что прав Пепе: Фредерико выстрелил первым. Руи Дантас, выступавший как адвокат сутенера, из кожи вон лез, чтобы добиться его оправдания. Лола плакала как безумная и, возвращаясь из тюрьмы после посещения Пепе, всё чаще прибегала к кокаину, ища в нём утешения и забвения. Она бродила вокруг тюрьмы как умалишенная, дожидаясь часа свиданья. Она носила Пепе фрукты и сладости, но он всё худел и становился всё мрачней и молчаливей. Он считал, что поступил неправильно, совершил большую ошибку. Он сказал Лоле:

— У сутенера нет гордости... Я должен был смолчать...

Руи Дантас искал свидетелей, которые показали бы, что Фредерико выстрелил первым, но никто не хотел выступать в защиту сутенера против полковника, даже компаньон Пепе, пытавшийся при поддержке Карбанкса и Рейхера снова открыть «Трианон», закрытый полицией. Адвокат из кожи вон лез, Лола донимала его своими слезами и жалобами, и он старался вовсю. Процесс Пепе показал, что полковники были ещё хозяевами в суде. Экспортеры попытались помочь авантюристу. Карбанксу Пепе был симпатичен; Лола пришла к нему вся в слезах, говорят, что ей пришлось спать с ним, американец дал понять, что только за такую плату он согласен что-нибудь сделать. Во всяком случае, так говорили в Ильеусе. Что касается интереса к Пепе Карлоса Зуде, то причиной его была просьба Жульеты. Карлос поговорил с Карбанксом; американец сказал:

— Бедный Пепе! В конце концов он делал все возможное, чтобы скрасить людям жизнь в этой пустыне...

Они стали вмешиваться в это дело, правда, без особого энтузиазма, беседуя при случае с будущими присяжными. Но они не очень серьезно этим занялись, и суд встал на сторону оскорбленного полковника. Пепе был осужден на шесть лет тюрьмы «за нанесение легкой раны». В обвинении же значилось: «нанесение тяжелой раны». Более мягкая формулировка преступления — это было всё, чего Руи Дантасу удалось добиться.

Процесс был шумный, переполненный зал суда напоминал о старых процессах времен завоевания земли. Газеты Ильеуса и Итабуны посвящали ему целые колонки на первой странице и посылали фотографов в зал заседаний, где самым ярким зрелищем была Лола.

Пепе, очень бледный, вытирал шелковым платком блестящую лысину. Прокурор разразился длинной речью, где метал громы и молнии против «этой шайки деклассированных паразитов, которые превратили Ильеус в свой рай». Он лестно отозвался о полковнике Фредерико Пинто, как о «честном и благородном гражданине, образцовом отце семейства, мощном столпе общественного порядка в Ильеусе». Всё произошло потому, сказал он, что полковник, как-то ночью совершенно случайно зайдя в «Трианон» отдохнуть после дня тяжелых трудов, открыл, что Пепе плурует в игре. В речи прокурора полковник получался чем-то вроде архангела Гавриила, оберегающего деньги ильеусских отцов семейств, чем-то вроде миссионера, противостоящего дьявольским действиям Пепе. Оратор упомянул также о грязном прошлом Лолы и Пепе, назвав их «социальными отбросами, марающими жизнь цивилизованных городов».

Защита Руи Дантаса была патетической и сентиментальной. Он попытался было опереться на закон, напомнив, что Фредерико стрелял

первым, но прокурор призвал судей обратить внимание на то, что нет никаких доказательств в пользу такого аргумента защиты. Тут Руи растерялся и попробовал более сентиментальный стиль. Он рисовал картину беспокойной жизни артиста: переезды из города в город, неверный хлеб, изменчивая слава. Эта часть речи вызвала бурные похвалы со стороны Зито Феррейра, и на протяжении всего процесса это было единственной радостью Руи Дантаса. Под конец он сказал, что это злая мачеха-судьба забросила Пепе в Ильеус. Он и его красавица супруга явились жертвой коварного рока. Здесь, в Ильеусе, полковник Фредерико Пинто влюбился в жену Пепе и, так как был отвергнут, загорелся ненавистью к мужу. Вот в чём настоящая причина ссоры и выстрелов, которыми обменялись оба врага. Руи разоблачил легенду о добродетельном отце семейства, созданную прокурором вокруг Фредерико, изобразил, как полковник бегал за Лолой (присутствующие смеялись, предлагал ей подарки, желая «запятнать семейный очаг, который нельзя презирать только потому, что это семейный очаг бедных артистов»). Он закончил, прося суд оправдать «человека, явившегося двойной жертвой своего противника, который желал не только запятнать его семейный очаг, но и унижить его перед клиентами».

Потом выступил прокурор. Прокурор не хотел касаться щекотливых вопросов, но Руи своей речью вызвал его на это. И он решил распутать дело окончательно. Вся история Лолы, Пепе, Фредерико и Руи выплыла наружу. Прокурор рассказал всё, что знал, и всё, что говорили в городе, со всеми подробностями. Сержио Моура, присутствовавший на процессе по просьбе Жульеты, утверждал потом, что никогда ещё в Ильеусе так долго не рылись в грязном белье на глазах у публики.

Прокурор начал с прошлого Пепе, прочел вырезку из газеты Рио, показал старую обличительную фотографию. Присутствующие вытягивали головы, стараясь что-нибудь разглядеть на обрывке газеты, который присяжные передавали друг другу. Потом прокурор описал, как Лола соблазняла Фредерико, вытягивала у него деньги, растрогав грустными историями, а потом смеялась над ним вместе с Пепе. Полковник, веско заметил прокурор, помогал этой чете бескорыстно, без всякой задней мысли. Прокурор осмеял Руи, назвав его «молодым, подающим надежды кандидатом в жертвы шулерского трюка». Манека Дантас, присутствовавший в зале, вышел, сторя со стыда. Но потом вернулся, чтобы выслушать ответную речь Руи.

Прокурор продолжал: деньги, выпрошенные у полковника, Пепе тратил на игру в рулетку, метал банк краплёными картами. Фредерико,

который на собственном опыте убедился, что бедные нуждающиеся актёры — просто бесстыдные авантюристы, хотел помешать им грабить других. Поэтому он разоблачил Пепе, поймал с поличным. И тогда он стал жертвой «отвратительного покушения». Сам же он выстрелил только после того, как был ранен, да и то в воздух, чтоб напугать сутенёра. Прокурор окончил речь, призывая суд осудить Пепе, дав таким образом урок всем авантюристам, желающим превратить Ильеус в город воров, игроков и сутенеров, в котором честным людям нет места. Он сказал, что выстрел Пепе Эпинола ранил не только полковника Фредерико Пинто, но и всё ильеусское общество.

Ответная речь Руи Дантаса была полна оскорблений по адресу прокурора. Лолу он назвал «цветком чистоты» (эта поэтическая гипербола вызвала смех среди присутствующих), а прокурору наговорил таких вещей, что судья принужден был просить его осторожнее выбирать выражения. Руи обрушился на полковника Фредерико, старого развратника, пытавшегося совратить красивую женщину, купить за деньги молчание её мужа и пришедшего в ярость, когда его грязные махинации провалились. Присутствующие смеялись, и этот смех воодушевлял Руи. Он уже не думал о юридической стороне дела. Его грозная филиппика, полная резких эпитетов, была почти самозащитой. В заключение он грозил суду присяжных судом потомков. «Правосудие, — сказал он, — создано для всех. Осуждение Пепе Эпинола, невинной жертвы, только лишний раз докажет то, что так унижает Ильеус перед другими, более цивилизованными городами: полковники здесь хозяева всего, они бесчинствуют, как хотят, даже правят судом».

В одиннадцать часов вечера был вынесен приговор: Пепе был осужден на шесть лет. Лола обливалась слезами, её увели. Руи Дантас в зале суда продолжал яростно нападать на прокурора. Среди присутствующих заметно было большое волнение. Спокоен был только Пепе, вышедший в сопровождении двух полицейских из зала суда. Люди толпились вокруг, некоторые показывали на него пальцем.

Три дня спустя, когда Пепе, также в сопровождении полицейских, шел на корабль Баййской компании, отплывающий в столицу штата, где он должен был отбыть наказание в тюрьме, толпа снова шумела вокруг. Весь Ильеус собрался на пристани, словно в день праздника. Девушки в нарядных платьях, мужчины с открытыми зонтиками, так как моросил дождь. Был ясный вечер, и дождь был лёгкий, мелкий. Пришлось раздвигать толпу, чтобы Пепе мог пройти. Он шел со связанными руками, и какая-то шестнадцатилетняя девушка с кукольным личиком пожалела его:

— Бедняжка...

Однако больше ни в ком не вызвал он сочувствия. На него указывали, вытягивали головы, чтобы лучше видеть его, а кто подальше — вставали на цыпочки. Словно только теперь на него можно было вдоволь насмотреться, словно за три года, проведенные им в Ильеусе, никто его не видел и не знал. Казалось, ветер пробегал по толпе, когда он проходил, одетый в свой лучший костюм, в широкополой шляпе, с сигаретой в зубах.

Один момент был особенно сенсационным. Когда он уже вступил на трап, Лола бросилась к нему в объятия. Пепе поднял связанные руки и попытался обнять её. Он поцеловал её в голову и повторил ей на ухо фразу Шикарного:

— Нужно иметь характер...

20

Во время процесса, когда у Лолы Эспинола ещё оставались какие-то надежды, она решила обратиться к Жульете Зуде с просьбой похлопотать за Пепе. Кто-то сказал ей, что дело Фредерико касается всех полковников и что у них защиты просить бесполезно. Может быть, экспортеры помогут её возлюбленному? Тогда она пошла к Карбанксу. Американец уже давно заглядывался на неё. Он угостил её вином, гладил ей руки и обещал помочь. Но потом сказал, что не видит возможности спасти Пепе, и заговорил о её будущем. В конце концов кто такой Пепе? Сутенер, который в один прекрасный день бросит её. Она могла бы, если б захотела, лучше устроить свою жизнь...

Лола переносила всё в надежде спасти Пепе. Карбанкс был влиятельным человеком, и по одному его намёку всё могло измениться. Она назвала ему имена будущих присяжных и договорилась с ним, что зайдет на следующий день за ответом. На следующий день Карбанкс прислал ей записку, прося зайти вечером, попозднее. Она знала, что это значит, но пошла. Она провела у него ночь, получив в награду слабую надежду: Карбанкс поговорил с двумя присяжными, и они обещали быть милостивыми.

— По крайней мере наказание будет легким...

Как-то раз вместе с Руи к ней зашел Зито Феррейра; он-то и посоветовал ей обратиться к Жульете. Карлос Зуде, глава господствующей политической партии, крупный экспортёр, мог легко добиться помилования Пепе. Он мог даже повлиять на полковников. На следующее утро Лола

стояла у двери особняка на берегу моря и нажимала кнопку звонка.

Жульета сразу вышла. Лола остановилась перед ней, смущенная. Жульета первая протянула руку.

— Садитесь, пожалуйста...

Она смотрела на Лолу с симпатией. Сержио рассказывал ей подробно историю этой женщины. В волшебном мире Сержио и Жульеты бездомные, бродяги, артисты и эти несчастные существа, профессией которых была проституция, считались как бы жертвами, поэт чувствовал к ним неудержимую нежность и часто говорил Жульете, что у поэтов много общего с этими людьми. «Мы одной породы...»

Лола не знала, как начать разговор. Море струилось за окном, бесконечно голубое, и воздух утра тоже казался голубоватым. Этот день был словно создан для счастья, для светлой радости. Жульета заговорила первая:

— Ваш муж хорошо себя чувствует? Как с ним обращаются?

Лола заплакала. Это не были притворные слёзы, которые она привыкла вызывать по своему желанию. Она плакала тихо и кротко, съежившись в кресле, как раненый зверёк.

— Мы не женаты, сеньора... Никогда не были женаты... — Она говорила по-испански. — Я увидела его, полюбила, ушла от мужа. Много делаешь в жизни, а потом...

Жульета вспомнила Жоакима. Коммунист сказал: «Соединитесь, уходите вместе». Это вот Лола и сделала. Значит, она поступила правильно? Всё это очень сложно, Жульета поняла теперь, почему шофер говорил так жестко тогда вечером, в Ассоциации.

— Я не знала тогда, что он был... тем, что он есть. Когда я узнала...

Она хотела солгать, сказать, что была намерена оставить Пепе, но подумала, что такая ложь будет предательством, что сказать это — значит обидеть Пепе ещё горше, чем его обижали.

— Когда я узнала, я осталась... Он мне сказал, чтоб я уходила... Но я осталась, я любила его, понимаете?

Тихие слёзы струились по её лицу, Жульета протянула ей носовой платок.

— Я и сейчас его люблю... Да, люблю... Если бы я не любила его, я бы покончила с собой, жизнь мне не нравится, ни мужчины, ни женщины, ни день, ни ночь... Ничто и никто мне не нравится... Но я его безумно люблю...

За окном был ясный голубой день, сказочный день, словно сошедший со страниц поэмы Сержио, за окном был другой мир, полный счастья,

пенья птиц и распускающихся цветов, за окном была весна и гуляли нарядные женщины. Но этот день внезапно обрывался у окна этой комнаты, словно боясь войти. Жульета была опечалена, и ей хотелось, чтобы гостья поскорей закончила свой рассказ.

— Что у вас общего со всем этим? Что у вас общего с моей жизнью? Мне сказали: может быть, сеньора Зуде попросит своего супруга за Пепе. Она добрая...

— Я не добрая...

— Я не должна была приходиться... Я знаю. Вы замужняя женщина, порядочная. А что такое я? Уличная девка, вы слишком добры, что принимаете меня. Но знаете, что привело меня сюда, почему я здесь и прошу вас помочь? Я люблю его... Если его вышлют, я покончу с собой...

— Бедная... Я не знаю, удастся ли мне что-нибудь сделать. Я попрошу мужа, буду настаивать, чтоб он похлопотал. Не думайте, что я не понимаю...

— Вы добрая, мне это говорили... Я много страдала... — Лола уже не плакала.

Свет дня начинал медленно просачиваться из окна в комнату, освещая лицо Лолы, словно зажигая огнем её золотистые волосы. Жульету мучили противоречивые мысли. «Она поступила хорошо, но дорого заплатила за это».

— Я не знаю, что вы думаете обо мне. Может быть, вам нужно только мое вмешательство. Не знаю также, всё ли правда, что вы мне рассказали. Люди много врут (она вспомнила Сержио), часто притворяются. Но я друг вам...

Её интересовали подробности, но ей было стыдно расспрашивать, она боялась, что Лола примет это за нездоровое, жестокое любопытство, которое так ранит людей.

— Нет, мы не можем быть друзьями. Вы — из другого мира. Я — из плохого мира, из грязного. У вас есть муж, у вас есть свой дом, домашний очаг, что ещё больше, чем дом, ваша жизнь хорошая. Я схожусь со многими мужчинами, а тот, кого я люблю, приходит и уходит, у него другие женщины, у нас нет дома, наш дом для всех, кто может заплатить...

Она понизила голос, Жульета едва расслышала её последние слова:

— ...кто может заплатить за ночь, проведенную со мной... Это другая сторона жизни, грязная...

Она была почти спокойна и говорила всё это без гнева, без возмущения, как врач говорит о неизлечимой болезни пациента. Жульета слушала; ей хотелось бы, чтоб здесь сейчас оказался Сержио, и Жоаким

тоже, они объяснили бы ей её собственные чувства, она была смущена, испугана и печальна.

— Грязная... Но он, Пепе, хотел чего-то другого, я не знаю, но я уверена, что он ждал чего-то лучшего, может быть, для меня... Не знаю. Если б я только знала...

— Так почему же вы не бросили всё и не ушли? Если вы находили, что эта жизнь грязная, зачем же вы её продолжали?

— Я уже сказала вам, сеньора. Я люблю его...

— Простите. Ведь вы бросили всё, чтоб уйти с ним?

Лола грустно взглянула на неё. Эта женщина, которая показалась ей чуткой, тоже хотела выслушать её историю, это была плата за готовность помочь Пепе. Хорошо, она заплатит, как заплатила Карбанксу ту цену, какую он просил.

— Я расскажу вам...

Но Жульета поняла:

— Ради бога, ничего не рассказывайте... Выдумаете, что я расспрашиваю вас из любопытства. Нет, ничего подобного... Дело в том, что не существует двух сторон жизни, как вы думаете. Есть только одна сторона — грязная, только грязная... В вашей жизни и в моей — одна и та же грязь... Одна и та же...

Но вдруг она вспомнила лицо Жоакима так ясно, словно увидела его здесь, в этой комнате.

Она улыбнулась:

— Может быть, есть другая, здоровая сторона. Существуют люди, слепленные из другой глины, как сказал один мой знакомый... Всё остальное гниль, — медленно проговорила она.

Теперь Лола её не понимала. К чему она клонит?

— Вот что я вам скажу, друг мой... Где взять ваше мужество, чтобы бросить всё и уйти вот так, голодать, мучиться, жить трудной жизнью, но с тем... — Она замолчала, внезапно смешавшись, и поспешила закончить разговор: — Я поговорю с Карлосом, я попрошу его, мы что-нибудь придумаем. Не сомневайтесь. То, что могу, я сделаю.

Она проводила Лолу до двери:

— Не падайте духом.

— Я не падаю духом...

Голубой день поглотил скорбный силуэт Лолы Эспинола. Она шла, опустив красивую голову со светлыми волосами, в которых играло солнце, опустив руки, не глядя на людей, проходивших мимо. Жульета, стоя в дверях, смотрела ей вслед и завидовала её мужеству, её страданию, силе её

чувства. Эта слеплена из крепкой глины, она не превратится в грязь, как бы её ни пачкали.

— Ах, если б я могла спасти её мужа...

Она вспомнила: «Мы не женаты». Так вот что Сержио называл достоинством.

21

Первая серьезная ссора произошла у Антонио с Раймундой вовсе не из-за Вампирессы. Антонио Витор тогда ещё не спутался с этой женщиной. Они поссорились из-за работы на плантации и наговорили друг другу кучу обидных слов. Начался новый сбор урожая, и Антонио Витор настаивал, чтоб Раймунда больше не ходила разрезать бобы какао, как прежде. Ни она, ни он не должны этого делать. Раймунда не согласилась. Что ей высокие цены на какао, новый дом, модные туфли и шёлковые платья? В конце концов Антонио Витор завопил:

— Если хочешь, иди одна, я-то больше не пойду...

Раймунда подняла на него сердитое лицо. Она не узнавала своего мужа. Она ушла на плантацию, а Антонио Витор провел день дома, бесцельно слоняясь из угла в угол. Ему тоже хотелось пойти работать, но он не желал сдаваться.

Несколько дней спустя, лежа вечером в постели, он хотел приласкать Раймунду. Но она устала и никак не могла проснуться. Когда она поняла, чего он хочет, она сказала:

— Лучше завтра...

Антонио Витор придрался к случаю. Вот ведь он говорил. Она столько работает на плантации, так устает, что потом ни на что не годна... Если так будет продолжаться, он возьмёт себе уличную... Эта фраза, сказанная вслух, чтобы задеть Раймунду, была только угрозой, которую Антонио Витор совсем не думал приводить в исполнение. Не то чтоб он всю жизнь был верен жене. Иногда, в те дни, когда он ночевал в Итабуне, он проводил время с какой-нибудь проституткой, но никогда не заводил постоянной любовницы, по примеру других мужчин.

Он начал замечать, как некрасива Раймунда, как она состарилась, только после ночи, проведенной в Ильеусе с Вампирессой, когда так много играли и пили. Эта женщина его просто присушила, и, вернувшись домой, он всё не мог её забыть. В тот день и произошла эта безобразная ссора из-за того, что Антонио настаивал, чтоб Раймунда перестала работать на

плантациях.

Но всё дело погубила его вторая встреча с Вампирессой в Итабуне как-то в субботу. Он часто ездил в Итабуну — закупить продукты, продать сухое какао. Он встретил Вампирессу в кабаре Фифи; как только она его увидела, так бросилась к нему и потащила к столику. Заказали пива.

— Мы сегодня опять поженимся, да?

Он засмеялся. Она придумала для него прозвище: мой Тото. Она умела приласкать, сказать приветливое слово, умела угодить мужчине. Антонио Витор даже не заметил, что она весь вечер кокетничала с черноволосым студентом, сидевшим за соседним столиком и курившим, глядя на пустой бокал. В период повышения цен студенты, приезжающие на каникулы, играли, из чистой любви к искусству, роль альфонсов. Антонио Витор провел эту ночь с Вампирессой и в воскресенье не поехал домой, остался в Итабуне ещё на одну ночь, даже заказал шампанского. Со дня годовщины свадьбы доны Аны, который был днём и его свадьбы, он не пробовал шампанского.

Когда он вернулся домой, голова у него шла кругом. Он обещал Вампирессе, что через несколько дней опять приедет в Итабуну. Она поцеловала его:

— Я жду тебя, Тото.

Когда он приехал, Раймунда была на плантации. Антонио бродил по дому, не зная, чем заняться. Ему вдруг стало стыдно. Он снял сапоги, взял серп и пошел собирать какао. Работники удивились ещё больше, чем Раймунда, увидев его. В полдень он поел сушёного мяса с маниоковой мукой и работал до шести. На следующий день он снова вышел на работу, но на третий день получил записку от Вампирессы. Какой-то мальчишка привёз эту записку из Итабуны. Вампиресса просила, чтоб он приехал, она заболела. Антонио Витор оседлал осла и поехал в город. Он сказал Раймунде, что его зовут в контору Зуде. Вампиресса вышла к нему очень разодетая, Антонио Витор удивился, что она не в постели.

— Ты разве не больна?

— Я просто стосковалась по моему Тото...

С тех гюр он уже не искал предложений, чтоб уехать в Итабуну на два или три дня. Он снял дом для Вампирессы, тратил на неё много денег, задолжал в кабаре Фифи, в магазинах, где Вампиресса покупала бесконечные отрезы, туфли, духи и (что страшно возмутило Антонио Витора, когда он впоследствии узнал об этом) роскошные галстуки в подарок студенту.

В зоне какао всё становится известным крайне быстро. Раймунда вскоре узнала обо всём, причем новость дошла до неё в очень раздутом

виде: что у Антонио Витора есть в Итабуне француженка, что она живёт в настоящем дворце, окруженная всяческой роскошью. Раймунда никогда ни слова не сказала об этом мужу. Только лицо её стало ещё более замкнутым и, вглядываясь внимательно, на нём можно было увидеть следы слёз, пролитых в одинокие ночи, когда ей не удавалось уснуть на этой новой кровати, к которой она так и не смогла привыкнуть. Но когда по утрам она выходила работать на плантацию, она была такой же, как всегда, — первой подходила к сваленным в кучу бобам какао, последней выпускала из рук нож, которым разрезала их. В кабаре Фифи Антонио Витор обучался танцевать фокстроты и самбы и познавал тайну игры в рулетку.

22

В середине второго года повышения цен Мартинс, управляющий фирмы «Зуде, брат и К°», сбежал. Улетел на самолете. При сведении баланса открылась растрата в восемьдесят conto. Однако когда Мартинс был арестован в Рио-де-Жанейро, у него нашли только семь conto, причем он клялся, что денег не прятал. В полиции он признался, что остальные растратил и что виной всему женщина по имени Роза, его любовница, раньше служившая упаковщицей какао на складе фирмы. Женщина странная, — она то исчезала, то появлялась как лунатик, но красивая, такая кому угодно голову вскружит. Сначала она казалась очень скромной, жила на Змеином Острове. Но когда начался подъём цен на какао, эта Роза — Мартинс, как и Варапау, утверждал, что она редкая красавица, — стала внезапно исчезать куда-то, и тогда Мартинс окружил её роскошью, снял ей дом в городе, нанял слуг, давал ей деньги. Жалованья Мартинса на всё это не хватало. Он содержал большую семью, хотя и не был женат: у него была мать-старуха, молоденькие сестры — девушки на выданье, младшие братья, учившиеся в колледже, восемь человек, которых нужно кормить, одевать и учить. А Роза требовала денег, за дом приходилось платить дороже, чем в Рио, всё это стоило огромных средств. Жалованья не хватало. Однажды ему повезло в «Батаклане», и с тех пор он брал из кассы каждый месяц несколько conto, во-первых, на расходы, а во-вторых, на игру, надеясь выиграть и возместить эти деньги. Когда стало приближаться время сведения баланса, он понял, что погиб, и решил бежать. Сначала он хотел покончить с собой, но ему стало жаль мать, он боялся, что она умрёт от горя. Всё, чего он просил в полиции, это чтоб не сообщали матери.

Но мать всё-таки узнала и пришла в дом Зуде со всей семьёй — с

дочерьми, изумленно оглядывавшими мебель, обстановку, картины, платье Жульеты, с мальчиками, молча стоявшими вокруг, — умолять Жульету Зуде заступиться за сына. Пришел Карлос, увидел эту сцену и растрогался, услышав, как старуха с плачем объясняла, что причиной всего — эта дурная женщина, что её сын честный, бог тому свидетель.

Потом Карлос сказал Жульете: восемьдесят конто все равно пропали, чего можно добиться, упрятав парня в тюрьму? Он взял назад свое обвинение, Мартинс остался в Рио, а два года спустя приехал в Ильеус за семьей. Он жил теперь в Сан-Пауло, процветал, приехал элегантный, говорил с южным акцентом, казалось, он совсем забыл о случившемся. Он предлагал знакомым помочь им устроиться на Юге и с сожаленьем говорил об атмосфере уныния, царящей в Ильеусе в ужасные годы падения цен.

— Здесь ни у кого нет будущего...

Роза, после неприятных разговоров в полиции, попала в самый жалкий из городских кабаре, в «Ретиро». Говорят, в полиции её даже били, но в «Ретиро» стало гораздо больше посетителей с тех пор, как она впервые выступила там, сопутствуемая ореолом скандала. Она недолго оставалась в «Ретиро» и вскоре опять исчезла, может быть, ушла с каким-нибудь мужчиной или просто бродила по берегу моря; она любила бродить по берегу с тех пор, как отец её ушёл в море на рыбацьем плоту и утонул, оставив её сиротой, уличной девчонкой. Как-то раз один художник, попавший проездом в Ильеус, художник нового стиля, шокирующий публику резкостью тонов на своих картинах, увидел, как она бродила по берегу, в порту, и заинтересовался женщиной. Художник шёл с Сержио Моура, поэт подозвал Розу, она позировала художнику несколько дней, потом портрет получил золотую медаль на выставке. Художник дал своей картине странное название — «Дочь моря». Он сам не знал почему. Так он видел Розу.

Вырезка из «Диарио де Ильеус» с сообщением о растрате, совершенной Мартинсом, и с фотографией Розы в полиции дошла через полковника Фредерико Пинто до Варапау, утешавшего в то время негра Флориндо после неудавшегося во второй раз побега. Варапау прочел сообщение Флориндо и Капи, показал фотографию Розы. Негр Флориндо прилепил газетную вырезку на стене, над своей койкой. Он долго рассматривал фотографию и спросил Варапау:

— На что она похожа?

Варапау подумал, вспомнил движения и слова Розы, изгибы её незабываемого тела, её непонятные исчезновения:

— Она похожа на море.

— А какое оно, море?

Полковник Орасио да Сильвейра сильно постарел за последние месяцы. Если уже раньше он был больным, полуслепым стариком, то теперь, казалось, он был на краю могилы. Борьба с сыном унесла последние силы, которые ещё оставались у него в восемьдесят с лишним лет. Подлог с завещанием Эстер его доконал. Он истратил массу денег, почти двести конто, но поместья его остались нетронутыми, он по-прежнему был полновластным хозяином целого мира земель, покрытых плантациями какао. Даже границы земель, принадлежащих сыну, не были установлены, определили только, с какого количества какао доход причитается Сильвейринье. Это мало беспокоило полковника Орасио да Сильвейра. Для него было важнее всего, чтобы его плантации, его фазенды, простёршиеся на протяжении двух муниципальных округов и дающие огромный урожай почти в пятьдесят тысяч арроб, не были разделены, чтоб у него не отняли ни клочка земли. Раньше это были ничьи земли, раньше они не имели хозяина и были покрыты лесом, и за обладание ими он боролся с оружием в руках, командуя другими полковниками и наемными бандитами. Или это были земли, находившиеся во владении мелких землевладельцев, и потом купленные у них по-честному, или отнятые силой и хитростью, путем подлогов, засад, тяжб, разрешающихся выстрелами на дорогах. Это был целый мир фазенд, тянувшихся друг за другом от Ильеуса до Итабуны, может быть, самые большие в мире плантации какао, — это были фазенды полковника Орасио да Сильвейра. В свои восемьдесят четыре года, слепой, мучимый ревматическими болями, полковник тащился по веранде, с трудом неся своё тощее, сгорбленное тело, казавшееся когда-то телом гиганта, и выкрикивал приказанья работникам глухим, старческим голосом, хриплым от хронического катара. Один-одинёшенек в своей фазенде. В дни процесса кругом него ещё было какое-то оживление, приходил Рун Дантас, кум Манека не покидал его ни на минуту, приезжал Менезес; в огне этой борьбы полковник помолодел, словно и тело его участвовало в этом последнем взлёте его духа, который не хотел сдаваться. Но всё прошло, процесс он выиграл, оплатил расходы, отдал сыну то, что ему причиталось, положив деньги в банк на его имя; но всё это оживление, вся эта суэта прошли, и полковник сразу постарел и душой и телом; он чувствовал, что ему трудно становится управлять этим

огромным миром какаовых плантаций. Он теперь позволял управляющему многое решать самому, а на вопросы кладовщика отвечал иногда односложно и неясно. После неестественного подъема в пылу борьбы он словно покорился своей собственной старости, и не было у него других желаний, как только слушать, сидя на веранде своего большого дома, песни работников, пляшущих на баркасах и высушивающих какао в печах. Он даже не выразил недовольства по поводу повышения заработной платы: сложное настало время, он не понимал его. Он уже не принимал активного участия в делах своей партии, которая, находясь в оппозиции, усиленно пыталась завоевать как можно больше избирателей. Полковник помогал партии деньгами, как-то раз приказал поколотить нескольких интегралистов ещё в разгар борьбы в Итабуне, но просил Манеку Дантаса, чтоб тот сам указал кандидатов, он не хочет в это вмешиваться. Его руки, когда-то такие большие и сильные, теперь высохли, превратились в кости, обтянутые кожей, и он часто подносил их к тусклым глазам, пытаясь разглядеть, как тщетно пытался разглядеть горячо любимые дали цветущих плантаций, золотые плоды, повисшие на ветках. Он не видел всего этого великолепия, не видел даже тогда, когда, опираясь на негра Роке, брёл среди деревьев ближайших плантаций. Его руки, старые, высохшие руки, служили ему вместо глаз, когда он ощупывал плоды какао на стволах и ветках деревьев.

— Скоро можно снимать...

Негр Роке соглашался:

— Ага, хозяин...

Это били земли Секейро Гранде, лучшие на свете земли для разведения какао. Полковник ступал по мягкой чёрной земле, осторожно дотрагиваясь до стволов деревьев, словно лаская нежное тело женщины. Иногда он приносил с этих прогулок, становившихся все более и более редкими, спелый плод какао и сидел так, зажав его в руке, забывая о времени, на жесткой скамье веранды, положив ногу на перекладину перил и упершись подбородком в колено. Глаза его застилала туманная пелена. Но он знал, что этот туман только в его глазах, что там, вдали, раскинулись плантации, земли, на которых он посадил деревья какао. И ничего больше не нужно было ему в жизни, в его однообразной жизни, уже подходившей к концу. Почти ничто не связывало его с далёким миром, с портом Ильеусом, откуда выходили груженные какао корабли, с городом Итабуной, который он помогал когда-то строить, с посёлком Феррадас, находящимся в его владении. Его мир кончался за пределами его фазенд, но зато в этом мире повелевал он один, ему одному подчинялись, слушались только его

приказа. И этот мир был прекрасен... Для полковника Орасио да Сильвейра этот мир плантаций какао был прекраснее всех других миров. В своём суеверном атеизме, заставлявшем его верить в наивные истории, рассказываемые работниками (Орасио давал деньги на церковь скорее из политических соображений, чем из религиозности), он никогда не думал ни о рае, ни об аде. Но если бы кто-нибудь случайно спросил его, каким, по его мнению, должен быть рай, он бы, наверно, ответил, что рай может быть только огромной плантацией какао, вечно отягченной золотыми плодами, освещающими своим отсветом тенистую чашу, куда не проникает луч солнца...

И вдруг покой его медленно угасающей жизни нарушила весть о втором процессе, начатом Сильвейриньей. На этот раз Манека Дантас приехал к нему вместе с сыном. Адвокат был искренне возмущён и находил поведение Сильвейриньи подлым. Он даже чувствовал себя немного виноватым, потому что, занятый событиями, связанными с Пепе и Лолой, как-то упустил из виду интересы полковника. А процесс о «психической неполноценности» уже шёл полным ходом, судья назначил консилиум врачей для осмотра Орасио.

Они разговаривали под шум дождя, падающего на какаовые деревья. Орасио казался далёким от всего, его поведение резко отличалось от того, как он вел себя, когда Манека Дантас привёз ему известие о первом процессе из-за составления описи. Тогда он волновался, принимал меры, всем заправлял. Но в этот дождливый вечер он был рассеян, прислушивался к шуму дождя, падающего на деревья какао, словно то, что ему сообщили, совсем его не касалось. Манека Дантас предостерег его:

— Говорят, врачи придут на этой неделе...

— Одного выбрал я, полковник. Другого — Сильвейринья. Третьего назначил судья, этот новый молодой врач из Баии, специалист по таким болезням... — объяснил Руи.

Орасио слушал неохотно:

— Пускай приходят, мальчик. Оставь их в покое, кум. Я велю стрелять, никто не ступит за ворота моей фазенды.

— Но, полковник, — возразил Руи, — это невозможно. Нельзя отказываться от медицинского осмотра. Вы, сеньор, совершенно здоровы, и врачи это признают. Вы — нормальный человек, сеньор, мы выиграем дело. Достаточно, чтобы консилиум дал заключение, что вы вполне способны управлять своими поместьями...

— Мальчик, никто не войдет в ворота моей фазенды. Встречу пулями...

Он казался безразличным ко всему и прислушивался к шуму дождя, падающего на какаовые деревья. Руи Дантас взглянул на отца и покачал головой, обеспокоенный состоянием полковника. Под конец Орасио сказал Манеке:

— Кум, ты прожил большую жизнь, посоветуй этим врачам, чтоб не приезжали... Буду стрелять...

И снова он погрузился в состояние какого-то полузабытья, словно не о чем больше было спорить. Для него это было дело решённое, не стоило терять времени на разговоры. Негритянка Фелисия вышла на веранду сказать, что на стол подано — кофе с молоком, сладкий маниок и печёные бананы. Она тоже совсем одряхла, её жёсткие курчавые волосы поседели, она ходила с трудом, спотыкаясь. Руи Дантас подумал, что и она и сам полковник — уже только обломки людей, что, в сущности, Сильвейринья прав, хотя Руи возмущали методы его борьбы с отцом.

За столом Манека и Руи попытались снова заговорить о деле. Орасио разминал банан, чтоб легче было глотать, у него уже не было зубов, чтоб разжевывать пищу.

— Если вы будете так к этому относиться, полковник, вы всё дело загубите. Врачи признают, что вы действительно ненормальный...

— Мальчик, я вполне нормальный... Но я буду стрелять в любого врача, который явится сюда... Ты разве не понимаешь, что я не соглашусь на это цирковое представление? Не понимаешь?

Он продолжал с неожиданной энергией!

— Жизнь моя подходит к концу, я не хочу служить для них забавой... Я — полковник Орасио да Сильвейра, а не клоун из цирка... Я буду стрелять...

Он снова погрузился в состояние полного безразличия ко всему и молча сидел перед недопитой чашкой кофе. Манека Дантас и Руи стали прощаться. Орасио поплелся на веранду провожать их. Обнимая Манеку Дантаса, он сказал:

— Может быть, мы больше уж не увидимся, кум... Во всём, что сейчас происходит, виновата только она, покойница. Это всё она делает, хоть её уж нет на свете... Скажи врачам, чтоб не приходили. Велю стрелять... Прощай, кум...

Манека Дантас почувствовал, как слёзы застилают ему глаза, он взглянул на плантации, он не мог говорить. Руи Дантас уже сидел на коне и торопил его:

— Поедем, отец, темнеет...

Манека сжал полковника в объятьях, он был уверен, что больше не

увидит Орасио, и чувствовал себя так, словно кто-то подрезал самые глубокие корни, связывающие его с жизнью; словно старое время кончилось и на смену ему идёт другое, новое.

По дороге, когда дождь уже стал стихать, редкими каплями падая на крупы коней, Руи Дантас сказал грустно, немного раздраженным голосом:

— Одряхлел он, отец... Не знаю, чем кончится всё это...

Манека Дантас взглянул на сына, и по его лицу, изборождённому морщинами, потекли слёзы. Он их не удерживал, он догадывался, чем всё это может кончиться.

24

Письмо, которого она ждала долгие месяцы, так и не пришло. Она поехала в Баню, купила фруктов, сладостей, кое-что из одежды и свезла в тюрьму. Но он отказался принять её и говорить с ней. Тогда она написала записку и приложила к передаче. В гостинице она плакала всё время, пока не пришёл Руи Дантас. Адвокат исполнял все её желанья, но её верность Пепе причиняла ему боль, оскорбляла его, он чувствовал себя так, словно она каждый день изменяла ему. Он теперь увлекался кокаином и морфием даже больше, чем Лола, и совсем забросил процесс Орасио, свои адвокатские дела и даже романтические сонеты.

Письмо, которого она ждала долгие месяцы в ответ на свою отчаянную записку, так никогда и не пришло. Один человек из Ильеуса, недавно отпущенный из тюрьмы на поруки, сообщил новости о Пепе, весьма грустные. Сутенер в тюрьме худел, становился всё более замкнутым и молчаливым. Другие арестованные не трогали его, и он целые дни проводил в одиночестве, погруженный в печальные размышления.

Она снова написала ему, послала денег. Ответа она так и не дождалась. Тогда она написала ему в последний раз, и это была прощальная коротенькая записка, всего несколько слов любви.

Она умерла на рассвете, запершись у себя в комнате, шприц, которым она сделала себе смертельный укол, упал на пол и разбился, красивая белая рука откинулась и повисла. Руи плакал над ней как безумный. Накануне вечером она отправила письмо Жульете Зуде. Почему, решив умереть, она написала именно Жульете? У неё сохранилось тёплое воспоминание о Жульете после их встречи, и она знала, что жена экспортера сделала всё, что могла, чтоб вызволить Пепе, и сыграла большую роль в смягчении приговора. Потом Лола узнала всю её историю, узнала о любви Жульеты к

Сержио, и, закончив прощальное письмо Пепе, она подумала, что должна проявить какое-то внимание к Жульете, и тогда поспешно написала несколько слов и отправила по почте. Она решила, что сегодня вечером покончит с собой, но нашла, что ещё обязана одному человеку — Руи Дантасу. Пускай адвокат бывал утомителен и его подчас трудно было вынести, но он всегда был добр к ней, исполнял все её желанья, боролся за Пепе. Лола очень хорошо понимала, как страдает Руи, видя её верность сутенеру даже теперь, когда тот пал так низко. Она чувствовала, что многим обязана Руи, и решила покончить с собой только под утро. Эта ночь будет для него.

И вот, первый раз в жизни, она приняла Руи ласково. Она отказалась от наркотиков, от вина, в эту ночь она принадлежала целиком Руи, была его женой, супругой, какой он всегда мечтал её видеть. Дом её превратился в настоящий семейный очаг этой короткой зимней ночью. Утром Руи ушел совсем счастливый. Он думал, что Лола начинает новую жизнь. И тогда она убила себя, уверенная, что никому уже больше ничего не должна, что уже свела счеты с жизнью. Голова её скатилась с подушки, длинные распущенные волосы закрыли постель золотым покрывалом.

25

В дальнем уголке кладбища Витория служащие похоронной конторы сняли гроб с похоронных дрог. Никто не шёл за гробом, проститься с покойной пришла только Жульета Зуде да на машине подъехал Руи Дантас. Он принес огромный венок, самый большой, какой только смог найти в Ильеусе. Он, видно, был под действием наркотиков и весь дрожал, стоя у гроба. Могильщик ждал возле свежевырытой могилы; священников не было, они отказались отпевать самоубийцу, друзей тоже не было, не было музыки, и не было иных слов, кроме возгласов людей, опускающих гроб в могилу:

— Медленнее... Осторожно... Подтяни-ка ту веревку...

Быстро засыпали могилу землей, торопясь скорей закончить. Руи Дантас положил на холм венок; он был в каком-то полусознательном состоянии. Жульета подумала, уж не пьян ли он? Она не знала, что он употребляет наркотики. Она видела, как он сел в машину и откинулся назад. Пустые похоронные дроги спускались с холма вслед за машиной.

Жульета Зуде подошла к могильному холму, земля которого, ещё рыхлая, напоминала о недавних похоронах. Дощечка с написанными на ней

белой краской словами возвещала:

Здесь покоится Хулия Эрнандес,

родившаяся в Буэнос-Айресе

и умершая в Ильеусе.

Молитесь за её душу.

Жульета принесла цветы из Коммерческой ассоциации, редкостные цветы — орхидеи, чайные розы, гвоздики и фиалки. Сержио нарвал их по её просьбе. Она не сказала ему, зачем ей эти цветы. Она закидала цветами могильный холм с ещё рыхлой землёй. Лола была сделана из хорошей земли, из крепкой глины. Жульета не плакала, и ей не было грустно. Она просталась с Лолой, как с горячо любимой подругой, которая навсегда уехала, но никогда не исчезнет из её памяти, потому что их дружба никогда не порвётся. Они виделись только раз, но у Жульеты никогда не было другой подруги.

Она взглянула кругом себя, на кладбище, и почувствовала, что в её мире, её новом мире, огромном и чудесном, жили вместе с ней только Сержио, Жоаким и Лола. «Лола Эспинола, Хулия Эрнандес». Никогда не была она Хулия Эрнандес, надпись на могиле лжёт! Всегда была она Лола Эспинола, жена Пепе, та, у кого хватило мужества последовать за своей судьбой, за своим любимым, пойти по честному пути. По честному пути... Никто этого не поймёт... Сержио покачает головой, он — как пленная птица, тысяча мелочей держит его в плену. Но у него есть его поэзия, помогающая ему уходить в этот новый мир, к самым чистым и героическим вещам, к птицам, цветам, революции, о которой говорил Жоаким. Жоаким понял бы. Он всё понимает, он весь этот новый мир носит в себе. Жульета чувствовала, что он строит этот новый мир, хотя и не совсем понимала — как. В страданье и в борьбе, в жертвах и в неизвестности, в подполье, он каждый день строил этот мир для всех. Она не ощущала в себе этого мира, и не было перед нею открытой двери в этот мир, как у Сержио, который умел уходить в свою поэзию.

Она не умела строить его, как Жоаким, у неё не было сильных и

чистых рук, созидающих новое, она не умела представить его себе, как Сержио, у неё не было тонких и магических рук художника. Она была погибшая, она увязла в грязи. Над этой грязью строил Жоаким фундамент своего мира. Сержио парил над этой грязью на своих невидимых крыльях. Правда, многие нити ещё связывали его с этим топким болотом, и крылья его были поломаны, но всё-таки он сумел вырваться из него и подняться ввысь. Но она, Жульета, по горло увязла в трясине. Вокруг неё была гниль, и она сама уже была заражена тлением. Из этой гнили Лола вышла чистой, поймёт ли это Жоаким? Сержио был большой птицей с насмешливым взглядом, таинственной улыбкой и сердцем, чистым от всякой вины. Но ноги его увязли в грязи. Жульета словно видела миллионы тонких нитей, которые, сплетаясь вместе, опутали ноги поэта цепью рабства. Жоаким вырвется из грязи, Жульета завидовала Жоакиму и всем ему подобным.

В беседах, последовавших за первым разговором в Ассоциации, Жоаким, уже без робости и недоверия, рассказал ей о своих политических идеях, о будущем мире братства, равенства и согласия между людьми, о котором он мечтал и за который боролся. Сержио тоже мечтал об этом мире, но отдавал ему только свою поэзию, боялся целиком посвятить себя ему, жизнь его не принадлежала этому новому миру, ноги его увязли в старом. Жульета была женой экспортёра какао, раньше она была неврастеничкой из высшего света, меняющей изысканных любовников, но всё это было ей теперь не нужно. Когда Жоаким говорил ей о своём мире, который был уже построен в легендарной России, за который шла трудная борьба в других странах, она, уже парившая среди образов безудержной фантазии поэта, уже оттолкнувшись от своего жалкого мира и не зная ещё, куда идти, — словно видела перед собой высокую зарю. Но эта зоря была для неё недостижима, потому что спутником её на этом трудном пути был поэт Сержио Моура, а он увяз ногами в грязи и уходил в этот мир только мысленно, в поэзии, а Жульета хотела идти вперёд, как солдат, как тот, кто строит новое. Она чувствовала себя так, словно какой-то друг, сведя её в концерт, когда она была в тоске и отчаянии, заставил её полюбить настоящую музыку. Но в Ильеусе, городе какао, за весь период повышения цен было всего несколько случайных концертов, даваемых пианистами, приезжавшими в Ильеус после провала в других городах в надежде на доходные бенефисы. А поэт, с его увлечением политикой, и шофер, с его действенной и твёрдой верой в своё дело, говорили ей о революции, о новом мире, о товарищах завтрашнего дня. И с какой любовью, с какой высокой страстью говорил Жоаким об этом мире! Казалось удивительным, что этот молчаливый человек, сын старой

Раймунды, по целым дням не проронившей ни единого слова, мог говорить с таким убеждением и красноречием. Не только вера, но и опыт в борьбе заставляли его говорить так. Жульете хотелось сказать: «Сержио, вот моя рука. Вырвемся из грязи и уйдём... Всё остальное не важно».

Но она никогда ничего подобного не сказала и жила, занятая своей любовью, которая уже сама по себе была чем-то значительным, несмотря на то что дома ей приходилось каждый день выносить присутствие Карлоса Зуде, а Жоаким всё как будто ждал, что она решится на какой-то важный шаг. Но она всё не могла решиться.

Вечерние тени падают на заброшенное кладбище. Письмо Лолы, прощальный привет подруги, лежит в сумке Жульеты. Они виделись только один раз, но Лола была её единственной подругой. «Если вы любите его, следуйте за своей любовью. Следуйте за своей судьбой. Сколько бы вам ни пришлось страдать, вы всегда будете счастливы. Я всегда была счастлива, несмотря на все мои страдания. Следуйте за своей судьбой, это говорит вам, человек, которого скоро не станет. Не надо бояться...»

«Завтра, дона Жульета, мир будет лучше. Таких людей, как вы, не будет. Единственное, что можно сделать сегодня, — это бороться за то, чтобы это будущее скорее настало. Это будет, как праздник...» — слышит она голос Жоакима. «Я рассказываю тебе о птицах, ты даже не представляешь, как прекрасна их жизнь. Я рассказываю тебе о цветах, что ты знаешь о чайных розах? У тебя розовое тело, на нем могли бы расти чайные розы, самые красивые розы на свете. Забудем всё, важно только, чтоб мы были здесь вдвоём и ты могла принадлежать мне, а я мог принадлежать тебе, — это единственное, что стоит ценить. Я расскажу тебе всё, что хочешь, только для того, чтоб завтра ты опять вернулась...» — слышит она голос Сержио.

Ноги его увязли в грязи. Так легко порвать бесчисленные нити, опутавшие его. Так трудно разбить цепи, сковавшие его... Так легко и так трудно, «Не надо бояться...»

Как-то раз, в конце второго года повышения цен, коммунистическая партия, невзирая на преследования, которым подвергались её члены, устроила митинг на площади в порту. Коммунисты хотели разъяснить людям подлинные причины повышения цен на какао до такого невиданного уровня. Теперь они могли сослаться на многие факты, чтобы раскрыть

глаза мелким землевладельцам, полковникам, всему населению. Шла борьба между Шварцем и Орасио (уже никто больше не говорил: между Сильвейриньей и Орасио, влияние немца на ход событий ощущалось слишком явно), показательным было банкротство автомобильных компаний после основания акционерного общества. Мариньо Сантос, правда, радовался банкротству других компаний, но его огорчало, что в новом предприятии он не имел никакого авторитета: экспортёры заставили его порвать все старые контракты на перевозку какао, чтобы использовать грузовики только для обслуживания Карбанка, Зуде, Шварца и Раушнинггов.

Приближалось время выборов, и коммунисты считали необходимым провести агитацию, правильно ориентировать массы, помочь им занять верную позицию в избирательной кампании. На пост префекта Ильеуса намечались три кандидатуры: Карлос Зуде от правительственной партии, Сильвейринья от интегралистов и Манека Дантас от оппозиции. Коммунистическая партия решила не выдвигать своего кандидата и призывала владельцев фазенд, мелких землевладельцев и рабочих сплотиться вокруг одной из кандидатур — Манеки Дантаса или ещё кого-то, кого можно противопоставить двум другим кандидатурам — Сильвейринье и Карлосу Зуде, чтобы добиться их провала, потому что оба они, говорилось в листовке, «представляют иностранный империализм, немецкий или американский капитал». Коммунисты решили устроить митинг и публично выразить свой протест против махинаций капиталистов, скрытых за повышением цен. Они надеялись, что митинг сыграет свою роль. Не имея возможности открыто объявить о митинге, так как полиция немедленно примет меры, чтобы помешать ему состояться, партия назначила митинг на тот час⁴ когда все кончали работу, когда рабочие складов какао и шоколадной фабрики расходились по домам после трудового дня. Члены партии, работающие на этих предприятиях, в порту, на железной дороге и на кораблях, собрали народ к пяти часам вечера на площади, почти напротив здания фирмы «Зуде, брат и К°», недалеко от «Экспортной».

Накануне Жоаким сказал Жульете Зуде:

— Если хотите видеть что-то замечательное, приходите завтра в порт к пяти часам.

Она стояла у окна кабинета мужа, наблюдая необычное движение на портовой площади, вглядываясь во взволнованные лица прохожих. Внезапно митинг начался. Жульета отошла от окна, быстро прошла через

комнату, к выходу.

— Ты куда? — заинтересовался Карлос.

— Недалеко, я сейчас вернусь... — отозвалась она, даже не обернувшись.

Всё произошло очень быстро. Какие-то люди приехали на машине (шофер остановил её на углу, даже не выключая мотора). Они привезли с собой красное полотнище, которое разостлали на радиаторе такси, ожидавшего на стоянке, на площади. Какой-то грузчик немедленно начал говорить. Когда Жульете удалось протиснуться в толпу, сотрясающуюся от криков «ура!» и «долой!», негр уже говорил, обрушиваясь на крупных экспортеров, интегралистов, «лакеев империализма». Он гневно выкрикнул перед замершей в напряженном внимании толпой имя Карбанка, «этого главного агента империализма».

Коммунисты поддержали оратора. Но когда он назвал Шварца «подлым гринго, шпионом гестапо», многие, даже не имеющие отношения ко всем этим делам, зааплодировали, так как народ сильно невзлюбил немца из-за процесса Орасио. Негр сказал далее, что коммунистическая партия защищает сейчас интересы не только рабочих, но и всех прогрессивных элементов зоны, не желающих видеть земли Бразилии в руках иностранцев. Партия защищает даже интересы землевладельцев, требуя, однако, повышения заработной платы работникам фазенд и лучшего обращения с ними.

Жульета была необыкновенно увлечена всем происходящим. Она не слышала слов оратора, с трудом улавливала содержание его речи, но само зрелище казалось ей захватывающим. Её восхищали эти люди, рисковавшие жизнью для того, чтобы изменить мир, этот чудесный грузчик-негр, толпа, кричавшая «ура!» и «долой!». Она увидела всех этих людей в действии и поверила, что они способны на высшие подвиги.

Красное знамя придавало всей сцене романтический колорит, и Жульета чувствовала, что и ей передается возбуждение этой толпы, сплоченной, сильной, волнующейся, чистой. Возле нее стоял беззубый мулат, бормоча слова одобрения и угрозы:

— Правильно... К дьяволу этих гринго...

Жульета понимающе улыбалась ему и чувствовала к нему симпатию, несмотря на свирепое выражение его небритого лица с беззубым ртом. Из окна фирмы Карлос Зуде смотрел на улицу, ища глазами Жульету; он не понимал, куда она девалась, и беспокоился, как бы с ней чего-нибудь не случилось. Из его конторы уже звонили в полицию, чтобы сообщить о митинге.

Рядом с оратором стояли в ряд мужчины, рослые и сильные, чтобы защитить его в случае надобности. Наверно, скоро нагрянут интеграллисты и полиция... Защитники зорко вглядывались в лица людей, стараясь обнаружить провокаторов, наверняка затесавшихся в толпу. Народ собрался самый разнообразный: рабочие с шоколадной фабрики, из порта, со кладов какао, полковники, служащие торговых предприятий, *garçonnettes* из двух ближайших баров, мелкие землевладельцы в залепленных грязью сапогах. Была здесь и Роза и кричала громче всех, сама не зная почему, просто из удовольствия громко кричать и свистеть, выкрикивать «ура!» и «долой!».

Выступил второй оратор. Тогда только Жюльета заметила Жоакима, стоящего за машиной. Он улыбнулся ей своей быстрой дружеской улыбкой. Новый оратор был учителем. Он собирался говорить о необходимости образовывать блок избирателей, который включил бы полковников, мелких землевладельцев, коммерсантов, всех, кто находится под угрозой разорения экспортёрами, и сообщая начать политическую и экономическую борьбу. Он собирался говорить о кооперации и о выборах. Но тут нагрянула полиция и принялась разгонять митинг. Агенты полиции во главе с полицейским инспектором врезались в толпу, стреляя в воздух. Завязалась борьба между охраной и полицейскими, за которыми следовали интеграллисты. Оратор продолжал говорить, несмотря на то что толпа смешалась и его уже никто не слушал. Жюльета заметила, что Жоаким отдавал распоряжения.

Начались аресты. Членам руководящей группы удалось скрыться на доставившей их машине. Один из них — это был грузчик-негр — в последний момент, прежде чем вскочить в машину, стащил знамя с радиатора такси, намотал его на руку, ударом кулака сбил с ног пытавшегося ему помешать полицейского и скрылся в переулке, откуда слышался гудок автомобиля. Учитель, выступавший на митинге, был арестован. Жюльета искала глазами Жоакима, Вдруг она услышала его голос за спиной:

— Идите со мной рядом и говорите о чем-нибудь, словно мы случайные прохожие...

Она обернулась. Он робко улыбнулся, и они пошли вместе по направлению к зданию фирмы «Зуде, брат и К°». Их нагнал полицейский, протянул было руку, чтоб схватить Жоакима за плечо, но, узнав Жюльету Зуде, остановился. Она разговаривала с Жоакимом, громко смеясь, но руки её дрожали.

На углу, возле здания фирмы, Жоаким повернул в сторону пристани, где уже зажигались огни. Жюльета видела, как он удалялся, убыстряя шаг. Издали он махнул ей рукой на прощанье. На следующий день Сержио

рассказал ей, что Жоаким скрывается в доме какого-то друга.

Вдруг она увидела в окне Карлоса Зуде. Она пришла такая возбужденная, что даже улыбнулась мужу и помахала ему рукой. Карлос ждал её с нетерпением.

— Что это за безумие с твоей стороны?

— Я хотела посмотреть...

— Ты разве не знала, что это коммунисты?.. Они на всё способны...

Она улыбнулась так загадочно, что Карлос Зуде, так редко обращающий внимание на то, что не касалось его дел, удивился:

— Что это с тобой?

— Ничего... Ты словно боишься коммунистов...

— Боюсь? Ты с ума сошла... Мы их раздавим, эту кучку жалких оборванцев.

— Жалких оборванцев... — повторила она и снова улыбнулась.

Карлос был обеспокоен:

— Кто был тот парень, с которым ты шла?

— С которым я шла? Не знаю... Он меня вывел из толпы во время этой суматохи... Может быть, он знает тебя...

— Хорошо ещё, что ты так легко отделалась... — Теперь Карлос успокоился, мысли его снова были збьтаты коммерческими делами.

Полицейский инспектор вошёл в кабинет рассказать о разгоне митинга.

— Мы задержали троих... Того, который выступал, и ещё двух. Другие удрали, но мы уже напали на их след. С этими людьми без резиновой дубинки нельзя... Только так, — заключил он решительно.

Карлос Зуде просил действовать энергичнее. Полицейский инспектор уверял, что в Ильеусе не останется ни одного коммуниста «даже на разводку». Но уже на следующий день на фасаде здания экспортной фирмы Шварца все увидели выведенную дегтем надпись во всю стену:

ДОЛОЙ НАЦИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ!

Но что больше всего изумляло Карлоса Зуде — это коммунистические листовки, которые он каждый день находил у себя на письменном столе. Он с недоверием вглядывался в лица служащих. Жульета закрывала глаза и видела грузчика-негра: как он был хорош, когда, ударом кулака сбив полицейского, схватил знамя и обернул вокруг руки, а край алого полотнища трепетал у него на груди.

Вскоре после этих событий Карлос Зуде уехал в Баию для переговоров с губернатором штата и вернулся вместе с Карбанксом. Половина города собралась на аэродроме встречать двух экспортёров, о которых в одной из ильеусских газет говорилось как о «столпах прогресса зоны какао». Это были дни особого процветания, так как цены поднялись до небывалого уровня, достигнув баснословной цифры — пятьдесят две тысячи рейс за арробу. Все умы были заняты этим необычайным подъёмом цен. Всё остальное было забыто: Пепе Эспинола и его скандальное дело, полковник Орасио и возмутительный процесс, затеянный Сильвейриньей, связь Жульеты и Сержио, Руи Дантас, на которого находили в последнее время внезапные припадки безумия, длившиеся по нескольку дней. (Врачи говорили, что это от наркотиков.) Всё было забыто, потому что цена на какао достигла пятидесяти двух тысяч рейс. Это была невиданная цена. Даже золото стоило меньше, чем бобы какао, эти маленькие бобы, миллионы которых лежали на складах экспортных фирм.

Никто не думал ни о чём, кроме денег. Столько денег можно заработать! Капитан Жоан Магальяэс уже истратил всю сумму, полученную в счёт урожая этого года, и больше половины денег, занятых в счёт будущего, но всё же улыбался, встречая на аэродроме Карлоса Зуде. Капитан приехал в Ильеус за саженцами деревьев какао для своих первых участков, очищенных от леса, и решил воспользоваться случаем, чтобы приветствовать того, кого многие уже называли «благодетелем зоны». Манека Дантас, опечаленный болезнью сына и неприятностями с Орасио, всё-таки тоже пришёл в аэропорт. Один из богатейших помещиков края — Манека Дантас был кандидатом в префекты, и врачи гарантировали, что вылечат его сына, пусть только Рун бросит кокаин. Но едва кончался очередной припадок, как Руи снова нюхал кокаин, — ведь так он вспоминал Лолу... Почти все люди с весом собрались в этот час на аэродроме, и Карлос Зуде почувствовал большое удовлетворение от такой встречи. Выходя из самолета, Зуде и Карбанкс пожимали протянутые руки, отвечали на восторженные приветствия. Народу было очень много, и полковнику Манеке Дантасу удалось обнять Карлоса Зуде, только когда экспортер направлялся к машине. Карлос, садясь в машину, повторил Карбанксу, развалившемуся на мягких подушках, фразу, сказанную им когда-то о полковниках:

— Они робкие, как дети...

Зито Феррейра, тоже пришедший на аэродром, чтобы подготовить почву на тот случай, если придется занять денег, и очутившийся в эту минуту возле машины, услышал слова Карлоса и сказал окружавшим его людям:

— Это плагиат... Эту фразу я слышал от Рейнальдо Бастоса.

28

Объявление в «Диарио де Ильеус» гласило: «Скончался полковник Орасио да Сильвейра».

Никаких подробностей в газете не сообщалось, и только спустя некоторое время люди узнали, как умирал самый крупный плантатор зоны какао. У доски с объявлением собралась целая толпа, люди расспрашивали друг друга, но обстоятельства смерти полковника стали известными только после появления полицейских, возвращавшихся в Итабуну. Потом всю историю страшно раздули, многое присочинили, Орасио приписывали слова, которых он не говорил, поступки, которых он не совершал. Те, кто знал Орасио лишь понаслышке, те, для кого он был легендарной фигурой, теперь яснее представили себе его неповторимый облик. В префектуре Ильеуса висел портрет полковника, когда ему было пятьдесят лет и он был политическим главой зоны. Это была увеличенная фотография, сделанная в Сан-Пауло, одна из тех фотографий, на которых все лица получались нежно-розовыми, а глаза — голубыми. Но никто не нуждался в этом портрете, чтобы представить себе полковника. Потому что у каждого обитателя каждого из самых отдаленных поселков земли какао отчетливо сложился в душе образ Орасио да Сильвейра, хозяина Секейро Гранде.

Он встретил врачей выстрелами, и комиссия, назначенная судьей, вернулась в Итабуну в панике. Правда, никто не был ранен. Но этого случая было достаточно, чтобы все врачи отказались впредь браться за это трудное и опасное дело. Тогда судья, под давлением адвокатов Сильвейриньи, послал Орасио вызов в суд, за ним другой и третий. Адвокаты ходатайствовали о признании психической неполноценности полковника на основании того, что он встретил врачей выстрелами и отнесся без внимания к требованиям закона, что само по себе является достаточным доказательством его ненормальности. Им удалось добиться заключения психиатра из Баии, профессора медицинского института. В последнем вызове в суд говорилось, что, если Орасио не явится в Итабуну, он будет объявлен неспособным управлять своим именем и судья назначит

опекуна.

Орасио был безразличен ко всему. Он только держал у себя в фазенде вооруженных людей, которым было приказано стрелять в каждого незнакомца, подходящего к воротам. Эти наемные бандиты и принимали вызовы в суд, они и относили их Орасио. Полковник приказывал надсмотрщику читать бумагу, потом разрывал её на мелкие клочки и дул, заставляя их плясать в воздухе. Иногда они падали ему на лицо, и он смахивал их дрожащими пальцами. Он теперь почти не выходил из своей комнаты, и только надсмотрщик и Фелисия входили к нему.

Судья из Итабуны, увидев, что дальше посылать вызовы бесполезно, пригласил адвокатов Сильвейриньи и Руи Дантаса (недавно оправившегося от одного из своих припадков) на совещание. Он был готов объявить полковника психически неполноценным и назначить Сильвейринью опекуном. Но Руи воспротивился этому, уверяя, что полковник не явился только потому, что у него нет сил на путешествие, но что если бы он, Руи, вместе с судьей поехал к Орасио в сопровождении врачей, он бы их наверняка принял и согласился на осмотр. Кроме того, Сильвейринья, к общему удивлению, наотрез отказался вступить во владение отцовским именем, пока отец жив и находится в своем доме. Страх перед Орасио всё ещё преследовал его. Судья сокрушенно качал головой, не находя выхода из создавшегося положения. Предложение Руи казалось ему неосуществимым хотя бы потому, что никакой врач не возьмет на себя такое опасное поручение, Сильвейринья кричал:

— Сумасшедший должен находиться в сумасшедшем доме...

— Но я не имею права поместить его в сумасшедший дом. В вашем ведении, сеньор, будут не только имение и угодья, но и ваш старый отец. Вам придется заботиться о нём...

Приговор суда был объявлен несколько дней спустя. На сей раз Орасио вышел из состояния безразличия. Он велел позвать судебного исполнителя, который явился в сопровождении двух полицейских и принес бумагу, согласно которой полковник объявлялся неспособным управлять фазендами, созданными им на протяжении всей его долгой жизни. Когда они вошли в помещичий дом, полковник спал на своей старой двухспальной кровати. Они остановились у двери, не решаясь войти. Орасио открыл глаза; он почувствовал, что в доме кто-то чужой.

— Кто там, Фелисия?

Ему ответил надсмотрщик:

— Это люди, которых вы велели позвать, ваша милость... Из полиции...

— Гм... — Полковник сел на кровати, ища ногами домашние туфли.

Судебный исполнитель вышел вперед:

— Не извольте беспокоиться, полковник. Мы пришли только, чтоб поставить вас в известность...

Но Орасио уже встал:

— Что земли теперь его... Я уж в известности, парень. Скажите ему, чтоб пришёл, что я его жду...

Силы покидали его, он сел на постель, но он сказал ещё не все, что хотел сказать.

— У меня просьба. Вы ему скажите, сыну моему, чтоб пришёл, что я жду его... Я не мог убить его мать, я узнал, какова она, только когда она уж умерла... Но про него я узнал раньше... Вы ему скажите, чтоб пришёл, что я его жду... Пусть придёт скорее...

Он обернулся к надсмотрщику. Последний раз в жизни он был полковником Орасио да Сильвейра, командующим битвой:

— Заплатите парню за услугу, которую он мне окажет... Хорошо заплатите...

Он снова вытянулся на постели, уронив голову на твёрдую подушку без наволочки, так и не сняв с ног домашних туфель. «Умер, как птичка», — рассказывала Фелисия подругам.

29

Праздничная процессия — «терно Варапау» — снова зажгла свои фонарики по дорогам какао; капитан Жоан Магальяэс вырубал лес на своем участке и сажал там молодые побеги какаовых деревьев; Манека Дантас засыпал гневными упреками Сильвейринью во время пышных похорон Орасио; Фредерико Пинто играл на бирже; Жульета ходила на свидания к Сержио в Ассоциацию и мечтала о новой жизни; Пепе худел в тюрьме; Зито Феррейра выпрашивал деньги у Мариньо Сантоса, ставшего теперь важным человеком; Антонио Витор забывал о Раймунде, трудившейся на плантациях, и упивался любовью Вампирессы; Жоаким занимался подпольной работой; Гумерсиндо Бесса был назначен управляющим новой экспортной фирмы «Шварц и Сильвейра»; Рита, с ребенком на руках, покинутая полковником Фредерико, перебралась на улицу, где жили проститутки; Рейнальдо Бастос мечтал получить повышение по службе в фирме Зуде и на всех перекрестках поносил Жульету.

Цены на какао, поднявшись до невиданного на юге Баии уровня,

увлекали за собой судьбы всех этих людей. Скандалы раздражались один за другим. Но ничто не могло привести в грустное расположение Ильеус, город Сан Жоржи, светящийся огнями кабаре и смеющийся пьяным смехом в ночи разгула. У всех на устах было одно священное слово, и все произносили его с любовью: какао.

Только Роза, в своей нетленной красе, бродила по берегу, спала в заброшенных лодках, безразличная ко всему — к подъему цен на какао, к событиям и к людям. Она улыбалась одному и другому, спала с тем, кто давал ей денег, ела в домах знакомых рыбаков, плясала макумбу, и всегда бродила она у моря, и волосы её пахли морской солью, и губы были горькие, как морская волна. Никто не знал, кто она, Роза, но кто раз увидел её, уже не мог забыть: Варапау, Мартинс, который стал из-за неё вором, Пепе, студенты, посещавшие «Ретиро», грузчики в порту, матросы на кораблях, художник, написавший её портрет, поэт Сержио Моура, полицейский, который бил её по приказу своего начальника, — все, кто хоть раз её увидел, уже не могли забыть. Для неё, и только для неё, не имели никакого значения высокие цены на какао в начале третьего года повышения цен в Ильеусе, городе Сан Жоржи. Но Роза знала море и все перемены, происходящие в нём.

Вот это было важно для неё.

30

Празднества в честь Сан Жоржи в начале третьего года повышения цен отличались невиданной дотоле пышностью. Новый храм был почти готов, обедню должны были служить там, и оттуда должна была выйти процессия. Приехало множество людей с плантаций, из Итабуны, из поселков, из Итапиры. Гостиницы были переполнены. Вампиресса тоже явилась, и Антонио Витор попросил в конторе Карлоса Зуде выдать ему чек на тринадцать конто: десять пойдут на расходы по хозяйству, три он прокутит с Вампирессой. Когда Антонио Витор собирался уходить, Карлос Зуде сказал ему:

— Я должен сказать вам одну пренеприятную вещь, касающуюся вас, сеньор Антонио...

Антонио Витор подумал, что экспортер будет говорить о Вампирессе, и покраснел до ушей. Что придумать? Как оправдаться? Но Карлос Зуде снова заговорил:

— Речь идет о вашем сыне, сеньор Антонио. Он на примете как

коммунист. Говорят, он опасен... Как это он впутался в такие дела? Это хуже, чем быть вором...

Антонио сказал, что у Жоакима всегда был скверный характер. С отцом он не ладит. Если его арестуют, правильно сделают. Кто виноват, что он такой упрямый? Мать вот только будет плакать, уж больно она любит сына...

Карлос Зуде пожалел, что ничего не может сделать для парня. Если бы речь шла о чём другом, он мог бы вмешаться, но вступить за коммуниста — нет, это невозможно, решительно невозможно.

Процессия вышла в пять часов. Все важные люди города принимали участие в ней. Епископ шествовал под балдахином, который несли префект, Карлос Зуде, Антонио Рибейро и Манека Дантас. Громко и весело перекликались вечерние колокола. Богатые туалеты, роскошные автомобили, блеск золота на фигурах святых — всё здесь говорило о том, какое изобилие несёт с собой повышение цен на какао. Ученицы монастырской школы пели благодарственные молитвы святому. Благословляя народ, епископ возблагодарил Сан Жоржи за богатство, которое тот ниспослал своему городу — Ильеусу. Снова раздался колокольный звон. Потом был бал в префектуре и большой вечер в кабаре «Трианон».

В то время макумбы в Оливенсе Ошосси вещал народу о великих бедствиях в близком будущем. Роза плясала в честь святого, пальмы качались на ветру.

В то время как процессия проходила по улицам Ильеуса, Жульета обнимала Сержио в Коммерческой ассоциации. Когда опускались сумерки, процессия прошла по площади Сеабра, где находились Ассоциация и префектура. Из-за портьеры Жульета и Сержио, крепко прижавшись друг к другу, смотрели на толпу, на фигуры святых, медленно движущиеся в свете недавно зажегшихся фонарей, под звуки благодарственных молитв, поднимающихся к небу. У Сержио уже складывалась в голове новая поэма.

На другой день утром Антонио Витор пришёл в контору Карлоса просить сто тысяч рейс на отъезд. Экспортёр удивился:

— Но ведь вы вчера взяли тринадцать конто, сеньор Антонио...

Антонио Витор опустил голову:

— Это правда, сеньор Карлос. Но так уж получилось, что я попал в «Трианон», а потом участвовал в праздничном терно...

Карлос расхохотался и велел выдать расписку на пятьсот тысяч рейс («Возьмите лучше сразу пятьсот, пригодятся...») и дал её Антонио.

На плантации Раймунда разрезала ножом плоды какао.

Сидя на холме Витория, напротив кладбища, в ночь праздника Сан Жоржи поэт Сержио Моура читал Жоакиму свою новую поэму. Шофёр скрывался в те дни у товарища, неподалеку от места, где они сейчас находились. Только немногие могли видеть его. Сержио был в числе этих немногих. В эту ночь он принес Жоакиму деньги. Потом рассказал о поэме, написанной накануне вечером, после процессии. Жоаким попросил прочесть. Там, внизу, город сиял тысячами электрических огней. Голос Сержио Моура раздался в тишине ночи:

На вершине холма стою я.
 Виден Ильеус внизу...

 Сверкая огнями ночи,
 добыча охоты большой,
 как буйвол, он вырваться хочет
 из своей западни золотой.

 Ильеус встаёт, как виденье,
 сквозь шорохи ночи бессонной,
 сквозь ветра протяжное пенье.
 Ильеус, как буйвол пленённый
 с бриллиантовыми глазами,
 от охотников ищет спасенья
 и мчится в ночи бессонной,
 и падает вдруг за холмами
 в предсмертном изнеможенье,
 охотниками окружённый.

 Как буйвол, огнем объятый,
 сверкает Ильеус в ночи.

Когда Сержио дочитал поэму до конца, Жоаким встал. Он взглянул на город, там, внизу:

— Да, охотники уже устали кормить буйвола, теперь они будут есть его мясо, вырвут из орбит его бриллиантовые глаза...

Сержио спросил:

— Разве ничего нельзя сделать?

— Мы сделали всё, чтоб раскрыть глаза полковникам. Но они нам не верят, они говорят, что мы хуже убийц, они сажают нас в тюрьму.

Он взглянул на город, там, внизу:

— Но мы всё-таки не перестанем бороться. Мы пойдём вперёд, пока не покончим с этой империалистической сворой... Борьба будет трудная, сеньор Сержио, но это ничего. Для этого и живём...

Он улыбнулся своей застенчивой улыбкой:

— Теперь начнутся другие времена, товарищ. Было время завоевателей земли, настало время экспортеров, придет и наше время... Оно уже начинается...

Они стояли на склоне холма. Там, вдали, лежал город Ильеус, словно «буйвол, огнём объятый», с бриллиантовыми глазами из плодов какао. Кругом стояла полуночная тишина. Два друга медленно двинулись в путь, прислушиваясь к шорохам ночи, доносимым ветром. Неожиданно до их ушей долетели нестройные звуки музыки и обрывки какой-то песни. Жоаким остановился:

— Что это?

Сержио пояснил:

— Это терно богачей... Во главе Карбанкс, как всегда...

— Они хотят напоить буйвола допьяна, чтоб легче было вырвать ему глаза...

Песня и музыка затерялись в извилах улиц, где живут проститутки. Огни города сияли сквозь тьму ночи. Два друга медленно поднимались по склону холма Конкиста.

ЗЕМЛЯ МЕНЯЕТ ХОЗЯИНА

ПОНИЖЕНИЕ ЦЕН

1

В последний раз процессия терно Иписилоне вышла на улицы Ильеуса ночью первого января того года, который должен был быть четвёртым годом повышения цен, но на деле оказался первым годом их падения. К тому времени вместо терно Иписилоне существовало целых три ему подобных, собиравшихся в «Трианоне», «Батаклане» и «Эльдорадо». Но в эту ночь, первого января, все три терно объединились в одну процессию и шли по тихим улицам Ильеуса в тихие часы рассвета. Шли пьяные мужчины и женщины, а впереди всех Карбанкс с импровизированным флагом терно — женскими трусиками.

Посреди улицы кто-то предложил нести на плечах Карбанкса — главного благодетеля Ильеуса. Нашёлся среди участников один, считавший, что это недостаточно почётно для человека, которому Ильеус обязан своим процветанием, и что американца должны нести на плечах женщины. Так и сделали. Женщины собрались вместе и, неся на плечах огромную тушу Карбанкса, направились, сопровождаемые мужчинами, в улицу Сан-Себастьяна, где жили самые дорогие проститутки.

Больше никогда праздничная процессия богачей не появлялась на улицах Ильеуса.

2

Второго января «Жорналь да Тарде» поместила телеграмму из Нью-Йорка, в которой сообщалось о большом понижении цен на какао. С сорока семи тысяч рейс (такую огромную сумму давали за арробу какао еще 31 декабря) цена упала до тридцати. В тот день это известие не особенно взволновало полковников и мелких землевладельцев. Их головы были ещё полны новогодним праздником, и многих из них еще ломало с похмелья... На следующий день цена упала до двадцати девяти тысяч рейс. Тут уж владельцы фазенд перепугались. Они давно уже продавали какао не дешевле чем по сорок две тысячи рейс за арробу. Но кто-то придумал, что цена упала потому, что урожай уже снят и нет какао для продажи. Многие согласились с этим объяснением, но некоторые, однако, ворчали: а почему же в прошлые годы цены не падали, а, наоборот, повышались после снятия

урожая, когда на рынок выбрасывалось меньше какао? Этот спор, вспыхивающий то на перекрестках торговых улиц, то в переполненных барах, ещё более оживился и принял острый, возбужденный характер, когда четвертого числа того же месяца две городские газеты опубликовали одну и ту же телеграмму:

«Нью-Йорк, 3 января. Цена на какао стоит сегодня двадцать пять тысяч рейс за высший сорт, двадцать три за good и двадцать один за средний сорт. Покупателей не было».

«Диарио де Ильеус» поместила эту телеграмму в две колонки на первой странице. Заголовок, напечатанный крупными буквами, гласил: «Не начало ли это понижения цен?». Никаких комментариев к телеграмме в газете не было. «Жорналь да Тарде» поместила заметку от редакции, в которой сообщались данные об урожае Золотого Берега и республики Эквадор и цены на какао за последние три года. Заметка кончалась ничего не говорящими рассуждениями общего характера. Эта заметка не была ни оптимистической, ни пессимистической, но характерно, что все восприняли её как предзнаменование падения цен. Потому что все чувствовали, что период падения надвигается с трагической неизбежностью. Словно завеса, опущенная на окно, только что открытое солнцу, мрачная тень упала на лица плантаторов какао, крупных и мелких.

В последующие дни цены на какао продолжали падать все ниже и ниже. Если повышение цен происходило быстро — с девятнадцати до пятидесяти тысяч рейс за два года, — то падение произошло ещё быстрее — с пятидесяти до восьми тысяч рейс в пять месяцев. В марте владельцам фазенд ещё удавалось продать ранний урожай по пятнадцать тысяч рейс за арробу. Большинство не стало продавать, ожидая, что цены снова поднимутся. Но когда в мае начался сбор настоящего урожая, какао стоило уже одиннадцать тысяч, и плантаторы потеряли всякую надежду, что цены когда-нибудь начнут расти. В июне какао шло уже совсем за бесценок — восемь тысяч рейс за арробу. Тогда помещики начали понимать, что повышение цен было всего лишь ловким трюком экспортеров. Некоторые вспомнили о коммунистических листовках, даже припомнили митинг в Ильеусе, разогнанный полицией при бурном их одобрении. Несколько позже им пришлось также вспомнить об идее кооператива владельцев какаовых плантаций, но к тому времени было уже поздно приводить её в исполнение. Потому что экспортеры всё более настойчиво требовали, чтобы помещики и мелкие землевладельцы расплатились по своим счетам.

Ни с чем нельзя сравнить то, что происходило в том году в Ильеусе, Итабуне, Бельмонте, Итапире, во всей зоне какао. Только забытая фраза

полковника Манеки Дантаса о разложении семьи, сказанная им в ночь после праздника в доме Зуде, в начале периода повышения цен, могла бы дать представление о панике, царившей в городе:

— Это конец света...

Теперь полковники поняли, что их втянули в борьбу не на жизнь, а на смерть. Эта борьба началась три года назад, когда Карлос Зуде, после переговоров в Баии с Карбанксом, сошёл с самолета в Ильеусе и сказал Мартинсу, что надо повременить с установлением цены на какао. Это была борьба не на жизнь, а на смерть, и она уже поглотила Орасио: его фазенды принадлежали теперь экспортёрам, фирме «Шварц и Сильвейра». А между тем это был единственный помещик, который, будь он жив, мог бы противостоять силе экспортёров. Один только Орасио, обладатель огромного капитала и бесконечных плантаций, которые давали ежегодно пятьдесят тысяч арроб, а могли бы давать и все восемьдесят, мог бы руководить большим кооперативом землевладельцев, способным собирать всё какао крупных и мелких плантаторов, покупать и распределять по складам в ожидании, что цены изменятся в связи с нехваткой товара. Один только Орасио не играл на бирже, не строил особняков, не содержал любовниц, не пропадал долгие часы за рулеткой и баккара, не сорил деньгами. Один только он. Но он умер, и день его похорон ознаменовал конец владычества полковников, или, как сказал Жоахим, «конец феодализма». Экспортеры всё это понимали и потому закрывали глаза на те жестокие методы, которые Шварц применял в борьбе против Орасио: им необходимо было убрать Орасио с пути. Карлос Зуде украл у него политический престиж, Шварц захватил его земли. Они привлекли Сильвейринью на свою сторону, чтоб использовать его в борьбе против старого полковника.

Его похоронили в Итабуне, над ним произносили надгробные речи и мрачные остроты. Манека Дантас набросился на Сильвейринью, который явился весь в чёрном и принимал соблезновения. Присутствовали все важные люди Ильеуса и Итабуны, мелкие землевладельцы из Феррадас и Палестины, люди, приехавшие из Секейро Гранде. Епископ поднял руки к небу в заупокойной молитве... Последнему процессу, затеянному Сильвейриньей против Орасио, никто не придавал большого значения. Все находили поведение молодого адвоката возмутительным, но не особенно интересовались этим делом, так как были всецело поглощены скандальной историей Пеле Эспинола. На похоронах некоторые стали догадываться о настоящих причинах, вызвавших смерть Орасио, но большинство поняло это, только когда началось падение цен. Когда гроб опускали в могилу,

раздался смех, — кто-то вспомнил старую шутку о том, что грешники уже много лет готовят для Орасио костер в аду. Но поэт Сержио Моура, приехавший на специальном поезде из Ильеуса, вспомнил трагический жест Жоакима и слова, сказанные им как-то вечером, три года назад, во время начала дождей. И теперь на кладбище поэт снова видел перед собой многоголового дракона с огромными когтями и гигантской пастью, поднявшегося к небу в тот магический вечер. Этот дракон сидел теперь на крышке гроба Орасио — огромный дракон с ненасытным чревом, пожиратель трупов. Никто так никогда и не понял смысла поэмы, которую Сержио Моура посвятил событиям, связанным со смертью Орасио (поэма называлась «Дракон»).

Теперь, когда цена на какао упала до восьми тысяч рейс («Невозможно поверить!» — ужасался капитан Жоан Магальяэс), снова заговорили о полковнике. О, если бы он был жив... Но он умер, не выдержал этой борьбы. Манека Дантас считал, что он умер вовремя.

— Хорошо хоть, что кум не видит такого бедствия.

«Бедствие» — так говорили о понижении цен. «Какое бедствие!» — вскричал полковник Фредерико Пинто, когда экспортеры предъявили ему счёт. «Вот беда-то!» — сказал потрясённый Антонио Витор Раймунде, которая несколько не удивилась.

Почти все полковники уехали к себе в фазенды, где редко появлялись в годы повышения цен, когда шумные кабаре зазывали пронзительными звуками оркестров, возбуждали страстями за игорным столом, увлекали объятиями красивых женщин, когда по ночам в Ильеусе кипело такое оживление, какого не видала даже столица, когда сигары зажигали билетами в сто и двести тысяч рейс. Куда ушло всё это? Куда девались кабаре, красивые женщины, сутенеры, *cabaretiers*, биржевые агенты, бутылки шампанского, джазовые оркестры, приезжавшие на каждом корабле, мода на кокаин, терно Иписилоне? Пустота и уныние царили теперь в Ильеусе, городе Сан Жоржи.

Почти все полковники уехали в свои фазенды, особняки были заколочены, автомобили стояли без движения в гаражах, любовницы были забыты. После трёх лет кипучей жизни, волнений и страстей полковники вернулись в свои поместья, к своим плантациям, к своим женам, снова занялись разведением домашней птицы, зажигали большие печи, чистили большие кастрюли и старательно сажали маис к празднику Сан Жоана.

Но, увы, немногим помещикам довелось на сей раз попробовать сладкой маисовой каши из больших кастрюль в праздник Сан Жоана! Когда полковники поспешно вернулись в свои фазенды, Сержио Моура сказал

Жульете и Жоакиму:

— Это их последнее паломничество к святым местам...

Потому что экспортеры все настойчивее требовали, чтобы полковники и мелкие землевладельцы уплатили по своим счетам. Их извещения давно уже потеряли любезный тон, в них даже не было условной вежливости коммерческих бумаг. Тон их был сухой, а через некоторое время стал угрожающим. «Хозяева земли» испугались, у них не хватало духу покинуть хоть на мгновение свою фазенду, словно её могли украсть за время их отсутствия. Те, кого Карлос Зуде назвал «робкими детьми», казались теперь запутанными мальчиками, ухватившимися за юбку матери в страхе перед стариком-юродивым, проходящим по улице. Они боялись расстаться с фазендами, с виденьем какаовых деревьев в цвету, с золотыми плодами, освещающими тенистую чащу... Никогда ещё никакое золото не ценилось так дешево. Извещения приходили, полковники вскрывали конверты под испуганными взглядами жён. Работников увольняли толпами. Теперь, когда какао стоило восемь тысяч рейс, выгоднее было отпустить их, несмотря на долги, чем кормить. В последних извещениях говорилось: «Предоставляем вам срок в сорок восемь часов, чтобы оформить ваш счёт. В случае вашей неявки обратимся в суд».

Когда-то полковники хозяйничали в суде как им вздумается, выносили обвинительные приговоры и оправдывали. Ещё недавно они приговорили к тюремному заключению Пепе Эспинола, сутенёра, который из самозащиты выстрелил в одного из них. Но теперь они сомневались в своем влиянии на правосудие. Денег не было. Не было больше неограниченного кредита в экспортных фирмах. Разведение какао стало самым невыгодным делом в стране... Люди, никогда не считавшие денег, жалели теперь пятьсот рейс на необходимые расходы.

Один за другим начали они съезжаться в город, чтобы проверить свои счета у экспортёров. Все переменилось в Ильеусе. Он казался городом, оставленным жителями в страхе перед надвигающимися неприятельскими войсками. Женщины из баров разбежались. Корабли уходили полными и приходили пустыми. Редко можно было встретить коммивояжера на безлюдных улицах. Магазины пустовали, кабаре закрывались, только «Батаклан» ещё существовал, да и то в его джазе осталось всего три человека. Автобусы ходили почти пустые, пассажиров не было. Мариньо Сантос провожал их грустным взглядом. Некоторые полковники просили его разрешения проехать без билета, у них не было денег. Вообще деньги куда-то исчезли. Мариньо Сантос смотрел на весь этот разброд с печальным испугом. Он не знал, что теперь с ним будет. Формально он был

главой транспортной компании, но на деле экспортёры могли выгнать его в любой момент и взять на себя контроль над движением автобусов и грузовиков. Правильно говорил Жоаким... А он-то уволил Жоакима по требованию Карлоса Зуде...

Мелкие землевладельцы, первыми направившиеся в город для сведения счетов, первыми понявшие всю глубину разыгравшейся трагедии, возвращались в Итабуну на поезде, в вагоне второго класса, автобус был теперь для них слишком дорогим удовольствием. Старые работники плантаций, семидесятилетние старики, потерявшие способность работать, которые раньше кормились у полковников, теперь просили милостыню в поселках и в городах, в Ильеусском порту. Эти странные нищие, похожие на перепуганных крестьян, с трудом тащились по незнакомым улицам, нерешительно протягивая руку за подаванием, не осмеливаясь взглянуть в глаза прохожим. На берегу снова строились бараки — в них селились выгнанные из фазенд батраки в надежде, что префектура поможет им вернуться в родные края.

Нигде нельзя было занять денег. Манека Дантас пытался продать свой особняк, но покупателя найти не мог. С трудом ему удалось сдать особняк старшему Раушнингу за один конто рейс в месяц — мизерная цена за дом, постройка которого обошлась в пятьсот конто. Руи перестал помещать свое объявление в «Диарио де Ильеус», денег едва хватало на кокаин, ставший теперь редкостью. С трясущимися, как у старика, руками, он просиживал целые дни в барах, повторяя свою любимую фразу:

— Мы — погибшее поколение...

Не было ни одного человека, которого не коснулось бы падение цен. Снова произошёл крутой поворот в судьбах всех обитателей зоны какао. Трудными стали в этом году дороги какао. Раньше это были широкие дороги и золотые плоды сияли, как солнце, на деревьях, выросших на земле, политой кровью. Падение цен коснулось всех, неумолимое и угрожающее.

Только Роза, изменчивая, но всё не меняющаяся, по-прежнему была далека от всего. Жоаким утверждал, что она люмпен-пролетариат, но Сержио Моура, который был поэтом и переворачивал по-своему слова и понятия, говорил, что Роза — Свобода, брошенная на улице («Анархическая, сеньор Сержио, анархическая...» — возражал Жоаким), единственное по-настоящему свободное существо в землях какао. Заглядывая в бараки иммигрантов, улыбаясь торговцам, потерявшим покупателей, она бродила по берегу, спала под настилами мостов, шла куда глаза глядят. Потому что падение цен не коснулось её, только её, Розы, о

которой никто не знал, кто она такая и откуда пришла.

Но все другие, мужчины и женщины, полковники и батраки плантаций, мелкие землевладельцы и портовые грузчики, рабочие и коммерческие служащие, владельцы лавок и проститутки, — все страдали от последствий этого небывалого понижения цен на какао. «Какое бедствие!» — говорили люди друг другу, не находя утешенья. Словно микроб какой-то таинственной болезни с необычайной быстротой распространился по всему городу, охватив и соседние муниципальные округа. Даже в барах, куда ещё заходили редкие посетители и где вместо дорогих вин подавался теперь кофе в маленьких чашечках, ничего нельзя было услышать, кроме слов уныния, ничего нельзя было увидеть, кроме жестов отчаяния. Лица у всех были нахмуренные, мрачные.

Так началась эпоха «нищих миллионеров» в Илье-усе, городе Сан Жоржи.

3

Пришли выборы, а полковники так и не успели восстановить свой авторитет среди избирателей. Коммунисты снова развили активную деятельность, стараясь объединить помещиков и мелких землевладельцев вокруг кандидатуры Манеки Дантаса. Но уже не было времени для серьезной подготовительной работы, и полковники, которым угрожала потеря их земель, мало думали о политике. С другой стороны, интегралисты сняли кандидатуру Сильвейриньи и поддерживали теперь кандидатуру Карлоса Зуде, который включил в свой избирательный бюллетень двух интегралистов как кандидатов в депутаты муниципального совета. Одним из них был Гумерсиндо Бесса. В других муниципалитетах интегралисты проделали тот же манёвр.

Провал помещиков на выборах произошёл не только в Ильеусе. В Итабуне только один помещик был избран депутатом муниципального совета, тогда как от интегралистов было избрано три, а официальная партия получила на выборах абсолютное большинство. В Итапире от помещиков не был избран ни один человек. Коммунисты голосовали за Манеку Дантаса, и это были единственные избиратели, на которых он мог положиться, так как многие из тех, кто был на стороне Манеки Дантаса и полковников, возглавлявших оппозицию, побоялись голосовать за него из страха перед экспортёрами.

Выборы прошли вяло: совсем не так, как проходили выборы в старые

времена, — с митингами, выстрелами, беспорядками, поножовщиной. Тогда избирателей угощали водкой; работникам фазенд, приехавшим в город голосовать, раздавали новые сапоги. Такое царило оживление! А теперь? Всего только один митинг состоялся в Ильеусе; его устроила оппозиционная партия, он проходил скучно и окончился весьма печально. Когда Руи Дантас произносил речь, у него внезапно начался один из тех припадков безумия, которые теперь мучили его всё чаще и чаще, и он запел старое, забытое танго:

В эту ночь я напьюсь допьяна,
напьюсь допьяна,
чтоб всё забыть...

Зато интегралисты устраивали манифестации, митинги и собрания. Карлос Зуде, кандидатуру которого они поддерживали, только качал головой. Методы, к которым прибегали его теперешние союзники, не нравились ему, и если он использовал их симпатии, то только потому, что у него не было другого выхода. Но эти союзники были ему неприятны.

В день выборов, когда над городом уже опустились сумерки и голосование закончилось, неожиданное известие окончательно отвлекло людей от избирательной борьбы, которая и так-то не возбуждала почти никакого интереса: полковник Мигель Лима, потерявший в игре на бирже больше тысячи конто, застрелился. Карлос Зуде был избран на пост префекта Ильеуса подавляющим большинством голосов.

4

Когда первые крупные фазенды пошли с аукциона, проданные за бесценок кредиторам, город охватило волнение. Пока аукционист выкрикивал низкие цены, полковник Жанжан пытался занять у собравшихся немного денег, чтобы прокормить семью хотя бы эту неделю. На этих аукционах бывала масса людей, и всё больше не покупатели, а любопытные; единственными покупателями были экспортеры.

Обычно фазенды шли полностью в счёт долгов полковников, иногда экспортеры приплачивали ничтожную сумму, иногда, наоборот, цена фазенды не покрывала суммы долга. Так земля меняла хозяина, и экспортеры превращались в крупных помещиков. После периода падения цен, когда установилась более или менее твёрдая цена на какао — от

двадцати до двадцати пяти тысяч рейс, крупнейшие фазенды сосредоточились в руках трех экспортных фирм — «Зуде, брат и К°», «Ильеусская экспортная компания по вывозу какао», «Шварц и Сильвейра». Рейхер и Антонио Рибейро тоже стали богатыми помещиками, а братья Раушнинги скупили ещё больше земель, чем они. Экспортёрам принадлежали теперь поместья, рассеянные по разным муниципальным округам — в Ильеусе, Итапире, Бельмонте, Рио-де-Контас, Итабуне и Канавиейрас. Фазенды, которые не были поглощены экспортными фирмами, были разделены, причем помещикам досталась меньшая часть. Мелкие землевладельцы вообще исчезли. Отныне экспортёры превратились в крупнейших плантаторов. Наконец-то они завладели корнями земли, которые протянулись по всей зоне какао. В годы падения цен экспортёры были единственными людьми, проезжавшими по дорогам и городским улицам в роскошных автомобилях.

Только для их удовольствия, — и главным образом для Карбанкса, — существовали немногие проститутки, ещё остававшиеся в Ильеусе. Почти все умчались в другие края, как перелётные птицы. Они уехали в Параибу, в край, где было много денег в связи с ростом цен на «белое золото» — хлопок. Улицы Ильеуса являли собой печальную картину запустения. Казалось, что общий упадок повлиял даже на городских садовников, потому что сады — гордость Ильеуса — были запущены. Даже анекдоты, эти тяжеловесные ильеусские анекдоты, потеряли свое очарование. Самый распространенный в то время анекдот вызывал у людей только грустную улыбку. Это был анекдот о том, что когда два человека встречаются на улицах Ильеуса, то первый, кто заговорит, просит займы, а другой отвечает: «Я как раз искал тебя, чтоб занять немного денег». Все деньги, которыми владели люди во время повышения цен, словно испарились куда-то, и если кто-нибудь вспоминал, как еще несколько месяцев назад пьяная процессия терно Иписилоне проходила ночью по улицам города, как в кабаре лилось рекой шампанское, это казалось чем-то далёким-далёким, воспоминанием о каких-то давно прошедших временах.

Но то, что исчезли деньги, было ещё не худшее из зол. В середине года началась продажа с аукциона плантаций, фазенд, началось наложение ареста на имущество. Земля меняла хозяина. На грузовиках Мариньо Сантоса, возивших какао из фазенд, уже нельзя было увидеть старых мешков с клеймхш: «Фазенда Аурусидия», «Фазенда Санта Мария», «Фазенда Счастливая Судьба», — названия, которые жители Ильеуса выучили наизусть за тридцать лет, в течение которых читали их на мешках какао. Теперь на мешках стояло клеймо экспортной фирмы Зуде, Шварца,

Раушнинггов. За последние несколько месяцев мелкие землевладельцы потеряли свои фазенды, а самые крупные помещики превратились в мелких землевладельцев. В эти месяцы снова зазвучала по дорогам какао старая песня времён завоевания земли:

Колдун-чародей нас проклял
в темную ночь колдовскую...

«Это нищие миллионеры», — сказал кто-то о полковниках. Эта фраза стала популярной в Ильеусе, её повторяли при каждом удобном случае. Её повторили и в тот день, когда по пустынным улицам города прошла похоронная процессия. Хоронили полковника Мигеля Лима; его земли были проданы с аукциона. Пришлось занимать денег на гроб, Мариньо Сантос предоставил для провожающих свой автобус. Автобус ехал за гробом почти пустой. Это были бедные похороны, цветов было мало, венков вовсе не было, полковника провожали всего несколько человек, жена и дети плакали.

Дожди в этом году шли сильные. На деревьях плантаций, которые никто не подрезал с тех пор, как началось падение цен, выросли ненужные побеги, уменьшающие плодоносность. Карбанкс, посетив поместье полковника Мигеля Лима, теперь принадлежащее «Экспортной», проворчал:

— Эти полковники даже за своими плантациями не умели ухаживать как следует...

Он смотрел, как смотрели и другие экспортеры, на отягчённые жёлтыми плодами деревья какао, на землю, устланную ковром из опавших листьев, и обдумывал, какие меры необходимо принять, чтоб удвоить продуктивность. Разоренные мелкие землевладельцы могли служить прекрасными управляющими, и они теперь возвращались в фазенды. На небольших участках, оставшихся от их прежних фазенд, полковники жили теперь скудно и замкнуто, и на губах их, скрытых за седыми усами, застыло выражение безнадежной грусти... Работники с плантаций, уволенные во время падения цен, бродили из фазенды в фазенду, не находя работы. Ходили слухи, что коммунисты проводят работу среди них. Только экспортеры, глядя с веранд помещичьих домов, недавно отнятых у их владельцев, на молодые побеги какао, улыбались с чувством удовлетворения: теперь они пустили прочные корни в этой земле.

Они были новыми хозяевами земли.

Когда работники фазенд снова собирались выйти в процессии терно, зажигая жалкие звезды по дорогам какао, чтобы опять не оправдались надежды Флориндо («На этот раз мы удерём...») и чтобы опять отплясывал Капи, когда Варапау всё уже организовал и репетиции закончились, — их всех внезапно уволили с плантаций. Фредерико Пинто простил им долги и выгнал: пусть собирают свой хлам и уходят, нечего им дольше оставаться в фазенде. Только маленькую группу лучших работников полковник решил оставить. Тогда лишь работники узнали, что цена на какао невероятно упала, что какао стоит теперь всего десять тысяч рейс, что полковникам и самим есть нечего, что теперь им выгоднее не снимать урожай, а дать сгнить, потому что расходы по уборке не окупаются.

Они собрали свой скарб и ушли. На дорогах они встретили других батраков, выгнанных с других плантаций. По тропинкам шли все новые батраки, ставшие теперь безработными, для которых были закрыты ворота фазенд, где они работали раньше. Они начали объединяться, их были десятки, потом стали сотни, и они были голодны. Их нигде не принимали, они бродили из фазенды в фазенду, и отовсюду их гнали:

— Нет работы...

На хлебных и банановых деревьях уже не осталось плодов... Люди бродили толпами по шоссе, по дорогам, ведущим в фазенды, по тропинкам. Они собирались со всех концов, оборванные, нищие, обездоленные. Они нападали на проезжих, а один из них, уроженец штата Параиба, собрал шайку храбрецов и ушел в сертаны. Некоторое время спустя имя его появилось в газетах столицы в связи с разбойничьими нападениями на скотоводческие фермы.

Но большинство людей собиралось на дорогах. Здесь были мужчины, женщины и дети. Был здесь и Варапау, и Капи, и негр Флориндо. Были здесь и коммунисты-агитаторы, они пришли с началом падения цен и разошлись по разным местам. Жоаким пришёл с ними. И вот странные разговоры пошли среди уволенных работников плантаций. Зазвучали новые слова, может быть, первые слова надежды, услышанные за всю жизнь. Коммунисты собирали безработных в отряды, старались помешать ограблению проезжих и налётам на поместья, организовывали коллективы для распределения пищи. Они хотели привести безработных в Итабуну — это будет огромная, невиданная демонстрация протеста. Власти будут вынуждены найти какой-нибудь выход из положения. В Ильеусском порту

тоже действовали несколько коммунистов, но полиция запрещала уволенным батракам входить в порт.

На одной из плантаций Жоаким нашел группу безработных. В группе было человек сорок мужчин и женщин. Ночь приближалась, сырая, дождливая, и батраки пытались устроиться на ночлег под деревьями. У них не было никакой еды, кроме вяленого мяса, маниоковой муки и недозревших бананов. Спелые уже все были сорваны и съедены. Варапау, который, конечно, стал главой группы, так как имел большой опыт в жизни, спросил Жоакима:

— Вы откуда?

— Из Ильеуса...

Все собрались вокруг вновь прибывшего. У шофера, родившегося на плантациях какао, были ноги с растопыренными пальцами, как у любого из них, и он совсем не походил на городского жителя.

— А в Ильеусе тоже увольняют с работы?

Жоаким спросил Варапау:

— А вы все куда идете?

— Один бог про то ведаёт...

— Народ вот работу ищет... — Это говорил Капи. — Да никто нас не берёт, говорят, в этом году совсем не будут урожай сымать.

Жоаким остался с ними. Влияние его быстро росло. Сам Варапау приходил советоваться к нему в трудные минуты. На третью ночь один мулат со светлым цветом кожи, который работал у Орасио во времена разбойничьих набегов, предложил напасть на дом Жоана Магальяэса. Они как раз находились вблизи плантации капитана. Мулат поговорил с одним, с другим и в конце концов собрал группку таких, которые ему показались наиболее подходящими. В их числе был негр Флориндо... Пищи не хватало. Люди ходили в лохмотьях, уже много дней не мылись и, казалось, были готовы на всё. Дети воровали плоды с деревьев, женщины разводили костры, на которых нечего было варить.

Флориндо рассказал Варапау о том, что задумал мулат из Параибы по имени Роман. Варапау особенно обидело то, что его не пригласили участвовать в нападении на поместье капитана. Роман, видно, считал его рохлей, трусом, неспособным на такое дело. Может, потому, что он, Варапау, такой тощий? Ладно, он ему ещё покажет... И Варапау отправился искать Жоакима, который в этот момент собирал то, что осталось у каждого из запасов пищи, чтобы распределить между всеми. Эта его система уже дала хорошие результаты, и батраки, которые сначала относились к нему с недоверием, начали уважать коммуниста. Он умел всё делать без шума и

суетни, был молчалив, немногословен, и на его серьезном лице изредка вспыхивала на миг добрая улыбка. Варапау решил довериться ему:

— Будут беспорядки...

— В чем дело? — Жоаким повернулся к говорившему.

— Да этот Роман... Они все бандиты... Вы из города, вы их вовсе не знаете. Убийцы все... Только и думают, с кого бы шкуру содрать... Другого и не умеют...

Жоаким ничего не понял:

— О чём разговор, я не пойму.

Варапау разразился:

— Вы что ж, не видите, что этот Роман собирает людей, чтоб напасть на усадьбу капитана Жоана Магальяэса? Там, говорят, чего-чего только нету...

Жоаким стал расспрашивать людей и вскоре был уже в курсе событий. Терпеливо, как научил его давний опыт революционера, он растолковывал людям все трудности, какие их ждут при осуществлении опасного замысла, результат которого может оказаться плачевным для них самих. Почти всех ему удалось убедить, только Роман да еще человека четыре не хотели сдаваться. Они сидели под хлебным деревом, в стороне от всех, и совещались. Роман чертил что-то на земле острием ножа. Этому мулату с почти белым цветом кожи было за пятьдесят, его жена тоже была здесь, трое маленьких сыновей бегали по плантации. Жоаким подошел к заговорщикам, и они сразу замолчали. Вслед за Жоакимом подошли другие безработные и окружили четырех человек, сидящих под хлебным деревом. Жоаким спросил:

— Что здесь происходит, Роман?

Мулат с силой воткнул нож в землю, покрытую опавшими листьями с какаовых деревьев. Резко, не поднимая головы, он ответил:

— Это никого не касается...

Жоаким понимал, что тут дело не лёгкое. Но он не мог допустить, чтобы безработных втянули в разбойничью шайку, это было бы хуже всего. Все они должны собраться вместе и идти в Итабуну, чтобы потребовать от властей срочных мер. Все усилия коммунистов были направлены к этому. Сплотив между собой уволенных работников плантаций, коммунисты надеялись не только улучшить положение безработных, но и создать партийные ячейки среди крестьян. Может быть, эти ячейки послужат базой для дальнейшей серьезной работы. Допустить налёт на усадьбу капитана было бы ошибкой: за этим налётом последовали бы другие, что повело бы за собой немедленные жестокие репрессии со стороны полиции. Работники

плантаций подверглись бы арестам и массовому уничтожению как разбойники, что явилось бы блестящим выходом для властей, встревоженных создавшимся трудным положением. Жоаким видел, как Роман ковырял ножом землю, видел угрожающие взгляды его сообщников, но решил не отступать. Он сел на землю рядом с Романом и сказал:

— Ты ошибаешься, Роман. Это всех касается. То, что вы собираетесь сделать, причинит зло нам всем. Не только тебе и твоим друзьям, но и всем нам и всем безработным, что бродят по другим дорогам и тропинкам. Не только тебя будут преследовать... Всех. Не только за тобой будут охотиться, как за диким ягуаром в лесу. За всеми... И всё из-за тебя... Вот почему это и нас касается...

— Людям нечего есть, воровать, значит, надо... Если пропадем, так всё одно... Нельзя ж, чтобы семья померла с голоду... Лучше уж стать бандитом...

— Никто из нас не бандит — ни ты, ни, я, ни Флориндо, никто... Нам нечего есть, и они должны дать нам пищу... Все безработные должны объединиться и идти в Итабуну; мы войдём в город, и они должны будут дать нам пищу...

— Пулю они дадут, а не пищу...

— Это случилось бы, если б нас было двое или трое, десять или двадцать. Но уже сейчас безработных больше трехсот, и в такую толпу они стрелять не станут. Мы бедны...

— У бедных нет прав... — сказал кто-то.

Жоаким повернулся к нему:

— У бедных нет прав, потому что они не объединены, потому что они не борются все вместе за свои права.

Он снова повернулся к Роману:

— Но не налётами и не воровством надо добиваться этих прав. Надо бороться за них, требовать, надо показать, что мы все — за одно, все вместе...

Все смотрели на шофера. Большинство чувствовало, что действительно лучше всего сейчас идти в Итабуну, там все разрешится. А скитаться по дорогам да нападать на фазенды ни к чему хорошему не приведёт. Некоторые, однако, колебались. Один из них, увидя, что Роман, который собрался было затеять драку с Жоакимом, уже готов уступить, сказал:

— Ты человек городской, не то что мы, может, они тебя нарочно подослали...

Жоаким запротестовал:

— Я рабочий, а рабочий — друг крестьянина...

Но слова бывшего батрака произвели на всех впечатление, и на Жоакима стали смотреть с недоверием; некоторые отошли. Спасло Жоакима вмешательство старика, работавшего когда-то у Антонио Витора:

— Я знаю этого парня... Он сын Антонио Витора, который ещё у Бадаро наёмником был, а потом у него была своя маленькая плантация. Парень родился на плантациях, работал лопатой... Даже, помню, он с отцом ссорился, требовал, чтоб тот лучше своим работникам платил. Антонио Витор больно уж тогда разозлился, поколотил даже сына. Так ведь было, парень?

Тогда Жоаким рассказал свою историю:

— Вот видите? Я вам всё расскажу, чтоб вы поняли, как нам быть... Мой отец был работник на плантации, наемный убийца, потому что в те времена работник должен был уметь убивать, потом он завел свою плантацию и нанял восемь человек помощников. Я тоже работал на плантации, и мать, и сестра. Но я видел, что работников обкрадывают, что они зарабатывают очень мало. Я сказал отцу, он выгнал меня из дому. Батраки ничего не понимали, не хотели ни о чём говорить. Тогда я отправился путешествовать, поступил на корабль, узнал много нового. Я узнал, что рабочие и крестьяне должны объединиться между собой, если хотят покончить с этой жизнью. Теперь вам плохо, ещё хуже, чем раньше. Вы остались без работы, вам нечего есть, нечего надеть. Рабочие послали меня и других, чтоб помочь вам, чтоб сказать вам, что вы должны объединиться, только так можно добиться чего-нибудь...

Он замолчал. Люди слушали внимательно. Жоаким заговорил снова:

— Когда я пришёл, каждый из вас доедал те крохи, которые ещё оставались у него, — у одних больше, у других меньше. Что я сделал? Я собрал всю пищу, какая оставалась, и стал распределять среди всех. Теперь легче. Ведь верно? Разве неправда то, что я говорю?

Все закивали головами. Кто-то сказал:

— Ладно говорит...

Роман поднял глаза и перестал чертить ножом по земле:

— А когда вяленое мясо и мука кончатся?

— Мы все объединимся... Все безработные встретятся на пути в Итабуну... До тех пор будем есть что достанем... А в Итабуне должны дать безработным пищу и решить, как быть с ними... Должны отправить каждого в родные края...

Роман спрятал нож.

— Ты верно говоришь, не обманываешь нас. Я хотел всё устроить

только из-за жены да из-за ребят... — Он указал на них рукой. — Голодают вот... Но ты говоришь, в Итабуне...

Жоаким шагнул к нему:

— Ты — честный человек. Давай собирать еду, надо, чтоб женщины что-нибудь приготовили...

Они вместе принялись собирать среди безработных муку и вяленое мясо. У кого-то был припрятан кусок свиного сала, он не выдержал, отдал сало в общий котёл.

6

Полковники не желали отдавать свои земли без борьбы. Многие из них встречали новых хозяев выстрелами. Зачастую полиции приходилось силой выгонять их из фазенд. Полковник Тотоньо до Риашо Досе, человек шестидесяти с лишним лет, старый завоеватель земель, отнявший у леса всю зону Итапиры, в борьбе за которую он потерял один глаз и три пальца на руке, оказал отчаянное сопротивление полиции. Когда полиция, состоящая из наскоро нанятых бандитов, одетых в форму, вступила на порог помещичьего дома, он всё ещё отстреливался, хотя в теле его уже сидело три пули. Так никогда и не выяснилось, почему его оправдали на процессе, затеянном против него местными властями. К слепому глазу и искалеченной руке прибавилась простреленная нога. Он умер через несколько лет, без гроша за душой, продолжая до последней минуты проклинать экспортёров. Он не мог пройти мимо Карлоса Зуде, не плюнув в его сторону. Его фазенда была куплена фирмой «Зуде, брат и К°» за мизерную цену в семьсот conto. Его долг фирме составлял шестьсот двадцать conto. Но Тотоньо был ветераном игры в покер, и когда Карлос Зуде отнял его фазенду, он сказал семье, что над ним, Тотоньо, ещё никому не удавалось взять верх. Он всегда платил сторицей и на этот раз заплатит. Эта фраза всплыла на поверхность во время процесса.

Большинство, однако, решило бороться, сохраняя видимость законности, и стало прибегать к подлогам — в этой области полковники были мастера. Но экспортёры были начеку, они установили постоянную слежку за нотариальными конторами — они хорошо знали историю всех фазенд, перешедших в их руки. И всё-таки некоторым полковникам удалось спасти часть своих земель при помощи ловких подлогов и обмана законов.

Удалось это, например, Манеке Дантасу. Когда началось падение цен, он сразу понял, к чему оно приведёт. Его положение было хуже, чем у

большинства других землевладельцев. Он тратил деньги не считая, на один особняк он угробил пятьсот конто. Он решил поговорить с Руи (сын только что оправился от припадка, начавшегося на митинге, и семья жила теперь в фазенде). После долгого разговора с сыном Манека отправился к своему старому другу Бразу. Он попросил его об услуге, и Браз согласился ему помочь. Уговорить Менезеса было нетрудно. Старый полковник, завоеватель земли, столько лет имевший большой вес в политике, знал о всех мошенничествах, проделывавшихся в своё время в конторе Менезеса, знал он и о подделке завещания Эстер.

— Я погибну, но я погублю и тебя... — сказал он Менезесу.

Ложная ипотека фазенд Манеки в пользу Браза была оформлена в конторе Менезеса. Когда Карлос Зуде пожелал вступить во владение землями Манеки, долг которого фирме достигал чудовищной суммы в тысячу сто конто, полковник был уже в безопасности. Предъявив ипотеку в пользу Браза, он предложил свои условия. Карлос Зуде задумался: Браз был немного больше, чем мелкий землевладелец, со своей земли он собирал урожай в две тысячи арроб, как мог он занять денег Манеке? Но полковник проделал всё по закону. Ипотека касалась лишь части фазенд. Манека Дантао знал, что если ему хоть что-нибудь удастся спасти, то и это будет хорошо. Начались долгие сложные переговоры между ним и Карлосом Зуде. Руи был сейчас в хорошем состоянии и успешно вёл дела. Манека предложил отдать особняк и часть плантаций, оцененных им в шестьсот конто. Но Карлос Зуде отказался от такой оценки, произведённой на основе повышенных цен, и решительно заявил, что особняк он не примет и даром. После долгих споров, когда Манека даже перестал кланяться Карлосу, они пришли к соглашению. Полковник отдал большую часть фазенды, у него осталась примерно четвёртая часть прежних земель. Оценка была произведена специалистами на основе пониженных цен. Особняк он продал некоторое время спустя старшему Раушнингу за сто двадцать конто. Он был теперь беден, денег едва хватало на жизнь, но всё же он находился в лучшем положении, чем многие другие. Если бы не совершенный им подлог, он бы всё потерял, даже особняк.

После ловкой проделки Манеки Дантаса экспортёры усилили слежку за нотариальными конторами, взяли на учет все фазенды, которые ещё не принадлежали им. Нотариусы были напуганы, многие из них открыто служили интересам экспортёров — подлоги со стороны полковников стали делом почти неосуществимым.

Манеке Дантасу удалось кое-что спасти, и другие полковники считали его счастливецом. Но он далеко не был счастлив. Кончился его мир, тот мир,

о котором он мечтал еще юношей, когда вместе с Орасио бросился очертя голову завоевывать леса Секейро Гранде. Он мечтал, что сын его станет блестящим адвокатом, что семья его будет жить в богатстве и роскоши, что он, Манека, приобретет вес в политике, он мечтал о покое и всеобщем уважении. Теперь он был беден и жил в маленьком домишке на холме Конкиста, лучшие его земли перешли в чужие руки, и, что было хуже всего, сын его был наркоман, страдал внезапными припадками безумия. Врачи качали головой: «Он должен бросить наркотики, иначе он кончит в сумасшедшем доме». Старый полковник, не любил бывать в своей фазенде. Он должен был проезжать по землям, бывшим раньше его собственностью, проходить мимо дома, где он прожил больше тридцати лет, смотреть на плантации, баркасы и печи, корыта для промывки какао. На оставшихся у него землях всё было непрочным, сделанным наскоро: помещичий дом (немногим лучше, чем домики батраков), баркасы, печи, корыта. Во время раздела он сам выбрал эти земли. Здесь не было никакого оборудования, одни плантации, но это были земли Секейро Гранде, лучшие земли для разведения какао. И там было несколько недавно посаженных плантаций с молодыми деревьями. Однако он принял всё это в соображение совершенно машинально: у него не было больше ни честолюбия, ни надежд, ни планов. Зачем? Не всё ли равно теперь, лучшие или худшие будут у него земли?

Дома он смотрел на руки Руи, дрожащие, как у старика. Они были бледные и иссохшие, эти руки, и перстень адвоката сползал с костлявого пальца. У сына был рассеянный, мутный взгляд, он долго не протянет, думал Манека Дантас. И всё, чего он желал, — это умереть раньше сына.

Только бы не видеть сына мёртвым или, что ещё хуже, совсем сумасшедшим, запертым в сумасшедший дом. Манека видел как-то раз, как отправляли одного сумасшедшего в столицу штата на корабле Баийской компании. Его держали шесть человек, он был связан, выкрикивал бранные слова, это было ужасно!

Манека Дантас смотрит на руки сына, дрожащие, исхудалые. Руи кротко улыбается, Манека понимает, что сын под действием наркотиков. Он поспешно встаёт, потому что слёзы, старческие слёзы, которые ему всё труднее становится удерживать, катятся из его усталых глаз.

На улице, где живут самые дешевые проститутки, Рита, прижимая к отвислой груди золотушного ребенка, поёт самую печальную песню в мире,

песню проституток из посёлков зоны какао:

— Что ты делаешь здесь, девчонка? —
Всё, что прикажешь, сеньор..

Улица длинная-длинная, без конца, покрытая вечной, непросыхающей грязью, никогда не мощённая... Ещё до падения цен полковник Фредерико бросил её. Для другой, более молодой, более задорной. Но и та, другая, была уже здесь и тоже пела хриплым голосом эту песню, сложенную неизвестно когда и неизвестно кем, песню о женщинах с гнилыми зубами и тусклым взглядом.

К чему она, эта песня? Рита не знает, зачем придумали её слова, зачем сложили музыку. В фазендах тоже пели песни, сочиненные неизвестно кем. Но то были рабочие песни, в них говорилось о какао, о печах и баркасах. Они были тоже грустные, но ни одна не была такой печальной, как эта песня проституток, которую все они знают и поют в наступающей ночи, зазывая прохожих. Эта песня стала их рекламой, признаком их профессии.

— Что ты делаешь здесь, девчонка? —
Всё, что прикажешь, сеньор...

К чему эта песня? В ней поётся о вещах без всякого смысла — о матери, о любви, о семье, об отчаянии. Ничего этого у проституток нет, даже отчаяния. Все женщины, что живут на этой улице, пришли из фазенд какао. В посёлках не бывает дорогих проституток, одетых в шелка и надушенных, как в Ильеусе и Итабуне. А если одна из них и появится, то это обыкновенно какая-нибудь страшная старуха, жизнь и карьера которой подходят к концу. Да, они пришли из фазенд какао. Они побывали в руках полковников, сыновей полковников, надсмотрщиков. Полковники были первыми, то было их право, неписаный закон, управляющий жизнью какаовых плантаций. Оставленные полковниками, они переходили из рук в руки, пока не попадали на эту улицу, одинаковую во всех посёлках, на улицу публичных женщин, почти повсюду называвшуюся Улицей Грязи — это если у неё было название.

Зачем эта песня? Даже отчаяния у них не было. Жизнь их была без всякого смысла, только водка приносила какое-то отдохновение. Улица погибших женщин, на которой копошились дети, не знающие отца,

будущие батраки плантаций... Большой частью — дети полковников. Теперь, когда цены упали, число женщин на этой улице всё росло, каждый день приходили они со всех дорог, в домах не хватало комнат, посетителей тоже не хватало на всех. Старые почти с ненавистью смотрели на вновь прибывших, молодых. Потом молодые заучивали песню и пели её визгливыми голосами в мутно освещенных окнах. Как-то раз пришла даже девочка лет тринадцати.

Всех их ждала голодная смерть. Не было мужчин для стольких женщин, не было денег, чтоб заплатить за ночи любви. На дорогах работники, уволенные с плантаций, нападали на проходивших мимо женщин. Отца Риты тоже уволили. У него на свете была только дочь, «погибшая». Он был слишком стар, чтоб бродить по дорогам, он пришел в дом, где жила Рита, повесил на гвоздь свой старый кнут, взял на руки внука. Рита молча глядела на него. Она спросила только:

— Вы пришли насовсем?

Старик молча опустил глаза вместо ответа. Потом сказал:

— Нету нигде работы...

Он словно просил прощенья у дочери. На ногах Риты открылись раны, красные, как розы, — результат нескольких месяцев проституции. Ребёнок напрасно искал молоко в её отвисшей груди. Рита отвела глаза от старого кнута, истрепанного за столько лет работы. Теперь ей надо было кормить сына и отца. Женщины со всех концов сходились в эту улицу. Старик, сидя у двери, смотрел на небо, на поля, на плантации, там, вдали. У окна Рита пела свою песню, зазывающую посетителей, которая стала её рабочей песней:

— Что ты делаешь здесь, девчонка? —
Всё, что прикажешь, сеньор...

Длинная, длинная улица, без конца.

8

Даже Рита не обрадовалась известию о беде, постигшей полковника Фредерико Пинто, даже она, брошенная в эту грязь рукою хозяина в те дни, когда полковник тосковал по Лоле Эспинола.

Рита сказала старому погонщику жалостно:

— Пропал... Бедняжка!

Фазенда Фредерико Пинто была продана с молотка. Странная вещь произошла с ним: он знал, что задолжал невероятную сумму, которую мог бы заплатить, если бы цены на какао продолжали расти и он немного умерил бы свои расходы. Знал также, что теперь, когда цены упали, его фазенд едва хватит на уплату долгов. Он не беспокоился об этом. Он рассчитал работников, оставив только самых необходимых. Дона Аугуста плакала. Этот непрерывный, ноющий плач раздражал полковника. Дети перестали ходить в колледж. Фредерико кричал на жену:

— Перестань плакать, это невозможно выдержать...

Она поднимала невероятно толстое лицо с опухшими от слёз глазами и продолжала плакать. Полковник уходил на плантации, где бесполезно перезревали плоды какао, — их некому было собирать. На деревьях появлялись ненужные ростки, некому было подрезать их. Извещения приходили одно за другим. Раушнинги, которым Фредерико всегда продавал какао, предупреждали, что если он и впредь будет относиться к их требованиям без внимания, они затеют против него судебное дело и вытребуют долг силой. Они прислали ему счёт — огромный, невероятный. В подробном списке затрат, на которые он брал деньги, значилось, между прочим: «Чек на имя сеньора Пепе Эспинола — двадцать конто». Фредерико усмехнулся, прочтя эту запись. Пожалуй, только эти деньги он истратил не зря. Очевидно, воспоминание о сутенёре повлияло на его дальнейшие действия. Он не ответил ни на одно предупреждение Раушнингов. Когда суд объявил о продаже его имения, он принял это известие совершенно равнодушно. На аукцион он не поехал. Из судебного извещения следовало, что его поместья принадлежали теперь братьям Раушнингам. Была обозначена и цена. Ему причиталось ещё двести конто. Он поехал в Итабуну вместе с семьёй, оформил в нотариальной конторе доверенность на имя жены, простился с детьми. Потом сел в автобус; за поясом у него был револьвер.

Он вошел в контору Раушнингов неожиданно и, не спросив разрешения, прошел прямо в кабинет обоих братьев, хозяев фирмы. Там был только младший. Увидев полковника, он встал. Всего пять дней тому назад Раушнинги вступили во владение фазендой «Чистый ручей». Экспортёр встал, он думал, что Фредерико явился за причитающимися ему деньгами, чек был уже приготовлен заранее. Или этот, как и другие, пришёл кланчить, чтоб ему дали немного больше? Или просить место управляющего, как это делали мелкие землевладельцы, потерявшие свои плантации?

Он протянул руку, Фредерико сделал вид, что не заметил. Он указал на

стул, но гость отказался. Фредерико спросил:

— А где ваш брат?

— Уехал в Итапиру...

— Это жаль, потому что так я могу убить только тебя, проклятый гринго, ублюдок, сволочь... — И он выпустил пять пуль из своего револьвера в грудь Раушнинга.

Со всех сторон сбежались служащие, но, хотя у Фредерико не было больше пуль, они расступились, чтобы пропустить его. Прямо из конторы он пошёл в полицию и донёс на себя. Раушнинг был убит наповал.

Это был новый сенсационный процесс. Все помнили сцены, разыгравшиеся во время процесса над Пепе Эспинола, когда полковники ещё хозяйничали в суде. Тогда полковник Фредерико Пинто добился обвинительного приговора Пепе; теперь он сам сидел на скамье подсудимых. Процесс длился два дня. Фредерико не позволил жене тратить деньги на адвоката, и судье пришлось назначить своего. Были речи и реплики, прокурор сказал фразу, точно определяющую положение дел:

— Необходимо доказать раз и навсегда, что полковники не являются хозяевами в суде, как это следовало из стольких прошлых процессов...

Это был тот же прокурор, который осудил Пепе Эспинола. Но не он изменился, изменилась вся жизнь зоны какао. Защитник, в крайнем затруднении, постарался прибегнуть к последнему ресурсу — ссылке на состояние аффекта. Говорят, что экспортёры подкупили присяжных. Впрочем, это, как и многое другое, так никогда и не было доказано. Старший Раушнинг не жалел средств, нанял известного адвоката из столицы в помощь прокуратуре. Это стало сенсацией, но речь столичного адвоката, слишком литературная, не имела ожидаемого успеха.

Дело полковника Фредерико разбиралось в трех инстанциях. Сначала он был приговорён к двадцати четырём годам одиночного заключения пятью голосами против двух. Была подана апелляция в другую инстанцию. На сей раз суд присяжных откровенно защищал интересы экспортёров. Раушнинг даже не позаботился нанять адвоката в помощь прокуратуре. Полковник был приговорён к высшей мере наказания — тридцати годам тюрьмы. Но был один голос против, что привело к новой апелляции. Дело полковника слушалось в третьей инстанции. Этот последний суд уже не вызвал особого интереса. Он длился всего один день и снова вынес первоначальный приговор: двадцать четыре года. Фредерико был отправлен в тюрьму столицы штата, и вот на пристани снова собралась толпа. Единственной разницей между отъездом Фредерико и отъездом Пепе Эспинола было то, что полковнику рук не связали и одному из его сыновей

было разрешено проводить отца. Любопытные жители Ильеуса интересовались потом: как Фредерико встретился с Пепе в тюрьме? И были очень удивлены, когда какие-то люди, приехавшие из Баии, сообщили, что полковник и гринго подружились. Интереснее всего было то, что тема их разговоров была всегда одна и та же: покойная Лола Эспинола, которую оба они знали и любили.

9

Они просили милостыню по дорогам, на улицах посёлков, в городах. Всё новые и новые толпы людей заполняли дороги земли какао. Оборванные, голодные люди с исхудавшими лицами, с ввалившимися глазами встречались на тропинках, собирались большими толпами и все вместе входили в посёлки. В Пиранжи группа в пятнадцать человек совершила налёт на пекарню. Всех забрали. Среди них была женщина с двумя маленькими детьми. Всех послали в Ильеус и посадили в тюрьму, как воров.

Пока длилось падение цен и экспортеры ещё не были хозяевами fazend, эти толпы нищих росли с каждым днём. Пять человек, целая семья, погибли от отравления, так как, не выдержав голода, съели змею. «Диарио де Ильеус» поместила фотографии и сообщила о случившемся в комическом тоне. Заголовок казался издевательством: «Провал одного кулинарного новшества». Автор объяснил потом Сержио Моура, что написал репортаж в тоне серьёзном, драматическом, как того требовало происшествие, но редактор не хотел помещать его, «чтобы не усиливать паники». В «Жорналь да Тарде» появились статьи, прославляющие Карбанкса за то, что он обещал достать капитал в Соединенных Штатах для постройки нового порта в Ильеусе. Однако газета, которую начали издавать интегралисты, находилась уже в откровенной оппозиции к Карлосу Зуде и Карбанксу и вела отчаянную кампанию против североамериканского империализма. Она помещала репортажи о нацистской Германии, о которой рассказывались чудеса.

Подпольная листовка коммунистов призывала принять меры для облегчения положения безработных. Она обращалась к самим безработным, призывая их объединиться для похода в Итабуну. Это будет гигантская манифестация, которую поддержат рабочие. Грузчики порта, живущие в крайней нищете, рабочие шоколадной фабрики, железной дороги объявят забастовку. Жоаким и другие коммунисты вели агитацию

среди батраков, уволенных с плантаций. И все-таки, несмотря на их бдительность, возникали маленькие разбойничьи банды. Однако как только земли перешли в руки крупных фирм, эти банды были начисто ликвидированы полицией, которая очистила дороги не только от бандитов, но и от нищих и бродяг.

Появился и пророк, бородатый мулат, который бродил по дорогам, повторяя старые пророчества времен борьбы за земли Секейро Гранде. Пророк вещал о конце мира и призывал толпу безработных молиться, просить у бога прощения за свои грехи.

Вначале вокруг него собирались отдельные батраки и погонщики. Но по мере того, как голод увеличивался, они всё больше верили Жоакиму, который переходил от одной группы к другой, объединяя людей для похода в Итабуну. Они войдут все вместе, требуя, чтоб им дали пищу. И, несмотря на бандитов и пророков, несмотря на темноту крестьян, в большинстве своём неграмотных, несмотря на всё учащавшиеся случаи голодной смерти, Жоакиму удалось сплотить людей, и многие уже стали приходить издалека, чтоб послушать его. Молва о нём шла от фазенды к фазенде, от одной группы безработных к другой.

Роман и Варапау, руководимые Жоакимом, объединяли людей и вели их по дорогам в Итабуну. По городу поползли тревожные слухи, и полицейский инспектор для поддержания порядка вызвал солдат из Ильеуса.

10

Понижение цен застало капитана Жоана Магальяэса за посадкой какао на расчищенной от леса земле. Он сажал ростки будущих деревьев, которые должны были удвоить продуктивность его плантаций, снова возродить былую славу Бадаро. Дона Ана, сгорая от нетерпения, ждала каждый день рассказов мужа о ходе работ на новых плантациях. Это были хорошо отобранные ростки, которые обещали превратиться в прекрасные деревья, посаженные симметрично, по новейшим методам. Другие полковники потеряли свои земли, потому что увлекались биржевой игрой или заводили любовниц, потому что проигрывали в рулетку или участвовали в терно Иписилоне. Жоан Магальяэс ничего этого не делал, но всё-таки потерял свои земли, потерял их потому, что вырубал лес и сажал какао. А молодые деревья могли дать первые плоды не раньше чем через три года.

Когда весть о падении цен дошла до дома Бадаро, Жоан Магальяэс не поверил:

— Это невысказуемо!

Он столько раз повторил эту фразу, что Шико, попугай, запомнил её и прибавил к своему богатому словарю. Это было невысказуемо, но оказалось правдой. Жоан Магальяэс чувствовал себя так, словно его обыграли. Он ведь тоже был игроком в покер, когда начинал свою карьеру и когда приехал в Ильеус почти тридцать пять лет назад. И теперь ему казалось, что это шулерство. Но, в противоположность Тотоньо до Риашо Досе (с которым он играл на пароходе, привезшем его тогда ещё в Ильеус), он не думал отыграться.

Он приостановил работы на плантациях и поехал в Ильеус сразу же как получил первое извещение от экспортёров. В автобусе, где было много пустых мест, пассажиры почти не говорили друг с другом. А когда кто-нибудь заговаривал, то только для того, чтобы пожаловаться на тяжёлую жизнь. Капитан был расстроен. Всё указывало на то, что падение цен — не на короткое время, как он решил вначале. И тогда здесь же, в автобусе, он начал раздумывать, как выйти из положения. Он считал, что его долг Зуде не так велик, чтоб разорить его. В конце первого года повышения цен ему не хватило денег на вырубку леса и посадку деревьев. Он пошел к Карлосу Зуде, и экспортер открыл ему кредит под будущие поставки какао. По его соображениям, он должен был Карлосу какао с одного урожая, примерно полторы тысячи арроб. Этот урожай должен был быть четвертым урожаем периода повышения цен. Но зато ведь у него есть новые плантации, работы на них почти закончены, стоимость его земель повысилась. Если бы цены продолжали расти, он мог бы уплатить свой долг в два или три года. А если жить экономно, то еще раньше. Потом, он думал, придет изобилие, богатство, бывшее могущество Бадаро... Понижение цен все изменило. Теперь он не сможет заплатить в два или три года, нужно гораздо больше времени. Цена десять тысяч рейс за арробу какао — это не пятьдесят. Главное, чтоб Карлос Зуде был терпелив и не торопил с оплатой. Он вспомнил приятные манеры экспортера, беззаботное выражение его лица, когда он велел открыть кредит на имя капитана: «Без лимита...» А ведь Жоан Магальяэс брал деньги только на необходимые расходы — на рубку и выжигание леса, на посадку новых деревьев, на усовершенствование старых плантаций и на нужды семьи. Карлос Зуде подождёт, потерпит, он добрый человек, он должен понять, что Жоан Магальяэс ни в чем не виноват. А через три года новые плантации дадут плоды, и можно будет отдать долг... Через пять лет он будет свободен, будет собирать по четыре

или пять тысяч арроб какао, возродит богатство Бадаро тех времен, когда прогресс зоны какао только начинался и они были «хозяевами земли». И тут же, в этом сонном, печальном автобусе, капитан Жоан Магальяэс принялся мечтать о будущем.

Первым неприятным сюрпризом, ожидавшим его по приезде, было то, что Карлос Зуде отказался его принять. Экспортёр был очень занят и прислал для переговоров с капитаном управляющего, молодого человека из Баии, поступившего на место Мартинса. За этим сюрпризом последовали другие, ещё более неприятные. Долг капитана был гораздо больше, чем он ожидал. Несмотря на то что во время повышения цен он всё свое какао сдавал Зуде, он был должен еще сто восемьдесят конто. Потому что в своих расчётах капитан совсем забыл о процентах, а они были огромны, настоящие ростовщические проценты. Поскольку цена на какао стояла десять тысяч, положение становилось трагическим. Капитан ломал руки, мозолистые руки крестьянина, бывшие когда-то тонкими руками профессионального игрока. Управляющий сообщил ему, что фирма не может долго ждать уплаты. Никто не знает, до какого уровня дойдут цены на какао теперь, когда они падают так быстро, может быть, через короткое время его уже ни за какую цену покупать не будут... Фирма хочет получить свои деньги.

Жоан Магальяэс слушал управляющего, речь которого была пересыпана коммерческими словами и выражениями, смотрел на его лицо, расплывшееся в любезной, профессиональной улыбке. Когда был молод, капитан умел читать лица своих партнеров по игре в покер. Потом он увлёкся другой игрой — какао, и вот уже второй раз он проигрывал. Его обыграл Орасио в борьбе за Секейро Гранде, теперь его обыграл Карлос Зуде. Но та, старая борьба была честной, без обмана. Эта, сегодняшняя, построена целиком на обмане, на грязных шулерских трюках. А ведь он, Жоан Магальяэс, играл честно, не пряча и не путая карт.

Управляющий приводил всё новые доводы, ожидая решения капитана.

— Я хочу говорить с сеньором Карлосом...

Управляющий колебался:

— Не знаю, сможет ли он принять вас...

— Скажите, что я хочу договориться... Но только с ним...

Карлос неохотно согласился принять капитана. Однако, когда Жоан Магальяэс вошёл в кабинет, он был такой же любезный и улыбочивый, как всегда. Ещё раз, как обычно, протянул он капитану руку и указал на стул:

— Как поживает ваша семья, капитан?

— Сеньор Карлос, два года назад я был у вас. Мне нужны были деньги

для новых плантаций, я вырубал тогда лес на своем участке. Вы предоставили мне кредит. Теперь вы заставляете меня платить высокие проценты...

— Это коммерческий закон...

— Я знаю... Я не спорю с вами... Может быть, это чистая игра, не спорю, я не говорю, что это шулерство... Я хочу только, чтоб вы разрешили мне уплатить не сразу... Вы разве не видите? Я посадил новые плантации, через три года они дадут плоды... Я буду платить по частям каждый год... Даже если считать по сегодняшней цене — по десяти тысяч рейс за арробу, мои тысяча пятьсот арроб составляют пятнадцать конто... Я буду выплачивать постепенно... А когда цены на какао повысятся...

— Повысятся? — перебил его Карлос. — Не думаю... Какао уже дало всё, что оно могло дать, капитан. Сожалею, но ничего не могу для вас сделать... Такова жизнь... Вы истратили деньги на новые плантации, когда какао шло по хорошей цене, стоило больших денег. Сегодня какао ничего не стоит... Мне не нужно ваше какао, даже если вы его мне даром отдадите. Я в этом году вообще не собираюсь покупать какао...

— Что же будет? — Краска сбежала с лица капитана.

Карлос недоумевающе развел руками.

— Это нечестная игра, сеньор Карлос. Это шулерская игра. А я играл честно...

Карлос почувствовал, что гроза приближается. Но он знал, как обращаться с этими наивными детьми, которые назывались владельцами фазенд какао.

— Как звали вашего тестя?

— Синьо, Бадаро...

— Он тоже проиграл, но проиграл с достоинством... Я ничего не могу сделать.

— То была честная игра, без обмана...

— Не волнуйтесь, капитан. Успокойтесь. Подумайте, кто бы мог вас ссудить деньгами, заплатите, что должны, потом возобновите работы на плантациях. Я хочу только одного: получить то, что мне причитается.

Слова экспортёра несколько не утешили капитана. Безнадёжно было искать человека, который ссудил бы деньгами, денег ни у кого не было. И не было никого, кто захотел бы дать ему сто восемьдесят конто под ипотечное право на его плантации. Он сказал:

— Я хочу знать только одну вещь: если какао ни гроша не стоит, зачем же вы скупаете на аукционе плантации и фазенды?

Карлос поднялся, чтоб положить конец разговору:

— Почти из милости, капитан. Я забираю у вас плантации, чтобы не потерять всё... И я еще помогаю людям, я уже многих выручил...

На одно мгновение капитан почти поверил Карлосу, таким искренним казалось его лицо. Но капитан был старым игроком в покер и научился читать лица своих партнёров. В углах рта, в глазах Карлоса Зуде он уловил какое-то жестокое выражение, скрытое глубоко-глубоко за маской добродушия, каким-то особым чутьём он почувствовал, что происходит в душе экспортера. Он тоже встал:

— Вы лжете, сеньор Карлос. Вы обкрадываете людей...

Синьо Бадаро всегда сидел в старом кресле с высокой спинкой, в венском кресле в большом зале помещичьего дома. Он боролся до конца. Жоан Магальяэс, пришелец из других земель, заменил его в этой опасной игре — какао. И проиграл. Но за игорным столом, когда шла честная игра и кто-нибудь пытался плутовать, его били. Синьо Бадаро одобрительно смотрит со своего кресла с высокой спинкой. Жоан Магальяэс протягивает руку словно затем, чтобы проститься с Карлосом Зуде. Звонкая пощечина, служащие за дверями кабинета поднимают головы. Но Карлос не трус, он бросается на капитана. Служащие вбегают, разнимают их. Жоана Магальяэса выталкивают. Но он доволен собой.

Дома капитан сказал доне Ане:

— Все достанется им, другого выхода нет... Плантации теперь ничего не стоят... Мы ни в чём не виноваты.

Она стояла, подняв голову, задумчиво глядя вдаль:

— Что ж с нами будет?

— Слушай: много раз я хотел уехать отсюда, устал я жить в этой земле. Я остался, потому что ты не хотела уезжать. Я сделал всё, что мог. Теперь я говорю тебе: я уйду. Я больше не останусь здесь ни за какие деньги. Ни из-за кого не останусь.

Она повернула голову и взглянула на капитана:

— Я еду с тобой. Куда ты захочешь...

Он улыбнулся, потянул дону Ану за руку, посадил к себе на колени:

— Я знал это...

11

Карлос Зуде вырвал щетку из рук курьера:

— Идите... Я сам...

Он почистил костюм, запачкавшийся во время схватки с капитаном.

Вытолкав Жоана Магальяэса за дверь, управляющий вошёл в кабинет. Карлос сказал, что ему ничего не нужно. Такие неполадки случаются в служебных делах. Лицо его ещё горело. Не стерпел пощёчины, поступил, как мужчина. Не из-за пощёчины он чувствовал себя побеждённым, а потому, что капитан не поверил его словам. Карлос Зуде считал, что хорошо знает психологию помещиков, а капитана ему обмануть не удалось. Это было поражение, и Карлоса оно огорчало. Он не хотел вспоминать о драке и стал думать о плантациях Жоана Магальяэса: об этих плантациях он давно мечтал. Это были земли Бадаро, Карлос хотел, чтобы корни, которые связывали его с землей какао, глубоко ушли в почву фазенд Бацаро, он думал о них с каким-то суеверным восхищением. Эти земли были для него символом могущества. Земли, пропитанные кровью, завоеванные выстрелами на дорогах, удобренные телами люден, павших в борьбе за них. Максимилиане Кампос рассказывал ему об этой борьбе. Плантации пойдут с аукциона, Карлос купит их. Он построит на них великолепный помещичий дом, обставленный по последней моде, где он сможет жить вдвоем с Жульетой и наслаждаться любовью... Это будет их гнездо, их убежище в те дни, когда они захотят отдохнуть от шумной городской жизни. Там, в землях Бадаро, былых властителей зоны какао...

Жаль, что капитан Жоан Магальяэс так вышел из себя. Карлос хотел предложить ему место управляющего в своих фазендах. С веранды нового дома Карлос с Жульетой могли бы видеть дону Ану Бадаро, ту, которая всегда была храбра и умела стрелять, как мужчина, и которая превратилась теперь в жену их служащего... Но не всё получается так, как хочешь... Капитан обозлился. Что ж, придётся запастись терпением...

Пришел курьер с вечерней почтой. Когда он проходил мимо Рейнальдо Бастоса, тот задрожал при мысли, что среди этих писем, наверно, находится его письмо, в котором он написал Карлосу о связи Жульеты с Сержио. Он сделал это из мести Жульете за то, что не смог её добиться. И Карлосу. Он надеялся, что Карлос назначит его управляющим; после бегства Мартинса Рейнальдо некоторое время его замещал и не сомневался, что место останется за ним. Это давало ему возможность чаще видеть Жульету, это была ступень к её постели. Когда Карлос выписал нового управляющего из Баии и вернул Рейнальдо на прежнее место мелкого служащего (правда, прибавив ему жалованья), Рейнальдо почувствовал себя так, словно его ограбили. Он не понял, что Карлос хотел проверить его способности, и пришёл к заключению, что он не годится на место управляющего. Он только чувствовал, что с ним поступили несправедливо. Он не протестовал, но начал обдумывать план мести. Он сознавал, что

Жульета для него недостижима, и хотел отомстить ей. Много дней подряд его преследовала мысль об анонимном письме. Он боролся с собой. В нём оставалась ещё некоторая доля порядочности, какое-то неясное чувство не позволяло ему написать это письмо. Он сердился на себя за излишнюю щепетильность, и с каждым днём это неясное чувство ослабевало. Как-то раз он увидел Жульету и Сержио на бульваре, они сидели на той же скамье, где он видел Жульету тем далёким вечером, когда думал, что она станет его любовницей. Сержио вмешался в их жизнь и всё испортил. А тут ещё Карлос отказал ему в месте управляющего... Он написал письмо на машинке в Ассоциации торговых служащих и отправил на адрес конторы Карлоса Зуде.

Карлос просматривал только что принесённую корреспонденцию: письма от полковников с просьбой отсрочить уплату долга, судебные извещения о продаже фазенд с аукциона, письма от фирм Юга, предлагающих представительство. И анонимное письмо.

«Сеньор Карлос, вы позволяете одурачивать себя. Почему мужа всегда узнают последними о таких вещах? Пока вы работаете, путешествуете и грабите полковников, ваша жена, эта проститутка, носящая ваше имя, наставляет вам рога, обманывает вас так, как никого в Ильеусе ещё не обманывали. Вы хотите знать, с кем? Последите за вашей женой и за её прогулками в Коммерческую ассоциацию. Весь свет знает, что она любовница Сержио Моура, автора стихов-головоломок. Это знают все, кроме вас, сеньор Зуде. Если вы хотите доказательств — последите за женой. А если вы — кроткий рогоносец, то по крайней мере подрежьте ваши рога, а то они уж слишком разрослись. Они становятся общественной опасностью».

Письмо было подписано: «Неизвестный друг». Карлос Зуде нахмурился, читая это послание. Чего только не придет в голову этим полковникам... Один дал ему пощёчину, — кто бы думал, что капитан Жоан Магальяэс способен на это? — другой посылает анонимное письмо, хочет запятнать доброе имя Жульеты. Карлос Зуде ни на секунду не поверил этой грубой болтовне. Совершенно ясно, что это дело рук полковников, мелкая, глупая, подлая месть. Недаром автор этого послания намекал на то, что он, Карлос, грабит полковников. Да и тон письма — резкий, выражения грубые. И с кем, подумать только... с Сержио Моура... Карлос знал, что Жульета хорошо относится к Сержио, берёт у него книги для чтения. Подумаешь, какая важность! Никогда ещё жена не была так добра к нему, так не интересовалась его делами, как в эти последние месяцы. Она забыла все свои прежние мечты и увлечения: прогулки,

путешествия, казино, дом в Копакабана... Многим жертвовала она для мужа... Даже вот на доброе имя её покушаются. Карлосу казалось невозможным, чтоб, живя в Ильеусе, он не знал, что у его жены есть любовник. Маленький город, здесь всё мгновенно становится известным. Если б они жили в Рио-де-Жанейро...

Он отбросил письмо и принялся читать остальные. Но мысли его были обращены к Жульете, он думал о том, как многим она пожертвовала ради него. Когда он покончит с наиболее важными делами, они обязательно отправятся путешествовать, хоть несколько месяцев он посвятит исключительно жене. Может быть, они поедут в Европу. Или в Соединенные Штаты, в Нью-Йорк, а тем временем будет построен дом в имени Жоана Магальяэса, откуда они будут управлять судьбами земли какао...

Управляющей сообщил ему о приходе Антонио Витора:

— Он хочет говорить с вами, сеньор...

— Пусть войдёт...

От этих владельцев какаовых плантаций можно ожидать чего угодно. Карлос порвал анонимное письмо и бросил в корзину для бумаг. Выдвинул ящик шкафа, достал револьвер и спрятал его в карман. Он до сих пор неверно понимал психологию полковников... Робкие дети были возбуждены и способны на всё...

12

У Варапау был врожденный талант организатора. Когда-то на плантациях он организовал терно, огни которого не раз за время повышения цен освещали жалкие новогодние праздники бедняков. Жоаким восхищался энергией этого сухопарого человека. Ему во многом был обязан Жоаким возможностью организовать манифестацию, которая прошла по улицам Итабуны, требуя хлеба и отправки безработных на родину. Шофер был в восторге от батраков плантаций. Как многого можно добиться, работая с этими людьми!.. Это была совсем другая работа, чем в городе. Но результаты её ощущались сразу же. Жоаким хотел сделать из Варапау крестьянского агитатора, вожака батраков. Он каждый день работал с ним, Варапау нашёл наконец, куда девать свою беспокойную энергию. Он переменял много профессий, перебивал во многих местах, и до сих пор только две вещи завлекли его по-настоящему: Роза, с её красивым телом, и терно, вносящий такое оживление в новогодние

праздники. И вдруг Жоаким, появившийся среди них совершенно неожиданно, указал ему новый путь:

— Вы возвратитесь на плантации... Но работа ваша там будет совсем другая...

Жоаким пробовал работать и с другими. Но Капи мечтал только вернуться в Сеара, Флориндо собирался отправиться в Ильеус искать Розу и всё смеялся, смеялся, даже когда его мучил голод, казалось, он только и умеет что смеяться. С Романом было легче, хотя он был неграмотный и мало понимал из того, что говорил Жоаким. Нашлось ещё несколько человек, и так составила небольшая группа, которая старалась организовать людей, руководила ими и направляла безработных на дороги, ведущие в Итабуну.

И вот в один прекрасный день больше трехсот человек собрались у ворот города. Здесь были не все безработные. Многие просили милостыню по городам и посёлкам, другие нападали на прохожих, некоторые ушли в сертаны. Грубо сколоченные кресты по обочинам дорог указывали места, где нашли свой конец наиболее слабые из странников, большей частью женщины и дети.

Внушительное зрелище являла собою эта толпа. Исхудалые, грязные, в изодранной одежде, небритые люли, с растрепанными длинными волосами, с ногами, залепленными дорожной грязью. Весть о приближении толпы безработных быстро облетела город, полицейский инспектор собрал солдат и позвонил в Ильеус, а также в Пиранжи, прося подкрепления. Некоторые интеграллисты добровольно вызвались помочь полиции. Они знали, что среди безработных есть коммунисты, и этого было достаточно, чтобы они выступили против.

Медленно входила в улицы Итабуны невиданная манифестация. Люди шли молча, женщины несли на руках детей. Ни у кого не было оружия. Во главе шёл Жоаким. На мосту, разделявшем город на две части, стояли солдаты. Безработные не несли ни знамен, ни плакатов. Они несли с собой только голод, отпечатавшийся на их лицах, жёлтых от лихорадки. Горожане закрывали окна, женщины падали в обморок на улицах, прохожие разбегались во все стороны. А манифестация («парад голодных», — как называли её в одной из коммунистических листовок) проходила по городу. По другую сторону моста находилась префектура. Из Ильеуса уже мчались грузовики с полицейскими. Приехал полицейский инспектор, специалист по преследованию коммунистов. Солдаты барьером стояли на мосту. Ими командовал сержант.

Толпа остановилась у моста. Жоаким обратился с речью к солдатам.

Неизвестно откуда выскакивали мальчишки и смешивались с толпой безработных. Жоаким убеждал солдат не стрелять. Но сержант отдал команду «огонь!», и кровь, брызнувшая из плеча Жоакима, попала в лицо Роману. Тогда Роман бросился вперед, к мосту, и вся толпа подалась за ним. Пораженный выстрелом в грудь, он упал мертвым, и толпа прошла по нему. Жоаким, раненный, чувствуя невозможность удержать батраков, двинулся вперед вместе с ними. Солдаты стреляли, но толпа всё шла и шла через мост.

Варапау крикнул:

— Хотим хлеба...

Другие тоже принялись кричать, и тишина, которую до этого нарушали только выстрелы, превратилась в оглушительный гул. Безоружные батраки бросились на солдат, и те в панике бежали. На иссушенных голодом лицах этих мужчин и женщин они увидели такую решимость, что поняли: их спасёт только бегство. Толпа уже пересекла мост, и Жоаким с помощью Варапау и ещё нескольких человек пытался снова собрать воедино эту рассыпавшуюся, кричащую массу, устремившую жадные взгляды на окна продуктовых лавок. Некоторые предлагали начать грабеж.

Как собрать их снова? Варапау предложил:

— А если станем петь?..

— А что петь-то?

— Песни плантаций...

И они затянули песню о мулате, больном лихорадкой:

Кожа моя золотая,
словно какаовый плод
(Не плачь, мулатка, не плачь!)
Я весь пожелтел, дорогая,
меня лихорадка трясет!

И свершилось чудо — песня, так хорошо знакомая, песня, помогавшая в тяжелой работе на плантациях, снова объединила этих людей. Так, с песней, подошли они к дверям префектуры. Шли единым строем, Капи успел уже перевязать раненую руку Жоакима. Когда эту песню допели до конца, начали другую, самую старую из рабочих песен, сложенных на плантациях какао:

Какао — хороший плод,

и я — неплохой батрак...

Они остановились у здания префектуры. Двери были плотно закрыты, служащие заперлись внутри.

Жоаким крикнул:

— Мы хотим видеть префекта!

Оглушительный голос толпы повторил эти слова. Теперь обрывки песен смешивались с криками толпы, требующей еды. Наконец одно из окон префектуры открылось, и в нем появился префект, очень бледный, а рядом с ним — местный викарий. Жоаким заранее подготовил Варапау для подобного случая. Длинный мулат встал на скамью и объяснил, чего хотят безработные. Они хотят хлеба и работы. Префект, несколько оправившийся от страха, обещал, что прикажет распределить пищу среди голодающих и построить для них бараки. За городом, на пастбищах...

Но в этот момент полиция, прибывшая из Ильеуса во главе со специальным полицейским инспектором, соединилась с бежавшими солдатами Итабуны и начала стрелять в толпу. На этот раз толпа была застигнута врасплох, солдаты стреляли из-за углов зданий. Это была настоящая бойня. Один старик говорил, что со времен борьбы за Секейро Гранде ничего подобного не бывало. Сначала безработные растерялись. Они увидели, что окружены, что путь к отступлению закрыт. Но среди них были старые храбрецы, привыкшие к схваткам, и они первыми пришли в себя. Префект призывал к спокойствию, викарий начал молиться. Когда стрельба усилилась, префект отошёл от окна, так как в стену рядом уже вонзилась пуля. Викарий, однако, остался и подавал знаки солдатам, чтоб те прекратили стрелять. Безоружные батраки всё шли вперёд, скользя вдоль стен, и внезапно падали на солдат. Толпа разделилась на группы и, приободрившись, атаковала одновременно все четыре угла площади. Словно какая-то могучая сила, до сих пор сдерживаемая, вырвалась наружу. Какие-то женщины начали петь, стрельба продолжалась.

Потом с площади уносили трупы безработных и солдат. Мёртвые, они были равны: все крестьяне, мулаты и негры только по одежде и различались. Погибли человек тридцать безработных и шесть солдат. Хоронили всех вместе, и весь город собрался на похороны. Срочно сколотили деревянные бараки для батраков. Префект, всё ещё встревоженный, велел зарезать несколько быков, чтоб накормить безработных, а викарий совсем перешёл на их сторону и собирал деньги среди населения, чтоб купить молока для голодающих детей.

Жоаким, Варапау и еще двадцать человек были арестованы как вожаки движения. Но в тот же день в Ильеусе и Итабуне началась всеобщая забастовка. Рабочие протестовали против арестов и требовали немедленного освобождения заключенных — Жоакима и крестьян, арестованных вместе с ним. Кроме того, они требовали, чтобы батракам была обеспечена выплата заработной платы, которую они получали в фазендах. Положение осложнялось.

В наскоро сколоченных бараках батраки обсуждали создавшееся положение. Несмотря на потери убитыми и ранеными, они были удовлетворены. Кое-чего они уже добились. О Жоакиме говорили с восхищением. Капи вдруг сказал окружавшим его людям:

— А если мы их освободим?

Негр Флориндо радостно засмеялся. Этот смех всех подхлестнул. Ночью человек пятьдесят вышли из бараков и атаковали тюрьму. Стража обратилась в бегство, заключенные были освобождены. Жоаким смеялся, обнимая негра Флориндо. В бараках их встретили песней, которая, хоть и была печальной, звучала сейчас как песня борьбы:

В печи сгорел Манека,
в час, когда начинался закат...

Город Итабуна запирал на засов двери зданий, женщины молились, мужчины говорили, что это знамение времени.

13

Забастовка все разрасталась, и префектуры Ильеуса и Итабуны решили принять срочные меры: обеспечить батракам, желающим вернуться в свои края, бесплатный проезд, а остальных вернуть туда, откуда они пришли, в фазенды, принадлежавшие теперь экспортёрам. Почти все вернулись на плантации, но уже не такими, как ушли, — теперь у них было чему научить товарищей. Теперь они знали что-то новое, и это новое сияло как свет.

Пришел день решать свою судьбу и для трёх друзей — Варапау, Капи и Флориндо. Капи решил уехать домой в Сеара. Варапау пошел по знакомой дороге в бывшую фазенду Фредерико Пинто. Жоаким дал ему указания, и Варапау вскоре начал бродить из фазенды в фазенду, принося с собой листовки, принося с собой слова борьбы и надежды. И никогда никому не

удавалось напасть на его след — ни полиции, служившей новым помещикам, ни зорким надсмотрщикам с плантаций, ни самым храбрым солдатам. Он приходил по ночам, и все дома были его домом.

Негр Флориндо не захотел вернуться в фазенду:

— Пойду в Ильеус; что я хочу — так увидеть Розу... — И он смеялся.

Жоаким тоже уехал. Полиция снова искала его повсюду, оставаться дольше в Итабуне было невозможно. Был дан приказ об его аресте, полицейский инспектор называл его «самым опасным из всех». Он уехал на грузовике, покрытом брезентом, спрятавшись между мешками какао.

14

В огромном порту, пустынном и чёрном, загороженном рядами складов и открытом морским волнам, на которых качаются грузовые пароходы, привозящие грузы из Австралии, увозящие какао в Филадельфию, в огромном порту Нльеуса, где бродят матросы и проститутки и где в глухой скорбной ночи блеснёт нередко острое ножа, негр Флориндо ищет Розу.

Роза скрылась, где она, Роза? Кто знает, быть может, деревья на холме захватили её в свои руки-ветки, завлекли её своими сердцами-корнями? Флориндо поднимался на холмы — там нет Розы. Где она, Роза? Может, бродит по городу, по освещенным улицам, там столько приманок для женщин... Или, может, танцует в каком-нибудь кабаре? Её цыганское платье похоже на одежду девушек из Баии. Флориндо прошёл по улицам, зашёл в бары — нет Розы.

Чёрный, пустынный порт... может, она ушла в море, в час, когда начинался закат, — вместе с волнами, вместе с ветром, вместе с морскими рыбами, вместе с утопленниками с яхты «Итакаре»? Какая ветреная ночь! Негр Флориндо идёт согнувшись, свет фонарей падает на его лицо, а за углом — странные тени, длинные тени, уходящие в море. На мосту зажглись огни, осветили горбатых бегунов — это негры с мешками на спине: какао для шведского корабля. Негр Флориндо проходит сквозь полосу света; может, Роза на ступеньках моста ловит раков-сири? Может, она, его зазноба, нацепив на бечёвку кусочек мяса, ловит сири для завтрашнего обеда? Роза — рыбачка, рыбы плавают вокруг неё... Но её там нет, кто знает, не сидит ли она сейчас за столом в плавучей таверне?

Какой-то матрос машет ему рукой, никогда Флориндо не видел такого толстяка. Он совсем наклонился над стаканом виски. Он совсем захмелел,

белобрысый шведский моряк, верно, много выпил, сегодня — день получки. Глоточек, Флориндо, а? На каком языке он говорит?

Вкусная водка, гринго! Виски переливается в стакане, будто морская вода — поневоле станешь думать о приключениях на море, об искателях жемчуга, о контрабанде оружия, об акулах, что отгрызают руки у матросов. Флориндо хочется увидеть на дне стакана глаза Розы. Но Розы нет. За окном пристань, словно переулок, упирается в тупик, из которого нет выхода. В глубине стакана, в переливающемся виски Флориндо видит только маяк далекого острова, огни кораблей, потонувшие в море, да лодки рыбацьи на черном просторе, вот всплыл и утопленник — мёртвый глаз... гляди-ка, он смотрит, он смотрит на нас... Выходи, утопленник! Флориндо ищет Розу в обманной глубине виски, за столиком бара. И в глазах проституток, что пьют за соседними столами. Где она, Роза? Пропала... Такая уж она есть, это и Варапау говорил — по ночам, при свете керосиновой лампы.

Шведский моряк смеется, он очень пьян, ведь сегодня — день получки. Хорошо б дать ему по морде, но Флориндо не хочет, очень уж вкусная водка, гринго! «До свиданья, парень». На каком языке он говорит? Никто не понимает, Розы нет. Там, за окном, густая темнота пристани давит на сердце Флориндо.

Надо пройти по всему порту, из конца в конец, от железной дороги до рынка, поискать в бараках, которые сотрясаются от ветра. Капи уехал, махнув рукой на прощанье с палубы корабля, поехал к жене. В его земле устраивают терно «Царей волхвов», Капи будет выступать в нём, наряженный Иродом. Надо пройти сквозь тьму между складами, где прячутся воры, заглянуть в пустые вагоны, свернуть в сторону Змеиного Острова, где самые дешевые проститутки продаются тут же, на улице, не сходя с места. Надо пересечь всю пристань, потому что Розы нет ни на холмах, ни в освещённых улицах, это ясно. Она на пристани, ни деревья, ни огни не смогли бы её удержать. Пристань — это убежище бродяг, кто ж этого не знает?

Корабль исчез, теперь на волнах только пена. «Где твоё смуглое тело, Роза?» Негр Флориндо спрашивает у прохожих, у кораблей, у проститутки, окликнувшей его сиплым голосом. В эту ночь на пристани огни фонарей — это глаза Розы. Он подходит к каждому — нету никого... Какой печальный свет! Ночью на пристани бродят влюблённые пары, ища уголки потемней. В темноте видны звезды и можно услышать любовные вздохи проституток и матросов. Море — чёрное, как чернила, мимо проходят матросы, чёрные, как уголь. Роза смуглая, кожа у ней коричневая, как сухое какао. Её белая

юбка будто из пены, негр Флориндо ищет её в пенных волнах. Но и пена морская смеется над ним...

Свет ударяет в мачты, и они словно гнутся, ломаются, а над ними — белый дым. Как-то раз Роза принесла на груди рыбу и бросила её вдруг на землю, смеясь над испугом Варапау... Живая рыба на груди, живёхонькая, ещё била хвостом... «Где твое смуглое тело, Роза?» Ты ушла с рыбами или с рыбаками? Капитан одного корабля сказал как-то в таверне: «На волнах», что в залива Ильеуса так много акул, тысяч, наверно, триста. Триста — это и правда много, они отгрызают руки и ноги у рыбаков.

А сколько водорослей у каждого моста, тоже, наверно, не меньше чем триста. Роза, смеясь, перебирала водоросли, а ветер гулял в её волосах. Все ветры играли в её волосах, северный и южный, и страшный ветер — норд-вест. Лодка была на привязи, а она лежала в лодке, свесив голову, и длинные волосы растекались по волнам. Казалось, это голова без тела, прямо из моря торчит, как страшно! Роза, сумасшедшая девчонка с пристани, сколько раз ты врала!

А сколько сказок рассказывала она! Чего только не выдумает! Никто с ней не сравнится, она как книга. Она рассказывала об утопленнике, что искал свой берег. Он спрашивал Розу, не знает ли она, где его берег. У мертвеца был открытый рот, рак-сири впился ему в грудь. Это было вранье, а будто правда. А что ты ушла, это тоже сказка? «Куда ты ушла, Роза, сумасшедшая врунья, смуглая девчонка с пристани?»

Море с мёртвыми островами... Кто же это сказал там, в таверне? Все какие-то сумасшедшие, несут околесицу! Негр Флориндо, какой глупый! Всему верит, всё забывает, и только вот сегодня вспомнил. Исчезла Роза куда-то, никто ничего не знает о ней.

Какой огромный этот порт, всё склады какао! Какао дает деньги, это хороший плод. Грузчики порта могут даже заплатить девушке... Негр Флориндо спрашивает о Розе у парочки влюбленных. Они даже перестали обниматься, выслушали его, хоть и очень торопятся, и правильно делают — у них времени-то мало.

— Мы не видали, нет...

Что это, разве он устал? Негр Флориндо не устает так скоро... Это усталость? Или боль? Роза убежала, куда она делась? Негр Флориндо всегда смеялся. Роза была с ним — ночью на плантациях, в голосе Варапау, в мыслях Флориндо, смеялась вместе с ним, как это было хорошо! Негр Флориндо всегда смеялся, теперь он забыл, что такое смех. Роза убежала, порт запирает свои склады. Вор, проходящий мимо, тоже не видел Розы и схватился за нож.

Нет, Флориндо не хочет драться. Он ищет Розу, чтоб с ней повстречаться. «Где же ты, куда ты ушла?» Спрашивать зачем? Розы нету, кто ж даст ответ... Какая длинная пристань, нет второй такой на свете. Матрос тоже её не видал — на его корабле её нет.

Флориндо купил гребень, он лежит у него в кармане, красивый гребень, украшенный стекляшками — блестят, как бриллианты. Это для Розы, чтоб расчесывала волосы и улыбалась. «Возьми гребень, Роза, расчеши волоса. Я куплю у торговца бусы, он поверит в долг. Они фальшивые, знаю, но других не нашел. А красивые, правда? Красивей настоящих — они для тебя. Варапау тебя позабыл, он вернулся назад, а Капи, ты знаешь, уплыл в родные края, он там выступит в роли Ирода-царя. Я один остался, чтоб искать тебя... Вон луна, Роза, — это зеркало для тебя. Не идешь, Роза? Утоплюсь сейчас».

Негр Флориндо не умеет больше смеяться, он сейчас утопится. Роза убежала, на пристани её нет, негр Флориндо сейчас утопится в море.

Роза пришла, подошла сзади, негр оборачивается, откуда она пришла? Хороша сумасшедшая Роза, не отвести глаз!

— Где же была ты?

— Ты хочешь знать?

Роза смеется, и негр смеется, смеяться так хорошо!

— Ты хочешь знать? Лучше не знать...

Роза, чего ты хочешь? Губы Розы, о, губы Розы, тело Розы так близко, близко... Роза, возьми свой гребень, тебе не нужны бусы, не нужна луна, только лодка тебе нужна.

— Ты обо мне тосковал?

— Я хотел топиться сейчас...

Негр Флориндо уже утопился, утонул в теле Розы, в темноте пристани. Смеяться так хорошо!

15

Капитан Жоан Магальяэс даже в Ильеусе не хотел оставаться. Дона Ана тоже не хотела, ей было стыдно перед людьми, ей казалось, что все смотрят на неё с презрением, теперь, когда у нее уже не осталось ничего в землях какао. Фазенда была продана на аукционе за более дорогую цену, чем ожидали, потому что Шварц начал оспаривать её у Зуде, и между ними завязался долгий, безобразный спор. Это нарушало молчаливый договор, существовавший между экспортерами: тот, кто был кредитором помещика,

забирал его земли. Шварц нарушил этот закон, и только поэтому у капитана после продажи осталось немного денег. Они могли открыть лавчонку в Пиранжи, Жоан Магальяэс получил такое предложение. Дона Ана была против этого. Да и сам капитан решил покинуть эти земли, никогда не возвращаться. Его тесть говорил, что вязкий сок какао прилипает к ногам людей, приклеивает навсегда к этой земле, никто не может бежать отсюда. Но капитан Жбан Магальяэс, после тридцати лет жизни здесь, решил бежать и никогда не возвращаться.

Они уехали в Баию, открыли пансион неподалеку от порта. В их пансионе останавливались люди, едущие в Ильеус и возвращающиеся из него, — вязкий сок какао все-таки прилипал к ногам. Дона Ана давала приказания служанкам на кухне, согнувшись над кастрюлями, волосы её поседел, смуглое лицо постарело и осунулось.

Да, вязкий сок какао прилипал к ногам. Так всегда говорил Синьо Бадаро по вечерам, когда вся семья собиралась вместе... Жоан Магальяэс открыл пансион, ничто теперь не связывало его с Ильеусом, у него не было больше земель, ни одного какаового дерева, и всё, что у него осталось от прежней жизни, — это попугай Шико, голос которого, резкий и пронзительный, разносился по пансиону, отдавая приказания несуществующим батракам, выкрикивая рабочие песни плантаций, созывая кур на кормёжку и бессмысленно повторяя фразу, сказанную когда-то капитаном Жоаном Магальяэсом:

— Дона Ана, мы снова разбогатеем...

И попугай заливался громким хохотом, вызывая слёзы на глазах доны Аны и заставляя болезненно сжиматься сердце Жоана Магальяэса.

Ничто теперь не связывало Жоана Магальяэса с землей какао, куда он приехал на пароходе тридцать лет назад. И все-таки первое, что он искал по утрам в газете, была цена на какао; и если она повысилась, он врвался в кухню с газетой в руке, взволнованно крича:

— Повышается, дона Ана, уже двадцать две тысячи рейс...

Она тоже интересовалась, брала газету, они читали вместе, обсуждали. Шико смотрел из своей клетки, иронически прищурил глаз.

Как-то вечером, когда жизнь в Ильеусе уже шла своим порядком, — кризис стихал, экспортёры хозяйничали на плантациях, — Жоан Магальяэс и дона Ана вышли прогуляться по улицам Баии. Случилось так, что они сели на скамью рядом с огромным зданием Института какао, которое было выстроено по распоряжению правительства в период повышения цен. Долго и грустно смотрели они на это здание. Из Ильеуса приходили вести, что падение цен кончилось, что цены снова начали расти, что фазенды в

руках экспортеров приняли такой вид, что просто диво... Они смотрели на здание Института какао. Тень здания, огромная в лунном свете, падала на них.

— Высоко вознеслось... — сказала дона Ана Бадаро.

Жоан Магальяэс знал, что она говорит о какао.

— Правда... — ответил он. — Слишком высоко для нас, моя старушка...

Это первый раз в жизни он назвал её «моя старушка». Волосы доны Аны совсем поседели. И когда оба поднялись со скамьи и пошли по направлению к пансиону, это были два старика, которым уже нечего было делать в жизни. Тень Института какао провожала их некоторое время, стелясь по дороге.

16

Как-то раз поздним вечером, возвращаясь после свидания с Жоакимом на холме Конкиста (со времени беспорядков в Итабуне Жоаким опять скрывался в доме друзей, руководя революционным движением из подполья в ожидании момента, когда можно будет вернуться к легальной работе), поэт Сержио Моура встретил полковника Манеку Дантаса. Полковник жил теперь в маленьком доме, неподалеку от кладбища. Иногда по вечерам он ходил смотреть на город, там, внизу.

Манека уже давно чувствовал симпатию к Сержио. Они присели на скамью возле кладбища и разговорились. Беседовали о жизни, о падении цен, о захвате земель экспортёрами. Манека Дантас был настроен грустно. Он сказал:

— Мы всю жизнь провели на плантациях, вырубали лес, сражались, убивали, проливали христианскую кровь...

Сержио слушал с интересом. Манека Дантас смотрел на огни Ильеуса:

— Мы сажали какао, создавали плантации, никогда-то мы не отдыхали, не развлекались. Мы всё это делали для сыновей. И вот видите, сеньор Сержио, из наших сыновей ничего не вышло, они на то только и годны, чтоб пить водку и гулять с девками... — Он подумал о Руи. — Или ещё похуже... Для этого не стоило столько работать, как мы работали...

Он замолчал. Поэт молчал тоже. Манека Дантас заговорил снова:

— А теперь ещё наши земли забрали, обездолили нас, сделали нищими... Я старик, сеньор Сержио, зачем я столько работал, убивал людей, зачем пятьдесят лет хоронился в лесу? К чему я делал это? Чтоб

умереть бедняком?..

Поэт указал на огни города, там, внизу:

— Вот для этого, полковник! Игра стоила свеч. Всё в этом городе сделали вы... Разве этого мало?

Манека Дантас согласился без энтузиазма и без радости.

— Только всё это теперь не наше...

Когда на следующий вечер Сержио снова пришел к Жоакиму, он рассказал ему о разговоре с Манекой Дантасом.

Жоаким поднялся и сказал:

— Товарищ Сержио, их время прошло... Теперь — время экспортёров, время империализма. Но и это время пройдёт. Они скоро передерутся между собой.

Сержио сообщил:

— Карбанкс и Шварц уже дерутся. Интегралисты сражаются с Карлосом Зуде...

— Вот видите! С одной стороны — немцы, с другой — американцы... Их время тоже кончится, начнётся наше время, товарищ Сержио...

Они вышли вместе и пошли по направлению к кладбищу. Там, внизу, сиял огнями город. Поэт Сержио Моура видел перед собой дракона, протянувшего над Ильеусом свои когтистые лапы, стоголового дракона с жадной пастью. И поэт подумал, что если накануне он беседовал с прошлым, то теперь беседует с будущим. Жоаким говорил убежденно, глубокий его голос словно исходил из самого сердца, полного веры:

— Сперва земля принадлежала помещикам, которые её завоевали, потом земля поменяла хозяина, попала в руки экспортёров, которые будут обкрадывать её. Но придет день, товарищ, когда на этой земле не будет больше ни господ...

Его голос летел к высоким звездам, над огнями города:

— ...ни рабов...

17

Так мало значения придал Карлос Зуде анонимному письму («Он кроткий», — говорил Рейнальдо Бастое знакомым), что даже ничего не сказал о нём Жульете. Проходили недели, он совсем забыл о письме. Как-то вечером, вернувшись из конторы, он застал Жульету за чтением. Он обнял её, поцеловал. Он был доволен. Дела шли хорошо, и Карлос Зуде, очень любивший жену, чувствовал, что уж близко время, когда он сможет

посвятить себя целиком ей, когда жизнь вознаградит его за такую долгую, утомительную работу. Теперь как раз время завести ребёнка, он всегда мечтал иметь сына, мечтал, что даст ему образование в английском или американском колледже. Их ждал новый мир, далёкий, совсем непохожий на этот мир какао.

Он будет получать колоссальные доходы от фазенд и экспортной фирмы, он сможет теперь исполнять любые, самые безрассудные капризы Жульеты.

Он взял из рук Жульеты книгу и полистал её, не читая. Он смотрел на Жульету: она все молодеет и хорошеет. А вот он, Карлос, постарел за последнее время. Эти годы борьбы, опасных маневров, постоянных волнений, состарили его; в волосах его прибавилось седины, и это уже не была та романтическая седина, которая нравится женщинам.

Когда он снова взглянул на книгу, он прочел подпись Сержио Моура на белой странице для посвящения. Эта книга была подарком поэта. Тогда Карлос вспомнил о письме, но вспомнил как о чём-то нелепом я в то же время смешном. Тот простой факт, что парень, занимающийся стихоплётством, дарит женщине книгу, эти полковники сразу же превращают в адюльтер. Отстальные люди, тёмные, абсолютно неспособные понять мир, в котором живут. То, что теперь положен конец их хозяйничанию, — величайшее благодеяние для всей зоны какао. Карлос Зуде был доволен собой и решил рассказать Жульете об анонимном письме. Она сидела на том же месте, только высвободилась из его объятий; через открытое окно было видно море. Карлос Зуде сел рядом с нею на кровать:

— Помнишь, я рассказывал тебе о моей ссоре с капитаном Жоаном Магальяэсом?

— Да, — отозвалась она.

— Так вот, в тот самый день, попозже, мне принесли вечернюю почту. Нет, конечно, капитан не мог этого сделать, слишком мало времени прошло. Должно быть, кто-нибудь из полковников, из тех, что промотали деньги, а потом не хотели платить... Определенно, один из них...

— Ты о чем? — спросила Жульета, продолжая смотреть на море.

— Я получил анонимное письмо. Там говорилось, что ты — любовница этого парня, Сержио Моура... — Он весело засмеялся. — До чего же глупо! Я тебя уверяю, я никогда не думал, что полковники будут так вести себя. Один убил Раушнинга, другие окопались в своих фазендах, капитан набросился на меня с кулаками, ещё кто-то пишет пакостные анонимки... Я думал, что они будут вести себя тихо. Я ошибся...

Навсегда в сердце у него останется эта заноза: неправильно понял он

полковников. Ошибся, приходится признаваться. Хотя, впрочем, ошибался он или нет — результат один и тот же. Теперь они, экспортеры, стали «хозяевами земли». Жульета молчала, а Карлос Зуде улыбался своим мыслям, он чувствовал, что мечты его сбылись. Вдруг Жульета встала, подошла к окну и, стоя спиной к мужу, заговорила:

— Я хочу сказать тебе одну вещь, Карлос... Это не ложь, нет...

Карлос Зуде не понял, что слова её имеют отношение к письму.

— Что не ложь?

Она слегка повернула голову. Он был для нее сейчас как больной, которому должны отнять руку. Операция мучительная, но необходимая.

— Письмо... Я — любовница Сержио...

Он смотрел на неё вытаращенными глазами, беспомощно уронив руки, словно вся жизнь вдруг остановилась для него. Он был достоин жалости, и Жульета почувствовала жалость:

— Прости. Я поступила нечестно... Я должна была давно тебе сказать, когда это только началось... Я не решалась... Да я и думала тогда иначе, чем сейчас. Прости, Карлос.

Он молчал, как немой. Он смотрел на неё и не верил. Это уничтожило его, он чувствовал себя так, словно его долго били по голове чем-то тяжелым.

Жульета прошла по комнате. Ей нечего было больше сказать Карлосу. Но так как он все молчал, она попыталась объяснить как-нибудь:

— Это потому, что с самого начала всё было ошибкой. Весь наш брак...

Только тогда Карлос Зуде заговорил:

— Это правда?

Не было ни угроз, ни резких движений, ни криков. Не было никаких бурных сцен. Он был раздавлен. Он потерпел кораблекрушение и не мог достичь берега. Жульете хотелось ободрить его:

— Будь терпелив... Я не так уж нужна тебе. У тебя есть твои дела, твоя жизнь, твой мир. По-своему ты победитель. Ты сражался и выиграл сраженьё...

Слова Жульеты медленно возвращали его к действительности.

— Я думал, ты будешь моей помощницей... Я думал...

Ему хотелось сказать многое, но не стоило. Хотелось плакать. Слез не было, словно ком застрял в горле. Он чувствовал пустоту в груди. У него даже не было сил встать. Сердце Жульеты сжалось, ей было бесконечно жаль его. Она подошла, села рядом с ним на постели, взяла его за руку:

— Бедный мой, дорогой... Ты был так добр ко мне... Мне не в чем

тебя упрекнуть. Ты можешь думать обо мне всё, что хочешь, но...

Карлос постепенно приходил в себя. Теперь в словах Жульеты он видел слабую надежду. Трудно забыть это, трудно простить. Но он любил её так, что был готов забыть и простить. Самое главное — не потерять её. В комнате стояла тишина, только море шумело за окном, разбиваясь о берег. Карлос искал слов и не находил. Трудно было выразить то, что он хотел сказать:

— Жульета, я люблю тебя... Ты для меня всё... Ведь для чего-нибудь же люди борются, мучаются, совершают сделки, губят других. Для чего-нибудь. Я это делал для тебя. Я знаю, что я это время мало бывал с тобой, но ведь я работал, как вол... Я тоже отчасти виноват в том, что случилось. Но если этот каприз, если это твое безумие уже прошло, забудем всё, сегодня же, сейчас же всё забудем и уедем. Поедем путешествовать, теперь мы уже можем себе это позволить. Уже не нужно, чтоб я здесь всё время находился. Помнишь, я когда-то обещал тебе, что мы отправимся путешествовать, что когда-нибудь эта ссылка кончится для нас, что в один прекрасный день мы станем хозяевами земли и сможем уехать отсюда? Ну так вот, мы уже сейчас — хозяйева земли. Давай забудем всё. Слово ничего и не было.

Сердце Жульеты сжималось от жалости. Ей было так жаль его, что на мгновение она подумала, что нужно остаться, отказаться от всего, снова окунуться в эту страшную топкую грязь. Она, Жульета, нужна этому человеку. У него фазенды, отнятые у полковников, у него экспортная фирма. А ему нужна она, Жульета. Но надо было подавить в груди это чувство жалости, иначе она погибла. Чтобы спастись, она должна переступить через Карлоса, может быть, даже переступить через Сержио.

— Будь терпелив, Карлос. Это не каприз и не безумие. Я пошла на это, чтобы бежать от того, что окружало меня... — Она повела рукой вокруг. — От твоих дел, от твоего грязного мира... Я сама не понимала, я приходила в отчаяние, на меня находила хандра, помнишь? Твой мир... Ты думаешь, мне нужны путешествия, роскошь, балы и нарядные платья? Ничего этого мне не нужно... Я хочу уйти от этой жизни, от этой страшной грязи, такой страшной...

Он начинал понимать. Тень отчуждения легла между ними. Жульета почувствовала это и обрадовалась, так как подумала, что Карлос сможет жить без неё, каких бы страданий это ни стоило ему вначале.

— Грязь, говоришь ты? А что же тебя кормит, как не эта грязь? Торговые дела так и делаются: выигрывает тот, кто хитрее, так всегда было... Ты не считала, что это грязь, пока не познакомилась с этим

типом...

— Не волнуйся, Карлос, Я тебя ни в чем не обвиняю. Это твоя жизнь. Но просто мне она не нравится, и я не хочу больше так жить...

— Ты уходишь? — Он снова весь поник, снова чувствовал вокруг пустоту, снова испугался.

— Ухожу, Карлос. Но не обманывай сам себя. Тебе будет тяжело только в первое время. У тебя есть твои дела, твои фазенды, твои новые фазенды, ты даже и не вспомнишь обо мне... Так лучше...

Он молчал, опустив голову, глядя в пол.

— Я ухожу, никто не узнает почему, никакого скандала не будет. Ты придумай какую-нибудь историю. Потом потребуешь развода, это ведь тебе ничем не повредит. Ты забудешь меня. Кто знает, может быть...

Карлос понял, что она жалеет его, и возмутился:

— Раз уж ты уходишь, то, пожалуйста, обо мне не беспокойся. Я сам о себе позабочусь... — Он снова входил в роль хозяина дома. — Сколько тебе нужно?

— Ничего, Карлос. Я давно хотела поговорить с тобой. Да всё откладывала. Хорошо, что ты заговорил сегодня об этом письме. Я давно уже всё подготовила... Я возьму только то, что принесла из дома матери... Мне этого хватит, пока не устроюсь на работу.

Этого Карлос Зуде уже не мог снести. Полная независимость... полный разрыв... Это ранило его сильнее, чем все остальное. Он вспыхнул:

— Устроишься? Разве что проституткой...

— Нет, Карлос. Где-нибудь устроюсь.

Ей снова стало жаль его. Он был оскорблен и печален. Она подошла к нему:

— Я не хочу уходить отсюда твоим врагом. Я хочу, чтоб ты понял...

Карлос встал, он был почти спокоен. В голосе его звучала грустная покорность:

— Я никогда не пойму. Я люблю тебя...

Жульета покачала головой. Она стала собирать вещи. Карлос снова сел на постель и наблюдал за ней. Множество мыслей проносилось у него в голове. Одно он сознавал ясно: он не может сейчас уехать из Ильеуса — рано ещё. Пусть идёт, она сломает себе шею и, наверно, вернется. А он? Примет её? Он задумался.

— Если ты когда-нибудь вернешься... Этот дом — твой...

Жульета пошла в Коммерческую ассоциацию. Окна были закрыты, Сержио Моура собирался уходить. Огни огромной люстры освещали зал, где Сержио, один-одинёшенек, завязывал галстук перед зеркалом. Жульета

вошла, он её поцеловал:

— Что ты делаешь на улице в такой час?

— Сержио, где твоя чёрная птица?

— Там, на веранде.

— Принеси её...

Он вышел и вернулся с клеткой, которую передал Жульете. Птица проснулась от яркого света. Жульета открыла окно.

— Подари мне эту птицу. Хорошо?

— Она твоя. — Сержио удивленно смотрел на неё.

Она поставила клетку на окно и открыла дверцу. Птица выпрыгнула на подоконник, с минуту помедлила в нерешимости, потом вдруг взвилась в воздух и улетела в ночь, необозримую и свободную, опустившуюся над соседним садом. Сержио подумал: уж не пьяна ли Жульета? Что всё это значит, чёрт возьми? Она повернулась к нему, сияющая:

— Знаешь, любимый, я тоже свободна...

— Свободна?

— Я все сказала Карлосу, мы расстались.

Поэт испугался:

— Сказала?

Она утвердительно кивнула головой. Она смотрела на Сержио — он тоже был пленником, ноги его увязли в грязи. Но чтоб быть свободной, она готова была переступить даже через него.

— Я ухожу, понимаешь? Куда — не знаю, но ухожу. Не знаю, что буду делать, но ухожу. — Она добавила робко: — Может быть, когда-нибудь я смогу работать для этого нового мира, о котором говорил Жоаким...

Сержио улыбнулся, он заговорил языком литературы:

— Творение ускользает от своего творца...

— Я люблю тебя, ты это хорошо знаешь. Я многим обязана тебе. Потому-то я и пришла. Я говорю тебе: пойдём со мною. Порви эти путы, которые связывают тебя. Уйдём вместе... Вдвоём будет легче, лучше...

Он слушал её молча, литература не помогала, ничего не могла разрешить. Ни ирония не помогала, ни страсть. Жульета уходила. И звала его:

— Сержио, я пришла за тобой. Я тебя очень, очень, очень люблю. Но если ты не захочешь идти со мной, не сможешь вырваться из плена, я все равно уйду, одна, я не хочу гибнуть...

Он молчал. Лицо его стало очень серьёзным и как-то вытянулось. Он был похож на большую ночную птицу. Никогда ещё она не видела его таким.

— Сержио, как-то раз Жоаким сказал мне: «Нет хорошей или плохой глины. Все сделаны из одной и той же глины, важно только суметь выбраться из грязи, которая окружает...» Это правда, Сержио. Теперь я поняла это и потому ухожу. Я хочу и тебя увести...

Глаза Сержио Моура были устремлены в ночь, куда улетела его птица. В ночь, необозримую и свободную. В ночь, где загоралась живым светом новая звезда.

Жульета взяла со стола шляпу Серждо Моура, надела ему на голову, протянула руку и сказала:

— Пойдём, любимый...

18

В пустынном порту Ильеуса, где не видно было ни одного корабля, двое нищих стариков просили милостыню. Это были батраки, выгнанные с плантаций. Они были одеты в лохмотья, у них были огромные руки и ноги с растопыренными пальцами. Они пели песню, сложенную на плантациях какао. Антонио Витор бросил им в чашку монету в двести рейс и вышел на середину улицы.

Сегодня его плантация была продана с аукциона. Ее купила фирма «Зуде, брат и К°» за такую низкую цену, что даже на уплату долгов не хватило. В конторе Карлос Зуде напомнил ему про кутежи с Вампирессой. Антонио Витор слушал, опустив голову. В начале этого года Вампиресса уехала, взяв у него последние деньги. А Раймунда ничего тогда не сказала и продолжала каждое утро выходить на работу, как обычно. Она казалась равнодушной ко всему, падение цен так же мало трогало её, как раньше повышение. Муж и жена никогда ни словом не обмолвились о случае с Вампирессой. Раймунда ни разу не позволила себе ни одного намёка. Наоборот, она даже казалась как-то веселее в этот страшный год, потому что Жоаким вышел наконец из подполья и нашел работу в одном маленьком гараже. Потому-то Раймунда была весела и даже пела, разрезая ножом первые плоды этого проклятого урожая. Антонио Витор тоже вернулся к работе на плантации; в этот год он нанял только трёх батраков, и старый дом, где он жил с женой до постройки нового, стоял пустой. Постепенно Раймунда начала перебираться в старый дом: сегодня снесёт одно, завтра другое. В конце концов они все-таки ушли из нового дома, Антонио Витор даже сам не заметил, как это случилось. Он только видел, что Раймунда больше не грустит, и это утешало его.

Как-то вечером он получил вызов в Ильеус — в суд. Его плантация была назначена к продаже с аукциона. Однако Карлос Зуде обещал продлить срок уплаты... Он показал вызов Раймунде. Она испугалась:

— Они хотят отнять нашу землю, Антоньо...

Он поехал в Ильеус, был на аукционе, видел, как Карлос Зуде купил плантацию за бесценок. Потом экспортер говорил ему про Вампирессу и про терно Иписилоне. К чему? Ведь Карлос Зуде отнял у него всё, зачем ещё напоминать ему о прежних глупостях? В конце концов экспортер предложил Антонио место надсмотрщика в одной из своих фазенд... Триста тысяч рейс жалованья. Антонио сказал, что ещё подумает.

За его спиной, на улице, слышится песня нищих:

Какао — хороший плод,
и я — неплохой батрак...

Он и сам не знал, почему захотелось ему повидать сына. «Какао — хороший плод...» Сын много чего знает, он не захотел остаться на плантациях, в конце концов прав-то оказался он... Антонио остановился у двери гаража, наверно, он был похож в эту минуту на пьяного, потому что парень, который мыл грузовик, засмеялся. Жоаким вышел из гаража.

— Отец!

Они вместе пошли по улице, Антонио Витор всё рассказал сыну. Даже про Вампирессу рассказал. Теперь у него нет больше земли, ничего больше нет.

— Твоя мать умрёт, когда узнает, Жоаким...

Жоаким старался ободрить его. Он заговорил о будущем, но всё это не интересовало Антонио Витора. Сын говорил, что настанет день, когда земля будет принадлежать всем и Карлосам Зуде придёт конец. Но Антонио Витор не верил, что это возможно. Пока сын говорил, он обдумывал, принять ли ему предложение Зуде или нет.

«Это триста тысяч рейс, я смогу каждый месяц откладывать понемногу. Кто знает, может, когда-нибудь я снова смогу купить кусочек земли?»

На станции он благословил Жоакима. Поезд отошел в Итабуну, паровоз загудел на крутом повороте пути. У них оставалось восемь дней, чтоб покинуть плантацию.

Раймунда выслушала новость почти равнодушно. Все эти восемь дней она продолжала работать на плантации, разрезая плоды какао. Антонио Витор решил переехать к зятю, пока Карлос Зуде не решит, в какую фазенду его определить. Раймунда каждое утро шла работать на плантацию, словно они никуда не уезжали, словно эта земля все еще принадлежала им.

Настал восьмой день. Антонио Витор позвал Раймунду и сказал, что надо складывать вещи.

Она мрачно спросила:

— И ты отдашь им плантацию?

Он с испугом взглянул на жену.

— Но как же...

— Уходи, коли хочешь. Я не пойду, нет... Я останусь здесь и не отдам мою землю. Не отдам, нет...

Он улыбнулся и сказал:

— Тогда останемся...

В полдень пришел служащий торгового дома «Зуде, брат и К°», чтобы оформить передачу плантации во владение фирмы. Антонио Витор прогнал его, служащий поехал в Пиранжи, чтобы связаться по телефону с патроном.

Настала ночь. Антонио и Раймунда знали, что люди Зуде уже в дороге и направляются к их плантации. На те фазенды, где хозяйева сопротивлялись, всегда устраивали облаву по ночам. Люди, производившие облаву, официально именовались полицейскими, но все знали, что это бандиты, известные меткостью в стрельбе. Антонио Витор и Раймунда вышли из старого глинобитного дома, у обоих были ружья за спиной. Они спрятались под деревом гуявы, у дороги. Они ждали. Ночь была тихая, лунная, звездная — хорошая ночь для засады. Антонио Витор вспомнил другие ночи во время борьбы за Секейро Гранде, когда он косил людей на дорогах своими меткими выстрелами. Дорого стоила ему эта земля, кровь проливалась из-за неё; нет, не отдаст он эту землю. Раймунда права.

Они молчали. Он взглянул на неё и впервые не увидел на лице Раймунды обычного недовольства. Лицо было спокойное, тихое. Антонио Витор сказал:

— Когда я был в Ильеусе, я видел Жоакима. Я благословил его...

Она улыбнулась:

— Ты хороший...

— Он тоже хороший. Это я тогда голову потерял...

Они снова умолкли. Издалека, еле уловимые, слышались шаги приближающихся людей. Антонио Витор повернулся к Раймунде:

— Я тогда голову потерял... Даже спутался с дурной женщиной... Бросил тут тебя одну...

— Ты поступил правильно, тебе это было нужно, я уже не годилась... Ты поступил правильно, я не сержусь...

Он засмеялся, шаги звучали всё ближе. В лунном свете он различал вооруженных людей, идущих по дороге. Их было двенадцать. Пускай... Они ждали, пока люди подойдут ближе. И снова Антонио Витору захотелось сказать Раймунде слова, которых он никогда не умел найти, снова захотелось приласкать её так, как он не умел ласкать. Он заметил только:

— Они уже подходят...

— Уже...

Прицелились. Раймунда выстрелила первая. Выстрел Антонио был метким, парень упал на дорогу. Другие бросились бежать с открытого места, нырнули в кустарник и подходили теперь к Антонио и Раймунде из-за деревьев. Перезарядили ружья. Раймунда подалась вперёд, взвела курок и прицелилась в человека, смутно видневшегося между деревьями. Выстрелили одновременно: пуля Раймунды не долетела до цели, потерявшись среди какаовых деревьев, пуля полицейского попала в грудь Раймунде, она упала на землю, лицом вниз. Антонио Витор наклонился над ней, рука его запачкалась кровью.

— Мунда!

Он повернул её голову, она улыбалась, да, она улыбалась! От земли шёл густой, пряный запах — добрая земля для разведения какао. Он не отдаст свою землю. Нет, Мунда, не отдаст!

Он встал, люди уже окружали дерево гуявы. Он вскинул ружье, прицелился и выстрелил в последний раз. В последний раз.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

Примечания

1

Арроба — мера веса, равная 15 килограммам.

2

Хороший (*англ.*).

Сертаны — внутренние засушливые районы Бразилии.

4

Конто — миллион рейс.

Спиртные напитки *(англ.)*.

6

Сабиá — бразильский соловей.

Сказочный корабль, о котором поется в народных романсах.

Имеется в виду установление диктатуры президента Варгаса.

Абесе — народное сказание в стихах, повествующее о каком-нибудь герое или событии. Каждая строфа абесе начинается с новой буквы алфавита.

Анауэ — приветствие интегралистов, заимствованное ими
националистских целях из индейских наречий.

11

Ненормальный, человек с расстроенным умом (*франц.*).

Варапау — жердь, верзила.

Терно — праздничная процессия с пением под аккомпанемент народных инструментов.

«Бумба-меу-бой» — игровое народное представление, в котором принимают участие ряженые.

Кандомбле — религиозный обряд бразильских негров, а также площадка, на которой он происходит.

Террейро — площадка или помещение, где происходят религиозные праздники.

Наго — суданский негр.

Содержатель кабаре (*франц.*).

Певичка (*франц.*).

Крупный заголовок (*франц.*).

Руи Барбоза (1849–1923) — знаменитый публицист, писатель и политический деятель Бразилии.

Тостан — старинная бразильская монета, равная 100 рейсам.